Теодора Толева

АВСТРО-ВЕНГРИЯ И СТАНОВЛЕНИЕ АЛБАНСКОЙ НАЦИИ 1896–1908

МОСКВА
2018

УДК 94
ББК 63.3(4)
Т 52

Редколлегия:
Л.А. Авакова, *Л.А. Кирилина*, *К.В. Никифоров* (отв. ред.)

Рецензент:
К.и.н. *П.А. Искендеров*

Толева Т.

Т52 Австро-Венгрия и становление албанской нации / Перевод с болгарского А.С. Добычиной, Н.С. Гусева, А.А. Леонтьевой. Предисловие к российскому изданию А.А. Улуняна. — М.: Институт славяноведения РАН, 2018. — 504 с.

ISBN 978-5-7576-0422-0

В книге болгарской исследовательницы Т. Толевой рассматривается одна из сторон сложного процесса формирования албанской нации. Опираясь на секретные документы из архивов Вены, автор демонстрирует роль Австро-Венгрии и ее представителей в «создании» албанцев, необходимых ей в качестве противовеса православным народам Балкан. Показаны процесс выработки программы проникновения в регион и ее непосредственная реализация — официальные и неофициальные действия дипломатических представителей, усилия в сфере образования и религии, работа над формированием литературного языка, появлением периодической печати и др. Текст сопровождается обширным приложением, в котором впервые публикуются документы, связанные с этой проблематикой. Книга представляет интерес для специалистов по истории Балкан и Австро-Венгрии и для широкого круга читателей, интересующихся прошлым региона и процессами нациообразования.

УДК 94
ББК 63.3(4)

© Текст — Т. Толева
© Перевод — А.С. Добычина, Н.С. Гусев, А.А. Леонтьева
© Предисловие к российскому изданию — А.А. Улунян
© Институт славяноведения РАН

ISBN 978-5-7576-0422-0

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к российскому изданию 5

От автора 14

Введение, или как я пришла к исследуемой теме 15

Глава I. Организация внешней политики Австро-Венгрии 24

Глава II. План об Албании, или венская рациональность и иррациональность 53

Глава III. Утверждение плана: дипломатические риски и долгосрочные прогнозы 102

Глава IV. Инициативы Вены по отношению к Османской империи, или тревоги одного народа между двумя империями 146

Глава V. Путешествия австро-венгерских консулов к албанцам-мусульманам или начало романтической конспирации 172

Глава VI. Религиозное покровительство: между традицией и будущим 211

Глава VII. Монсеньор Примо Доки — идеалист, герой или авантюрист? 242

Глава VIII. Язык — великая объединительная сила 275

Глава IX. Школы — трудное начало 315

Глава X. Пресса, или как Вена начала писать по-албански 357

Заключение 393

Приложение I. Меморандум Иппена, апрель 1897 г. 403

Приложение II. Воспоминания об албанском национальном движении. Брюссель, январь 1899 г. 409

Приложение III. Политическая деятельность Императорского и Королевского министерства иностранных дел в 1897 году в Албании 434

Приложение IV. Состояние национального движения в Албании в конце 1901 г. и связи Императорского и Королевского правительства с ним 452

Приложение V. Меморандум об Албании (с конца 1901 до начала 1905 года) 467

Приложение VI. Действия Австро-Венгрии 487

Вспоминая Теодору Толеву 502

ПРЕДИСЛОВИЕ К РОССИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Одной из особенностей развития балканской историографии в конце XX — начале XXI в. стала активная научная деятельность исследователей из стран региона в зарубежных научных центрах и публикация их работ на иностранных языках с последующим переизданием в собственной стране. Этот парадокс оказался во многом обусловлен расширением присутствия балканских учёных-историков в европейской и американской исторической науке в условиях присоединения Балкан к Европе после окончания Холодной войны и актуализации интереса к Балканскому региону в период кризиса в бывшей Югославии в 90-е годы XX в. и в начале 2000-х годов. Судьба молодой и рано ушедшей из жизни болгарской исследовательницы Теодоры Тодоровой Толевой (1968–2011.) является одним из ярких примеров вхождения балканских историков в европейскую науку и занятия в ней особых позиций. После обучения истории и теологии в университетах Софии, Парижа и Барселоны, Т. Толева активно занялась историческими аспектами этнополитических проблем Балкан конца XIX — начала XX вв., а также отдельными вопросами так называемого Восточного кризиса и местом народов Османской империи в планах европейских Великих держав. Главным направлением её исследований стала внешняя политика Австро-Венгерской империи на Балканах, и первой работой Т. Толевой в этой области была защищённая ею в 2008 г. в Университете Барселоны диссертация «Влияние Австро-Венгрии на создание албанской нации 1896–1908 гг.» В 2009 г. она была опубликована в виде монографии в городе Клагенфурте — столице федеральной австрийской земли Каринтия на немецком языке в издательстве, носящем красноречивое, в честь известного ритора эллинистической

эпохи Гермагора из Темны, название[1]. В 2012 г. книга была издана в Болгарии[2], а в 2016 г. в Сербии[3] и Испании[4].

С момента своего появления эта работа, являющаяся частью монографической серии книг Т. Толевой, включавшей опубликованные после её кончины на европейских языках и болгарском языке монографии «Внешняя политика Дюлы Андраши и возникновение Македонского вопроса» и «Геноцид и судьба армянского народа»,[5] вызвала острую полемику в международном академическом сообществе. Это нашло своё отражение и в современном интернет-пространстве, где в болгароязычной версии всемирной электронной энциклопедии «Wikipedia» появилась посвященная книге отдельная статья «Влиянието на Австро-Унгария за създаването на албанската нация» с изложением основных и исключительно дискуссионных по своему содержанию тезисов этой работы[6]. В общественно-политических и политизированных кругах отдельных балканских стран предпринимались не закончившиеся до сих пор попытки использовать публикацию Толевой по «албанской проблеме» как аргумент для доказательства своей позиции и оправдания собственных этноцентрических конструктов и теорий, имеющих

---

[1] Toleva T. Der Einfluss Österreich-Ungarns auf die Bildung der albanischen Nation 1896–1908. Klagenfurt: Hermagoras, 2009.

[2] Толева Т. Влиянието на Австро-Унгария за създаването на албанската нация. 1896–1908. София: Сиела, 2012.

[3] Толева Т. Утицај аустроугарске империје на стварање албанске нације 1896 – 1908. Београд: Филип Вишњић, 2016.

[4] Toleva T. La influencia del Imperio austrohúngaro en la construcción nacional albanesa, 1896–1908. Madrid: Sintesis, 2016.

[5] Толева Т. Външната политика на Дюла Андраши и възникването на Македонския въпрос. София, 2013; пак тя. Геноцид и съдба на арменския народ. София, 2014.

[6] Влиянието на Австро-Унгария за създаването на албанската нация. Уикипедия. Електронен ресурс. — https://bg.wikipedia.org/wiki/%D0%92%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D0%BD%D0%B8%D0%B5%D1%82%D0%BE_%D0%BD%D0%B0_%D0%90%D0%B2%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE-%D0%A3%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B8%D1%8F_%D0%B7%D0%B0_%D1%81%D1%8A%D0%B7%D0%B4%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D1%82%D0%BE_%D0%BD%D0%B0_%D0%B0%D0%BB%D0%B1%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B0_%D0%BD%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (Дата обращения: 09.01.2018).

ярко выраженный антиалбанский характер[1]. В противоположность нередко политизированным заявлениям об имманентно присущей отдельным этносам враждебности в отношении соседних народов в современной историографической традиции отдельных Балканских стран появляются объективные научные работы, опровергающие подобную точку зрения[2].

Основной постулат Т. Толевой, заявленный ею уже в начале книги, включает два взаимосвязанных тезиса: отсутствие албанской нации в XIX в. и активное участие правящих кругов Австро-Венгрии в создании национального самосознания албанцев и фактически «конструировании» современной албанской нации с целью реализации своих стратегических задач на Балканах. Базируясь на известной спорной концепции существования так называемых исторических и политических наций, к первой из которых, по логике Т. Толевой, албанцы не относятся, исследовательница посвятила свою работу изучению секретных документов австро-венгерских правительственных институтов за 1897–1905 гг., в которых рассматривались планы Вены в отношении албанцев. Помимо достаточно остро воспринятого среди представителей академического сообщества большинства балканских стран и европейских учёных отказа албанцам в праве считаться «исторической нацией» на Балканах, крайне критично были оценена и представленная Т. Толевой роль Австро-Венгрии как «создательницы» современной албанской нации. Примечательным в данном контексте является существовавший в венгерском национальном общественно-академическом дискурсе второй половины XIX в. в определённой степени аналогичный гиперболизированный образ роли австро-венгерских властей в формулировании угро-финского происхождения венгров вместо распространявшихся ранее среди венгерских лингвистов и историков концепции тюркского родства венгров. Авс-

[1] О существующих подходах в общественном мнении, академических и экспертно-аналитических кругах Балканских стран к «албанскому вопросу» см.: Улунян Ар.А. Балканские народы друг о друге: явные пристрастия и тайные чувства в конце XX века// Общественные науки и современность, 1999, № 4; Улунян Ар.А., Кулешов С.Г. Фактор Косово: балканское экспертно-аналитическое сообщество на фоне этнополитического кризиса (1996–2007). М., 2007.

[2] См. например: Imami P. Srbi i Albanci kroz vekove. Beograd, Samizdat B92, 2000. T. 1, 2017. T. 2, 3.

трийской стороне приписывалось в данной связи преднамеренное внедрение угро-финской концепции с целью не допустить распространения в венгерском обществе идей принадлежности к более широкому сообществу тюркоязычных народов, что делалось в стратегических интересах Вены как внутри империи, так и на международной арене и особенно в свете её соперничества с Османской империей на Балканах[1].

Признанная в академической науке категория «нация», несмотря на вариативность её интерпретаций различными этнологическими и историческими школами, тем не менее, включает этническую и политическую составляющие, которые, как правило, игнорируются лишь одним направлением — так называемым конструктивистским. Оно основывается на утверждении о «воображаемых сообществах», сформулированном в 1983 г. изучавшим особенности формирования национализма известным историком и политологом левого направления Бенедиктом Андерсоном[2]. В соответствии с его точкой зрения подобные сообщества определяют своё место среди других с помощью конструирования определенного образа, наделяя его группой характерных черт. Данная тема нашла своё отражение и в общественно-научной дискурсивной практике современной Европы[3]. В кризисных и посткризисных условиях Балкан конца XX — начала XXI в. обращение к этой проблеме также имело

[1] Подробнее об этом: Улунян Ар.А. Центральная Азия Арминиуса Вамбери: политика и наука // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Выпуск 14. Ставрополь, 2013.

[2] Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso, 1983. Русскоязычное издание: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Москва: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001.

[3] Подробнее в: Улунян Ар.А. Особенности концептуализации этнокультурной и региональной идентичности в современной европейской академической и общественной дискурсивной практике (Опыт Португалии, Испании, Италии, Франции, Германии, Нидерландов, Дании и Великобритании) // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8. Выпуск 9 (63) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: http://history.jes.su/s207987840002029–0–1 (дата обращения: 14.12.2017). DOI: 10.18254/S0002029–0–1

свои особенности, что отчётливо проявилось в работе американского историка болгарского происхождения М. Тодоровой, опубликованной в 1997 г. в США под названием «Воображая Балканы» и переизданной спустя два года в Болгарии как «Балканы. Балканизм»[1]. Книга Тодоровой во многом корреспондировалась с известной публикацией американского учёного-культуролога, философа и литературоведа палестинского происхождения Э. Саида «Ориентализм», изданной на английском языке в 1978 г.[2] и жёстко критиковавшей Запад за высокомерное и колониалистское отношение к Востоку, который рассматривался как нечто экзотическое и крайне опасное культурно-историческое пространство. Однако в отличие от своего коллеги, исследовательница-специалист по Балканам, избрала более сдержанную по форме манеру изложения и постаралась объяснить неправомерность возникновения конфликтно-кризисного образа Балкан в общественно-политических представлениях европейцев и европейском академическом сообществе недостаточным знанием реалий Балканского региона и европоцентристской картиной мира, господствовавшей в общественных представлениях европейцев на протяжении долгого времени. Именно в данном контексте работа Т. Толевой представляет интерес с точки зрения выявления характера выработки и реализации «албанской политики» Австро-Венгрии — одной из европейских империй, не только граничившей с Балканским регионом, но и включавшей его отдельные народы и территории. В сложившейся международной историографической традиции, включая и её российскую часть, при всех существующих нюансах в подходах и взглядах[3]

[1] Todorova M. Imagining the Balkans. New York, Oxford. Oxford University Press, 1997; Тодорова М. Балкани. Балканизъм. С., Фондация „Българска наука и култура“. 1999.

[2] Said E. Orientalism. New York: Pantheon, 1978. Русский перевод книги появился в 2006 г.: Саид Э.В. Ориентализм: Западные концепции Востока. СПб., Русский Мир, 2006.

[3] Иванова Ю.В. Албанцы и их соседи. М.: Наука, 2006; Искендеров П.А. Сербия, Черногория и Албанский вопрос в начале XX века. СПб.: Алетейа, 2013; Сенкевич И.Г. Албания в период Восточного кризиса (1875–1881). М.: Наука, 1965; Смирнова Н.Д. История Албании в XX веке. М.: Наука, 2003.

на процесс развития национального самосознания и формирования балканских наций и их современной государственности, не отвергаются ни историческая автохтонность двух балканских этносов — албанцев и греков, ни экзогенность всех остальных современных этносов Балканского полуострова. Пристальное внимание австро-венгерских внешнеполитических кругов к албанцам (что и было отмечено Т. Толевой особо) преследовало вполне конкретную конъюнктурную цель и в силу объективных причин, вместе с итальянским влиянием, имевшим гораздо большую роль и историческую традицию, чем австро-венгерское, способствовало знакомству албанских интеллектуальных кругов и просто образованных людей с Европой. Проблема принадлежности Албании и албанцев Западу (Occident) и Востоку (Orient) до сих пор является одной из главных в общественно-политическом и интеллектуальном дискурсе современного албанского общества[1]. Одновременно, австро-венгерский фактор рассматривается как в европейской, балканской, албанской национальной и российской историографии с позиций выявления его роли, прежде всего, в процессе создания государственности не в этнополитическом, а в дипломатическом отношении, что отвечает историческим реалиям и связано с политикой Великих держав на Балканах, а также определении границ провозгласившего в 1912 г. независимость от Османской империи албанского государства. Само создание независимой Албании в данной связи рассматривается как закономерное развитие общеалбанского национально-освободительного движения, способствовавшего объединению двух региональных групп албанцев — тосков (на Юге) и гегов (на Севере) вне зависимости от их соответствующей конфессиональной — мусульман и христиан (католиков и православных) и племенной принадлежностей. Именно эта особенность албанского этноса и родоплеменная система организации албанского общества нередко использовалась как аргумент сторонниками утверждения об отсутствии существования албанской

[1] Улунян Ар. А. «Линия Феодосия I»: Историческая география в современной албанской общественно-политической публицистике// Историческая география. Институт всеобщей истории РАН. М.: Аквилон, 2016. Т. 3.

нации вплоть до начала 20-х годов XX в. Несостоятельность подобных взглядов на место и роль родоплеменной организации в формировании нации была доказана на примере туркменского этноса известным туркменским этнологом Ш. Кадыровым, введшим для обозначения подобного феномена особый термин «нация племён»[1]. Примечательным фактом была публикация в том же 2009 г., когда появилась книга Т. Толевой, в Австрии монографии Э. Дойча, основанной, как и работа болгарской исследовательницы, на документах из Венского архива, и посвящённой «культурному протекторату» Австро-Венгрии над албанцами и его роли в развитии их культуры, политической и экономической жизни[2]. В отличие от конструктивистской позиции своей коллеги, абсолютизировавшей австро-венгерское участие в «создании» албанской нации, Э. Дойч исследовал роль и место австро-венгерской политики в «албанском вопросе», рассматривая её лишь как пример внешнеполитического курса конкретного государства в Балканском регионе, не приведшей к «созданию» албанской нации. На протяжении последующих двух лет тема австрийского и германского влияния на албанские дела получила освещение в основанных на архивных материалах работах германского историка Х. Лёра «Основание Албании: Вильгельм Цу Вид и балканская дипломатия великих держав 1912–1914 гг.»[3], албанской исследовательницы Э. Коцачи «Как Австро-Венгрия создала албанское государство»[4] и «Австро-Венгерское администрирование Албанией. 1916–1918 гг.»,[5] а также издании «История албанского народа» Академии Наук

[1] Кадыров Ш. «Нация» племен. Этнические истоки, трансформация и перспективы государственности в Туркменистане. Москва: Центр цивилизационных и региональных исследований ИА РАН, 2003.

[2] Deusch E. Das k.(u.)k. Kultusprotektorat im albanischen Siedlungsgebiet in seinem kulturellen, politischen und wirtschaftlichen Umfeld. Wien, Köln, Weimar: Böhlau Verlag 2009.

[3] Löhr H. Die Gründung Albaniens. Wilhelm zu Wied und die Balkan-Diplomatie der Großmächte 1912–1914. Klagenfurt: Peter Lang, 2010.

[4] Kocaqi E. Si e krijoi Austro-Hungaria shtetin shqiptar. Tiranë: EMAL, 2012.

[5] Kocaqi E. Administrimi i Shqipërisë nga Austro-Hungaria 1916–1918. Tiranë: EMAL, 2016.

Албании, посвященном периоду албанского национального Возрождения[1]. Проблема австро-венгерского участия в албанских делах являлась предметом диссертационных работ в Венгрии и Албании. Первая из них принадлежала сотруднику Центра гуманитарных исследований Института истории Венгерской Академии наук К. Чаплар-Деговичу, защитившего в 2007 г. в Будапештском университете диссертацию под названием «Возникновение независимой Албании с албанской точки зрения (1912–1913 гг.)»[2], автором второй диссертации по этой теме был доцент Философского факультета Приштинского Университета С. Безерай, защитивший в 2014 г. свою работу, называвшуюся «Албанцы и Австро-Венгрия в 1912–1914 гг.» в Тиранском Университете[3]. Практически во всех этих исследованиях рассматривается место и роль албанцев в австро-венгерской политике и конкретные действия Вены на «албанском» направлении в контексте общеевропейского соперничества на Балканах и попыток отдельных Великих держав использовать этнический фактор для своих внешнеполитических целей. При этом в самой албанской историографии, складывавшейся на протяжении последних 60-ти лет ещё со времени установления коммунистического режима, особое внимание уделяется внешней политике конкретных европейских держав, помимо Австро-Венгрии, в отношении албанского национально-освободительного движения во второй половине XIX — начале XX в. и их участию в решении судьбы албанского государства после провозглашения независимости в 1912 г. В соседних странах Балканского полуострова в силу существующих в национальных историографиях традиций, обусловленных особенностями и общественно-политическими условиями региона, «албанская

[1] Historia e popullit shqiptar.V. 2. Rilindja kombëtare: vitet 30 të shek. XIX-1912. Akademia e Shkencave e Shqipërisë: Institut i Historisë. Tiranë: Botimet Toena, 2002.

[2] Csaplár-Degovics K. Die Entstehung des unabhängigen Albaniens aus albanischer Ansicht (1912–1913). Thesen zur Phd Dissertation an der Eötvös-Loránd-Universität Philosophische Fakultät. Budapest, 2007.

[3] Bezeraj S. Shqiptarët dhe Austro-Hungaria gjatë viteve 1912–1914. Republika e Shqipërisë. Universiteti i Tiranës. Fakulteti i Historisë dhe i Filologjisë. Departamenti i Historisë. Tiranë, 2014.

тема», как и ряд других этно-национальных факторов, участие внерегиональных сил в лице Великих держав в актуализации национально-региональных вопросов продолжает сохранять значение как отдельное направление исследований. Нередко интерпретация многих исторических событий и фактов в национальных балканских историографиях имела сильные этноцентричные черты и выступала в роли «исторического» аргумента в давних этно-территориальных спорах. С присоединением большинства стран региона к Единой Европе эта проблема при участии европейских гуманитарных институций нашла своё разрешение в попытке реализации «невраждебного историописания», суть которого заключалась не в отказе от национальной истории или упрощении по-разному интерпретируемых в странах полуострова исторических фактов, а в определении роли и места конкретных событий в истории соответствующего народа Балканского региона и недопущении их политизации или «осовременивания»[1]. Среди наиболее обсуждаемых в национальных балканских историографиях тем продолжают оставаться Национальное Возрождение и идейно-политические программы его главных деятелей, влияние Европы и России на процессы нациестроительства и образование национальной государственности, характер межбалканских связей и межэтнических и межгосударственных отношений. В этой связи публикация перевода книги Т. Толевой, являющейся частью современной балканской и европейской историографии, даёт представление отечественным читателям о существующих неоднозначных и дискуссионных точках зрения на данные проблемы и используемых методических практиках для изучения этих проблем, демонстрируя при этом один из таких, но отнюдь не единственный, подходов.

Ар. Улунян
доктор исторических наук

[1] Подробнее в: Улунян Ар.А. Опыт невраждебного историописания: Балканские войны в контексте «новой историографии» региона// Модернизация vs. война: Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М.: Институт славяноведения РАН, 2012.

В память о моем отце

ОТ АВТОРА

Этот труд не был бы написан без моей счастливой встречи с доктором Агусти Коломинесом (Барселонский университет, Испания), который, несмотря на свою серьезную общественную занятость на поле издательской и преподавательской деятельности, согласился быть моим научным руководителем.

Поэтому я выражаю ему огромную благодарность за проявленную отзывчивость, за его профессиональные напутствия, всегда ясные и точные, за его огромное терпение к неопытным докторантам и его бесконечное великодушие к ним; за то, что он неустанно исправлял в их исследованиях неточности, никогда не лишая воспитанников уверенности в себе; за его гуманность и дружбу, за то, что он взвалил на себя задачу постоянно быть надежной опорой в трудные моменты написания наших работ. Я благодарю его за профессионализм, признанный всеми, и за большой опыт в области научных исследований, а также за космополитизм и глубокую нетерпимость ко всякого рода предрассудкам, благодаря чему этот исследовательский проект смог превратиться в настоящий научный труд. Поэтому выражаю свою благодарность в первую очередь именно ему.

Написание этого труда было бы невозможно и без исключительного профессионализма работников венского Архива династии, двора и государства (Haus-, Hof- und Staatsarchiv Wien), которым приношу свою глубокую благодарность.

Также я хотела бы поблагодарить Белен Морено, Висенте Эрнана Серверу Буидеса, Игоря Секе и Джорди Теишидо за ценную техническую помощь, а также Хуана Карлоса Гутиереса за редактирование и стилистическое оформление текста.

Роберто Браво де ла Варга, Розуита и Кристиан Менцел и Пилар Гомес перевели некоторые из процитированных и подробно пересказанных документов, за что я выражаю им исключительную благодарность.

ВВЕДЕНИЕ, ИЛИ КАК Я ПРИШЛА К ИССЛЕДУЕМОЙ ТЕМЕ

Никогда не разговаривайте
с незнакомцами.
М.А. Булгаков.
«Мастер и Маргарита»

Настоящий труд не является плодом предварительного глубокого ознакомления с албанским вопросом. Перед тем как приступить к нему, я даже представления не имела о существовании некоторых документов, которым позже, обнаружив их, посвятила годы. Более того, если бы кто-то сказал мне, что однажды я напишу диссертацию, посвященную албанскому народу, я бы вообще ему не поверила. Не только потому, что не планировала этого делать, но и потому что эта тема никоим образом не интересовала и не волновала меня. Всё началось с любопытства, отсутствия исследовательского опыта и одного «факта из архивов».

В то время я намеревалась исследовать македонский вопрос в контексте одной ощутимой, уже окончательной потери исконно болгарских земель. Возможно, я хотела глубоко в себе, мысленно переварить утрату своих личных «корней», которую с трудом переживала и в начале, и — я уже могу утверждать это без излишнего драматизма — с течением времени.

Я осталась верна намеченной цели, хотя время от времени отвлекалась от материалов, «связанных» с этой темой, до тех пор, пока однажды не наткнулась на ящик, где впервые обнаружила документы о тайных конференциях 1896 г. по албанскому вопросу[1].

С огромным удивлением я осознала, что всё, до этого прочитанное мной об албанской нации, не находит подтверждения в документах, а скорее напротив, оспаривается и ставится под серьезное сомнение. Речь идет о, несомненно, замечательных трудах и неоценимом вкладе таких авторов, как Ставро Скенди, Петр Бартл, Георг Кастелана, Ханс Дитер Шандерл и др., и обо всех, кто использовал эти источники для своих исследований.

[1] Подробный анализ документов смотри в главе II.

В основе всех этих работ — исходное утверждение, что албанская нация уже существовала и неоспоримо утвердилась в XIX веке, а возможно, даже раньше, следовательно и события той эпохи истолковываются как проявление воли нации.

В свою очередь, тайные конференции демонстрируют, что албанской нации не существовало и что Вена, интерпретируя свои стратегические интересы сообразно конъюнктуре, была готова оказать поддержку албанцам в становлении их национального самосознания как чего-то не существовавшего до того времени, согласно наблюдениям и постоянным заявлениям австро-венгерских дипломатических представителей.

Было нелегко соотнести столь серьезное разногласие между «официальной версией» албанистики, бытующей с давних пор, и явствующей из этих документов исторической правдой. Этот «факт из архивов» в дальнейшем стоил мне очень многого. Прежде всего, мне нужно было убедить саму себя в том, что всё изученное до этого на основе вторичных источников — не так правдиво, как кажется. Затем необходимо было подробно доказать это и защитить наиболее приемлемым способом.

Углубляясь в суть албанского вопроса, и удивляясь все более, мне пришлось определить методологию своего исследования самым категоричным образом. Необходимо было забыть обо всём прочитанном и начать с нуля, вслушиваясь только в голос документов. Пришлось исследовать все новые и новые ящики с ними, пока сомнение, неуверенность и колебание не уступили место убеждению, что, в реальности аксиома о существовании албанской нации еще до образования независимого албанского государства должна быть пересмотрена и переосмыслена.

Этот метод работы определил и сущностные характеристики текста моей книги (против чего ожесточенно и безуспешно боролись люди, благодаря которым этот труд наконец-то был завершен), который рискует превратиться в образец позднего позитивизма.

Хотя меня можно уличить в позитивизме, педантичности и утрировании доказательств, я не претендую в настоящем труде на полный, исчерпывающий анализ проблемы создания албанской нации, поскольку данный вопрос исключительно сложен и в заданный период исследования — 1896–1908 гг. — едва

начинает приобретать значение, а поэтому выходит за пределы возможностей и компетентности автора.

Как раз наоборот, цели настоящего труда намного более ограниченные и сводятся лишь к исследованию некоторых аспектов роли Австро-Венгрии при создании албанской нации, а точнее — их соотношения с другими факторами: как благоприятными, так и неблагоприятными, но исключительно в контекстуальной форме, без чрезмерного углубления.

Отправной точкой мы будем считать тайные конференции, проведенные в конце 1896 г., когда Вена решила осуществить программу действий на территориях Османской империи, расположенных к востоку от Адриатического моря и населенных группами албанцев, в той или иной степени компактными. Период, охватывающий данные процессы, длился до 1908 г., когда младотурки захватили власть и создали предпосылки для решительных изменений той политической сферы, в которой прежде действовала Австро-Венгрия.

С учетом поставленных целей, исследуемый документальный материал, по бóльшей части неопубликованный, распределен в десяти главах следующего содержания:

1. Организация внешней политики

Цель этой главы — доказать, что традиции внешней политики Империи и ее организации создают возможность проведения тайных конференций как инструмента реального управления.

а) Структура министерства иностранных дел

б) Функции и прерогативы министра иностранных дел

в) Австро-венгерское Соглашение (Ausgleich) или мнимое разделение, которое освобождало монарха от контроля парламента.

2. План об Албании, или венская рациональность и иррациональность

Задача этой главы — описать содержание меморандума о состоянии территории, которую Вена условно именует «Албанией», а также отметить соответствующие цели и решения.

Именно эти документы представляют наибольший интерес, поскольку доказывают, что в то время албанской нации не

существовало[1]. Меморандум, составленный по этому поводу властями Австро-Венгрии, не издан[2]. Он содержит следующие сведения:

а) Были проведены четыре тайные конференции, результаты которых вошли в единый меморандум. И хотя формально это четыре различных объекта исследования, в действительности они представляют одно нераздельное целое.

б) заключения по результатам глобального анализа итогов четырех конференций:

- Албанской нации не существовало
- Для реализации своих целей Вена предпримет усилия по созданию албанской нации

в) Почему мы говорим о рациональности и иррациональности?

- Рациональность Австро-Венгрии в том, что она нуждалась в землях к востоку от Адриатики, чтобы смягчить натиск Сербии и Черногории, а в долгосрочной перспективе — и России;
- Иррациональность — в том, что речь идет о создании нации, нелегкой задаче, которая, помимо прочего, контрастирует с образом мышления военных, предпочитающих немедленную военную оккупацию.

---

[1] В основе этой гипотезы лежит мое несогласие с теорией Ставро Скенди. Несмотря на все достоинства его прекрасного, ставшего классикой труда об Албании той эпохи и на вклад в фактологическую реконструкцию, я считаю, что он ошибочно основывается на интерпретационной модели, построенной на гипотезе о реальном существовании албанской нации. Поэтому я не согласна с его сочинением.

[2] В прекрасной книге Ханса Дитера Шандерла «Албанская политика австро-венгров и итальянцев в 1877–1908 гг.» (*Die Albanienpolitik Österreich-Ungarns und italiens 1877–1908)* 1971 г. в первый и единственный раз дан комментарий по поводу тайных конференций, хотя и с явным желанием преуменьшить их роль. Кроме того, меморандум не упоминается в книге именно для того, чтобы пренебречь значимостью включенных в него документов. Но за счет этого автор публикует решения об оказании финансовой помощи вероисповеданиям, часть которых включена в добавления к меморандуму, но делает это совсем в другом интерпретационном контексте и в полном несоответствии с исследованным материалом.

3. Утверждение Плана: дипломатические риски и долгосрочные прогнозы

В сознании австро-венгров сосуществовали две позиции, влияющих на восприятие этого проекта: положительная, представленная участниками тайных конференций, и отрицательная, характерная для некоторых представителей Министерства иностранных дел[1], равно как и военных. Суть последней состоит в следующем:

а) Меморандум раздали для прочтения и обмена мнениями между некоторыми доверенными дипломатами, и их реакция была негативной:

- Они были удивлены и считали его неосуществимым;
- Они отмечали, главным образом, риски, которые предполагал проект;
- Они подчеркивали тот факт, что осуществление проекта предполагало нарушение соглашений и международных норм.

б) Мнение Генерального штаба армии (Generalstab) полностью сложилось против осуществления плана.

Несмотря на это, отрицательная реакция не смогла изменить позицию известных личностей, из которых сформировалось основное ядро участников конференций, а идея помешать осуществлению плана не вызвала достаточного одобрения.

Участники, поддержавшие решения конференций, считаются в полной мере наследниками ведущих традиций австрийской внешней политики, то есть действий за счет средств «цивилизующей» стороны.

4. Инициативы Вены по отношению к Османской империи, или тревоги одного народа между двумя империями

Албанские племена почти постоянно пребывали в состоянии вооруженного восстания, атакуя и грабя своих соседей-славян, а кроме того, опустошая значительные территории и нанося убытки мусульманскому населению в деревнях, на которые нападали. Мусульмане со своей стороны просили о помощи османское правительство, которое было готово прислать военное

[1] Насколько мне известно, эти документы еще не изданы.

подкрепление из Константинополя. Но благодаря вмешательству австро-венгерских консулов, такое подкрепление не было выслано. Тесные связи, которые начали устанавливаться между австро-венгерскими консульскими представителями и некоторыми деятелями, имевшими влияние в албанской среде, позже принесли хорошие политические дивиденды империи.

По всей видимости, можно утверждать, что на данный момент это первая реконструкция событий, соответствующая фактам.

5. Путешествия австро-венгерских консулов к албанцам-мусульманам, или начало романтической конспирации

Согласно программе действий, принятой в ходе проведенных тайных конференций, австро-венгерские консулы должны были приступить к налаживанию связей с самыми влиятельными деятелями среди албанских мусульманских племен, чтобы повысить престиж Австро-Венгрии, а позднее — внушить им идею создания албанской нации и таким образом контролировать процесс. Для этой цели они предприняли ряд путешествий по стране в поиске соответствующих контактов. То, каким образом они исполняли свою миссию, кажется исключительно интересным и могло бы послужить сюжетом для романа.

Всё это дает мне основание утверждать, что предпринятое здесь описание деятельности австро-венгерских консулов на албанской территории — первое в своем роде.

6. Религиозный протекторат — между традицией и будущим

В этой главе разъясняется следующее:

а) в чем, по сути, состоял так называемый «Kulturprotectorat» или установленный протекторат над вероисповеданием:

- Как и когда он устанавливался?
- Какова его повседневная деятельность?

б) сущность разрыва, который повлек перемену взглядов участников тайных конференций, и осуществление этих взглядов в политике.

в) эффективные и реальные результаты, или границы, которые устанавливала Вена в этой области.

7. Язык, великая объединяющая сила

На тот момент, когда Вена решила привести в действие новый план для Албании, существовало около 20 способов транскрибирования различных албанских диалектов[1]. Среди них можно выделить три основных: в одном использовались арабские письменные знаки, в другом — греческие, а в третьем — латинские. Кроме того, в каждом варианте были специальные знаки, которые выражали специфические фонемы албанского языка. Эти знаки не встречались ни в одной другой азбуке, что представляло серьезную трудность для типографской печати на албанском языке. При этом каждая из трех письменностей имела поддержку у значительной части албанского населения по религиозным и политическим причинам.

Цель Вены состояла в том, чтобы ввести единую письменность для всех албанцев, обязательно убедив их в том, что они сами создали эту письменность.

Вена смогла осуществить свою цель, и сейчас албанцы используют азбуку, официально введенную на конгрессе в Монастире в 1908 г., где решающую роль сыграл тогдашний генеральный консул Австро-Венгрии Крал. Я не ошибусь, если отмечу, что языковая унификация, проведенная благодаря многочисленным инициативам Вены, ускорила создание албанской нации и представляла важное достижение империи.

Моя цель — продемонстрировать и обосновать в данной главе при помощи документов, многие из которых никогда не публиковались, как всё это было достигнуто.

8. Школы — трудное начало

В то время как другие балканские народы строили многочисленные школы и обучали детей их родному языку, албанцы располагали только одной или, максимум, двумя школами.

Стратегия, намеченная Веной, предусматривала достижение ее политических целей с помощью школ. Поэтому сначала предпринимались попытки добиться от султана разрешения открыть албанские школы, что оказалось нелегкой, а, кроме того, довольно долгосрочной задачей. Вот почему Вена решила подтолкнуть албанцев к строительству школ или просто со-

[1] Этот документ также до сих пор не опубликован.

здать их самостоятельно в обход турецких властей и поставить их перед уже свершившимся фактом.

Недавно созданные школы встретили упорное сопротивление со стороны султана, мусульманского духовенства и православного клира. Католические школы в то время считались более удобными для контроля со стороны Австро-Венгрии.

Энергичное вмешательство Папы, выступившего против националистически ориентированных итальянских светских школ, в значительной степени уменьшило успех Вены в этом направлении.

По этой теме также представлены документы, не изданные до настоящего времени.

9. Пресса. Или как Вена начала писать по-албански

Выполняя план, принятый на тайных конференциях, Вена решила использовать прессу для достижения своих политических целей. Вместо того чтобы выпускать новые издания, она выбирала одно уже существующее и налаживала контакт с его издателем, который, нуждаясь в деньгах, принимал от Вены щедрую и регулярную субсидию в обмен на ее контроль за содержанием публикаций. Когда соглашение было достигнуто, в Османской империи началось нелегальное распространение издания, цель которого состояла в том, чтобы пробудить национальное самосознание албанцев. Сама Вена предлагала статьи издателю и кроме того контролировала статьи, написанные им. Этот процесс взаимодействия также кажется чрезвычайно интересным.

Так началась публикация и распространение текстов на албанском языке, написанных в Австро-Венгрии с целью пробудить национальное самосознание албанцев.

Речь идет главным образом об исторических книгах, календарях, грамматиках и др. Проводилась широкая пропаганда албанского языка через многочисленные образовательные инициативы.

Снова необходимо подчеркнуть, что эта деятельность — прямое следствие программы по Албании, принятой Веной на вышеупомянутых конференциях. Цитируются документы, которые никогда не были опубликованы.

Большая часть документов не издана.

10. Монсеньор Доки — идеалист, герой, или сила золота

Австро-Венгрия решила установить контакты с аббатом самой влиятельной католической общины мирдитов. После ряда проведенных в Вене переговоров аббат обещал наладить работу среди албанского населения с целью их умиротворения, объединения и пробуждения у людей национальных чувств в обмен на значительную регулярную субсидию. Помимо этого, он разрабатывал план, касающийся северного албанского княжества, осуществлял активную поддержку литературных процессов и играл важную, хотя и противоречивую роль в унификации албанского языка. Документы, связанные с этой личностью, никогда не публиковались.

* * *

Цель данного труда — на основании представленного плана доказать, что Австро-Венгрия оказала влияние на создание Албании. Надеюсь, годы, проведенные мной в архивах, и тысячи прочтенных страниц нашли адекватное отражение в приведенных исторических аргументах.

Глава I

ОРГАНИЗАЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ АВСТРО-ВЕНГРИИ

Согласно трудам австрийских исследователей, Министерство иностранных дел как исторический объект не изучалось вплоть до настоящего времени[1]. На то есть две причины. Первая состоит в том, что министерство стало предметом исследовательского интереса лишь совсем недавно, когда был поставлен вопрос: кто несет ответственность за ультиматум, приведший к началу Первой мировой войны, и когда был признан факт, что это министерство работало в собственных интересах и согласно своим собственным механизмам. Прежде внешнюю политику империи в период с 1848 по 1867 гг. считали частью истории дипломатии, оставляя без должного внимания следующие факторы, обусловившие ее: международную позицию Австро-Венгрии; ее внутреннюю ситуацию и состояние самого министерства. Согласно Хельмуту Румплеру, до сих пор не существует отдельного исследования, которое раскрыло бы сущность Министерства иностранных дел как института, то есть прямую связь между его организацией и его деятельностью.

Вторая причина, которая затрудняет изучение Министерства иностранных дел, — это его специфика как института. Если

[1] *Rumpler H.* Die rechtlich-organisatorischen und sozialen Rahmenbedingungen für die Aussenpolitik der Habsburgermonarc hie 1848–1918 // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Band VI/I, Adam Wandruszka und Peter Urbanitsch (Hrsg.), Verlag der Österreichischen Academie der Wissenschaften. Wien, 1989. Вся настоящая глава написана на основе информации, которую дает Хельмут Румплер в своем замечательном труде, и представляет собой ее резюме.

говорить коротко, она состояла в том, что министерство создавало не только необходимые институциональные условия для осуществления внешней политики. В отличие от министерств других современных европейских стран, оно представляло собой смешанный институциональный и одновременно идеологический центр, где отслеживали и обсуждали в глобальном масштабе основные проблемы, идеи и судьбы всей страны. Созданное в 1848 г., министерство унаследовало традицию, связывавшую его непосредственно с Тайной придворной канцелярией 1717 г., преобразованной в 1753 г. в Государственную канцелярию[1]. Фактически это был не институт, соответствующий своей эпохе, а пережиток прошлого.

Именно отсюда берут начало его основные характеристики: во-первых, это было место исключительно для власть имущих и подданных, которые идентифицировали себя с отживавшей монархией как централизованным и централизующим ядром.

Во-вторых, оно осуществляло интегрирующую функцию намного успешнее, чем вся государственная бюрократия и армия. Чем более уязвимой была монархия, тем более интенсивной становилась эта функция у Министерства иностранных дел.

В-третьих, несмотря на то что министерство приобрело собственную динамику как институциональный центр внешней политики, до эпохи дуалистической монархии оно пребывало под опекой Франца Иосифа и очень сильно зависело от династической и придворной политики.

В-четвертых, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Министерство иностранных дел занимало промежуточное положение между правительством и администрацией. Поэтому и история его организации осталась недостаточно изученной в сравнении с этими двумя институтами, как пишет Хельмут Румплер.

Структуру Министерства иностранных дел составляли три основных звена, неизменные на протяжении многих лет. Пер-

[1] Подробнее об истории и развитии этих государственных учреждений см.: *Buchmann B.*M. Hof-Regierung-Stadtverwaltung. Wien als Sitz der österreichischen Zentralverwaltung von den Anfängen bis zum Untergang der Monarchie, Verlag für Geschichte und Politik. Wien, 2002.

вое звено — Центральное управление с резиденцией в Вене; второе — зарубежные дипломатические миссии, третье — консульские представительства[1].

Без сомнения, Центральное управление (Zentralleitung) в Вене было самым важным звеном, реальным центром, принимавшим решения по вопросам внешней политики[2]. Оно вело свое начало от Государственной канцелярии Меттерниха, и, несмотря на произошедшие в 1918 г. перемены, регламент, утвержденный в 1816 г., по-прежнему оставался в силе и успешно применялся.

Центральное управление министерства иностранных дел состояло из четырех основных отделов: 1. Отдела по внешним или политическим вопросам; 2. Отдела по административным вопросам и вопросам внутреннего устройства; 3. Личного кабинета, или кабинета министра, в котором в течение всего времени занимали посты различные политики; 4. Отдела поддержки, или вспомогательного отдела, который ведал перево-

[1] Помимо этих трех постоянных звеньев необходимо упомянуть представительства и пункты связи с военными, а также администрации на оккупированных территориях во время Первой мировой войны. Несмотря на то, что пункты связи с военными действовали только во время войны, они представляли большую важность для лидерской позиции австрийской армии и в мирное время, и даже еще большую, принимая во внимание существовавшие тогда так называемые «Представительства военного командования при министерстве иностранных дел».

При структуре министерства иностранных дел числились также австро-венгерский верховный консульский трибунал в Константинополе, архив HHStA (Haus- Hof- und Staatsarchiv) и Консульская академия. Однако из них только Консульская академия имела значение как образовательный институт, в котором при содействии министерства иностранных дел преподавалась та же культура, с которой позже воспитанники сталкивались и в министерстве.

[2] На практике, что типично для Габсбургской монархии, вопросы внешней и внутренней политики считались единым целым, и обмен взглядами между двумя соответствующими министерствами осуществлялся постоянно. Границы между дипломатическими и консульскими должностями также были очень прозрачны, хотя и не так тесны, как между дипломатическими должностями и министерством.

дами и шифрами, делопроизводством, архивом, Консульской академией и др.[1].

Из четырех отделов наибольшее влияние на принятие решений оказывал первый, Политический отдел. В ведении его начальника находилось руководство дипломатической почтой и принятие ключевых решений, которые, согласно установленным правилам, выдвигались министром или монархом, и только иногда, после особых консультаций, вырабатывались совместно с другими министрами или военными. Начальник Политического отдела также отвечал за все политические доклады, за агентов императорского двора и координировал так называемые «политические чтения»[2]. Он представлял доклады; их обсуждали на совещаниях, а затем от его имени или от имени министра принимали соответствующие решения[3].

Политический отдел состоял из нескольких советов, разграниченных по географическому принципу следующим образом: I. Восточный; II. Ватиканский; III. Германский и Скандинавский; IV. По делам Западной и Юго-Западной Европы. Их порядок и группирование в различные периоды варьировались, однако наиболее важным советом всегда был Восточный, или Балканский. Венская административная география, согласно требованиям времени, включала и Россию в ведение Восточного или Балканского совета. В Восточном совете кипела настоящая политика, там личные полномочия министра были наиболее широкими. В течение длительного времени глава этого совета имел второй по политической значимости ранг в министерстве иностранных дел после самого министра.

[1] Начальники этих отделов назывались высшими или надворными советниками и оказывали существенное влияние на принятие решений. Оно было особенно серьезным до 1866 г. Некоторые министры, пользуясь большим личным авторитетом, имели право сами принимать решения, без согласования с советниками более высокого ранга. После заключения австро-венгерского Соглашения 1867 г. (Ausgleich) их влияние снова возросло.

[2] Или так называемые «тайные конференции», о которых речь пойдет ниже.

[3] Однако этот пост мог превратиться в почетный, как нередко бывало в практике австро-венгерской администрации, и в некоторые моменты мог быть лишен политического значения, так как по правилам все важные вопросы находились в компетенции самого министра.

Личный кабинет, или кабинет министра, включал в себя два основных отдела: политический и административный, и отчасти дублировал функции Государственной канцелярии. Политический отдел отвечал за составление протоколов Совета министров, вопросы безопасности страны, вопросы печати[1] и за персональный состав министерства[2]. Здесь велась личная корреспонденция министра, в основном, с правительствами Австрии и Венгрии[3], составлялись протоколы пленарных заседаний Совета министров, подготавливались переговоры с провинциальными представительствами[4], осуществлялись связи общеимперского министра финансов по всем вопросам, касающимся Боснии и Герцеговины. Сюда поступали все дипломатические донесения, перед тем как их подавали на ознакомление министру или монарху[5].

Административный отдел имел первоначально пять, а впоследствии — 16 подразделений, которые занимались сбором информации и формированием общественного мнения. Они отвечали за статистику, религиозные вопросы, включая переговоры с папой, и за консульские дела.

Среди чиновников министерства иностранных дел самым серьезным влиянием на принятие решений обладали так на-

[1] В различные исторические периоды в ведении административного отдела кабинета министра также находились вопросы, связанные с печатью и торгово-политическими делами.

[2] Во времена А.М. Голуховского он назывался кабинетом министра, и влияние его возросло до такой степени, что он стал центром принятия важных решений.

[3] После заключения австро-венгерского Соглашения.

[4] Речь идет о принципах, которые периодически подвергались изменениям путем повторных переговоров.

[5] Император Франц Иосиф брал на себя функции министра. Он читал все важные доклады, корреспонденцию, телеграммы. Государь имел право прямого контроля и настоял на реальном его исполнении после назначения Андраши. Каждый день ему вручалась важная дипломатическая корреспонденция, которую он читал и возвращал на следующий день. Ее пересылали по телеграфу, если он был не в Вене. Подбор корреспонденции осуществлялся или председателем так называемых «политических чтений», который обычно был и главой совета, или главой Кабинета министра.

зываемые статс-секретари[1]. В период с 1848 по 1859 гг. они отвечали за составление дипломатических инструкций и теоретически имели очень высокий статус, были самыми приближенными к министру, однако впоследствии быстро утратили свой политический вес.

После 1871 г. возросло влияние тех высших чиновников, которые подготавливали доклады. Хотя никто из них и не смог достичь значительного политического влияния, у сменяющих друг друга глав Балканского совета была возможность оказывать достаточно существенное воздействие на принятие важных политических решений.

Так, во времена А.М. Голуховского (1895–1906) влиятельной фигурой в министерстве был Юлиус Цвидинек фон Зюденхорст[2]. После более 30 лет консульской службы в Османской империи и на Балканах, в 1866 г. его пригласили в Министерство иностранных дел, и он долгие годы руководил Балканским советом. Несмотря на то, что официально он не был его главой, он осуществлял основную координацию, курировал политические доклады и председательствовал в советах, названных «политическими чтениями».

Консульские представительства (некоторое исключение представляли балканские) играли меньшую роль в принятии политических решений, нежели это практиковалось в других европейских странах того времени.

---

[1] Когда было учреждено Министерство иностранных дел, в нем сохранились два основных отдела государственной канцелярии — политический (который касался внешней политики) и административный (по внутриполитическим вопросам). Однако сперва они имели отдельное руководство. Чтобы преодолеть это разделение и объединить оба отдела, был создан пост статс-секретаря. Он представлял министерство только перед административным отделом, а руководство политическим отделом оставалось основной прерогативой министра. Поэтому в период с 1848 по 1868 гг. этот пост сосредоточил в себе лишь единое руководство внешней политикой и административным устройством Империи, так и не став сферой деятельности постоянного представителя министра, подобно Secretaire General или Permanent Undersecretary of State.

[2] Мы упоминаем его, поскольку фон Зюденхорст играл чрезвычайно важную роль во всех действиях Австро-Венгрии на Юго-Западных Балканах, которым преимущественно уделяется **в**нимание в данном труде.

Первоначально консульские вопросы, за исключением «административных вопросов и консульских отношений с Востоком», находились в ведении Министерства торговли, созданного в 1848 г. Когда в 1859 г. оно было распущено, эти вопросы передали в ведение Министерства иностранных дел. В 1859 г. был учрежден пост директора консульского отдела, руководившего также и отделом печати, созданным в 1860 г. Из консульств в политическом отделе остались лишь восточные, "Orientkonsulate", поскольку они «работали» с балканскими территориями и Россией.

Вопросы внешней торговли распределялись между Министерствами иностранных дел и финансов. Консульские донесения по торговым вопросам, однако, должны были идти из дипломатических миссий в Министерство иностранных дел и оттуда в Министерство финансов. Несмотря на то, что по срочным торговым вопросам консулы имели право представлять доклад напрямую в Министерство финансов, они не делали этого, поскольку непосредственно подчинялись министру иностранных дел. Первоначально консульства относились к полю деятельности Министерства иностранных дел, согласно предоставленному дипломатам праву инициировать торговые взаимоотношения с другими странами, а также представлять торговые интересы Империи за границей.

С 1861 г. консулы начали предоставлять информацию напрямую Министерству торговли, а с 1867 г. — исключительно ему. На практике, но не де-юре, компетенция по внешнеторговым вопросам вновь переходит к Министерству торговли.

Однако по австро-венгерскому Соглашению, внешняя торговля не входила в сферу общих вопросов, поэтому консульские дела переводились обратно, и на этот раз окончательно, в ведение Министерства иностранных дел. Назначение консулов за рубежом было исключительно в компетенции министра иностранных дел.

Так, у консулов не было права вмешиваться в политические вопросы, а Министерство торговли наделялось полномочиями принимать все важные практические решения.

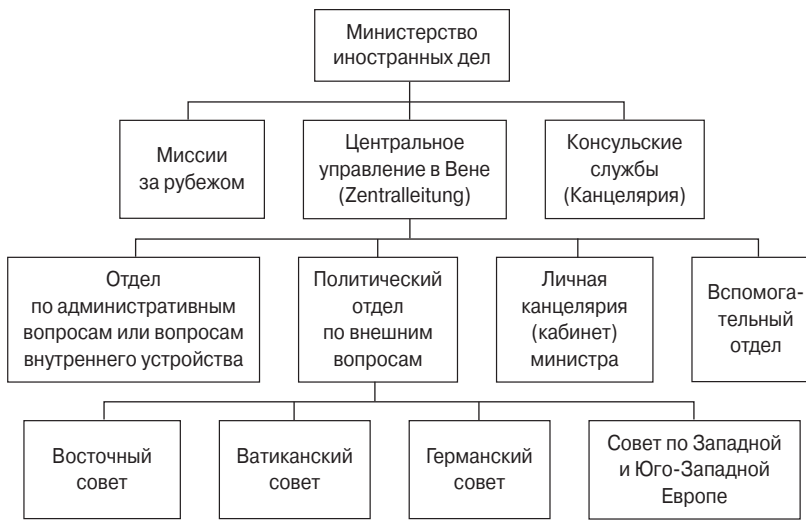
Итак, налицо противоречие, существовавшее между юридическими и фактическими правомочиями консулов и консульских отношений.

Дипломатические миссии

Австро-венгерские дипломаты не имели права разрабатывать внешнюю политику, они лишь предоставляли информацию. Их посты за рубежом не давали им никакой возможности выдвигать политические инициативы. Согласно предписаниям, они никогда не пытались влиять на содержание директив, которые получали, кроме тех случаев, когда были с ними не согласны. Они действовали только в качестве посредников, медиаторов. По старой австрийской традиции, дипломат должен был воздерживаться от инициатив, которые не относились к его компетенции. В результате появлялись блестящие донесения, которыми до сих пор восхищается мир, благодаря способности их авторов наблюдать и описывать, излагая все прекрасным стилем, но которые, при этом, не содержат никакой политической инициативы.

Однако то, что разрешалось дипломатам, и чем они всегда пользовались — формирование положительного образа своей страны как через прессу, так и благодаря высшим кругам тех стран, куда их назначали. Функции дипломатов преимущественно сводились к представительским — присутствию в салонах, на званых вечерах, заседаниях клубов и др.

Структура Министерства иностранных дел



Этот огромный организационный аппарат имел ряд преимуществ, обладая чрезвычайной гибкостью. С одной стороны, он представлял собой инструмент, при помощи которого министр иностранных дел мог вмешиваться во все аспекты общественной жизни, касавшиеся международных отношений. С другой стороны, этот аппарат легко адаптировался ко всем изменениям в международной сфере, к новым ориентирам во внешней политике самой Империи, к различным стилям работы каждого нового министра иностранных дел и его личным качествам.

Хотя позиция министра иностранных дел, несмотря на его широкие правомочия, постоянно находилась под угрозой, в его распоряжении была полноценная и независимая структура, способная функционировать самостоятельно, вне зависимости от судьбы ее министра.

Эта административная машина отличалась необычайно развитой организацией с разработанной системой распределения работы и одновременно очень качественной коммуникацией между различными отделами министерства, что давало возможность результативно взаимодействовать в команде.

Чиновники Министерства иностранных дел в процессе сбора информации, подготовки предложений и выработки аналитических материалов постепенно приобрели значительное влияние в политической сфере. При разъяснении сути полученной информации они имели возможность манипулировать мнением должностных лиц, уполномоченных принимать решения. Все министры иностранных дел, даже самые известные из них, прислушивались к мнению своих советников, позволяя им оказывать влияние на себя. Вот почему министерские чиновники, наряду с императором и министром иностранных дел, стали третьим по важности фактором, определяющим политику Австро-Венгерской империи.

Штат министерства играл важную политическую роль. Слово входивших в него людей имело вес не только в рамках ведомства, но и во всех политических и общественных кругах. Помимо этого, с начала 1880-х гг. император читал донесения сам, особенно те, которые приходили из России. Так информация оттуда и мнение по этому поводу дипломатического представителя доходили непосредственно до верховной власти

и влияли на позицию узкого круга, ответственного за принятие решений.

Чиновники Министерства иностранных дел обладали необычайно высоким статусом, который общество принимало как нечто неоспоримое и даже с готовностью допускало, что эти чиновники — носители выдающихся качеств: высочайшего чувства ответственности, безусловного умения хранить тайну, обостренного чувства чести, безупречных манер, обаяния «savoir vivre» (знания правил хорошего тона), перед которым невозможно устоять, и т.д. Со своей стороны дипломатические чиновники, воспитанные под влиянием своего общественного положения, ясно осознавали его высоту и, полностью одобряя данное мнение, считали, что пользуются своей репутацией по праву. Существовала негласная договоренность между ними и окружающими, согласно которой Министерство иностранных дел представляло собой консолидированное общество, не принимавшее «*homines novi*»[1] и не склонное менять свой сословный статус. Это был аристократический институт, представители которого обладали одинаковым уровнем образования, воспитания и образа жизни; они придавали больше значения традициям, нежели индивидуальности и конкуренции друг с другом, к которой не только не стремились, а, напротив, испытывали безразличие.

Штат Министерства иностранных дел по своему составу был космополитичен. Помимо австрийцев, в него нередко входили иностранцы по происхождению, чьи семьи имели корни за пределами Империи. Зачастую они происходили из земель Священной Римской империи, из Германского союза (Deutsches Bund), из Бельгии и Италии, бывших австрийских провинций; или из Испании и Франции. Так что многих в министерстве связывали семейные узы и родственные взаимоотношения, которые в дипломатических кругах других государств даже запрещались; а различия в профессиональном ранге были едва уловимы — явление, немыслимое в иных административных структурах. Одним из последствий этого было сформировавшееся чувство солидарности, взаимопомощи и, конечно, генерирование консервативных идей.

[1] Homines novi — «новые люди», новички — *(Прим. переводчика)*.

Чиновники Министерства иностранных дел были выше националистических идеологий различных народностей, от которых зачастую вели свое происхождение. Между ними не было ни немецких, ни венгерских националистов: все склонялись, главным образом, к прогабсбургским настроениям[1].

[1] В министерстве наблюдалось явное и длительное влияние различных лобби и лоббистских групп, но всех объединяла верность имперской идее.

Примером тому можно считать влияние военных, состоявших на службе в министерстве, особенно это касалось внешней политики. Военные никогда не достигали преимущества во внешней политике, но оказывали большее или меньшее влияние в различные периоды, например, в случае с антиитальянской и антисербской политикой на Балканах. С 1871 г. координация между дипломатическими и военными ведомствами улучшилась, и решения, принятые Францем Иосифом, согласовывались с обоими министрами. Хотя это непосредственное влияние не было официальным. Оно объясняется одинаковым происхождением обоих сословий, дипломатов и офицеров, в результате чего нередко одни и те же лица делали одновременно дипломатическую и военную карьеру.

Другой заметной группой лоббирования была финансовая, которая побуждала министерство идти по пути формирования империалистической экономики. Примером в этом отношении могут служить инициативы по строительству железных дорог на Балканах, а также воспитание албанской молодежи в венской Албанской семинарии. Взаимосвязь между внешней политикой и экономическими интересами особенно видна по балканской политике Восточного совета (Эренталя). Ее цель состояла в том, чтобы австро-венгерские финансовые капиталы проходили через салоникскую пристань на Балканы и Ближний Восток, открывая ворота для австро-венгерской торговли в этих регионах.

Министерство иностранных дел кроме того весьма чувствительно относилось к общественному мнению, с которым тесно и непрерывно взаимодействовало через прессу. Имено поэтому появлялись газеты, которые министерство само полностью субсидировало, например «Die Presse», чье руководство полностью следовало позиции министерства.

Проблема различных национальностей в рамках Габсбургской монархии неизменно влияла на внешнюю политику страны.

Например, политика по отношению к Германии в период 1849–1866 гг. была тесно связана с попытками страны найти центристское, а не федеративное решение внутригосударственных проблем в эпоху неоабсолютизма.

Помимо высокого престижа в обществе, дипломаты могли похвастаться и высокими зарплатами, и работой в замечательных условиях. Хотя по сравнению с другими ведомствами, штат Министерства иностранных дел был относительно немногочисленным, в нем служило больше чиновников высокого ранга, чем в остальных министерствах.

Особенность Министерства иностранных дел состояла в том, что дипломаты на службе за границей не получали больше жалования, чем чиновники, работавшие в пределах страны. В определенный период даже выдвигалось условие для поступления на дипломатическую работу, согласно которому семья должна была иметь такой доход, чтобы ее отпрыск мог позволить себе несколько лет подряд жить за границей, покрывая расходы на содержание собственными средствами. Часто австрийские дипломаты рассчитывали только на них. Исключение из этого правила составляли только послы, располагавшие действительно значительными денежными суммами, которые государство выделяло им на представительские нужды и личное содержание.

Однако с течением времени многие аристократические семьи разорялись, а следовательно, уменьшалось число людей, способных позволить себе за собственные средства служить стране в качестве дипломатов. В тот период, согласно мнению Хельмута Румплера, общий уровень австрийской дипломатии упал. Ее представители происходили из более низких слоев населения и были хуже подготовленными.

Несмотря на это, вплоть до распада Империи Министерство иностранных дел, наряду с армией, сохраняло свою интегрирующую функцию и репутацию стабильного и привлекатель-

---

В период дуализма Двойной альянс рассматривался как способ спасения имперского немецкого элемента (das Deutschentum), уже находившегося под угрозой поглощения остальными национальностями.

Активная политика на Балканах также довольно тесно переплеталась со стремлением решить проблему южных славян, т.е. нейтрализовать славянские сепаратистские тенденции. По этой причине некоторые называют войну против Сербии и России, развязанную в 1914 г., «превентивной войной». Одной из ее целей, как известно, было устранить Сербию как силовой фактор на Балканах и таким образом лишить южных славян поддержки.

ного места службы для той социальной прослойки, которую можно было бы назвать имперской бюрократией.

До конца существования Империи сохраняется и образ министерства как исключительно аристократического клуба, несмотря на то, что в течение 90 лет туда входили представители различных социальных слоев. По статистике среди чиновников этого ведомства было много представителей буржуазии. Их число в ряду высших должностей составляло 28% в 1847 г. и 44% в 1918 г. В период с 1847 по 1897 гг. 50% сотрудников венского Министерства имели буржуазное происхождение, а в 1918 г.— 66%. Еще отчетливей эта тенденция просматривается в составе консульского штата и Восточной академии, реорганизованной в 1898 г. в Консульскую академию. Можно заметить разрыв между образом министерства как аристократического института и консолидированным присутствием в ней буржуазии[1].

Длительное существование вышеупомянутого образа Министерства иностранных дел, так отличавшегося от реальности, объясняются неизбежными переменами в сознании его служащих. Поступив на работу, они должны были сменить менталитет, сформировавшийся в среде, из которой они происходили, на преданность государству, службе, своей миссии сохранить мощь великой империи; их долгом была и ответственность по отношению к министерству и императору.

В свою очередь, сам способ мышления, который разделяли все чиновники и который передавался из поколения в поколение, гарантировал преемственность и стабильность министерства. Лишь когда изменился «профиль» штата, его представлявшего, в этом государственном институте произошли глубокие изменения. Начались они ближе к концу существования империи.

Можно утверждать, что с 1809 г. по 1918 г. наблюдалась преемственность в организации Министерства иностранных дел.

[1] Интересна статистика относительно немцев. В рамках Австро-Венгрии немецкое население достигало 24%, в то время как в рамках Министерства иностранных дел число немцев составляло 56% всего штата.

Административные реформы, предпринятые различными министрами дабы обеспечить максимальный контроль над политическим институтом, были не радикальными, а носили, скорее, «косметический» характер. Они касались стиля работы, относительной значимости различных постов, в числе которых — пост самого министра и даже императора. Лишь так можно было обеспечить бóльшую гибкость, без которой трудно функционировать. Даже австро-венгерское Соглашение (ожидаемо это было или нет) не внесло существенных перемен в организацию министерства.

Для более ясного представления, что означало быть министром иностранных дел, необходимо рассмотреть функции и прерогативы этого поста с двух точек зрения — по отношению к остальным служащим ведомства и по отношению к императору. Такой подход объясняется политико-правовым контекстом, сформировавшимся в государстве Габсбургов, которое в период с 1848 по 1918 гг. находилось между абсолютизмом и конституционализмом, с одной стороны, а с другой — между централизмом и федерализмом. Сохранялось мнимое равновесие, которое, однако, никогда не было окончательным и сопровождалось постоянной напряженностью в различных сферах государственной жизни. Мы не ошибемся, если предположим, что эта напряженость, благодаря традиции и особенностям, присущим империи, потребовала от министра иностранных дел стать фигурой, необходимой монарху, чтобы противостоять конституционализму и федерализму, утверждая абсолютизм. Всякий раз, когда конституционная система давила на императора, пытаясь ограничить его власть, Франц Иосиф упорно стремился сохранить свои прерогативы в области внешней политики. У него не было намерения признать право парламента участвовать во внешней политике; император считал парламент некомпетентным и представляющим меньшинства, которые по-разному видят три основных внешнеполитических направления в империи, — германское, итальянское и восточное. Франц Иосиф предпочитал сокрушить основы Министерства иностранных дел и, если придется, полностью освободить его от опеки правительства или парламента, в результате чего про-

изошла важная перемена –Министерство иностранных дел утратило свое центральное место во внешней политике.

Вкратце прокомментируем суть прерогатив и особой позиции министра иностранных дел по сравнению с остальными государственными чиновниками, что стало результатом согласования традиционных форм правления с новыми политическими реалиям.

Еще с момента создания в 1848 г. министерств Габсбургской монархии министр иностранных дел обладал самым высоким рангом в государстве после самого императора, который возглавлял государственный аппарат. Эта высшая позиция соответствовала пожеланиям политической элиты, которая стремилась, не пренебрегая своими собственными традициями в осуществлении власти, перевоплотить их в новые формы управления, что было обусловлено революционными волнениями и националистической пропагандой.

Хотя пост министра иностранных дел имел новую правовую дефиницию, на практике он наследовал функции некогда существовавшего поста государственного канцлера. Целью модели нового Министерства иностранных дел и его министра[1] было сохранить основные черты канцелярии — централизованный пост во власти, где внешняя и внутренняя политика считались одним целым, рассматривались глобально и руководились одним и тем же лицом.

[1] Вспомним положение дел во времена Меттерниха. Помимо прочего, он руководил «Секретной придворной и государственной канцелярией» (Geheimen Hof- und Staatskanzlei), а с 1817 г. назывался «руководящим» министром (dirigierender Minister]), иными словами, в отличие от других придворных, он не был подконтролен советникам, а его ведомство напрямую подчинялось лично ему.

Важно подчеркнуть, что речь идет о юридическом статусе, которым еще со времен В.А. Кауница этот пост отличался от остальных правительственных постов; министр не выбирался коллегиально, его кандидатура не согласовывалась с собранием советников и за него не голосовали. Меттерниху дали и титул «государственного канцлера» (который после Кауница не давали никому), и так утвердилось его глобальное политическое влияние, то есть компетенция не только во внешнеполитических вопросах.

Это положение сохранялось до краха империи, поскольку базировалось на господствующих идеях и образе мыслей, следовательно, было длительным, устойчивым и почти не устранимым юридически, поскольку, по убеждению политической элиты, это был наилучший способ управления и осуществления властных полномочий[1].

На практике эта идея осуществлялась в двух вариантах, причем основой каждого из них стала отдельная теория. Их можно отчетливо разделить по форме мышления и деятельности двух самых важных фигур в тогдашнем политическом аппарате Габсбургов: Меттерниха и Шварценберга. Оба руководили внешней политикой на основе одних и тех же общих и последовательных государственных принципов, но Меттерних хотел быть «центральным» и «общеимперским» министром в роли советника императора, который, по сути, должен был принимать решения, в то время как Шварценберг стремился быть настолько сильным «центральным» и «общеимперским» министром, чтобы принимать решения самостоятельно, вместо императора. Должность министра иностранных дел с самого своего создания до конца Империи балансировала между этими двумя полюсами.

В первую очередь, необходимо упомянуть неформальное и моральное признание министра иностранных дел как советника короны и первого среди равных. Такой моральный авторитет имел практическую ценность, оправдывая правовые нормы, которые давали министру иностранных дел значительную свободу действий в рамках государства вне сферы внешней политики[2].

---

[1] На практике первый конституционный министр иностранных дел, князь Феликс Шварценберг (1848–1852 гг.), был назначен для обеспечения преемственности с Меттернихом, и в первые его годы на этом посту цель была достигнута.

[2] Необходимо добавить, что с самого начала внешняя политика Габсбургской монархии составляла первостепенную важность для общей государственной политики, и ни один другой министр: ни военный, ни главнокомандующий армией, никогда не имели даже малой доли того влияния, которое имел министр иностранных дел.

О каких правовых нормах идет речь? Первое наименование министерства с 1848 г. было «Министерство иностранных дел и дел императорского двора». Оно объединяло официальные политические должностные обязанности, которые различным образом сочетались друг с другом соответственно требованиям времени. Дольше всех существовали должности: «Министр двора и императорского семейства», «Первый министр», «Председатель совета министров», «Имперский канцлер». До 1918 г. должность министра иностранных дел объединяла в себе множество важных бюрократических позиций, министр пользовался личным доверием императора и значительным неформальным политическим авторитетом.

Дополнительные титулы и должности имели практическую ценность. В качестве министра императорского дома (Minister des Kaiserlichen Hauses) министр иностранных дел сохранил всю свою власть вопреки многочисленным реформам, осуществленным в период с 1848 по 1918 гг. Он выполнял одновременно две функции, но его должность министра императорского двора была намного более важной. Он был не «вместе с тем», а «прежде всего» министром правящей династии. Поэтому всякий раз, когда правительство утрачивало свои полномочия, министру иностранных дел удавалось избежать этого, поскольку он был министром императорского дома.

Функции министра императорского дома включали всё, что относилось к государственно-правовой позиции династии, сбережению и умножению семейного имущества, брачным договорам, наследованию и др. Поэтому министр был весьма приближен к императору и очень важен для двора, считаясь вторым по значимости непосредственно после обер-гофмейстера (Obersethofmeister) и глав основных немецких династий. Эта позиция обеспечивала ему не только почетное преимущество, но и постоянную и безусловную близость к монарху, важность для двора и, следовательно, постоянный доступ к самому императору: ему не приходилось говорить с правителем через посредничество чиновников и канцелярий. Министр иностранных дел участвовал в ведении корреспонденции императора с главами иностранных

государств; переговорах между Австро-Венгрией и Ватиканом; в назначении епископов, которое было исключительным правом императора; и это ставило его в особо привилегированное положение по отношению к монарху, открывая доступ в политические круги, что выходило далеко за пределы его обязанностей. Не правительственная канцелярия (Kabinetskanzlei), а министр иностранных дел выполнял функции совещательного органа, который разъяснял общеимперскую политику государства, в конечном счете определяемую императором.

Другая существенная привилегия министра императорского дома, в отличие от остальных министров, включая министра иностранных дел, состояла в освобождении от ответственности перед любой инстанцией или должностным лицом, кроме самого императора.

Эта абсолютистская тенденция сохранялась и в конституционный период усилиями Шварценберга, чтобы обеспечить министру иностранных дел и его подчиненным действительно сильную позицию, в том числе перед самим монархом.

Однако по отношению к нему пост министра иностранных дел, по причине непосредственного подчинения, обнаруживал известную нестабильность и неустойчивость. Здесь можно обнаружить очевидное противоречие, состоящее в том, что второй человек в государстве мог быть легко лишен своих широких полномочий.

Так, во времена Кюбека, преемника Шварценберга, пересмотру подверглись полномочия всех министерств: вводились ограничения, усиливался контроль над ними, функции министра иностранных дел по сути свелись к роли «нотариуса», и лишь император сохранил право принимать важные решения по своему собственному усмотрению. Министр иностранных дел мог лишь повлиять на императора в процессе подготовки необходимой монарху информации.

Из-за ограничения функций министра, внешняя политика, вместо развития глобализирующей и координирующей государственной деятельности, превратилась в особое занятие, изолированное от экономической и военной политики. Она проводилась самостоятельно и не согласовывалась с ними.

Трудности заключались уже не только в её изолированности, но и в сложном, практически неосуществимом допуске к ней. До 1867 г. внешнюю политику не обсуждали даже с Советом министров. Их лишь информировали о принятых решениях, не предоставляя возможности хоть каким-то образом участвовать в принятии или обсуждении.

Вполне логично, что подобная практика привела во времена Буоля[1] к созданию так называемых «тайных» или «особых» конференций, самостоятельных институтов, хотя и абсолютно неофициальных, которые созывались до распада империи[2]. Явное противоречие в самом термине «неофициальный институт», не должно запутать, а лишь помогает подчеркнуть сложные связи, которые мы можем назвать «формами управления», установленными вследствие конфликта между высшими властными структурами, верными абсолютизму — с одной стороны, а с другой — конституционалистскими требованиями кругов, более далеких от центра государственной власти.

Речь идет об особых конференциях, проведенных в самой строгой секретности, вне всякой отчетности или общественного контроля, для принятия значимых решений относительно политики империи. Встречи не были регламентированы ни по периодичности, ни по составу участников, ни по охвату обсуждаемых вопросов. Сам император был председателем конференции, и он же выбирал состав участников. Обычно это были ведущие политики, эрцгерцоги, председатели Государс-

[1] Речь идет о Карле Фердинанде фон Буоле-Шауенштейне — австрийском дипломате и государственном деятеле.— (*Прим. переводчика*).

[2] Подробнее о процессе принятия политических решений в период дуалистического управления империи см.: Haselteiner H. *Bosnien und Herzegovina: Orientkrise und Südslavische Frage.* Böhlau Verlag. Wien-Köln-Weimar, 1996; Buchmann B.M. *Hof-Regierung-Stadtverwaltung. Wien alsSitz der österreichischen Zentralverwaltung von den Anfängen bis zum Untergang der Monarchie.* R. Oldenbourg Verlag. München, 2002; Vocelka K. *Geschichte Österreichs. Kultur-Gesellschaft-Politik.* Verlag Styria, 2000; Zöllner E. *Geschichte Österreich.* R. Oldenbourg Verlag. München, 1990; Rumpler H. Die rechtlich-organisatorischen und sozialen Rahmenbedingungen für die Aussenpolitik der Habsburgermonarchie 1848–1918, in: *Die Habsburgermonarchie 1848–1918.* Band VI/I. Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften. Wien, 1989.

твенного совета, главнокомандующие армией и некоторые министры. Конференции созывались по решению императора, а правительство должно было утвердить их решения в сфере внешней политики. После 1867 г. участников конференций называли «Имперской партией» или «Дворцовой партией» и даже иногда «Военной партией». Это собрание в полном соответствии с принципами неоабсолютизма представляло собой группу советников, которые позволяли Францу-Иосифу вести собственную политику вопреки конституционным реформам, которые он осуществил под воздействием временного натиска своих противников.

Военная катастрофа 1859 г. вновь дала конституционализму преимущество над абсолютизмом, реабилитировав позицию министра иностранных дел. Прогерманская политика Австро-Венгрии в означенный период (до 1866 г.) также привела к тому, что министр иностранных дел вновь занял ведущую позицию, которую имел первоначально, а экономическая, административная и культурная сферы находились в его подчинении. Но вопреки тому, что сами тогдашние министры позволяли Францу Иосифу восстановить равновесие сил между внутренней и внешней политикой, превалирование императора над министром иностранных дел сохранилось. Эта тенденция была особенно сильна во времена Голуховского, когда не он, а Франц Иосиф, благодаря многочисленным правительственным институтам, был единственным лицом, принимающим политические решения. Министра иностранных дел восстановили на посту премьер-министра, но по настоянию Венгрии это произошло негласно. Абсолютизм снова был утвержден как основной принцип управления.

В 1861 г. уже стали ясны цели австро-венгерского Соглашения: урегулирование взаимоотношений между императором, Австрией и Венгрией на основе сохранения абсолютизма в тех сферах, которые позднее были определены как «общие вопросы» (по-немецки — gemeinsame Angelegenheiten), из которых внешняя политика, считалась самой важной — даже важнее военных вопросов. Упорядочивание стало возможным благодаря принятию всеми тремя сторонами принципов либерализма. Однако, осталось под вопросом само их применение. Именно

тогда обозначились и различия в понимании каждой стороной сути утвержденных принципов, что повлекло проблемы[1]. Но при этом неоспоримо, что, благодаря Соглашению 1867 г., Франц Иосиф получил больше, чем потерял, он спас те центральные полномочия своего поста суверена, которые были оспорены после 1861 г.

Пытаясь сохранить прежнее положение вещей, но продемонстрировать и убедить, что всё изменилось, каждая из трех упомянутых сторон играла официальную роль для общественности и неофициальную роль с учетом защиты своих интересов так, как она их понимала. Необходимо уточнить роль венгерской оппозиции. В рядах «венгерской партии» можно различить две позиции, два голоса. Один — официальный, для публичного пространства, безжалостный к Империи, а другой — неофициальный, исходящий из венгерских правительственных кругов, тяготевших к соглашению с австрийской стороной. Венгерская правящая элита считала, что в интересах Венгрии иметь одно общее государство, а не два. Поэтому ее протест был формален, а оппозиция часто неуместна.

Вопреки требованиям оппозиции венгерская сторона часто поддерживала намерения Франца Иосифа, который постепенно терял интерес к имперскому министру и был бы доволен упразднением этого поста. В таком случае у него появлялся шанс самому заняться внешней политикой[2].

---

[1] По вопросам внешней политики первое различие состояло в понимании самого понятия империи.

Как венгры понимали дуалистическую империю? По их мнению, внешняя политика Австро-Венгрии не могла считаться внешней политикой общей империи. Министр иностранных дел — это лишь общеимперский представитель двух объединенных государств на определенный период времени. Поэтому внешняя политика должна была строиться согласно этим взглядам и при одобрении обеих сторон.

Как это понимали австрийцы? Внешняя политика, общая для объединенного государства, общий государственный организм. Поэтому они говорили и об австро-венгерской монархии, и о двух государствах одной империи.

[2] В действительности Венгрия желала, но так никогда и не достигла того, чтобы учитывались ее интересы в области внешней политики. Это стремление Венгрии использовал министр иностранных дел,

Следует отметить важное разногласие между двумя сторонами в понимании австро-венгерского компромисса: в этом плане показательно, как на основании нового соглашения был разрешен вопрос об ответственности министра иностранных дел перед обоими парламентами.

Венгры настояли на участии своего парламента в принятии международных договоров; австрийцы считали, что для ратификации уже подписанных международных договоров достаточно одобрения парламента. Для достижения согласия между обоими парламентами было создано два органа со статусом комитетов — парламентские комиссии. Эти два представительства были законодательным органом для групп двух государств. Перед ними должны были отчитываться министры трех общеимперских министерств — иностранных дел, военного и финансов.

Однако закон об их ответственности не был принят; хотя на практике министр иностранных дел информировал делегации и проводил разъяснения, но никогда не отвечал в полной мере за свою политику перед этими парламентскими комиссиями. Делегации готовили всё в письменном виде, фактически это означало, что различия во мнениях между венгерской и австрийской делегациями могли выясняться через обмен нотами в течение определенного продолжительного срока, когда проблемы были уже не актуальны, и на практике так не делали, поскольку в этом не было смысла. Тем более, депутаты, лояльные общеимперскому правительству, всегда составляли большинство в делегациях, и их решения шли на пользу общеимперского управления.

Это позволяло министру иностранных дел делать всё, что он пожелает. Делегации не представляли собой никакой помехи. Они выглядели как противовес обоим автономным правительствам, но в действительности формировали один парламент,

---

чтобы неофициально добиться центральной роли в правительстве, представлявшем всю империю. Именно с этой точки зрения необходимо рассматривать «достижения» венгров в сфере внешней политики и сравнивать с объявленными официально достижениями, которые, без сомнения, только кажутся таковыми. Речь идет не только о полемике «за» и «против» имперской политики, но и о последовавшем развитии напряженности между Веной и Будапештом из-за попыток Вены взять под контроль «остатки» имперской идеи.

который функционировал плохо, был никому не нужен, освобождал суверена и министра иностранных дел от препятствий, чинимых парламентом при помощи многократных роспусков и провалов. Но делегации, хоть и не были подлинным парламентским противовесом, давали империи, современной лишь на словах, возможность абсолютистского управления. Мы не ошибемся, предположив, что сложный институт делегирования был задуман как нежизнеспособный, чтобы внешняя политика империи могла ускользнуть от любого контроля.

Со своей стороны Франц Иосиф продолжал настаивать на том, чтобы вести внешнюю политику самостоятельно, и не пропускал случая причинить неудобство своему министру. Едва только децентрализующие тенденции стали набирать силу, он взялся подыскивать министра со стабильной позицией как союзника в борьбе за спасение объединенной империи. Именно тогда Франц Иосиф призвал к себе саксонского барона Фридриха Фердинанда фон Бойста, чтобы тот занял место министра иностранных дел. Его задачей было руководство внешней политикой как единой имперской политикой, и поэтому от него ожидали борьбы за расширение своих правомочий[1].

Бойст занял пост в разгар переговоров между Веной и Пештом об укреплении империи через внутренние реформы, чтобы другие государства, особенно балканские и Германия вновь признали ее великой державой.

Как и его предшественник Шварценберг, Бойст пытался координировать внешнюю и внутреннюю политику через министерство иностранных дел. В течение определенного периода, до того, как занять новый пост, он был министром внутренних дел, юстиции и полиции. С 1 февраля 1867 г. занимал пост премьер-министра, в этом качестве возглавлял переговоры с Венгрией и утвердил такие решения, как, например, императорский декрет Венского парламента конца декабря 1867 г. Уже не будучи премьер-министром, Бойст поддержал проект польской автономии и пытался обеспечить победу полякам, а в 1869 г. старался так же поддержать лидера Националистической партии Чехии, учитывая подписание с Богемией юридического согла-

[1] Его назначение было одновременно и жестом лояльности к союзнику, саксонскому королю, и попыткой продолжения германской политики наилучшими средствами.

шения типа австро-венгерского Соглашения. 12 ноября 1866 г. он занял пост министра иностранных дел при императорском дворе, благодаря чему получил признание как *primum inter pares* (первый среди равных).

23 июня 1867 г. Бойст был назначен имперским канцлером и председателем Совета министров (Vorsitzender des Ministerrates), одновременно сохранив и пост надворного министра и министра иностранных дел. По словам самого Бойста, имперский канцлер должен был не только служить посредником между Австрией и Венгрией, но и представлять для них один общеимперский правительственный институт. Он искренне желал смягчить последствия австро-венгерского Соглашения не только потому, что был близок германским центристам по политическим взглядам; согласно его убеждениям, один общеимперский институт необходим и имеет свою практическую ценность. Даже в период предварительных и подготовительных переговоров об окончательном подписании австро-венгерского Соглашения было очевидным одно практическое соображение: министр иностранных дел юридически не является имперским министром, но по факту действует как таковой.

Сохранялось убеждение, что в качестве имперского канцлера необходим единственный министр, способный гарантировать сохранение империи через проведение единой политики. Также это убеждение было одной из основных политических идей графа Густава Кальноки, который впоследствии занял место Бойста. Кальноки был уверен: чтобы монархия выжила, необходимо проводить политику великой державы — объединять под своим руководством разнородные элементы. Если государство не сможет их сблизить и управлять ими посредством общих идей, наступит стагнация, которая легко приведет к распаду государства. Такой вид великодержавной политики возможен только при однородном централизованном лидерстве одного имперского министра[1].

Венгрия настояла на самостоятельности при подписании международных торговых договоров. Министры иностранных дел боролись с этим устремлением по политическим причинам:

[1] Франц Иосиф также настоял на том, чтобы только Корона могла выбирать министра иностранных дел, так что оба премьер-министра в этом не участвовали.

страны, главным образом, Восточной Европы, были заинтересованы в отношениях со всей империей, а не с ее частями. Была и другая причина — намерение избежать ситуации, при которой можно оспорить срок действия Берлинского договора 1878 г.

В результате международные отношения разделились на три вида: общеимперские прагматические («pragmatisch-gemeinsame»), как, например, мирные договоры, Гаагская конвенция и др.; общеимперские переговорные («praktiert-gemeinsame»), как например, все экономические договоры, действующие для обеих сторон; и автономные («autonome») внешние отношения, как, например, договоры о почтовой связи, телеграфе, железных дорогах, юридической помощи и др. Соответственно и министр иностранных дел был лишен полномочий, касающихся внутренней политики обеих стран. Так, имперская дипломатия могла выражать волю обоих государств. С этого момента, как юридически обязательный постулат дипломатии, во внешней торговле и других вопросах отношений с иностранными государствами установилось прямое сотрудничество обоих правительств в определении внешней политики.

В течение последних десяти лет существования Габсбургской монархии складывалось ощущение, что с формальной точки зрения министры иностранных дел лишь отдаленно походили на то, что задумывалось Шварценбергом и к чему прилагались усилия Бойста. Однако на практике, вопреки ограничениям, министр иностранных дел продолжал играть, как и некогда, центральную роль, подобную имперскому министру. Такое положение было не очень отчетливым, что в дальнейшем способствовало возникновению жарких дебатов, а согласно некоторым исследователям, и внутреннему кризису государственной власти и отсутствию гибкости во внешней политике дуалистической империи.

Какова была исходная позиция министра иностранных дел и его полномочия согласно австро-венгерскому Соглашению? С одной стороны, он не мог быть объектом влияния со стороны политических факторов двух держав, а с другой — имел право влиять на администрацию и законодательство. Так, министр иностранных дел был исключен из парламентской жизни, и его не касались парламентские перестановки. Он не

имел ни обязанностей, ни права участвовать в заседаниях парламента активно или пассивно. Часто парламентарии узнавали из прессы о важных внешнеполитических решениях, а сам министр также из прессы узнавал о парламентских решениях, и то лишь когда сам проявлял к этому любопытство.

С другой стороны, министру иностранных дел настойчиво рекомендовалось поддерживать связи с политической жизнью двух частей империи, поскольку его правомочия включали вопросы, которые требовалось согласовывать с двумя соответствующими правительствами. Согласно положениям австро-венгерского Соглашения, министр должен был заниматься вопросами, касающимися одновременно двух стран. Вопросы, относящиеся только к одной из них, не входили в круг его общеимперских полномочий. На практике в общеимперские переговорные вопросы включалась только узкая область внешней политики, которую можно было бы назвать также «имперской дипломатией»[1].

Министр иностранных дел имел и полномочия последней инстанции по консульским вопросам, которые обсуждал совместно с министром торговли. Оба министра, и иностранных дел, и торговли, должны были прийти к соглашению, давая указания консулам. Консулы со своей стороны отсылали доклады трем министерствам. По общеимперским прагматическим и общеимперским переговорным вопросам министр иностранных дел действовал как защитник, гарант единства между Австрией и Венгрией[2].

---

[1] Внешнеполитические вопросы типа торговых договоров и консульских отношений считались «общими вопросами». Однако было необходимо, чтобы они были согласованы с общей экономической политикой Австрии и Венгрии. Таможенное законодательство также входило в круг вопросов, обсуждавшихся на переговорах, где вырабатывали и в дальнейшем обновляли главные решения.

[2] Однако обе страны действовали автономно по ряду вопросов внешнеполитического характера и второстепенной важности. В круг автономных вопросов входили правовая поддержка, почта, телеграф, договоры по железной дороге и др. Министр иностранных дел рассматривал каждый из этих вопросов в отдельности для двух стран, как уполномоченный занимался бы делами двух различных лиц, давшим ему полномочия.

По сути речь идет о некой искусственной структуре, которая находилась не над государством, а вне его, и обеспечивала положение, при котором внешняя политика в дуалистической системе оставалась исключительно в сфере деятельности монарха. Новая правовая позиция министра иностранных дел, согласно австро-венгерскому Соглашению, сохранила свою силу до конца существования Империи.

Система дуализма располагала механизмами блокирования или ограничения, заставляя министра иностранных дел чувствовать себя неуверенным в собственных действиях. Положение министра было неустойчивым — его избрание подлежало одобрению Совета министров обеих стран; он занимал место между двумя премьер-министрами без одобрения парламента, и если кто-либо из них, при одобрении правительственного большинства, хотел причинить ему неприятности, он вполне мог это сделать, поскольку, не имея ни парламентской, ни какой-либо иной поддержки, министр иностранных дел не мог ни на кого опереться.

Между Веной и Будапештом начался конфликт при разъяснении клаузул австро-венгерского Соглашения, и чем сильнее он разгорался, тем больше министр иностранных дел становился заложником иностранных интересов. Чем больше неясных пунктов австро-венгерского Соглашения истолковывалось в пользу дезинтеграции, тем более неповоротливой становилась внешняя политика, и тем внимательней должен был действовать министр.

Когда венгры направляли свой удар на министра иностранных дел, заявляя о своем нежелании, чтобы внешняя политика была общей, они зачастую выражали личные интересы Франца Иосифа.

Австро-венгерское Соглашение представляло собой самый серьезный в истории удар по правовому положению министра иностранных дел при Габсбургах. Его клаузулы создают впечатление, что министр иностранных дел полностью лишен своих полномочий, поскольку в них главным образом подчеркивается, чего он не может делать. Однако остается открытым вопрос о том, ограничивало ли Соглашение на практике или фактически усиливало полномочия министра, позволяя мо-

билизовать такие внеконституционные средства неоабсолютизма, как, например, неофициальный институт тайных конференций, который был создан и утвержден как необходимый инструмент для проведения политики.

Другой функцией министра иностранных дел, наряду с привилегиями, которые ему предоставлял пост придворного министра, было председательство в Совете общеимперских министерств — иностранных дел, военного и финансов. Однако на практике в этом совете участвовали также и премьер-министры Австрии и Венгрии, а если решения требовали важные вопросы, в нем председательствовал сам император. Регулярные контакты, которые поддерживались с премьер-министрами обеих стран еще со времен Бойста, были важны для осуществления связи министра иностранных дел со сферой внутренней политики, в которой по закону ему не было позволено участвовать. Также нередко возникали государственные и правовые споры относительно Совета общеимперских министров. Было достигнуто соглашение, что речь идет не о Совете общеимперских министров (gemeinsamen Ministerrat), а лишь об общеимперских конференциях министров (gemeinsame Ministerkonferenzen). Но это было лишь чисто юридической поправкой, которой на практике пренебрегали. Восточный отдел не только вновь стал заниматься делом имперского канцлера и «общего» имперского правительства, но также пытался возвратить прежнюю значимость Совету общеимперских министров (gemeinsamen Ministerrat), который с этого момента стал решающей инстанцией во внешней политике. Он превратился в орган, стоящий над австрийским и венгерским министерствами, когда речь шла о проведении решений в жизнь. При этом он нес ответственность лишь перед императором.

Консервативный дух, который доминировал в министерстве, наряду с привилегированным положением общеимперской администрации, превратил внешнюю политику исключительно в сферу полномочий императора и министра иностранных дел; таким образом, становилось практически невозможным влиять на нее или участвовать в ней. Так считали некоторые деятели, занимавшие высшие посты в австро-вен-

герской администрации, включая автора ультиматума Сербии 1914 г., барона Александра Фрайхера фон Мусолина. Согласно Карлу Реннеру, внешняя политика XX в. сохранила характер преимущественно политики двора Габсбургской династии.

Катастрофический ход внешней политики в период 1848–1918 гг., согласно некоторым авторам, связан с ошибками в самих принятых решениях, а не с функциональной недееспособностью административной структуры, как утверждают другие авторы.

По своему правовому положению и возможностям действовать исходя из него каждый министр иностранных дел мог бы проводить политику великой державы. Удивительно, что удалось это лишь одному. Остальные не были в нее вовлечены. Им недоставало планов и преданности делу. Они занимали пост и вели политику как подчиненные, и в то же время мечтали быть лидерами. После Меттерниха внешняя политика стала пассивной и, в конце концов, превратилась в политику примирения. Это относится и к тем случаям, когда министры пытались спасти имперское сознание, находящееся под угрозой разложения. Политика Шварценберга в Центральной Европе была лишь тактическим средством, чтобы заставить Пруссию вновь «работать» с Веной. Политика Андраши по заключению альянса с Германией служила гарантией австро-венгерскому Соглашению с международной точки зрения, но, в то же время, надолго блокировала свободу действий империи. Балканская политика Восточного отдела также была обусловлена мотивами внутриполитического характера.

Поле действий министра иностранных дел было серьезно ограничено лишь императором, который считал, что внешняя политика — это его сфера деятельности, и лично выбирал министра, который впоследствии исполнял его волю. Таких сильных личностей, как, например, Шварценберг, призывали в критические моменты и назначали министрами внутренних и иностранных дел, а затем заменяли другими.

Глава II

ПЛАН ОБ АЛБАНИИ, ИЛИ ВЕНСКАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И ИРРАЦИОНАЛЬНОСТЬ

Между 17 ноября и 23 декабря 1896 г. в Вене были проведены три тайные конференции под председательством графа Голуховского, занимавшего тогда пост министра иностранных дел, с целью обсудить один вопрос — начало энергичной австро-венгерской «интервенции»[1] в Албании.

Участниками трех конференций были одни и те же люди[2]. Помимо министра иностранных дел, там присутствовали: общий министр финансов, фон Калай; чрезвычайный посол и бывший министр барон фон Цвидинек; глава отдела фон Горовиц; генеральный консул Шмукер и консул барон фон Баум в качестве секретаря. Во время первой конференции 17 ноября 1896 г. министр иностранных дел граф Голуховский возложил на барона фон Цвидинека и генерального консула Шмукера выработку и подробное изучение Албании, которое должно было послужить основой для следующих заседаний[3] и над которыми должна была начать работу вторая конференция[4]. Это случилось 8 декабря 1896 г. На второй тайной конференции об интервенции в Албании они будут обсуждать положения документа, озаглавленного «Mémoire über Albanien» («Меморандум

---

[1] Это выражение «eine energische Aktion» фигурирует как заглавие в протоколах проведенной 17 ноября 1896 г. конференции. См.: HHStA. PA I. K. 473.

[2] Исключая фон Фукса, который отсутствовал на первой конференции.

[3] См. с. 113 b-114 протоколов конференции: HHStA. PA I. K. 473.

[4] См. с. 115 b из протоколов: HHStA. PA I. K. 473.

об Албании»), который должен был послужить основой для осуществления программы действий.

Мы подчеркиваем это ввиду убеждения, что меморандум не может быть отделен от трех тайных конференций, поскольку они представляют значимую часть одного целого, которое формально состоит из одного документа и трех отдельных конференций[1]. Это пояснение необычайно важно, так как, с точки зрения Х.Д. Шандерла[2], оно предполагает различное истолкование значения меморандума с учетом будущего развития деятельности Вены за рубежом.

Конференции проводились в обстановке самой строгой секретности, а участники принадлежали к высшему обществу Австро-Венгерской империи. Регламентации периодичности конференций не существовало, они не подлежали контролю со стороны парламента и могли повлиять на будущую политику государства при распределении средств и сфер деятельности дипломатических представителей.

Эти конференции — пример типичной австро-венгерской традиции осуществлять внешнюю политику через институт «тайных конференций»[3].

Мы подробно останавливаемся на конференциях и меморандуме по трем основным причинам.

Во-первых, мы считаем, что они знаменуют собой новый этап во внешней политике Австро-Венгрии, но в основе этой

---

[1] Рассмотрение трех формально разных конференций как единого целого по причине их сходства и общей темы и содержания является заслугой Х. Луца. См. его замечательную статью: Politik und militarische Planung in Österreich-Ungarn zu Begin der Ära Andrássy. Das Protokoll der Wiener Geheimkonferenzen von 17. bis 18. Februar // *Geschichte und Gesellschaft, Festschrift für Karl R. Stadler*. Wien. 1974. S. 23–44.

[2] См.: *Die Albanienpolitik Österreich-Ungarns und Italiens 1877–1908*. Wiestbaden, 1971, прекрасную книгу, заслуживающую внимания по многим причинам, среди которых и та, что здесь впервые говорится о тайных конференциях. Но я не согласна с оценкой, которую автор дает меморандуму, считая его обыкновенным предложением, интеллектуальным упражнением без практической ценности для политики Вены.

[3] Подробнее о этом «институте» см.: Хазелштайнер Х. *Orientkrise und Südslavische Frage*. Böhlau, 1996.

новизны — не ориентация на средиземноморский регион, но абсолютно конкретное определение целей и конкретно очерченный круг действий, а также в исключительно точный и подробный учет средств, имеющихся в распоряжении, на пути к цели.

Во-вторых, мы сталкиваемся с типичным примером внешней политики Империи, представляющим собой не только попытку предотвратить интервенцию другой великой державы. В этом отношении мы отходим от позиции Х.Д. Шандерла[1] по поводу того же документального материала.

И наконец, самое главное — то, что Вена для осуществления своих политических целей должна была сначала решить вопрос о создании албанской нации как необходимого условия. Именно этот процесс составляет основной интерес настоящего исследования. Поэтому мы излагаем точку зрения, отличающуюся от позиции Ставро Скенди в отношении албанской нации[2].

Первая тайная конференция 17 ноября 1896 г.

Конференция была открыта министром иностранных дел, графом Голуховским который, в качестве председателя, высказал в своем выступлении три основных положения.

По первому положению он провел предварительный анализ конкретной ситуации, проистекавшей от неизбежного распада Османской империи. По его мнению, когда наступит ее конец, может реализоваться обычный сценарий — естественное перераспределение территорий. В таком случае было бы необходимо решить вопрос об албанских территориях с католическим населением в северной части и с мусульманским населением в Центральной Албании.

По второму положению министр иностранных дел выразил реальные интересы Австро-Венгерской империи. Он полагал, что вопрос жизненной важности для албанских территорий, как с католическим, так и с мусульманским населением — не

[1] Там же. См: *Die Albanienpolitik Österreich-Ungarns ind Italiens 1877–1908.*

[2] См. его замечательную книгу «*The Albanian National Awakening, 1878–1912*». Princeton, New Jersey, 1967.

попасть под влияние другой великой державы, а остаться независимыми и объединиться в новое княжество под австрийским протекторатом, то есть Австро-Венгрии необходимо оказывать влияние на данный регион.

Третье положение связано с мерами, которые Вена должна была предпринять, когда наступит подходящий момент, чтобы быть подготовленной и извлечь из этого максимальную пользу.

Такими мерами должны быть:

а) создание — и, если понадобится, реорганизация — австрийских консульских представительств в Албании, исходя из численности штата и географического распределения. Одновременно необходимо было подобрать и назначить на дипломатические посты служащих, способных выполнить такую важную миссию.

б) развитие совместной деятельности с Грецией, чтобы к ней были присоединены районы с греческим влиянием и чтобы избежать вмешательства других стран, таких как Италия.

в) выработка проекта статута для будущей организации албанского княжества, чтобы Австро-Венгрия имела возможность, когда наступит подходящий момент, опередить другие силы готовыми подробными и конкретными предложениями.

Вторым по очереди высказался общеимперский министр финансов фон Калай, который выразил свое согласие с министром иностранных дел в отношении итогового заключения о необходимости создания независимой Албании. Затем он провел очень интересный анализ, выделив еще несколько новых причин для работы в этом направлении. Он привлек внимание к некоторым возможным трудностям, отчетливо очертив положительные стороны этой ситуации и предложив дополнительные инициативы с учетом достижения этих целей. Фон Калай видел еще три причины необходимости вовлечения Австро-Венгрии в создание независимой Албании:

а) положить конец планам Италии в отношении восточного Адриатического побережья;

б) избежать того, чтобы все балканские страны попали под русское влияние;

в) как следствие всего этого, избежать попадания Австро-Венгрии в «железный обруч», контролируемый Россией.

Фон Калай насчитывает четыре основных затруднения:

а) огромные внутренние различия внутри албанского народа;

б) три различных вероисповедания албанского населения;

в) Албания никогда в своей истории не имела организованного государства;

г) общественная жизнь албанцев ограничивается узколокальными интересами.

Сам фон Калай указывает далее некоторые положительные стороны ситуации:

а) у албанцев присутствует ясное осознание того, что они ничего не достигнут самостоятельно;

б) поэтому они всегда рассчитывали на помощь Австро-Венгрии, особенно это касается католического населения севера;

в) когда наступит подходящий момент, мусульманское население поймет, что не может более рассчитывать на поддержку Константинополя и склонится к созданию независимого государства под австрийским протекторатом.

Министр финансов подчеркивал необходимость действовать как можно более быстрым и энергичным способом, стремясь к успеху, и добавил к уже озвученному Голуховским четыре предложения для новых инициатив:

а) деятельность Австро-Венгрии следует начать в отношении католиков севера, но нельзя пренебрегать и интересами мусульман, чтобы не создать ошибочного впечатления, будто для Вены важно вероисповедание, а не создание общей албанской нации;

б) раздать оружие и боеприпасы;

в) оказать моральную поддержку населению в случае пограничных конфликтов с Черногорией, чтобы таким образом создалось доверие к покровительству Австро-Венгрии и нашлись способы утверждения этого доверия;

г) личная материальная помощь должна распределяться между самыми влиятельными албанскими лидерами.

После достижения общего согласия по основным вопросам оставалось более конкретно и подробно разработать имеющи-

еся в распоряжении средства к действию. По данному вопросу в первую очередь были сделаны следующие замечания общего характера:

1) министр иностранных дел подчеркивал важность вопроса учреждения австро-венгерских консульских представительств в Албании;

2) Цвидинек настаивал на том, чтобы специально очертить круг действий и правомочий консулов. Предлагалось исключить из планов те районы, в которых эллинизация продвинулась настолько, что было бы трудно работать над созданием общей албанской нации;

3) Фон Калай считал, что нет необходимости в совпадении территориального охвата консульств с зоной интервенции; что Греция сама не достигнет многого, и поэтому необходимо работать вместе с ней. Он также утверждал, что необходимо установить, действительно ли процесс эллинизации в зонах с греческим влиянием настолько продвинулся вперед, как считается на данный момент;

4) Голуховский подчеркивал важность объединенных действий, масштаб и цели которых должны были определяться в Вене, а выполнение, насколько возможно, следовало доверить соответствующим консульским представителям в Албании;

5) в связи с этим первостепенной задачей сочли создание консульств в Албании, равно как и проведение в будущем религиозной политики и политики субсидий.

После вступительных замечаний барон фон Цвидинек и генеральный консул Шмукер сами взяли на себя обязательство изучить актуальную ситуацию (возможности и условия, состояние дел, объективные обстоятельства и в принципе любые связи) и подготовить меморандум с результатами исследования, в котором бы содержались более конкретные предложения по проведению действий. В свою очередь, сам документ должен был послужить основой для работы на последующих заседаниях.

Конференция продолжилась выработкой конкретных предложений по различным вопросам той или иной степени важ-

ности. Среди них самыми значимыми, с учетом будущих действий Вены, можно назвать четыре:

Во-первых, относительно политики по религиозным вопросам и субсидиям общеимперский министр финансов фон Калай считал, что сто́ит провести опыт по привлечению Ордена иезуитов в качестве союзника. С помощью иезуитов из Скутари и францисканцев из Трошани Вена могла бы подготовить новое албанское духовенство. Со своей стороны, оно могло бы оказать неоценимую услугу, нейтрализовав итальянское влияние, распространяемое именно через духовенство. Подчеркивалось, что Дочери милосердия добились не слишком хороших результатов и могут быть заменены Сестрами Божией любви, которые уже много лет отлично служат австро-венгерским интересам в Боснии.

Во-вторых, необходимо было в будущем уделить больше внимания приходскому образованию. Следовало обеспечить доступ людей к книгам, написанным на албанском языке, но транскрибированным латиницей. Знакомство с латинской азбукой может поспособствовать хорошему знанию других языков и литератур.

В-третьих, предполагалось также создание центров действия вне албанской территории, как, например, в албанской колонии Заре, откуда в османскую Албанию местное население могло ввозить книги, изданные в Вене, избегая таким образом любого возможного подозрения. Другим потенциальным центром был Бухарест, где группа людей уже искала возможности установить контакты с Веной, чтобы действовать в этом направлении. Министр иностранных дел выразил согласие работать с ними.

Среди этих предложений самым малозначимым, но одним из самых любопытных было предложение, связанное с организацией консульств и возможностью создания консульского поста в городе Берате, который участники предлагали сделать центром нового государства.

Конференция закончилась принятием решения о рассмотрении на следующем заседании доклада барона фон Цвидине-

ка и генерального консула Шмукера. Протоколы конференции были составлены секретарем Баумом и подписаны Голуховским, который удостоверил их подлинность, а также свое согласие с их содержанием.

Вторая тайная конференция 8 декабря 1896 г.

С нашей стороны не будет слишком смелым предположение, что с 17 ноября до 8 декабря, когда проходила вторая конференция, фон Цвидинек и Шмукер располагали достаточным временем, чтобы составить меморандум и разослать участникам для подробного ознакомления с его содержанием перед началом заседаний.

В начале конференции слово взял председатель граф Голуховский и с удовольствием отметил, что в соответствии с решениями первой конференции 17 ноября, «Меморандум для Албании», выработанный фон Цвидинеком и генеральным консулом Шмукером, содержит богатый материал, который пригодится для дальнейшей работы. Поэтому он предложил сначала прочесть положения документа, а потом обсудить их.

Перед началом чтения Голуховский признал[1], что меморандум является исчерпывающим и аргументированным, поэтому он не посчитал нужным оспаривать сказанное в нем и особо подчеркнул положительную оценку влиятельного албанского бея относительно миссии Австро-Венгрии в Албании, а также заметил, что трудно за короткое время привлечь всех албанских мусульман, но для Вены важен и этот положительный знак[2], поскольку для многих из них эта идея уже является привлекательной.

Министр иностранных дел граф Голуховский поблагодарил фон Калая за любезную оценку меморандума, и распорядился, чтобы чтение началось с той части, которая затрагивала средства осуществления целей.

Поскольку документ сохранился в австрийских архивах[3], мы представим его три начальные главы (озаглавленные, соот-

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 130.

[2] HHStA. PA I. K.473. S. 130 b.

[3] HHStA. PA I. K.473.

ветственно, как «Поле деятельности», «Национальные условия и политика Албании» и «Методы осуществления действий»), после чего снова вернемся к дебатам второй тайной конференции.

1. Поле деятельности

Целью первой части, озаглавленной «Поле деятельности»[1], было определить территории, на которые Вена могла распространить свое влияние. Фон Цвидинек выделял это как проблему первостепенной важности, поскольку у Албании с точки зрения политики и географии нет строго определенной территории, и предложил, чтобы в нее были включены и турецкие владения Балканского полуострова, населенные более или менее компактно проживающим албанским населением. Согласно этому критерию, в качестве установленных временных границ сферы влияния были предложены следующие:

На севере: Черногория, Босния и отчасти Сербия;

На западе: Адриатическое море;

На юге: линия, образованная Превезой, Яниной, Аргирокастро и Костуром;

На востоке: линия, образованная Костуром, Монастиром, Охридом, Враней, Приштиной и Нови Пазаром.

Как часть европейских владений Османской империи, эта территория распределялась по административно-политическому признаку между четырьмя провинциями: Скутари (Шкодрой), Косово, Яниной и Монастиром. Здесь Цвидинек подчеркивает в скобках, что в Салоникском вилайете албанское население насчитывает едва 1,5% всего населения, и там, как он считает, австрийские интересы могут осуществляться только через связь с соседними вилайетами Монастиром и Косово.

Согласно статистическим данным Цвидинека, общее число жителей перечисленных четырех провинций составляет приблизительно 2,5 млн душ и распределяется следующим образом:

[1] HHStA. PA I. K.473. S170.

По национальностям[1]*:*		*По вероисповеданию*[2]*:*	
Албанцы	1 100 000 (44%)	Мусульмане	1 322 000 (52,8%)
Болгары	486 000 (19,2%)	Православные	695 500 (27,8%)
Сербы	291 000 (11,4%)	Экзархисты	374 500 (15%)[3]
Греки	238 500 (9,2%)	Католики	102 000 (4%)
Влахи	160 000 (6,5%)	Евреи, армяне,	
Турки	240 000 (9,3%)	цыгане и др.	10 000 (0,4%)
Евреи, армяне,			
цыгане и др.	10 000 (0,4%)		

[1] Здесь он немного поспешил, было бы корректней говорить об этносе, а не о национальности. Также я считаю важным отметить, что высшие представители Австро-Венгерского государства приняли данные Цвидинека без малейшего сомнения относительно их подлинности. Однако мы не знаем, на какой информации базировался Цвидинек, готовя статистику по «национальностям» и вероисповеданию. Поэтому я делаю определенную скидку на его точность и объективность.

Эта точность вызывает сомнение, поскольку, как станет ясно в дальнейшем наряду с другими фактами, некоторые из упоминаемых областей абсолютно неизвестны, и ни один иностранец никогда не бывал там.

Объективность Цвидинека также под сомнением, поскольку очевидна неполнота его сведений по различному вероисповеданию и предполагаемому происхождению населения (он пренебрег языковой стороной проблемы и фактором совместного проживания различных этносов и, что очень важно, следующим фактом: члены одной этнической группы почти всегда принадлежали к различным вероисповеданиям), что мешает сформировать правильное представление описанной территории как поля действия. Этот регион этнически неоднороден, представляя собой мозаику из смешанного населения, относительно компактные группы которого живут вместе, и поэтому практически невозможно очертить «национальные» границы, не причиняя ущерба другим этническим группам и, следовательно, не создавая предпосылок для серьезных конфликтов на всем Балканском полуострове, так как любое изменение затрагивает всех.

Возможно, было бы уместно отметить, что данная территория еще с древних времен была населена различными племенами, представляя собой перекресток цивилизаций и миграций и являясь наследницей морских и торговых империй; в этом отношении Османская империя сохранила модель мультиэтничности и даже требовала ее сохранения, чтобы осуществлять свой контроль. Факт существования некой этнической группы, более или менее консолидированной, не может рассматриваться отдельно, необходимо проанализировать его в контексте реальности — совместного проживания множества компактных этнических групп в одних и тех же городах и селах.

[2] Относительно вероисповеданий Цвидинек допустил серьезную ошибку, отдельно представив православных и экзархистов, как буд-

Цвидинек пришел к заключению, что албанский элемент имеет перевес в четырех указанных вилайетах, поскольку никакая другая национальность не превосходит его по численности.

Из 1 100 000 албанцев распределение по вероисповеданию представлено приблизительно следующим образом:

Мусульмане	848 000
Католики	102 000
Православные	60 000

Следовательно, 77% из них мусульмане, а 23% — христиане.

Цвидинек подчеркивал, что пропорциональное соотношение численности албанцев и других народностей, как и распределение по вероисповеданию, неравномерны в четырех вилайетах, поэтому предложил установить соотношение для каждого вилайета в отдельности и таким образом определить, до какой степени албанцы играют ведущую роль в каждом из них.

Общие данные для вилайета Скутари

Площадь: 8190 км^2; население: 241 000 жителей, распределенных следующим образом:

то они исповедуют две разные религии. Обе группы православные. Согласно Цвидинеку, «православные» подчиняются греческому Патриарху в Константинополе, в то время как «экзархисты» подчинены болгарскому Экзарху. Поэтому во всех статистиках по вероисповеданиям следует суммировать обе группы, чтобы добиться более точного представления о религиозных взаимоотношениях. С учетом этого, рядом с цифрами Цвидинека мы укажем сумму из двух групп, чтобы не сформировать у читателя ошибочного представления. С другой стороны, факт, что Цвидинек и его коллеги настаивали именно на такой постановке вопроса, вновь подтверждает их пристрастное отношение к данной части населения Балканского полуострова, их желание представить действительность не такой, какая она есть, а такой, какой бы они хотели ее видеть. Именно поэтому есть вероятность ошибочности анализа и риск выбора неправильной стратегии.

[3] То есть в общей сложности 1 070 000 православных.

По национальности:		*По вероисповеданию:*	
Албанцы	222 000	Мусульмане	150 000
Турки	10 000	Католики	82 000
Сербы	7 500	Православные	7 500

По мнению Цвидинека, население этой провинции практически однородно по национальности[1], то есть является албанским. Мусульмане сконцентрированы преимущественно в городах, где выполняют функции государственных служащих, а славяне живут только в ограниченных местах около озера Скутари. В столице проживают и черногорские, и боснийские эмигранты славянского происхождения.

Также согласно Цвидинеку, 63% албанцев, живущих в вилайете Скутари, т.е. около 140 000, заявили о себе как последователи ислама. Остальные 37%, т.е. около 82 000, заявили, что они католического вероисповедания. Католическое население преобладало в северных частях провинции, а мусульманское — в южных. Горные племена на севере от Шкодры, в Хоти, Кастрари, Клементи и Скрели, пять банатских племен из Мирдиты и племена из Пулати, а также племя фанди, представляли собой чисто католическую общность, в отличие от православных славян Черногории и соседних мусульманских общностей на востоке и юге.

На юге от реки Мати, в районах Круи, Дураццо, Тираны, Наваи и Шияка, присутствует незначительное число католиков.

Особенности вилайета Скутари

Площадь: 8190 км²; население: 241 000 жителей

	По национальности:		
Санджак Скутари:	Албанцы	160 000	} 166 500
	Турки	5 000	
	Сербы	1 500	
Санджак Дураццо:	Албанцы	62 000	} 73 000
	Сербы	6 000	
	Турки	5 000	

[1] Цвидинек снова забегает вперед, употребляя термин «национальность», как он это делает и во всем меморандуме.

	По вероисповеданию:	
Санджак Скутари:	Мусульмане	84 000
	Католики	81 000
	Православные	1 500
Санджак Дураццо:	Мусульмане	66 000
	Православные	6 000
	Католики	1 000

Горные племена из Северной Албании собраны и распределены по вероисповеданию следующим образом:

1. Племена с севера Шкодры: Хоти, Клементи, Кастрари, Груды, Скрели, Триепши и Кочи — 24 000 жителей, из которых 20 500 — католики, а 3 500 — мусульмане;

2. Риоли, Речи и Лохия — 3 000 жителей, из которых 1 300 — католики, а 1 700 — мусульмане;

3. Горные племена из Пулати: Шала, Шоши, Никай, Мертури, а также банатские племена из Джовани, Кири, Планти, Топлана и Душмани — 14 000 жителей, почти поголовно католики;

4. Племена из Пострипы, из банатов Дрищи, Богши, Сумма, Шлаку и Темали — 4 200 жителей, из которых 2 300 — католики, а 1 900 — мусульмане;

5. Дукагины из банатов Калаш, Будьони, Керети, Пука, Ибат, Мализи и Дериши — 25 000 жителей, из которых 18 000 — католики, а 6 500 — мусульмане;

6. Мирдиты из банатов Орош, Дибра, Фанди, Кушнени и Спач — 20 000 жителей, преимущественно католики;

7. Банаты Алесио, т.е. Алесио, Манат, Булгари, Велия и Крушеши — 6 000 жителей, из которых 5 600 — католики, а 400 — мусульмане;

8. Банаты Ктела, Селита и Лурия — 4 000 жителей, из которых 2 900 — католики, а 1 100 — мусульмане.

Общее население этой провинции насчитывало 100 200 жителей, из которых 85 100 — католики, а 15 100 — мусульмане.

Общие данные о вилайете Косово[1]

Косовский вилайет расположен на востоке от вилайета Скутари (главный город Скопье). Площадь: 32 000 км^2; население: 865 000 жителей, распределенных следующим образом:

[1] HHStA. PA I. K.473. S171.

По национальности:		*По вероисповеданию:*	
Албанцы:	276 000	Мусульмане:	507 000
Сербы		68 000	
Из них:			
Болгары		187 000	
Албанцы		251 500	
Турки		130 000	
Влахи		2 200	
Сербы		77 300	
Армяне, евреи, греки		1 800	
Болгары		37 200	
Православные		187 000	
Экзархисты[1]		149 000	
Католики		20 000	
Другие		1 800	

В этом вилайете приблизительно 32% жителей — албанцы. Очень близки к ним по численности сербы, составляющие 31%, и болгары, составляющие 21%.

Задавшись вопросом, как эти этнические элементы группируются в различных частях вилайета, мы обнаружим, согласно Цвидинеку, что албанцы многократно превосходят по численности другие этносы в санджаках Призрен и Ипек и проживают компактными группами в санджаках Призрен и Нови Пазар, в соотношении 3: 1 по отношению к сербам. В санджаке Скопье их число относительно меньше; там они представляют едва 10% от населения, в то время как болгары составляют 64% от всех жителей.

Из всего этого следует, что албанцы были наиболее многочисленны именно в Косовском вилайете, по соседству со Скутари, образуя вместе с «братьями с запада», по словам Цвидинека, общую зону с единым языком и относительной компактностью.

Граница между населением, говорящим по-албански, и славянским населением проходит на севере от Колашина через Гузине-Плаву, продолжается по Ибару до линии Рожай-Суходол-Глуговик-Дуга Полажан, через возвышения Рогозны, к юго-востоку от Йени Пазара (Нови Пазара), протянувшись через район Вучитрына и Куршумлии до границы с Сербией, а затем возвращаясь

[1] Т.е. в общей сложности 236 000 православных.

к Топлице, в сферу влияния болгарской (южной) Моравы. Затем она идет по реке до Куманово, после — на запад, через южный склон Карадага через ущелье реки Лепенац и, пересекая долину Вардара, почти у устья Трески, идет к вилайету Монастир.

Албанское население этой провинции — преимущественно мусульманское. Католические албанские общины были только в районе Призрена, Ипека, Дьякова и совсем немного — в области Черногории и Янево. Однако число католиков[1] в рамках всего вилайета едва достигало 2–3% от всего населения, в то время как албанских мусульман было приблизительно 30%.

Частичные данные вилайета Косово (столица — Скопье)

Площадь 32 000 км²; население — 865 000 жителей.

Распределение по национальности:

Санджак Скопье:	Болгары	171 000	266 500
	Турки	50 000	
	Албанцы	26 600	
	Сербы	15 000	
	Влахи	2 200	
	Евреи	1 500	
Санджак Приштина:	Сербы	112 500	214 000
	Албанцы	51 000	
	Турки	50 000	
	Евреи	350	
Санджак Призрен:	Албанцы	122 000	184 000
	Сербы	42 000	
	Болгары	15 000	
	Турки	5 000	
Санджак Ипек:	Албанцы	51 500	75 000
	Сербы	18 500	
	Турки	5 000	
Санджак Нови Пазар:	Сербы	54 000	88 000
	Албанцы	24 000	
	Турки	10 000	
Санджак Плевлие:	Сербы	26 000	37 000
	Турки	10 000	
	Албанцы	1 000	

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 171 b.

Распределение по вероисповеданию:

Санджак Скопье:	Экзархисты	137 000
	Мусульмане	114 000
	Православные	13 800
	Евреи	1 500
	Католики	200
Санджак Приштина:	Мусульмане	136 500
	Православные	71 500
	Католики	5 500
	Евреи	350
Санджак Призрен:	Мусульмане	133 500
	Православные	33 800
	Экзархисты	12 500[1]
	Католики	5 000
Санджак Ипек:	Мусульмане	50 700
	Православные	14 800
	Католики	9 500
Санджак Нови Пазар:	Мусульмане	51 800
	Православные	36 000
Санджак Плевлие:	Мусульмане	20 500
	Православные	17 200

Общие данные о вилайете Монастир

Этот вилайет граничит на западе с вилайетами Скутари и Яниной, а на востоке — с Салониками. Площадь: 32 000 км², население: 890 000 жителей, распределенных следующим образом:

По национальности:		*По вероисповеданию:*	
Болгары	300 000	Мусульмане	433 600
Албанцы	250 000	Православные	226 000
Влахи	120 000	Экзархисты	225 000[2]
Греки	110 000	Евреи	5 100
Турки	90 000		
Сербы	15 000		
Евреи	5 100		

В провинции Монастир болгарский этнос превосходил по численности албанский (300 000 против 250 000), но, несмотря

[1] Т.е. всего 46 000 православных.

[2] Т.е. всего 451 000 православных.

на это, албанцы в данном регионе образовали компактную группу в непосредственной близости с вилайетами Скутари и Косово, преимущественно албанскими. Они проживали по большей части в санджаках Дибра и Эльбасан в таком соотношении, что в целом мы можем назвать их албанцами. Однако в санджаке Корча их число едва достигало 40% от всего населения при соотношении 200 000 албанцев к 180 000 болгар и 70 000 влахов, а в санджаке Селфидие (Сербия), граничащем с Фессалией, население составляло 6 000 албанцев, 90 000 болгар и 70 000 греков.

Албанцы в этой провинции почти поголовно мусульмане. В землях, граничащих на севере с санджаком Дураццо, на востоке с Монастиром, на юге с Грецией и на западе с Адриатикой, состав населения сильно отличается от вышеупомянутых вилайетов.

Особенности вилайета Монастир

Площадь: 32 000 км²; население: 890 000 жителей, распределенных следующим образом:

Распределение по национальности (приблизительное)

Санджак Дибра:	Албанцы	110 000	120 000
	Болгары	5 500	
	Сербы	4 000	
	Турки	1 000	
Санджак Эльбасан:	Албанцы	81 000	87 000
	Турки	5 000	
	Греки	1 000	
Санджак Корча:	Албанцы	50 000	160 000
	Болгары	40 000	
	Влахи	30 000	
	Турки	10 000	
	Греки	10 000	
	Другие	20 000	
Санджак Монастир:	Болгары	180 000	327 000
	Влахи	70 000	
	Турки	30 000	
	Албанцы	20 000	
	Греки	15 000	
	Сербы	10 000	
	Другие	2 000	

Санджак Селфидие:	Болгары	90 000
	Греки	70 000
	Влахи	19 000
	Турки	10 000
	Албанцы	6 000

Распределение по вероисповеданию:

Санджак Дибра:	Мусульмане	109 000
	Православные	5 500
	Экзархисты	5 500[1]
Санджак Эльбасан:	Мусульмане	86 000
	Православные	1 000
Санджак Корча:	Мусульмане	74 600
	Экзархисты	50 000
	Православные	34 600[2]
	Евреи	800
Санджак Монастир:	Экзархисты	164 000
	Мусульмане	87 000
	Православные	71 000[3]
Санджак Силфидие:	Православные	113 800
	Мусульмане	76 600
	Экзархисты	5 600[4]

Общие данные о вилайете Янина

Площадь: 16 664 км²; население: 510 000 жителей, распределенных следующим образом[5]:

По национальности:		*По вероисповеданию:*	
Албанцы	330 000	Православные	275 000
Греки	128 000	Мусульмане	231 000
Влахи	38 000	Евреи	3 500
Турки	10 000		
Евреи	3 500		

[1] Т.е. всего 11 000 православных.

[2] Т.е. всего 84 600 православных.

[3] Т.е. всего 135 000 православных.

[4] Т.е. всего 119 000 православных.

[5] HHStA. PA I. K.473. S. 172.

Здесь мы снова видим, что албанцы преобладают, они составляют почти 65% от всего населения. Однако проживают главным образом в северной части вилайета, т.е. в санджаке Берат, где помимо 130 000 албанцев проживали около 13 000 аромунов, как и в санджаке Аргирокастро, где наряду с 110 000 албанцев жили около 26 000 греков. На юге, в санджаке Янина, 75 000 греков составляли самую многочисленную группу, албанцев было 60 000. Однако в санджаке Превеза проживали 30 000 албанцев и 23 000 греков, но албанское население здесь было по преимуществу ассимилировано греческой культурой.

Необходимо подчеркнуть, что в северо-восточных районах албанское население было почти полностью мусульманским, в то время как в южной части, граничащей с Грецией, оно исповедовало греческую православную веру.

Граница между албанским и греческим населением в вилайете Янина далеко не так отчетлива, как между албанцами и славянами, жившими в Северной Албании. Можно ясно очертить ее лишь на северо-востоке от Эпира, т.е. от Коницы и Десника, через гору Пинд до Аргирокастро. На западе от этой линии до Адриатического моря оба этнических элемента смешиваются. В целом можно утверждать, что на севере почти повсеместно проживало албанское население, на юге — греческое, а в центре западной части к северу от Превезы и до Химары — смешанное.

Аромуны жили преимущественно в долине горы Пинд, их поселения были сосредоточены около Мецово, в закрытых общностях. Они встречались и в некоторых селах в районе Загории и Коницы и совсем редко в Малакасте, Погоне и плато Музайка.

Частичные данные вилайета Янина

Площадь: 16 664 км²; население: 510 000 жителей.

Распределение по национальности

Санджак Берат:	Албанцы	130 000	
	Влахи	13 000	
	Греки	4 000	148 000
	Турки	500	
	Евреи	500	

Санджак Аргирокастро:	Албанцы	110 000	138 500
	Греки	26 000	
	Турки	2 500	
Санджак Янина:	Греки	75 000	170 000
	Албанцы	60 000	
	Влахи	25 000	
	Турки	7 000	
	Другие	3 000	
Санджак Превеза:	Албанцы	30 000	53 500
	Греки	23 500	

Распределение по вероисповеданию:

Санджак Берат:	Мусульмане	130 500
	Православные	17 000
	Евреи	500
Санджак Аргирокастро:	Мусульмане	99 000
	Православные	39 500
Санджак Янина:	Православные	120 000
	Мусульмане	47 000
	Другие	3 000
Санджак Превеза:	Православные	27 500
	Мусульмане	26 000

2. Национальные условия и политика в Албании[1]

Во второй части своего документа, после изложения данных о количественном соотношении между албанцами и другими этносами на территории Турции, от берегов Адриатического моря до притока реки Ибар и до реки Вардар, а также о распределении населения по вероисповеданиям, Цвидинек переходит к описанию[2] условий национальной жизни албанцев и их политики, хотя и не считает их особенно важными с учетом того, что его цель — создание независимой Албании.

[1] См. Приложения I–IV к меморандуму, выработанному Цвидинеком (HHStA. PA I. K.473). Ввиду той важности, которую я придаю этому документу, передаю его почти дословно, как и предыдущие части меморандума.

[2] HHStA. PA I. K.473.. 172 b.

Согласно Цвидинеку, самое важное — это не забыть, что албанское население упоминаемых турецких земель по сути не представляет собой подлинной национальной общности, хотя их объединяет географический фактор. Более того, проживающие там люди принадлежат к двум племенам, разделенным рекой Шкумбой, которая фактически служит им границей:

— Племя гегов, к которым принадлежат албанцы из вилайетов Скутари, Косово и Монастира;

— Племя тосков, к которому относятся албанцы из вилайета Янина и к югу от реки Шкумба.

Далее барон Цвидинек предупреждает, что эти два племени чужды друг другу и даже враждебны. До столкновений не доходит, как это случалось прежде, но ни в коем случае нельзя говорить о национальном единстве между ними, о чувстве общей политической принадлежности или об общих интересах. И это несмотря на то, что в сознании некоторых албанских патриотов уже начала зарождаться идея независимой и объединенной Албании.

До некоторой степени надуманные расхождения между этими двумя племенами и разногласия между ними и остальными племенами, не позволяющие иметь общие интересы друг с другом, наблюдаются на всех уровнях и проявляются в различной форме.

Что же касается национального характера, то согласно Цвидинеку, тоски в принципе более податливы внешним влияниям, физически более сильные, более смелые и имеют более развитое чувство независимости и чести.

В отношении языка Цвидинек указал различия между двумя диалектами. Диалект гегов — более твердый, а тосков — более мягкий, и они практически почти не понимают друг друга. Другая особенность заключается в том, что племена используют различную письменность. Тоски — греческую азбуку, а геги — латиницу.

По вероисповеданию геги — христиане римско-католической церкви, тоски признают Греческую патриархию. Албанцы-мусульмане с севера — сунниты, в то время как южные чаще всего принадлежат к секте шиитов-бекташи.

По словам Цвидинека, наибольшие разногласия между обеими группами проявляются в идеях и политических устремлениях, что наиболее характерно для албанских христиан[1]. Тоски-христиане имеют многочисленные ответвления в соседнем Греческом королевстве, с которыми поддерживают тесные связи. У гегов-христиан существует единственный клан вне Турции в четырех основных центрах (все в Австро-Венгрии: Эриццо около Задара; Перой у Пулы; Никинце и Херковце в Славонии). Геги, ввиду религиозных и политических причин, склонны больше симпатизировать Австро-Венгрии, чувствуют себя связанными с ней и ангажированными ею благодаря поддержке, которую австро-венгерское правительство оказывает церкви и католическим школам в их стране.

Что касается албанских мусульман, то Цвидинек весьма настойчиво подчеркивает, что все они поддерживают султана, не только чувствуя себя политически ближе к нему, но и осознавая, что никогда не имели бы больше свободы, чем им предложила Османская империя. Можно сказать, они обязаны османским властям, по крайней мере, верностью взамен на свои привилегии, традиции и обычаи[2]. Почти все тамошние авторитетные личности, питающие патриотические чувства, убеждены, что, если Османская империя падет — а этого даже не могут исключать самые лояльные албанские мусульмане, — им необходимо будет искать поддержку у Австро-Венгрии, это следует из высказываний одного важного и влиятельного албанского бея:

«Мы, албанцы, — заявляет он недвусмысленным образом, — очень хорошо знаем, что османское владычество в Европе рано или поздно закончится. Эпирцев поглотит Греция, болгар — Болгария, а сербов — Сербия и Черногория. А что станется с нами, албанцами? Насколько я знаю настроение моих соплеменников, — продолжает Сурай-бей, — для нас наиболее благоприятным решением станет создание автономной провинции под протекторатом Австро-Венгрии. И сколь бы серьезной ни была пропаганда некоторых итальянских священников и дипломатов в Албании, Италия никогда не пользовалась популярностью среди нас. Если мы, мусульмане, должны при-

[1] Ibid. S. 172 b.

[2] Ibid. S. 173.

соединиться к какой-то иной стране, потому что всё еще не созрели для создания независимой Албании, мы предпочитаем Австро-Венгрию прочим державам. Даже самые невежественные слои народа знают, что австро-венгерское правительство уважает нашу религию и наши обычаи. Залпы, прозвучавшие в Сараево в честь Рамадана, создали у нас исключительно приятное впечатление»[1].

Цвидинек считает, что существует и другая причина, по которой албанские мусульмане симпатизируют Австро-Венгрии. Это сложившийся на Балканах антагонизм между Австро-Венгерской империей и Россией. Прославянская политика русских встречает своего самого ожесточенного противника в лице Австро-Венгрии, которая боится и не желает допустить в этом районе разрастания «славянского элемента»[2]. Россия считает, что главная цель Австро-Венгрии — остановить развитие «славянизации» Балкан: она никогда не поддержит «ненавистных славян», а сделает со своей стороны всё, чтобы повлиять на их интересы и на интересы России, которая им покровительствует. Поэтому албанские мусульмане считают Габсбургскую монархию своим естественным союзником и покровителем в борьбе против России и ее протеже. В действительности, албанские мусульмане предпочли бы видеть Австро-Венгрию союзником Османской империи и защитником их национальной идеи перед султаном. Но когда в Европе наступит конец османского владычества, самым разумным и практичным будет установить союз между Австро-Венгрией и албанцами на севере[3].

В южных частях Албании положение совсем другое. Лишь единицы — беи, вассалы султана — разделяют идею поиска поддержки в Австро-Венгрии, а широкие народные массы очень далеки от этого вопроса. Объяснить это можно тем, что Австро-Венгрия никогда не развивала активную политику в Южной Албании, а ее консулы ограничивались ролью обыкновенных наблюдателей за политическими событиями.

---

[1] Ibid. S. 173.

[2] Выражение автора меморандума, как и все другие определения по поводу славян.

[3] HHStA. PA I. K.473. S. 173 b.

Резюмируя сказанное Цвидинеком, мы можем перейти к трем заключениям. Первое состоит в том, что почти все без исключения католики северной части Албании симпатизируют Австро-Венгрии. Второе — в том, что православное албанское население юга тяготеет к Греции. И третье — что албанские мусульмане всё еще лояльны турецкому правительству, но в случае его падения считают Австро-Венгрию своим естественным защитником от панславянского наступления.

Затем консул рассматривает развитие существующих на данный момент взаимоотношений между различными религиозными группами и возможные последствия политики, которую каждая из них может проводить.

Австрийская дипломатия прекрасно знает, что исход противостояния между албанцами-католиками и албанцами-мусульманами непредсказуем, хотя нельзя заранее исключать и общую позицию обеих групп. В таком случае остаются неразрешимыми только разногласия между православными и мусульманами, а также между славянами и албанцами[1]. Тот факт, что католики и мусульмане относительно хорошо ладят, объясняется тем, что северные албанцы когда-то были католиками, то есть принятие ислама произошло сравнительно недавно и у людей всё еще жива память о христианских корнях[2]. С другой стороны, среди мусульманских племен всё еще проживают католические семьи, которые без проблем исповедуют свою веру. Иногда случается так, что в одной и той же семье некоторые из братьев — католики, а некоторые — мусульмане, не считая скрытых католиков в горах севера, которые при возможном изменении обстоятельств без колебаний заявят о своей истинной христианской вере. Другой особенностью социальной жизни, способствующей успешному взаимопониманию между католиками и мусульманами, является то, что у гегов, северного племени, никогда не существовало разделения между мусульманскими правящими кругами, которые подчиняли и притесняли христиан, и немусульманским населением, как во многих других частях Османской империи. Помимо этого, и те, и другие одинаково преследуют «ненавистных славян».

[1] Ibidem.

[2] Ibidem. S. 174.

Геги не фанатики. Их племенное чувство вспыхивает лишь в ключе ситуаций, связанных с предрассудками, формальностями и материальными интересами.

Цвидинек также утверждает, что албанские католики и албанские мусульмане говорят на одном языке, имеют одинаковые традиции и обычаи и «обнимаются как братья в порыве ненависти против всего славянского». Во время Первой лиги они уже совершали общие походы и вместе опустошали Черногорию[1]. Только в больших городах различия между католиками и мусульманами выражены до такой степени, что между их лидерами нередко происходят инциденты, порожденные фанатизмом и взаимной ненавистью. И в горных, и в равнинных селах албанцы едины против общего врага.

Во всех случаях, согласно Цвидинеку, основная трудность состоит в том, чтобы пробудить в них чувство принадлежности к одной и той же нации, а для гегов и тосков организовать одну общую государственную администрацию, даже если в ней будут представлены только мусульмане из этих двух племен[2]. Причины, которыми можно это объяснить, разнообразны. Важны отличия в их характере, присутствует взаимная нетерпимость и специфичные взаимоотношения с турецкими властями. Геги проявляют большую независимость по отношению к турецкой администрации, нежели тоски. Есть явные несоответствия при выборе политических решений и подчеркнутом отсутствии коммуникации между северными и южными племенами. Но главное препятствие для объединения гегов и тосков — это отсутствие средства или механизма, который облегчил бы их сближение, то есть отсутствие общего языка. Эта трудность была хорошо известна всем, кто когда-либо задумывался о возможности создания автономной Албании под австрийским покровительством, и в первую очередь, генеральному консулу фон Липиху. Вот почему при возможном вмешательстве Австро-Венгрии в дела Албании априори отвергалась возможность привлечения тосков, значительно менее важных для интересов Габсбургов.

[1] Ibidem.

[2] HHStA. PA I. K.473. S. 174 b.

Согласно Цвидинеку, другой чертой общественной организации тосков является отсутствие хорошо структурированной военной иерархии, в отличие от той, которая есть у гегов. Именно эта структура помогла им сохранить относительную независимость от турок, устоять против любых попыток вмешательства в их внутренние дела и защитить свои древние обычаи. За счет этого в южной части страны турецкая администрация была более сильной. Албанские беи являлись феодальными вассалами, которые завоевали авторитет и престиж благодаря своей лояльности правительству. Помимо этого, крупные землевладельцы держали христианское население в рабстве. При этом в северной области страны часть населения сохранила свою католическую веру, а в южной, более близкой к Греции, православные племена также сохранили свою религию[1]. В Эпире, например, эллинизация населения была почти массовой.

По словам Цвидинека, бессмысленно пытаться изменить положение на юге. Австро-Венгрия не располагает достаточными средствами, чтобы работать в этом направлении, равно как и в области, относительно далекой от сферы ее интересов. Представляется намного более необходимым достичь с греческим правительством соглашения, в котором были бы ясно очерчены сферы влияния обеих сторон. Тогда Австро-Венгрия должна будет действовать только в той части Южной Албании, где мусульманские беи имеют достаточное влияние, чтобы занять лидерские позиции и встать на сторону албанского национального движения.

2. Средства осуществления целей

Третья часть документа озаглавлена *Aktionsmittel*, т.е. «Средства осуществления целей», и в ней, как легко можно предположить, высказаны рекомендации, как нужно действовать в обозначенной сфере.

В первую очередь, Цвидинек подчеркивает необходимость извлечь дивиденды из тревоги албанцев от ослабления могущества султана, а также из их относительно оправданного страха перед неясным будущим, которое их ожидает, если Османская империя падет. Албанское население начало всё более явно рассматривать Австро-Венгрию как единственного воз-

[1] Там же.

можного защитника от будущего наступления сербов и черногорцев, и это опасение должно было чем-то «подпитываться». Поэтому Цвидинек считает, что, вне всякого сомнения, для Вены жизненно важно еще больше сблизиться с самыми сильными и воинственными племенами в Северной и Центральной Албании, чтобы подготовить их как армию, служащую для защиты Адриатического побережья на границе с Сербией и Черногорией. Одновременно необходимо убедиться, что Италия не готовится действовать так же, как Австро-Венгрия. Необходимо помешать ее пропаганде, чтобы заполучить восточную Адриатику, которую австрийцы хотят присвоить себе[1].

Цвидинек считает, что особого внимания заслуживают заверения некоторых влиятельных албанцев, согласно которым как католики, так и мусульмане севера склонны «в случае падения турецкой власти и при условии, что мы обещаем защищать их национальные интересы, сменить свое турецкое подданство на австрийское». Однако он отмечает, что перед тем, как Австро-Венгрия возьмет на себя такое обязательство, необходимо увериться, до какой степени среди албанских племен существуют необходимые минимальные предпосылки для успешного осуществления возможной автономизации, и способны ли они защищать себя сами, «поскольку речь не идет об оккупации нашей страной их земель, а о возможной протекции и помощи их усилиям в создании независимой Албании»[2].

Непосредственно после этого барон заявляет, что в настоящий момент албанские племена на севере прикладывают все усилия для осуществления своих ограниченных интересов[3]. Их патриотизм всё еще носит локальный характер. Это не самый предпочтительный вариант с учетом материального и духовного развития нации. Только в некоторых ограниченных районах, например, в горах севера у католических общностей могут встретиться начатки институтов, которые в будущем послужат основой независимой и объединенной Албании, включающей расположенные на большом расстоянии, раздробленные

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 175.

[2] Ibidem.

[3] Ibid. S. 175 b.

и разъединенные на данный момент силы для будущих совместных действий. В качестве примера он указывает пять знамен мирдитов, объединенных под командованием одного предводителя из их рядов. Около него сгруппированы пятеро знаменосцев и Совет сорока старейшин. Когда необходимо принять решение по важному вопросу, предводитель спрашивает мнение и одобрение Совета. Ежегодно проводится собрание для решения вопросов общего характера для этих пяти общностей, но данный вид института не дает достаточно хороших результатов из-за попыток турецкого правительства вмешаться и манипулировать в существующих между ними конфликтах, чтобы посеять разногласия и задушить в зародыше любую попытку добиться независимости Албании.

По словам Цвидинека[1], «если мы сейчас спросим себя, как лучше всего действовать для успешного достижения этой цели, независимости Албании, ответ обязательно будет связан с подходящими ситуациями, действиями, просчитанными и согласованными с реалиями в духе вышесказанного, то есть, с учетом прирожденных особенностей народа, характера его политических и местных взаимоотношений и в наибольшей степени — его религиозных пристрастий и идей. Вот почему наша методика осуществления действий на севере должна отличаться от аналогичной на юге, благодаря особому вниманию к живущим в горах католикам и мусульманам».

В отношении католического населения Цвидинек констатирует, что налицо сближение между Австро-Венгрией и народом, благодаря протекции, которую императорское и королевское правительство оказывает церкви и клиру[2]. Наличие хороших связей может способствовать усилению влияния в одной из самых важных для Империи областей — Северной Албании.

Согласно Цвидинеку, общий низкий уровень образования албанцев и восприятие католицизма как символа, объединяющего их в борьбе за независимость, обеспечили церкви доминирующую роль. Католический священник стал советником не только по духовным, но и по светским вопросам. Часто ему приходится быть судьей, адвокатом или даже врачом. Поэто-

[1] Ibidem.

[2] Ibid. S. 176.

му именно через духовенство можно установить связь с народом, учитывая его убеждения, политические идеи и мнения. По этой причине, прежде всего, необходимо проверить, до какой степени можно рассчитывать на поддержку духовенства в будущих политических действиях и какие меры необходимо предпринять, базируясь на предыдущем опыте, чтобы достичь лучших результатов в этом направлении.

Перед тем как продолжить обзор меморандума, рассмотрим вкратце работу второй конференции.

Общеимперский министр финансов фон Калай заявил, что действия Австро-Венгрии должны быть сфокусированы на двух основных направлениях: с одной стороны — работе с албанцами на севере и юге, с другой — работе с католиками и мусульманами[1].

Поэтому он предлагает Австро-Венгрии способствовать усилению греческого влияния, то есть действительно помочь Греции. На севере, где целью является создание независимого национального государства, положение отличается, и усилия должны быть направлены на пробуждение среди албанцев национальной идеи, чтобы создать предпосылки к будущему формированию государства. Поэтому необходимо работать одновременно и с католиками, и с мусульманами. Его предложение относительно вторых состоит в том, чтобы действовать максимально разумно и осторожно. Он утверждает, что существуют умеренные надежды на успех, если сделать ставку на суетность и амбиции беев, которых там большинство. Важно, продолжает министр, разъяснить населению, что создание свободной и независимой Албании должно осуществляться через обязательное объединение католиков и мусульман на почве общего служения национальному делу. После исполнения этого условия, когда наступит подходящий момент, можно предоставить им бóльшую свободу действий против православных элементов[2]. Фон Калай добавляет, что с учетом этого имперские консулы должны быть очень хорошо подготовлены.

Барон фон Цвидинек поддерживает мнение, что, направляя усилия на сближение между католиками и мусульманами,

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 131.

[2] Ibid. S. 132.

это необходимо сделать прежде всего в Скутари, поскольку там уже существует благоприятная почва и есть связи между обеими общинами, благодаря предпринятым ранее действиям. Там вероятность успеха является наивысшей[1]. Помимо этого, он утверждает, что в некоторых областях, например, в Косовском вилайете, положение дел кардинально иное, главным образом, потому, что связей между представителями обоих вероисповеданий никогда не существовало. Мусульмане преобладают по численности, и их отношение к католикам, скорее, враждебное. Барон предлагает основательно прощупать почву на этой территории, а консулов обязать посылать более подробную информацию, поскольку представление о положении там всё еще остается весьма неясным.

Общеимперский министр финансов фон Калай не мог не отметить в связи с этим, что согласно последней информации, которую он получил[2], угадывается подкрепленная Высокой Портой тенденция сближения албанских мусульман с католиками, в целях совместного противостояния православным сербам и болгарам. Фон Калай пришел к заключению, что этот процесс может оказаться очень полезным, и поэтому предложил поддержать его безоговорочно.

Министр иностранных дел граф Голуховский ссылается на слова барона фон Цвидинека и развивает до конца идею необходимости скорейшего выяснения, на каких территориях Австро-Венгрия[3] имеет самые большие надежды на успех при ее возможном вмешательстве. Он вновь напоминает: цель состоит в том, чтобы вбить клин между Сербией и Черногорией, создав независимую Албанию, а с другой стороны, не стоит тратить впустую усилия в отношении тех земель, где ранее не существовало этнических предпосылок для создания независимого албанского государства и где преобладают сербские и болгарские элементы. Кроме того, рассчитывая на окончательное устранение турецкого наследства[4], представляется невозможным и очевидно неблагоразумным пренебречь желани-

[1] Ibid. S. 132 b.

[2] HHStA. PA I. K.473. S. 133.

[3] Ibid. S. 133 b.

[4] Ibid. S. 134.

ями и стремлениями сербского населения. Министр намекает, что было бы гораздо более выгодно предоставить сербам некоторые компенсации на юге, нежели позволить им направить свои амбиции на Боснию и Герцеговину. С учетом этого он предлагает исключить санджаки Приштина и Скопье из поля действия Империи. Для наилучшего обзора зоны действий Австро-Венгрии, территория влияния которой приблизительно совпала бы с будущим албанским государством[1], необходимо составить карту.

Министр фон Калай заявляет, что разделяет мнение, выраженное председателем конференции, относительно единственно возможного расширения Сербии на юг. Он утверждает, что, с одной стороны, не может быть никакого сомнения относительно невозможности уступить западную часть санджака Нови Пазар. В связи с этим[2] необходимо установить контакт и непосредственную связь с будущим Албанским государством, то есть иметь прямую границу с ним. С другой стороны, не стоит заблуждаться относительно того, что будущая Албания с большой долей вероятности будет обладать очень слабой государственной структурой и ее создание будет возможно только на основе того устройства, которое существует сейчас. Министр предупреждает, что там, где албанцы составляют меньшинство, они никогда не будут находиться в такой же сильной позиции, как чуждые им православные элементы: сербы и болгары[3]. Поэтому фон Калай предлагает Австро-Венгрии не направлять своего влияния на эти территории, а уступить их другим государствам. Если потребуется, когда придет время, уступить часть Новопазарского санджака Сербии, это должно случиться лишь при условии, четко сформулированном перед сербами: живущие там албанцы не будут изгнаны, как это случилось с мусульманами в Сербии.

Конференция продолжилась горячим и продолжительным спором между всеми присутствующими об одном из положений меморандума[4], связанном с политической практикой

[1] Ibid. S. 134 b.

[2] Ibid. S. 135.

[3] HHStA. PA I. K.473. S. 135 b.

[4] Ibid. S. 136.

культурного протектората, который Вена оказывает Албании. Прежде чем представить самые важные заключения этого спора, рассмотрим более детально одну часть меморандума, озаглавленную «Политическая практика австро-венгерского протектората в отношении католической церкви и католического клира в Албании. Воздействие на население с помощью образовательных центров, финансируемых нами»[1].

Эта часть документа написана под редакцией генерального консула Шмукера на основе его опыта и личных наблюдений над работой Австро-Венгрии вместе с католическим духовенством и образовательными центрами, которым она оказывала поддержку.

Согласно докладу, католическая Албания делится на следующие части по церковно-иерархической организации:

1. Архиепископия Скутари, в чьем распоряжении находятся приходы Пулати, Запа и Алесио;
2. Аббатство «Св. Александр» в Мирдите;
3. Дураццоская епархия;
4. Скопская епархия.

Тут следует пояснение, что католический клир делится на светское духовенство и монахов, преимущественно францисканцев и иезуитов. В добавление следует упомянуть монахинь из Скутари и Призрена.

Светское духовенство работает среди верующих в городах и в равнинной части страны. Францисканцы проповедуют в горных районах, но иногда спускаются на равнину и обучают недавно поступивших послушников в Скутари и Трошанах, а также преподают в мужской школе в Скутари.

Иезуиты руководят духовной семинарией и торговой школой в Скутари, связанной с семинарией. Они работают преимущественно как странствующие проповедники и крайне редко выполняют роль приходских священников[2].

Приблизительная сумма содержания клира и образовательных учреждений за текущий год составила 48 544 форинта. Их распределение представлено в приложенных таблицах. Факти-

[1] Ibid. S. 176.

[2] HHStA. PA I. K.473. S. 176 b.

чески расходы значительно выросли, и тенденция к их увеличению прогрессирует.

Цвидинек сожалеет, что среди духовенства не наблюдается плодотворного сотрудничества, учитывающего намеченные цели. Существует много внутренних разногласий между ними, главным образом, по церковным вопросам, но по светским и политическим делам эти различия еще более существенны из-за раздоров и столкновения личных интересов. Очевидно, что среди клира имеется много представителей духовенства, выступающих на стороне имперского и королевского правительства, и что они работают среди народа в пользу интересов Австро-Венгрии. Но не следует игнорировать важный фактор: среди албанского духовенства есть и те, кто настроен враждебно, обычно итальянцы по национальности, которые служат делу итальянскоой независимости.

Среди албанских католических епископов и архиепископов, продолжает Цвидинек, нет ни одного достаточно способного и энергичного, который гарантировал бы полную лояльность целям Австро-Венгрии. После этого автор доклада излагает полное и не особенно располагающее к нему описание самых влиятельных личностей из числа албанского духовенства. В общих чертах, с точки зрения австро-венгерских целей, оно не представляет интереса, за исключением характеристики двух человек: монсеньора Доки и монсеньора Бианки. Оба действуют в соответствии с планами австрийского министерства иностранных дел. Они проявляют особые качества лидеров и организаторов, и поэтому исключительно интересно ознакомиться с представленными в докладах австрийских дипломатов психологическими портретами обоих священников. На странице 177 мы читаем следующее:

«Монсеньор Доки (албанец) — очень образованный и интеллигентный священник, который выделяется прежде всего своей амбициозностью. Какая бы сила ни решилась поддержать его намерения, она добьется успеха как благодаря его чрезвычайно энергичным действиям, так и благодаря его возрастающему влиянию. На данный момент он всецело демонстрирует верность имперскому и королевскому правительству, как мы смогли убедиться по проделанной им работе на службе

наших интересов в кругу светского духовенства. Однако мы всё еще не можем считать его абсолютно преданным, поскольку, как и большинство албанцев, он легко может поддаться алчности и стремлению к наживе. Говорят, что каждый год он получает по 1500 франков от турецкого правительства».

«Монсеньор Бианки, архиепископ Дураццо, производит впечатление верного последователя наших идей, но мы не можем утверждать, что он готов энергично защищать их».

Далее в документе поясняется, что духовенство — почти целиком албанского происхождения и имеет относительно низкий уровень образования. Согласно наблюдениям, духовные лица достаточно интеллигентны, но их губят алчность и скупость. Они ненасытны, неблагодарны и имеют «все отрицательные качества своей расы»[1]. Они считают иностранных миссионеров проходимцами, поскольку те, по их мнению, лучше оплачиваются Императорским и Королевским правительством; поэтому симпатизируют Австро-Венгрии. Албанские священники не одобряют того, что у них нет возможности пойти на повышение, поскольку практически все епископские места в Албании занимают иностранцы. Несмотря на всё это, есть священники, которые демонстрируют верность австро-венгерскому правительству или, по крайней мере, кажется, что они расположены к сотрудничеству. Задача, следовательно, состоит в том, чтобы привлечь большее число из них, объяснив, что цель — не оккупация страны иноземной силой, а победа народа благодаря идее независимой Албании под протекторатом Австро-Венгрии.

Цвидинек предоставляет дополнительные подробности[2]: францисканцы веками работают в Албании и имеют дружеские связи с населением. Их хорошо принимают в горных общинах, и там они обладают значительным влиянием. Иначе говоря, они — духовная власть Албании. Влияние францисканцев — это фактор, которым не следует пренебрегать. В принципе, в их миссиях преобладает дружеское отношение к Австро-Венгрии, но не стоит забывать, что там ведется усиленная итальянская пропаганда, которая в последние годы значитель-

[1] Это выражение принадлежит Цвидинеку (HHStA. PA I. K.473. S. 177).

[2] HHStA. PA I. K.473. S. 177 b.

но активизировалась. Францисканцы итальянского происхождения, хотя и благожелательно настроенные к Императорскому и Королевскому правительству, верны, прежде всего, итальянским интересам.

Францисканцы обычно не ладят с албанскими духовными лицами. Они считают своими соперниками и иезуитов. Боснийские францисканцы из Трошани, кроме того, что весьма лояльны, еще и привержены патриотическим идеалам и, несмотря на трудности, сумели посеять в своих воспитанниках чувство признательности и верности к Австро-Венгрии.

Францисканцы заботятся о недавно поступивших послушниках из Скутари и Трошани, о мужской школе в Скутари, о миссиях в Кастрати и Пулати, миссиях в Базии, Лурии, Бисказии и Сестаена, а также Цумби.

Со своей стороны, иезуиты занимаются образованием молодежи, благодаря чему обычно держатся в стороне от всякой политической деятельности, и потому не предпринимают усилий, чтобы сформировать у воспитанников какую-либо симпатию к Австро-Венгрии. Они считают финансирование Императорского и Королевского правительства помощью миссиям и упорно отклоняют вмешательство его представителей в свои программы. Но поскольку почти всё духовенство Албании прошло через иезуитские семинарии, необходимо усилить контроль и увеличить влияние Австро-Венгрии в этом ордене, чтобы обеспечить поддержку его центров религиозного образования. Однако Цвидинек предупреждает, что албанцы, которые 10 лет учились у иезуитов за счет австро-венгерской казны, получив духовный сан, почти не проявляют потом признательности и лояльности к имперской идее. Необходимо перед рукоположением посылать этих молодых людей в австрийские или венгерские семинарии для дополнительного образования и там обучать лояльности монархии и подготавливать к будущей службе священников[1].

Согласно сведениям министра, сестры Ордена ран Господних — преимущественно итальянского происхождения и работают в женской школе, где насчитывается около 300 воспитанниц. Обладая сильным чувством патриотизма, они всё же

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 178.

слишком необразованны, чтобы активно участвовать в текущей деятельности Империи, министр выразил серьезные сомнения относительно того, что они будут действовать в соответствии с желаниями и ожиданиями Австро-Венгрии.

Дочери милосердия из Призрена занимаются лишь уходом за больными, поскольку турецкое правительство еще не дало им разрешения вести образовательную деятельность. Эти монахини обладают хорошо развитым патриотическим чувством, но они довольно невежественны, и, если судить об их делах до этого момента, министр питает известные сомнения, что они смогли бы действовать сообразно желаниям и ожиданиям Австро-Венгрии.

Цвидинек приходит к заключению, что экономическая помощь, которую Императорское и Королевское правительство жертвует на церкви и школы в Албании, несопоставима со скромностью полученных результатов.

«Если мы желаем лучших результатов и продолжаем финансово поддерживать албанские католические институты с целью извлечь пользу для нашей политической деятельности, мы должны предпринять какие-то реформы, которые обеспечили бы нам большее влияние среди духовенства и в образовательной системе. Речь идет не о прокладывании новых путей, а о более эффективной и последовательной концентрации всех наличных средств, предназначенных для нашей духовной и политической деятельности в Албании».

Для этой цели Цвидинек предлагает достичь договоренности с папой Римским. Только если Рим будет убежден в том, что Австро-Венгрия намерена защищать интересы католической церкви в Албании, он поддержит ее усилия; тогда станет возможным убедить и албанское духовенство работать для осуществления австро-венгерских политических целей.

Особенно важно найти подходящих людей на посты епископов и архиепископов, которые должны быть энергичными и полностью преданными делу. Необходимо, чтобы они были одарены интеллектом, постоянством и в достаточной мере понимали особую роль католической церкви в Албании[1]. Имея в виду крайне отрицательный опыт работы с албанскими священниками до этого времени, необходимо стремиться к при-

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 178.

влечению большего числа иностранцев на их место, в частности, из Далмации, Истрии и Южного Тироля[1].

Министр предлагает, чтобы, помимо этого, они были поставлены под максимальный контроль Австро-Венгрии, не только когда назначаются на свои посты, но и в процессе всего их обучения. С этой целью императорское и королевское правительство должно обеспечить эффективный контроль над духовными семинариями в Албании. На преподавательские места в них следует назначить австро-венгерских подданных, а где это невозможно — иностранцев, пользующихся максимальным доверием.

Необходимо поставить обязательное условие: перед рукоположением все албанские священники должны проводить последние два года своего обучения в австро-венгерской семинарии. У этого условия двойная цель — с одной стороны, оградить будущих священников в самый важный период образования от вредного влияния их соплеменников, а с другой — предоставить им достаточно времени и возможностей, чтобы они познакомились с идеями проекта, получили опыт и составили собственное мнение об Австро-Венгрии, а позже — чтобы убедительно делились ими со своим народом, ведя таким образом пропаганду в пользу монархии.

Поэтому Цвидинек предлагает действовать очень осторожно при распределении финансовой помощи для католических миссий в зависимости от нужд проповеди, поддержки церкви, дарения мирянам и др. Суммы должны быть щедрыми, и направлять их следует в те области, где интересы Австро-Венгрии требуют больших усилий, и клиру должно быть оказано покровительство для наилучшей подготовки[2]. На консулов возлагается отдельная задача выдвижения безупречно аргументированных предложений министерству иностранных дел о размерах нужного финансирования, чтобы суммы могли быть предварительно одобрены и своевременно отпущены.

Жизненно важно, чтобы положительные изменения произошли в деятельности, которую церковь осуществляет в школах, с учетом того, что в католических общинах образователь-

[1] Ibid. S. 178 b.

[2] HHStA. PA I. K.473. S. 179.

ная сфера — это исключительная обязанность духовенства. Несмотря на то, что правительство Габсбургов оказывало значительную помощь в содержании школ, до определенного момента отсутствовал необходимый контроль над преподавателями и над образовательными методами. При поддержке имперского и королевского правительства в школах необходимо определить порядок назначения преподавателей, которые обязательно должны быть австрийскими подданными, а если это невозможно, то людьми, пользующимися полным доверием. На настоящий момент некоторым общинам не хватает финансирования. Его следует увеличить. Преподаватели должны получать более высокие зарплаты, но только при условии, что они занимаются исключительно воспитанием молодежи, а не преследуют собственные интересы, как это было ранее в большинстве случаев[1]. Насколько это возможно, в более крупных и важных центрах должны быть построены новые школы, а в горных областях — хотя бы воскресные. Предлагается начать со странствующих учителей.

Далее автор документа утверждает, что строительство бесплатных детских садов по модели итальянских учреждений подобного рода в Скутари вызовет симпатии у жителей больших городов. Он предлагает также провести экстренную реформу женских школ, увеличив их число и поставив под контроль австрийских монахинь. У албанской женщины очень низкий социальный статус, но она играет огромную роль в рамках семьи.

Другой способ получить образованных и лояльных империи преподавателей состоит в том, чтобы назначить на эти должности албанцев, которые обладают учительским призванием и согласны после окончания местных школ пройти должную подготовку в Австро-Венгрии на отпущенную для этих целей стипендию.

Что касается образования, продолжает докладчик, жизненно важно создать единую азбуку, поскольку в данный момент католические школы используют разработанную итальянскими священниками латиницу, которая не отражает должным образом особенности разговорного языка, а вместе с ней используются и другие азбуки, созданные достаточно бессистемно.

[1] Ibidem.

Поэтому Цвидинек призывает достичь соглашения с католиками, которые по поручению Рима пытаются распространить веру, а также с албанским духовенством, чтобы привлечь к этой деятельности компетентных и подготовленных албанцев[1].

После достижения данных целей необходимо снабдить все школы учебниками, изданными в Австро-Венгрии, причем содержание учебников должно быть преподнесено благоприятным для дела способом. Одновременно следует изъять из употребления итальянские учебники.

В качестве издательского центра, который фигурировал бы на обложке, предлагалась любая из албанских колоний Австро-Венгрии.

Если указанными выше мерами будет повышен интеллектуальный уровень албанского населения в соответствии с намерениями Австро-Венгрии и среди молодежи будут господствовать дух национального единства и чувство любви и преданности к империи, благодетельнице народа, то, по словам министра, в результате будут созданы необходимые условия, которые, наряду с другими инициативами, позволят австро-венгерскому правительству добиться роста политического самосознания албанского народа.

Отвлечемся ненадолго от доклада и вернемся к словам фон Цвидинека, который в этой части конференции заявил, что, к сожалению, культурный протекторат над Албанией предполагает слишком большие расходы, а результатом стало на сегодня абсолютное равнодушие и даже иногда и явная враждебность среди масс, поскольку ключевые для них личности осуществляют итальянскую пропаганду[2]. Основная проблема состоит в том, что среди албанского клира мало духовенства, которое придерживается австро-венгерской идеи, и этот упрек Цвидинека обращен и к иезуитам, и к францисканцам, а также и к светскому духовенству и Дочерям милосердия.

Министр предложил, чтобы одно из следующих заседаний было посвящено обсуждению необходимого взаимодействия с Ватиканом. Подобное решение следует принять и в отношении финансирования, которое, предположительно, будет

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 179 b.

[2] Ibid. S. 136 b.

достаточно щедрым, и определить реальные действия и результаты, что еще не было сделано до настоящего момента; одновременно финансирование должно представлять собой заманчивый стимул к будущему содействию[1].

Что касается иезуитов, которые, по словам Цвидинека, могут принести большую пользу делу в качестве директоров семинарии Скутари, он предлагает установить связи с венским епископом из Ордена Иисуса, чтобы тот убедил всё свое братство в большей пользе масштабной пропаганды албанских националистических идей, нежели итальянских интересов во имя католической церкви[2].

Также он предлагает, чтобы молодые священники перед рукоположением были посланы в колледж Инсбрука, чтобы их обучили правильным действовиям в обстановке грядущих событий.

Относительно настоятеля францисканцев в Трошанах — это вопрос, который участники конференции находят особенно важным, — они считают наиболее подходящим кандидатом Падре Субача, образ мыслей которого не вызывает никаких сомнений и который по различным причинам заинтересован поддерживать хорошие отношения с Австро-Венгрией[3].

Участники конференции высказывают сожаление, что «Дочери милосердия» из Призрена не добились лучших результатов, главным образом, из-за малой или нулевой образованности монахинь. Очевидно, что «Сестры Божией любви» более перспективны в этом отношении. Поэтому участники конференции поручают фон Калаю выяснить отношение матери-настоятельницы к тому, чтобы монахини переместились в Призрен или в другие города Албании для обучения албанскому языку, ухода за больными и незаметного расположения к себе людей, как это делают итальянцы в детских садах, где не только учат детей, но и предоставляют им питание. Эта образовательная деятельность должна осуществляться не официально, а, скорее, как дополнительная работа.

---

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 137.

[2] Ibid. S. 137 b.

[3] Ibid. S. 138.

Теперь вновь вернемся к меморандуму, чтобы рассмотреть ту его часть под заглавием «Действие через прессу», где участники конференции обсуждают прессу как инструмент осуществления своих планов.

Констатируется, что большинство албанцев имеют очень низкий уровень образования. Едва 0,5% умеют читать, а число людей, умеющих писать, еще меньше. Следовательно, возможность влиять на общественное мнение через прессу очень ограничена.

Однако отмечается, что с помощью прессы можно оказывать влияние на духовенство и более образованные круги общества, так что при их посредничестве австро-венгерское влияние достигнет более широких слоев населения.

Для реализации этой цели было предложено в первую очередь создать финансируемый имперским и королевским правительством албанский журнал (по возможности в Триесте), содержание которого заостряло бы внимание на связях между Австро-Венгрией и Албанией.

Для сотрудничества с изданием необходимо привлечь культурные слои и духовных лиц, пользующихся абсолютным доверием. Позже, в другом журнале, который выходит в Австро-Венгрии, но на итальянском языке («Osservatore Triestino» или «Dalmato»), могут быть опубликованы статьи о положении в Албании и о стремлениях и нуждах народа. Можно также убедить издания различных стран публиковать статьи подобного содержания[1].

Кроме того, идея успешного влияния на католическое население подразумевала, что следует распространять небольшие сочинения и брошюры надлежащего содержания, которые раздавались бы бесплатно в самых ключевых населенных пунктах, а также книги об истории Албании, написанные в духе национализма и в соответствии с целями, намеченными на конференции[2].

В качестве первого и необходимого условия для осуществления этого проекта было предложено создание и распро-

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 179 b.

[2] Ibid. S. 180.

странение в самые краткие сроки единой и практичной албанской азбуки, для чего следовало провести дополнительные исследования в данной сфере.

В отношении этой части меморандума[1], связанной с прессой, все единогласно констатируют, что хотя большого эффекта от подобной деятельности и не ожидается, для Албании было бы неплохо опубликовать историю страны патриотической направленности, в популярном характере. При этом утверждалось, что до начала действий желательно провести переговоры с представителями прессы относительно важности торговых связей, существующих между Австро-Венгрией и Албанией. С учетом этого можно организовать публикацию в иностранных изданиях серии статей, написанных корреспондентом в Албании и сообщающих, к примеру, что национальная идея там уже начала зарождаться, что там недавно сформировалось движение за национальное самосознание. Это облегчило бы Австро-Венгрии осуществление многих целей[2].

Следующая часть меморандума относится к «Созданию у албанцев интересов материального характера». В ней участники конференции отмечают необходимость действовать тем же образом, что и в вопросах интеллектуальных нужд, то есть помочь албанцам с учетом удовлетворения своих интересов и расширения их связей с Австро-Венгрией. На тот момент внешняя торговля албанцев сосредотачивалась в австрийских и итальянских гаванях — главным образом, Триеста и Венеции. В интересах политических целей Империи было бы хорошо предоставить албанским торговцам все виды привилегий, которые свели бы на нет итальянскую конкуренцию. В качестве привилегий такого рода предлагаются, например, следующие:

1. Привлечь албанских торговцев к австрийским портам за счет уменьшения их транспортных расходов и портовых пошлин;

2. Финансировать компанию «Societa Ragusea», чтобы она поддерживала регулярное и частое судоходство между Скутари (Оботи) и портами Австро-Венгрии, в частности, Триестом и Фиуме;

[1] Ibid. S. 139.

[2] HHStA. PA I. K.473. S. 139 b.

3. Стимулировать образование албанской молодежи, которая желает заниматься торговлей, в австрийских школах за счет австро-венгерского правительства;

4. Предоставить службу в австро-венгерских компаниях видным албанцам;

5. Радушно принимать албанских коммерсантов в торговых клубах Триеста и Фиуме, и главное:

6. Обеспечить преподавателями албанского языка одну из торговых школ Триеста.

С другой стороны, чтобы стимулировать всю запланированную деятельность, предлагаются следующие меры:

1. Установить систему финансирования в горных районах всех самых влиятельных старейшин племен, исповедующих католицизм;

2. Оказать гостеприимство наиболее авторитетным людям и лицам, имеющим определенное положение среди своих приверженцев[1].

3. Установить активные контакты с самыми видными личностями в албанском обществе и подготовить их к действиям в случае удачного исхода предприятия по созданию независимой Албании;

4. Отправить письма с приглашениями самым видным представителям албанского общества, облегчить им возможность поездки в Австро-Венгрию и обращаться с ними любезно.

Далее в меморандуме говорится: «Также мы хотели бы обратить внимание на необходимость использования более внушительных средств для роста популярности Австро-Венгрии среди албанцев». В числе средств такого рода указаны:

1. Щедрое финансирование текстов, пропагандирующих национальную идею;

2. Материальная поддержка беднейших и нуждающихся жителей в горных районах;

3. Ходатайство австро-венгерского правительства перед турецкими властями об уважении албанских привилегий;

4. Привлечение в политических целях албанских колонистов, которые живут в Австро-Венгрии, для связи с их родной страной.

[1] Ibid. S. 180 b.

Следующий пункт меморандума, тесно связанный с предыдущим, озаглавлен «Особое внимание к мусульманскому населению». В нем подчеркивается, что меры, намеченные вплоть до настоящего момента, предназначены преимущественно для католического населения в северных частях страны. Однако объем наличных средств для осуществления деятельности среди населения с помощью католической церкви, школы и религиозной опеки не тот же, что в отношении албанских мусульман. Можно попытаться пробудить у них насущную потребность в национальных школах, где изучается албанский язык, а потом оказывать содействие и помощь в их создании. В настоящий момент все мусульманские школы проводят обучение на турецком языке, албанский же практически исключен, как будто его не существует. С другой стороны, духовный уровень самих школ находится на чрезвычайно низком уровне.

Вот почему эта деятельность должна ограничиться небольшой помощью мечетям и школам, но необходимо интенсивно работать в других сферах, чтобы достичь среди мусульман таких симпатий и такого влияния Австро-Венгрии, которые облегчили бы ей осуществление ее целей.

Поэтому присутствующие считают необходимым рекомендовать следующее[1]:

1. Привлечь на свою сторону лидеров мусульманских общин и других влиятельных личностей благодаря щедрой материальной помощи и подаркам;

2. Консулам проявлять к мусульманам больше уважения, чем до этого момента, чтобы привлечь самых именитых граждан посредством более частого общения;

3. Проявить больше разумности при распределении помощи для самых бедных и нуждающихся мусульман;

4. Провести общий анализ положения албанских земель в журнале «Ватан» («Отечество»), который выйдет в Боснии на турецком языке. Найти, привлечь, назначить и вознаградить мусульманских корреспондентов в Албании;

5. На средства австро-венгерского правительства дать образование молодым мусульманам в Боснии, чтобы по возможности использовать их в дальнейшем.

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 181.

Предложения меморандума, связанные с материальными интересами албанцев, в целом были приняты конференцией. Единственное замечание состояло в том, что для достижения успеха в завоевании расположения албанских купцов к Австро-Венгрии, может быть не достаточно привлечь их в Триест и Фиуме; следует привезти их и в Вену[1]. Наличие посредника по торговым вопросам между Габсбургской монархией и Албанией принесло бы существенную пользу. Предлагалось также более активно использовать компанию Lloyd при обслуживании морского транспорта. Эта тема для обсуждения также отодвигалась на одно из будущих заседаний[2].

Другой раздел меморандума озаглавлен: «Политическая деятельность консульств и необходимость их расширения». Здесь подчеркивается, что намеченные и запланированные меры могут принести успех только в том случае, если организация консульств в Албании изменится в сторону адаптации к новому положению. Без сомнения, дипломатические представители должны будут осуществлять намного более интенсивную и энергичную деятельность, нежели до настоящего момента. В первую очередь перечисляются имеющиеся в распоряжении консульские посты в Албании: имперское и королевское генеральное консульство в Скутари (филиал: консульство в Дураццо), консульство в Скопьее (филиал: консульство в Призрене), генеральное консульство в Янине (филиал: почетное вице-консульство в Превезе) и, наконец, почетное вице-консульство в Монастире.

Эти посты должны быть заняты исключительно способными людьми, пользующимися безусловным доверием и хорошо знакомыми с намеченными планами. Им предписывалось выучить албанский язык, поскольку этот вопрос имел огромное значение. Затем предлагалось восстановить вице-консульство в Призрене как руководящий центр, поскольку его роль была очень важна и деликатна[3].

[1] Ibid. S. 141.

[2] Ibid. S. 141b.

[3] HHStA. PA I. K.473. S. 181b.

Чтобы план действий начал осуществляться, было необходимо создать новые и ориентированные на результат консульства в Центральной Албании, в Берате, Тиране, Круе и Эльбасане, где до означенного момента почти не было дипломатических представительств, равно как в Приштине, Митровице, Тетово на северо-востоке и даже в Корче, Македонии. Эти консульства должны были служить центрами политической активности в рамках расширяющейся консульской сети в Албании. Также необходимо было вербовать доверенных лиц из числа местных жителей во всех других политически важных населенных пунктах, а также там, где существовали препятствия для создания новых центров.

Следующий список в целом представляет собой иллюстрацию того, как необходимо перегруппировать новые центры в Албании, чтобы они могли осуществлять свою деятельность по активизации местной политической жизни и следовать целям, намеченным в плане:

- Северо-Западная Албания:
  Генеральное консульство в Скутари
- Северо-Восточная Албания:
  Консульство в Призрене
  Вице-консульство в Ипеке
  Консульство в Скопье
  Филиалы в Приштине, Митровице и Тетово
- Центральная Албания:
  Консульство в Дураццо
  Филиалы в Круе или Тиране
- Южная Албания:
  Генеральное консульство в Янине
  Филиалы в Берате, Валоне, Аргирокастро, Превезе
- Юго-Восточная Албания (Македония):
  Консульство в Монастире
  Филиалы в Эльбасане или Корче

Меморандум предусматривал организацию новых центров в Албании, чтобы иметь возможность в этой зоне располагать мнением представителей местного населения, которые лучше знакомы с конкретной ситуацией. Они могут дать советы как от-

носительно политических нужд, так и относительно существующих в каждой области условий для создания новых центров[1].

Вопрос о будущей организации консульских представительств в Албании, предусмотренный в меморандуме, был одобрен и расценен как приемлемый всеми присутствующими на конференции. Предлагалось лишь упразднить представительства в Приштине, Митровице и Тетово и в Аргирокастро, поскольку они находятся вне очерченного круга действий[2]. Кроме этого, подчеркивалось, что службу в Албании надлежит не только хорошо оплачивать, но и доверять подходящим людям. Предполагалось и необходимое условие: чтобы один из консульских служащих постоянно ездил в этот район, чтобы поддерживать связи с людьми, которые там работают. В то же время, от служащего для выполнения этой задачи требовалось хорошо знать албанский язык. Поэтому в Имперской и Королевской академии изучения Востока должно быть предусмотрено обучение языку. После этих слов барону фон Цвидинеку была поручена задача исследовать основные аспекты вопроса до следующего заседания и представить на нем свои выводы[3].

Протокол от заседания 23 декабря 1896 г. под председательством министра иностранных дел графа Голуховского. Третья частная конференция по вопросам нашей деятельности в Албании[4].

Присутствуют: общеимперский министр экономики и финансов фон Калай, чрезвычайный посол и бывший министр барон фон Цвидинек, начальник отдела Горовиц, надворный советник фон Фукс, генеральный консул Шмукер и секретарь заседания консул барон фон Баум.

В начале конференции председатель граф Голуховский открыл обсуждение по некоторым еще не решенным вопросам, связанным с протекторатом над албанским клиром и его финансированием[5]. После сообщения фон Калая, что настоятель-

[1] HHStA. PA I. K.473. S. 182.

[2] Ibid. S. 140.

[3] Ibid. S. 140 b.

[4] Ibidem.

[5] HHStA. PA I. K.473. S. 149 b.

ница Сестер Божией любви согласна исполнять миссию, предложенную ее ордену в Албании (ср. по этому вопросу протокол второй конференции), но, к ее очень большому сожалению, она не располагает достаточным числом монахинь, которые подключились бы к исполнению этой задачи, было предложено предпринять новую попытку в отношении Дочерей милосердия[1]. С этой целью настоятельницу пригласят в Вену и разъяснят, что, поскольку сестры владеют албанским, от них ожидают предоставления определенного материала об Албании, и никакой хорватской пропаганды.

Со своей стороны, министр возьмет на себя обязательство построить для монахинь дом в Призрене. Однако от имени отдела пропаганды он подпишет с ними соглашение, согласно которому Вена сохраняет право собственности на это здание, в том случае, если сестрам придется по какой-либо причине его покинуть[2].

По итогам проведения устных переговоров с некоторыми представителями духовенства Вена была склонна принять их условия. Однако участники конференции заняли единую позицию по вопросу о том, что сокращение или увеличение штата этих представителей не может осуществляться без одобрения Австро-Венгрии, в противном случае Вена или сократит их финансирование в соответствующей степени, или не будет его увеличивать[3].

Граф Голуховский провел встречу с главой Венского аббатства иезуитов и обещал передать Верховному аббату ордена жалобы министра относительно иезуитов в Скутари, по возможности устно, если же не получится устно — письменно.

Относительно финансовых субсидий участники конференции были единодушны в том, что консульские представительства должны вести строгое наблюдение за людьми, которые пользуются этими средствами, выделенными Веной, и обратить особое внимание на соответствующую отчетность. На основе отчетов о политических позициях субсидируемых

[1] Ibid. S. 150.

[2] Ibid. S. 150 b.

[3] Ibid. S. 151.

лиц и конкретных указаний консулов, ко второму полугодию 1897 г. будет проведена необходимая коррекция сумм[1].

Относительно оптимизации консульской работы сообщалось, что вице-консульство в Призрене окончательно отделено от консульства в Скопье. Остальное — это вопрос внутренней организации.

После напряженного процесса включения албанского языка в учебные программы Академии изучения Востока участники конференции сочли, что необходимо действовать следующим образом: каждый поступивший в Академию, заявив, что дела Албании представляют для него исключительную важность, после успешной сдачи консульского экзамена должен провести около шести месяцев в Вене, чтобы выучить албанский язык, а затем — отправиться в Генеральное консульство в Скутари, чтобы усовершенствовать язык и ознакомиться с условиями. Тогда он уже может быть назначен в какое-то другое консульское представительство в Албании[2].

Этим граф Голуховский закрыл встречу, выразив благодарность фон Калаю за его большой интерес и усердие в данном деле[3].

Протокол конференции составлен Бумом и подписан Голуховским, подтверждающим подлинность предоставленной информации.

[1] Ibid. S. 151 b.

[2] HHStA, PA I, K.473, стр. 152.

[3] Ibid. S. 153.

Глава III

УТВЕРЖДЕНИЕ ПЛАНА: ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ РИСКИ И ДОЛГОСРОЧНЫЕ ПРОГНОЗЫ

Тайные конференции и приложенный к ним меморандум представляют собой документы исключительной важности для политики Австро-Венгрии на юго-западе Балкан в конце XIX — начале XX вв. С одной стороны, они сами по себе представляют внешнеполитическую программу империи в этой части Европы, а с другой — отражают процессы выработки и принятия этой программы.

Программа состоит из двух частей: первая — стратегическая, другая — тактическая. Стратегическая часть предусматривает в краткосрочном плане создание албанской нации с целью остановить Сербию и Черногорию и воспрепятствовать их объединению, а в долгосрочном плане — помешать России и какой-либо иной славянской государственной формации достичь юго-западной границы Австро-Венгрии, находящейся на важном пути к Средиземному морю и к азиатской части Османской империи.

Тактическая часть связана с наиболее эффективным подбором и употреблением подходящих средств достижения политической цели Вены, а именно с распространением национальной идеи среди албанских племен различного вероисповедания; работой с католическим духовенством, чтобы получить его поддержку; созданием и распространением книг и журналов националистического содержания и др.

После выработки и принятия основных тактических средств и стратегической цели, управляющее ядро империи переходит к информированию более широких кругов, хотя также очень ограниченных, из высших государственных чи-

новников, относительно случившегося и масштабных объективных целей, которые предстоит осуществить.

Ожидалось, что они составят комментарии и предложения по тактике и способам ее усовершенствования. Допустимый простор для маневров позволял внести небольшие изменения, которые, не затрагивая общей линии, помогли бы более эффективно, безболезненно и быстро осуществить основную цель.

Информация рассылалась через секретную почту самим министром иностранных дел (или в каких-то случаях Цвидинеком от имени министра) некоторым чиновникам, снискавшим доверие в качестве профессионалов, экспертов и лояльных власти людей. Секретная информация делится на две части. Первая — это письмо министра, которое содержит краткое уведомление о конференциях и принятых решениях, в ожидании конкретного мнения получателя по теме, в которой он считается компетентным.

Вторая часть содержит меморандум, являющийся составной частью *Программы*, а не просто любопытным исследованием, каким его считает Ханс Дитер Шандерл в своей все же небезынтересной и новаторской книге о политике Австро-Венгрии и Италии по отношению к Албании[1].

В большинстве случаев обозначено требование к адресату о том, чтобы меморандум был возвращен в министерство после изучения его содержания[2].

---

[1] Schanderl H.D. *Die Albanien politik Österreich-Ungarns und Italiens 1877–1907.* Wiesbaden, 1971.

[2] Важность темы упомянутого меморандума и его полную конфиденциальность доказывают два других документа, также посланных по секретной почте, сохранившихся в Имперском и Королевском архиве в Вене. Они датируются 1900 г., когда деятельность Австро-Венгрии в Албании была очень активна, и части этого анализа уже не так актуальны. Документы находятся в HHStA. PA I. K.473, барон Цвидинек к 1) Консулу Писко, Шанхай; 2) Вицеконсулу фон Квятковскому, Дураццо, Вена, 10 февраля 1900 г.с. 462–463.

Упомянутые документы доказывают, что Министерство иностранных дел очень внимательно следило за тем, где находятся копии меморандума и что происходит с каждой из них. Секретная почта подписана бароном Цвидинеком, и известны два получателя, письма к которым имеют почти одинаковое содержание. Первое относится

к событиям того времени (1900 г.) и адресовано Писко, на тот момент австро-венгерскому консулу в Шанхае, к которому тогда обращались в качестве руководителя Имперской консульской службы в Скопье. Второе адресовано тогдашнему вице-консулу в Дураццо Квятковскому.

Цвидинек обращается к Писко с просьбой вернуть ему документ, запечатанный и отправленный самым конфиденциальным способом, имперскому Министерству иностранных дел через Lloyd (подробнее о взаимоотношениях между Империей и Lloyd см. у Ханса Дитера Шандерла. Op.cit.).

Вице-консулу барону Квятковскому Цвидинек пишет, что, по словам барона Винтера, он обнаружил в архиве, наряду со многими другими вещами, и один экземпляр Mémoire über Albanien (меморандума об Албании), и хотя с того времени у него много раз была возможность ознакомиться с содержанием документа, некоторые части которого должны были утратить свою актуальность, он просит проанализировать документ и вернуть запечатанным самым конфиденциальным образом по адресу имперского Министерства иностранных дел.

В том же документе, с пометкой консула Винтера, сделанной в Вене 3 марта 1900 г., упоминается (с. 462), что барон Квятковский переслал один экзампляр Цвидинеку с тем же указанием для советника правительства господина Реслера.

Далее следует список других обладателей меморандума:

«Третий экземпляр находится у консула Иппена (463 b) в Скутари.

Четвертый экземпляр находится в сейфе казны в Призрене. Вице-консул Раппапорт передаст ключ от этого сейфа консулу в Скопье.

Вероятно, другие экземпляры документа находятся у:

Министра фон Калая, барона Цвидинека (2), начальника отдела (2), советника Фукса, господина Мерея (Марая), барона Баума, генерального консула Шмукера.

Два экземпляра, вероятно, посланы тайной почтой в Стамбул».

Ниже чернилами добавлено и подписано в Вене:

«Один экземпляр, который находится у господина консула Петровича, был добавлен в политический архив консулом Винтером».

Второй документ, также адресованный бароном Цвидинеком консулу Тройану в Янине и отправленный в Вену 1 марта 1900 г. (HHStA. PA I. K. 473. Wien, den 1 März 1900). Можно предположить, что и ему также была вручена копия Mémoire über Albanien.

Содержание письма следующее:

«После того, как вы уже были проинформированы о его содержании и сами убедились, что часть его уже потеряла актуальность, уведомляю вас, что необходимо вернуть упомянутый меморандум, запечатанный соответствующим образом, по адресу имперского Министерства иностранных дел, и т.д...»

18 февраля 1897 г. Министерство иностранных дел в Вене выслало тайный приказ австро-венгерскому посланнику в Стамбуле барону Каличе[1]. В нем говорится, что с каждым днем все яснее видна неспособность турецкого правительства удовлетворять стремления многочисленных народов, проживающих на европейских территориях Османской империи. Очевидно, что центральная власть быстро слабеет, и это ощущается во всех ветвях внутреннего управления. Поэтому необходимо рассмотреть как вероятность возможный распад Турции, если не немедленный, то в ближайшей перспективе.

На основании этого посланника информируют, что министерство предпринимает смену политического курса. Если до этого соблюдался принцип поддержки Турции как наилучшей основы для сохранения мира в Европе, и даже устанавливались связи с соответствующими силами, чтобы найти способы избежать опасности, угрожающей статус-кво на Востоке, то теперь Вена считает, что наступил момент предпринять необходимые меры в случае, если Турецкую империю будут сотрясать внутренние конфликты и на ее месте установится новая конфигурация государств.

Поэтому в тайной корреспонденции говорится о необходимости проследить, чтобы юго-западные границы Австро-Венгерской империи не претерпевали никаких изменений, которые сами по себе представляли угрозу для монархии. В деталях ситуация такова: существует опасность, что Сербия и Болгария станут расширять свои границы до Адриатического моря, а Италия, в связи с определенным невыгодным положением на море и свободой передвижения австро-венгерских кораблей по Адриатике, утвердится на самом побережье и оттуда будет угрожать австро-венграм в Далмации и внутри нее. С этой точки зрения, актуальное положение Албании представляет исключительную важность. Для Австро-Венгрии жизненно важно, чтобы этот район не попал под влияние какой-то иной державы. Правительственные круги не желают оккупировать

[1] HHStA. PAI. GA XXX/ A. S. 193–194 b. Мы представляем также и содержание этой тайной почты, поскольку оно идентично тайной корреспонденции к графу Ревертере и барону Пасети, только им в качестве приложения были посланы пометки барона Каличе.

Албанию и поэтому, в случае распада Турецкой империи, стремятся создать независимую автономную Албанию, хотя и управляемую иностранным князем, но под австро-венгерским протекторатом.

После этого Вена информировала своего посланника в Константинополе о том, что она считает необходимым принять превентивные меры, которые могут способствовать именно такому положению в Албании, и потому провела тайные переговоры в Министерстве иностранных дел под руководством самого министра. Благодаря им очевидно, что Австро-Венгрии необходимы следующие меры:

1) Привести в порядок консульские представительства в Албании, а также назначить на службу в них лиц с подготовкой, необходимой для выполнения важной миссии;

2) Пересмотреть религиозную политику и способы поддержки Албании;

3) Утвердить общий план действий совместно с Грецией в тех районах, жители которых однажды могут выразить пожелание присоединиться к ней из-за усилившегося греческого влияния.

В то же время министерство проинформировало Каличе, что оно возложило на барона Цвидинека и генерального консула Шмукера поручение составить меморандум о нынешнем состоянии Албании и на его основе определить конкретные средства и индивидуальные действия, которые могли бы привести к постепенному исполнению изложенной программы. Вена выслала ему этот меморандум, подчеркивая, что изложенные там предложения рассматриваются как приемлемые при условии внесения небольших изменений, а это делает излишним (поскольку самого меморандума достаточно) выработку детальных инструкций для австрийских консульских чиновников в Албании.

Отчасти Каличе пишут для того, чтобы соблюсти юридические формальности, и отчасти, с учетом возможных форс-мажорных обстоятельств. До указанного момента были проведены лишь предварительные исследования, а исполнение общих действий в значительной степени будет зависеть от хода событий, а также от докладов о конкретном положении в Албании и успеха программы, выработанной руководителями консуль-

ских служб, которые уже работают в Албании или будут посланы туда.

Далее министр отметил, что считает важным держать Каличе в курсе дела, даже на этом этапе, поскольку его мнение как по данному вопросу в целом, так и по отдельным мерам, принятым для выполнения программы, имеет большую ценность.

Каличе является одним из крупнейших мыслителей, а кроме этого, он аналитик и хороший стратег, разрабатывавший планы действий Вены в Албании. Глубокий знаток местных политических связей, знакомый с ними не понаслышке, он внес огромный вклад в определение средств осуществления программы действий. В этом ключе можно отчетливо выделить пять основных положений:

а) Каличе обращает особое внимание коллег на необходимость Вены работать с мусульманским населением, а не отдавать предпочтение католикам. По этому поводу он неустанно повторяет, что вопросом жизненной важности является умение вести себя «тактично и терпеливо», сообразно характеру местной культуры.

б) Каличе настаивает: Вене следует изменить понимание ведущей роли католических священников. Вместо того чтобы возлагать на них высшую политическую задачу — создание албанской нации, он предлагает поставить перед ними более скромные цели, не требуя политических услуг, чтобы предотвратить проблемы, затрагивающие вопросы совести. Клир, по мнению Каличе, не должен подозревать, что действия Вены направлены на изменение существующих политических отношений.

в) Будучи хорошим знатоком Востока, Каличе не позволяет себе недооценивать важную роль подарков, которые должны влиять на поведение людей.

г) Он предлагает действовать, сосредотачиваясь на албанской элите и избегая работы с массами. Поэтому так важно наладить контакт с влиятельной албанской верхушкой и завязать дружеские связи с ее представителями.

д) Каличе предлагает тактический поворот, суть которого — установить прямые взаимоотношения с Высокой Портой и убедить ее в необходимости улучшить положение албанцев и даже поддержать их националистические устремления.

По мнению австро-венгерского посла,[1] следует незамедлительно получить гарантии от репрессий со стороны мусульманских беев в отношении католических общностей, чтобы они не поддались натиску Черногории. По его мнению, это должно стать приоритетной задачей по сравнению с остальными задачами программы. Ее осуществление подразумевало необходимость постоянно быть готовыми к изменению турецкой системы управления в целом, базирующейся, главным образом, на поддержке мусульманских подданных, на обеспечении их защиты и гарантии их безопасности. Несмотря на это, Каличе информирует министерство, что он уже сделал первые шаги в означенном направлении и постарался убедить людей из высших политических кругов Константинополя, что необходимы некоторые изменения в пользу албанцев.

Согласно Каличе, на втором месте стоит ничуть не менее амбициозный по своей значимости проект — введение нового административного деления в Османской империи. Сам Каличе осознает, что это — серьезное вмешательство во внутреннее управление; ни одна страна не может требовать от другой такого. Поэтому подготовку к исполнению подобной задачи можно начать, лишь когда будет завоевано доверие, необходимое для столь решительных и серьезных мер. Таким образом, вопрос не носит приоритетного характера, и его решение может быть отложено на более подходящий момент.

В третьем пункте Каличе развивает предложение построить школы, где преподавался бы албанский язык: не только в католических, но и в мусульманских районах страны. Однако, как пишет он сам, Австро-Венгрия не имеет никакого права на покровительство этим областям и даже никакого предлога, например, чтобы заняться образованием своих возможных австро-венгерских подданных. Так что Вена нуждается в подходящих людях и поводе для строительства таких школ.

Вот почему посол предлагает Вене пойти по другому пути — использовать и развивать национальное чувство, которое начинает зарождаться у мусульманского населения, и косвенно

[1] HHStA. PA I. K. 473. Privat und persönlich, Konstantinopel, den 3. März 1898. Каличе к Цвидинеку. S. 379–406.

помочь доступными средствами реализации этого чувства (например, посредством развития образования). Каличе не согласен с тем, что Австро-Венгрия персонально должна заниматься строительством школ. По его мнению, такая инициатива породила бы трудности и непонимание, не гарантируя верного успеха и популярности; правильнее всего действовать следующим образом: во-первых, убедить турецкое правительство, что в его же собственных интересах развивать образование у албанцев, а во-вторых — налаживать контакты с местными албанскими лидерами для создания албанской национальной культуры, основанной на их собственных устремлениях, а также найти способ тайной материальной помощи. Согласно тому же Каличе, подобные меры со стороны Вены обеспечат ей благодарность албанцев, став самым эффективным средством политической пропаганды в процессе завоевания доверия нации. Он советует министерству иностранных дел ограничиться лишь поддержкой и довольствоваться «моральным капиталом», который позволит Империи не нести ответственности за реальное функционирование недавно построенных школ. Посланник высказывает убеждение, что накопление «морального капитала» должно быть первостепенной задачей австро-венгерской дипломатии, поскольку стратегия, состоящая в том, чтобы предоставить албанцам готовые школы и образование, принесла бы свои плоды лишь спустя годы, а Вена преследует интерес легкого и стремительного подчинения албанского народа.

Относительно предложений об изменениях в организации консульств посланник полностью согласен с тем, что нужно ввести поэтапно и в обстановке секретности новые консульские посты в Тиране и Берате, которые стали бы уже не только летними резиденциями для должностных лиц из Дураццо и Валоны. Он поддерживает решение отложить открытие нового консульства в Эльбасане, пока не появится естественный предлог для этого в связи с окончанием строительства новой железнодорожной линии, и предлагает подумать о включении Ипека в юрисдикцию консульства в Призрене, но не сразу, а позже.

Согласно плану Каличе, и это одно из самых важных тактических изменений, большую часть рассмотренных вопросов

необходимо напрямую обсудить с Турцией: в этом направлении он небезуспешно работает с правительством, и даже с самим султаном. Чтобы развить данный процесс в соответствии со стремлениями Вены, он предлагает избегать всего, что провоцирует недоверие к истинным политическим целям Австро-Венгрии. По мнению Каличе, поскольку на практике империя ведет консервативную политику, ее действия в Албании должны пробуждать доверие, и чем больше будет этого доверия, тем больше будет для Австро-Венгрии возможности действовать.

Такие средства, как, например, введение регулярного и частого морского сообщения между Скутари и австрийскими портами, развитие взаимной торговли через более выгодные для албанцев тарифы, открытие новых мест в австрийских колледжах и торговых школах для албанской молодежи или создание в будущем кафедры албанского языка в Вене, рассматриваются Каличе как практичные идеи с высокой значимостью для пропаганды. Однако он рекомендует проводить мероприятия лишь по предварительной просьбе к Австро-Венгрии со стороны самой Албании, а не как быстрые и внезапные одноразовые акции, инициированные Веной. Поэтому придется работать с албанскими лидерами, от которых и должны исходить подобные просьбы.

Однако ему кажется неуместным принуждать турецкую железнодорожную компанию набирать своих служащих преимущественно из Австро-Венгрии. В первую очередь, это обосновано тем, что придется очень долго ждать результатов, которые придут лишь постепенно, а во-вторых, подобная инициатива даст повод для слухов и привлечет ненужное внимание к Австро-Венгрии, и это негативно скажется на достижении ее целей.

Каличе временно воздерживается высказывать мнение об албанской колонии в Борго Эриццо. В принципе, он поддерживает любую инициативу, которая быстро, легко и незаметно приведет к нужному результату. Напротив, всякая инициатива, привлекающая внимание и, следовательно, пробуждающая подозрения, нежелательна, потому что вред от нее был бы больше пользы. Однако на более позднем этапе он не отрица-

ет возможность того, что средства, которые на данный момент выглядят неподходящими, могут принести лучшие результаты.

Во второй части доклада Каличе предлагает собственную стратегию и тактику, не претендуя охватить тему целиком, а, скорее, представляя в форме резюме общий практический взгляд на конкретные цели и необходимые факторы их достижения.

Что думает Каличе по поводу планируемых в Албании действий? В первую очередь, он проводит границы между задачами и факторами, необходимыми для их выполнения. Задачи, по его мнению, напрямую проистекают из предоставленного Австро-Венгрии права на религиозное покровительство и отвечают высшей политической цели создания автономного государства, способного устоять перед внешними трудностями, со своим собственным внутренним развитием, которое гарантировало бы защиту консервативных интересов Австро-Венгрии на Балканах и в регионе, именуемом Албанией.

Согласно Каличе, факторы, способствующие достижению целей и решению упомянутых задач, — это посольства, консульства, католический клир, монсеньор Примо Доки и местный элемент.

Среди упомянутых задач он различает те, которые требуют немедленных действий, и те, которые достигаются постепенно и обладают цикличным центробежным характером.

Каличе утверждает, что хорошо понимает роль посольств в обоих этих направлениях и позволяет себе сделать лишь незначительные замечания, а именно: дело о строительстве церквей и вопрос организации школ, о которых ранее было представлено ходатайство турецкому правительству в письменном или устном виде, вновь получили ход и находятся в процессе рассмотрения. Чтобы в должной мере воспользоваться положительным эффектом от прошлой аудиенции у султана, Каличе намерен включить все вышеупомянутые пожелания в единый список, который он использует в будущих ходатайствах перед турецким правительством.

Следующая его непосредственная задача — защитить племя малисори в соответствии с меморандумом, а также выступить в защиту двух влиятельных беев, арестованных после встречи

с австро-венгерским консулом[1]. И наконец, Каличе займется изучением позиции властей по отношению к Пренк Бибу Доде и рассмотрением того, что можно сделать в его интересах. К настоящему моменту Каличе не выказывает большого оптимизма по этому вопросу, но пренебрегать пожеланиями Вены не будет[2].

[1] См. главу о поездках австро-венгерских консулов в районы проживания албанского мусульманского населения.

[2] Каличе пишет, что когда-то виделся и часто говорил с Пренком Бибом Додой, который теперь — незначительная личность в интеллектуальном плане и достаточно деградировавшая в моральном отношении. Поэтому он не разделяет мнения Примо Доки, что тот мог бы сыграть огромную роль для осуществления намеченных целей. Каличе считает, что влияние Пренка Биба Доды не распространяется за пределы собственной общины и рода. Кроме того, во время пребывания в Стамбуле Пренк Биб Дода был частым посетителем, не только австро-венгерского, но и французского посольства, с которыми хотел наладить взаимодействие.

Каличе, однако не воспротивился бы его возвращению, если бы это произошло безболезненно и если это в точности соответствует словам Доки о том, что не только мирдиты, но и все католические общины того желают. Поскольку вопрос сложен, попытки вернуть Пренка Биба Доду возбудили бы целый ряд подозрений, и даже если бы они увенчались успехом, это породило бы значительное напряжение. Посланник предпочитает отложить вопрос до лучших времен и советует своим коллегам не считать это делом первостепенной важности. Он отмечает, что принятие решения было бы возможно лишь после очень внимательной подготовки и не раньше того момента, как будет завоевано доверие султана и правительства. В связи с этим он напоминает о неудачных прецедентах с участием армянского патриарха Азаряна, албанской знати в Стамбуле и папской курии.

Каличе считает, что позднее, на втором этапе, можно будет завоевать доверие султана до такой степени, что возвращение Пренка Биба Доды, муавина вилайета Скутари христианского вероисповедания, станет возможным. Но даже если это и произойдет, он не будет иметь влияния, о котором твердит Примо Доки и которое закладывается в основу его политических планов. По мнению посланника, ни статус муавина христианского вероисповедания, ни личные качества Пренка Биба Доды не дают возможности достичь такого влияния. Он предлагает поддерживать в нем надежду на возвращение, но при этом действия Австро-Венгрии не должны начинаться с решения данного вопроса.

Каличе не устает повторять, что важнее всего для достижения успеха в планируемых действиях — завоевать доверие султана. Он утверждает, что в процессе всех своих контактов с турецким правительством стремится укрепить и углубить веру в политическую лояльность Австро-Венгрии по вопросам, связанным с Балканами, и конкретно — с их западной частью, а также убедить представителей турецкого правительства, что забота о благоденствии, культуре и национальных чувствах албанских подданных составляет собственные интересы Турции. Он также использует и свои связи с влиятельными албанскими мусульманами, чтобы работать в этом направлении.

Каличе считает необходимым дать консулам общие инструкции, которые стали бы основой для их работы. Способность консулов собирать информацию особенно ценна, их старание достойно похвалы, но вопреки этому практическая работа на местах может быть гораздо лучше. Нехватка времени и отсутствие опыта мешают им на данный момент завоевать доверие турецких властей, а также получить возможность влияния на них. Поскольку служебные обязанности трудны, а отношения исключительно сложны, от консулов требуется в большей степени, чем от кого бы то ни было, проявлять такт, осторожность, мастерство и совершенство в профессии. Согласно Каличе, только если консулы завоюют доверие центральной власти, они смогут бороться на местах с многочисленными проблемами и затруднениями (вызовами), которые неизбежно возникают и сопровождают их работу; при этом, особенно важно, чтобы их деятельность не выглядела так, словно они выполняют государственную задачу. Посол продолжит прилагать усилия по завоеванию доверия в столице, при этом работа консулов состоит в том, чтобы добиться того же в соответствующих консульских районах.

Каличе считает, что консулы должны выстраивать свою политическую деятельность, учитывая вопросы культурного протектората и в соответствии с местными навыками и обычаями. Что касается первого пункта, то они должны постараться убедить турецкие власти в лояльности своих действий и в правильной мотивации поставленных требований. Необходимо приложить усилия, чтобы вести себя объективно,

без всяких предпочтений к какой-либо из сторон, но пытаться примирить их, согласно правилам. Поддержки посольства в Константинополе они могут искать лишь в том случае, если их собственных средств окажется недостаточно и потребуется вмешательство центра. В таком случае рекомендуется разделить обстоятельства и мотивы на две группы: pro foro interno («для внутреннего употребления») и те, которые можно представить турецкому правительству. Подробности, мнения, аргументы необходимо обобщить в специальных докладах, по возможности, на французском языке, чтобы можно было вручить их уже в готовом виде, когда посольство сделает необходимые шаги в сторону турецких властей. Помимо заверения их в лояльности Австро-Венгрии, в сферу политической деятельности консулов входит также проявление личной лояльности и налаживание контактов с местными элементами, включая влияние на их высказывания и поведение.

Для осуществления этого необходимо, прежде всего, определить исходную точку политики Австро-Венгрии в регионе. По мнению Каличе, это ни в коем случае не означает, что Вена поддерживает какое бы то ни было народное недовольство правительством султана; также Вена должна убедить власти Турции в том, что албанцы будут осознавать свою жизненную заинтересованность в существовании Османской империи и сейчас, и в будущем. Одновременно необходимо убедить Высокую Порту, что она сама заинтересована в материальном процветании и интеллектуальном развитии меньшинств, а также в создании у них чувства национальной принадлежности, чтобы они были довольны своим положением. Только таким образом меньшинства будут способны защищаться от своих алчных соседей. Обе стороны должны быть убеждены, что Австро-Венгрия готова действовать дружественным образом в их пользу. Со своей стороны, албанцы также должны быть убеждены, что Вена ни в коем случае не заинтересована в их территориях, а питает интерес к укреплению османского государства. Каличе считает, что слова подобного рода со стороны консулов и их помощников принесли бы намного больше пользы осуществлению политических целей Австро-Венгрии, нежели неясные обещания поддержки того или иного местного лиде-

ра, что лишь подорвало бы авторитет Вены. Он также убежден, что на данный момент лучше ограничить перемещения консулов, в чью задачу входит налаживание контактов с албанцами.

Каличе подчеркивает необходимость обратить особое внимание на отношения с католиками и другими христианами, которые страдают от произвола мусульманского населения, пользующегося привилегиями и защитой центральной власти. Речь идет об эффективной помощи, об изменении обстоятельств для преодоления конфликтов. В большинстве случаев консулы не могли пойти дальше рекомендаций и дружеских советов турецким властям. Когда указанных мер недостаточно, необходимо, чтобы эти случаи были представлены на рассмотрение имперского и королевского правительства или его посланника в Константинополе так четко и убедительно, чтобы приведенные факты подошли для прямого донесения правительству султана. Консулам ни в коем случае нельзя производить впечатление, будто они подначивают население, — напротив, нужно создать видимость, что они пытаются его успокоить.

Каличе считает, что для осуществления действий, намеченных Веной, консулам следует оформлять часть своих донесений посольству так, чтобы их можно было сразу переадресовать турецкому правительству. Эти донесения могли бы впоследствии на постоянной основе стать независимым каналом связи между центральной и местной властями. Чем интеллигентнее и тактичнее будут составлены донесения, тем большее доверие заслужит Австро-Венгрия у османского правительства и тем больше сможет влиять на него в процессе принятия решений. Таким образом, как только местные власти поймут, что существует прямая связь между посольством и центральной властью, консулы будут иметь больше возможностей влиять на их действия.

Каличе напоминает, что консульства всегда должны учитывать предыдущий опыт, полученный в иностранных миссиях, и порой самые справедливые и убедительные требования получают признание лишь после огромных усилий и давления, а трудностей гораздо больше в тех местах, где легко могут пробудиться подозрения и враждебность, что актуально в данном случае, учитывая регион планируемых действий. Поэтому без доброй воли со стороны турок, без упорства и постоянства не-

льзя ожидать успеха, а еще в меньшей степени его можно ожидать, когда речь идет не об официальных правах, а о советах и требованиях, которые легко могут быть сведены на нет под предлогом того, что они представляют собой вмешательство во внутренние дела страны. Но даже в тех случаях, когда консулы обладают официальным правом на что-либо, их энергичные действия могут вызвать ряд проблем. Они должны осознавать, что не всегда могут пользоваться ультиматумами и иметь в распоряжении армию, готовую вмешаться, чтобы их требования были выполнены. Как хороший знаток Востока, Каличе вновь не устает повторять, что для успеха в осуществлении целей важнее всего завоевать доверие и хорошее расположение османских властей, и через них осуществлять австро-венгерское влияние. С местными чиновниками необходимо действовать очень осторожно, чтобы избежать их вмешательства в дела центральной власти, которое может принести ущерб Вене и таким образом свести на нет все ее предыдущие усилия. Каличе придерживается мнения, что озвученные им рассуждения можно положить в основу общего руководства к действию, а потом, добавив и другие соображения, разослать его консулам.

В отношении политической роли католического духовенства посланник считает не очень удачной идеей превратить его в инструмент какой бы то ни было политической пропаганды. Во-первых, поскольку для духовенства это не прямая обязанность, во-вторых, оно не подготовлено должным образом, чтобы ее осуществлять. Клир лишь спровоцирует беспорядок, и его собственная репутация пострадает. Напротив, Каличе рекомендует Вене защищать духовенство от всякого подозрения в использовании его как инструмента для осуществления политических целей, и убедить священников, что это в корне неправильно. Если они сами будут убеждены, то легко распространят среди своей паствы уверенность, что Австро-Венгрия абсолютно не заинтересована в любом виде агитации, сама выступает против этого и лояльна к османской власти. Вена должна своим поведением продемонстрировать католическому духовенству, что она желает осуществлять свое право на протекторат лишь на основании Договора о капитуляции и будет именно таким образом действовать и впредь. Она должна выделять щедрые пожерт-

вования католической церкви, школам и центрам гуманитарной помощи под своей опекой, но всегда подчеркивая, что от церкви в ответ она ожидает лишь лояльности и благодарности.

Влияние на духовенство нужно оказывать постоянно и методично, и для этого необходим новый вид организации, который еще не существует в сфере деятельности, запланированной Веной.

Работа с мусульманским населением

После этого обмена мнениями основное значение в тактике Вены получает работа с мусульманским населением. Соответствует этому и предложение Каличе, австро-венгерского посла в Константинополе. Согласно его докладу, наступил несомненный поворот в восприятии Имперской и Королевской монархии албанцами, а точнее — мусульманской частью населения. Бесспорно, он основан на тревожном ожидании неизбежного конца Османской империи и убеждении, что мусульманам Албании неоткуда ждать помощи, кроме как от Австро-Венгрии. Важную роль в этой смене настроений сыграли албанские беи, которые моделировали общественное мнение посредством своих родственных связей. Из их кругов была отправлена письменная петиция к Австро-Венгерской короне о помощи албанскому населению посредством улучшения их местного образования, создания новых коммуникационных связей и с настойчивой просьбой о создании албанской газеты. Каличе подчеркивает, что официальная австро-венгерская защита албанских интересов перед турецким правительством может иметь большой политический успех благодаря специфике общества, где беи определяют мнение всего народа.

Другое предложение Каличе, которое совпало с первоначальными планами Вены, а после этой консультации укрепилось и превратилось в приоритет, состояло в том, чтобы образование, финансируемое Австро-Венгрией, служило албанской национальной пропаганде. Посол подчеркивает, что образование не может развиваться по тому же пути, по которому действуют остальные австро-венгерские образовательные институты за рубежом, то есть в направлении воспитания и цивилизованности.

Образовательную политику Вены на албанской земле характеризует индекс школ Восточного отдела, финансируемых Министерством иностранных дел Австро-Венгрии. Этот индекс не включает албанские школы, поскольку образование там рассматривается с точки зрения имперской политики[1]. В связи с этим он пишет:

«Если наша образовательная деятельность в Албании имеет, помимо общих культурных, и политические цели, например, усиление национального сознания у албанцев, чтобы те (албанцы) могли противостоять итальянской пропаганде на их территории, то субсидии на образование в других частях Востока имеют единственной целью гарантировать нашим гражданам, живущим вне своей родины, соответствующее культурное развитие, которое обезопасило бы их от денационализации, угрожающей всем живущим за границей».

Почти год спустя Каличе продолжает твердо настаивать на своих первоначальных позициях относительно местной ситуации и ее развития[2]. Помимо этого, он добавляет, что действия в Албании должны представлять собой процесс, осуществляемый при помощи средств, собранных с усердием и постоянством. Важнее прочего, по его мнению, является согласованность действий, подчиненная общей цели. В письме Цвидинека читаем[3]:

«Долгосрочные дела необходимо совершать непрерывно, но по возможности избегать чересчур масштабной деятельности, осуществленной одномоментно, поскольку это может, скорее, помешать работе. И главное, нам необходимо воздерживаться от излишней горячности даже по самым справедливым вопросам, чтобы не нарушить политическое равновесие в отношениях между обоими правительствами.

Что же касается, главным образом, политической деятельности, то самым необходимым условием истинного успеха является постепенность и разумность действий, как в отношении Высо-

[1] HHStA. NL Szecsen.

[2] HHStA. PA I. K. 473. Konstantinopel, am 11. März 1898. Calice an Zwiedinek. Fol. 407–430.

[3] Ibidem.

кой Порты, так и в отношении албанского населения. Для этого, в первую очередь, нужны такт, терпение и достаточно времени, то есть нельзя ни спешить, ни медлить, необходимо не упускать подходящего момента, но и не ступать на зыбкую почву.

Когда наступит решительный миг, излишняя старательность не должна всё испортить. Я с удовольствием фиксирую, что это разумное правило занесено в последние инструкции для нашего консула. Но и ему определенно не навредят общие наставления с учетом рекомендаций из моего первого письма.

Католический клир должен быть лоялен к стране-покровительнице и осуществлять пропаганду в ее пользу. Но также должно быть абсолютно ясно, что мы со своей стороны лояльны турецкой власти и не преследуем политических целей, которые отвечают лишь собственной нашей выгоде. Так духовенство будет для нас более полезно, нежели в роли посредника в политической пропаганде, которая будет иметь очень слабый эффект и может превратить наш протекторат в подозрительное мероприятие, вызывающее ненависть у власти и Порты, сводя его выгоду к нулю, что, к сожалению, уже случалось несколько раз.

Необходимо, прежде всего, оказать влияние на мусульманские элементы, избегая в стране всякой деятельности, которую можно было бы воспринимать как агитационную.

Вы, дорогой друг мой, спросите, где же тут поддержка дружественного государства в подготовке и достижении подлинной автономии, раз наши действия ограничены в стольких отношениях. На это я отвечу, что мы лишь представляем цель, но не стоит высказывать ее слишком рано. Сначала мы должны предварительно создать подходящие условия. С одной стороны, необходимо всё больше сближаться с населением, чтобы оно начало смотреть на нас как на настоящих друзей и покровителей албанского национального единства, в отличие от алчных иностранцев. Необходимо, чтобы они поверили, что мы — гаранты и посредники в деле улучшения интеллектуального и материального благополучия страны. С другой стороны, необходимо попытаться принудить Высокую Порту признать интеллектуальный и материальный рост в албанском регионе и формирование албанского национального чувства для поддержки османского владычества на Балканах. На этой базе можно строить все

остальное. Но было бы благоразумно избегать слова «автономия», поскольку с точки зрения Порты это означает территориальные потери по примеру Болгарии, Восточной Румынии, Крита и всех остальных земель, прошедших этот путь. Для турецкого правительства и даже его населения «автономия» — ключевое слово в революции. По этой причине такое слово сохраним лишь *pro foro interno*[1], продолжая работать последовательно и методично в интересах практического достижения цели.

Но есть одно слово, о котором нельзя умолчать, поскольку оно стало мощным средством, служащим любым целям, — деньги. Они нужны для поддержки образовательных институтов в Албании, для доступа албанской молодежи к образованию в Австро-Венгрии, для завоевания и сохранения на нашей стороне некоторых руководителей и старейшин региона, для которых деньги — самое убедительное средство. Они нужны для облегчения коммуникаций и для многих других вещей. Насколько я осведомлен, фонда средств, отпущенного высшим чиновникам на эти цели, серьезно недостает. Может быть, скоро станет совсем очевидным, что значительного увеличения этого фонда нельзя избежать».

Получатели этих писем приближены к власти и очень хорошо знают, что́ означает такая степень доверия и что́ конкретно ожидается от них. При этом, однако, в их рядах слышны голоса несогласных с программой в целом. Речь идет о несогласии с основной политической целью, из-за которой выполнение программы выглядит невозможным и нереалистичным. Так оформляется некое сопротивление действиям Австро-Венгрии в Албании[2]. Голоса не многочисленны, но в силу этого их обладатели заняли смелую и аргументированную позицию. Их

[1] «Для внутреннего употребления», в своем узком кругу — *(Прим. переводчика).*

[2] Существует и другая форма несогласия, непреклонная, бескомпромиссная, явно противопоставляющая себя планируемым действиям и предполагающая оккупацию северо-западных территорий Балканского полуострова. Эту позицию защищают военные. Я предполагаю, что она будет подробно рассмотрена в готовящемся диссертационном труде Кристана Х. о роли Австро-Венгрии в провозглашении албанской независимости.

мнения существенно отличаются от мнений консульских служащих. Те в своих докладах ничего не оспаривают, а лишь с энтузиазмом и оптимизмом выражают согласие[1], создающее впечатление, что они руководствуются собственными амбициями и соглашаются с высокопоставленными лицами из министерства, только чтобы им понравиться.

18 февраля 1897 г. были посланы две тайные телеграммы идентичного содержания под номерами 663 и 664, адресованные графу Ревертере в Рим и барону Пасети, также в Рим, и уведомляющие адресатов, что в министерстве иностранных дел прошли переговоры относительно мер по подготовке к албанской автономии, в случае, если падет турецкая власть в европейских владениях Османской империи[2]. В телеграммах подчеркивается, что эта информация носит секретный характер и предназначена лишь для ее получателей, чье мнение о планируемых действиях требуется предоставить. В соответствующих приложениях им высылается дополнительная информация о действиях, а также упомянутый документ с пометками, уже проставленными австро-венгерским посланником в Константинополе, и копия меморандума об Албании.

Стратегические соображения против планируемых действий

Граф Ревертера отвечает министру иностранных дел Голуховскому донесением[3], также имеющим статус секретного, от 20 марта 1897 г. В своем ответе граф выражает немалое удивление по поводу планов Вены. Затем он аргументирует расхождение своей позиции с этими планами по ряду вопросов. Его по-

[1] Во второй части этой главы мы будем говорить о конкретных предложениях, как Вене достичь стратегической цели, т.е. что сделать для осуществления ее плана. Мы подробно рассмотрим предложение о сборе средств для запланированных действий, реорганизации консульской деятельности, задачах австро-венгерских представителей в данном районе и требованиях к их личному и профессиональному стилю работы, с учетом решающей роли данных лиц в достижении указанной цели; также мы остановимся на действиях албанских католиков, с одной стороны, и албанских мусульман, с другой.

[2] HHStA. PA I. K. 473. GA XXX/A. S. 200–200b.

[3] Ibid. S. 202–205.

зиция по Албании ограничена намного более узкими рамками, поскольку он обыкновенно не обсуждает вопросы, в которых ничего не понимает. Прежде всего, он утверждает, что напрасно пытается прояснить для себя, какова будет природа и территориальный охват будущего протектората.

Он не скрывает удивления по поводу того, что Императорское и Королевское правительство, не управляя этой территорией, поставило себе целью решить задачи, предложенные в меморандуме министерству иностранных дел. Он упоминает, что Высокая Порта не дала бы согласия ни на протекторат, обоснованный в соглашениях о капитуляции, ни на другие новые соглашения, которые утратят свою силу вместе с падением турецкой власти, широко затронув и греков, и мусульман; поэтому он считает меморандум образом будущего «*après le deluge*»[1], очертания которого едва можно различить в туманной дали.

Далее граф предупреждает коллег в Вене, что если оборвется тонкая нить, соединявшая вместе разнородные элементы албанского населения, необходимо будет нечто более весомое, нежели всемогущая рука имперского протектората. Потребуется железный кулак, чтобы либо принудить албанское государство к единству, либо восстановить необходимый мир между разрозненными слоями населения, от чего зависит любой прогресс. Согласно Ревертере, так произойдет в любом случае: и если все элементы продолжат существовать разрозненно, и если они объединятся в некую федеративную структуру. Граф убежден, что Албания, предоставленная самой себе, рискует подвергнуться анархии или пасть жертвой территориальных аппетитов своих алчных соседей. Следовательно, покровительствующая сила будет вынуждена предотвратить такое развитие, чтобы не погубить всё, что пожертвовала на благо этой страны.

В духе приведенных выше рассуждений граф задает себе вопрос: неужели Императорское и Королевское правительство, делая всё, что от него ожидается, и представляя собой гаранта внутренней и внешней безопасности Албании, позволило бы создать там независимую государственную администрацию, или такая администрация служила бы лишь «фиговым листом», прикрывающим негласную австрийскую оккупацию.

[1] «После нас хоть потоп» — *(Прим. переводчика).*

Не вдаваясь в примеры подобных протекторатов колониальных сил в Египте, Восточной Румелии, Боснии и Герцеговине, которые, по сути, не имеют аналогов, Ревертера лишь мимоходом напоминает, что пытаясь управлять Болгарией через «теневого князя», Россия извлекла для себя плохой урок, *«Vestigia terrent»*[1].

В тайном донесении под номером 664 от 24 февраля 1897 г. министр иностранных дел посылает графу Пасети в Рим копию письма к Императорскому и Королевскому посланнику в Константинополе, вместе с копией меморандума об Албании, настаивая на получении от графа относительно намеченных там действий всех возможных соображений, которые только могут прийти ему в голову[2].

Пасети формулирует следующие рассуждения, прося министра о снисхождении, если тот найдет их поверхностными:

Он подтверждает, что из высланного ему доклада барона Каличе он однозначно уловил те мотивы, по которым Австро-Венгрия не может допустить, что в случае конца османского господства Албания попадет под чье-то иное влияние. Поэтому Вена чувствует себя вынужденной оказать помощь в создании независимого княжества под австро-венгерским протекторатом.

Однако используя тот предлог, что в докладе отсутствуют конкретные подробности об особенностях и территориальном охвате этого протектората, он позволяет себе сделать следующие замечания:

Пасети предполагает, что речь идет о политическом протекторате, который в глазах албанских католиков предстает как расширение религиозного протектората, которого они желают. В противном случае он был бы неуместен с юридической точки зрения после распада Османской империи и создания христианского княжества.

Кроме того, Пасети предполагает, что по своим особенностям и территориальному охвату подобный протекторат имеет тенденцию стать выражением политического суверенитета. Этот факт тревожит его потому, что Австро-Венгрия неизбежно будет вынуждена участвовать в решении всех затруднений

[1] «Следы устрашают» — *(Прим. переводчика).*

[2] HHStA. PA I. K. 473. GA XXX/A. S. 243–251b.

и противоречий, с которыми, без сомнения, столкнется на своем пути молодое княжество. Пасети убежден, что «если будет достигнуто национальное единство албанских общностей против Сербии и Черногории (244 b), т.е. на поле боя, а также в том случае, если до этого дойдет без вооруженных столкновений, в результате некой навязанной европейской конференции, то во всех случаях и конкретно в последнем, молодое государство должно будет противостоять недоброжелательству и негативному влиянию своих самых близких славянских соседей и даже недоверию своих собственных подданных. При первой возможности в случае такого протектората (245) будущее албанское княжество, под влиянием окруживших его проблем, вероятно, окажется ущемленным и будет искать нашей помощи и нашего вмешательства. При этом мы окажемся на краю пропасти, и нам придется ощутимо столкнуться со многими деликатными ситуациями, гораздо более опасными, чем в том случае, если мы установим свою прямую власть в Албании».

Австро-венгерского дипломата тревожат и другие опасности, которые могут быть вызваны подобным протекторатом. С одной стороны, он считает, что нужно получить одобрение этого протектората со стороны Европы, чтобы извлечь из него пользу. С другой стороны, его тревожит, что остальные державы истолкуют подобное одобрение как уступку устремлениям Австро-Венгрии, более того, после краха Турецкой империи Босния и Герцеговина сами упадут в объятия Вены. В таком случае, согласно Пасети, австрийскому примеру могут последовать другие великие державы и потребовать протекторатов над другими частями Европейской Турции, например, над Константинополем и соседними провинциями. Тогда будет очень трудно выступить против подобных требований, после того, как Австро-Венгрия сама стремилась к протекторату над Албанией.

В то же время Пасети отмечает, что албанскому движению помогает Италия, с целью создать независимую Албанию под итальянским протекторатом. Это можно предотвратить априори, категорично отказав в каком бы то ни было протекторате. Напротив, если Австро-Венгрия захочет того же для себя, ее союзники выступят в роли оппозиции, а между правительством и народом возникнет глубокая вражда. Дипломат напомнил

о сложившемся общем убеждении в том, что каждая попытка Австро-Венгрии, связанная с действиями на Адриатическом побережье, представляет собой вызов Италии, а следовательно, последняя захочет компенсации, а это, учитывая цели итало-албанского движения, может создать препятствия на пути Австро-Венгрии к Албании.

Пасети считает, что можно распространить австрийское влияние в Албании и другим способом, помимо установления протектората. Для его осуществления необходимы следующие условия: в первую очередь, северную границу княжества следует сместить так, чтобы она соприкасалась с Австро-Венгрией у Санджака, во-вторых, следует подписать тайное соглашение с будущим князем Албании, который не должен быть ни черногорцем, ни сербским наследником престола; и в этом соглашении Вена гарантировала бы целостность и независимость княжества, то есть в случае внешней агрессии Австро-Венгрия обещала бы ему защиту и помощь. В обмен на это княжество должно взять на себя обязательство принять необходимые меры для охраны побережья в интересах Австро-Венгрии, главным образом, в портах Сан Джованни ди Медуа и Дураццо, укрепив их наиболее выгодным образом для австрийского флота. Помимо этого, необходимо, чтобы оно, признав право транзита имперских войск, обещало построить дорогу, которая в состоянии пропускать военный транспорт от австро-венгерской границы до двух уже упомянутых портов. И наконец, возвести укрепления в определенных пунктах (249) и предоставить право Австро-Венгрии оккупировать их в случае войны. Пасети предлагает предоставить займ княжеству в виде части или всей суммы, необходимой для покрытия этих расходов.

В добавление Пасети предлагает сохранить в новом княжестве Императорские и Королевские консульские представительства, не сокращая их числа.

Автор этих заметок полностью осознает, что они не исчерпывают содержания предложенного соглашения. Их единственная цель — показать, как намерения Вены могут осуществиться без установления протектората. Он вновь подчеркивает, что с финансовой и военной точки зрения протекторат создал бы для Австро-Венгрии гораздо больше неприятностей, чем

подписание тайного пакта. Как покровительница княжества, Австро-Венгрия должна была бы приходить на помощь Албании при любых обстоятельствах.

Также, согласно Пасети, если бы Европа признала австровенгерский протекторат, это дало бы Империи международную правовую основу для превосходства в Албании. Однако он напоминает, что это превосходство не помешает остальным иностранным государствам стремиться обладать подобным влиянием, поскольку, согласно международному праву, новое княжество будет провозглашено нейтральным. Сеньор Криспи мечтает о нейтралитете для Албании, поскольку живет в непрерывном страхе, что Австро-Венгрия хочет ее оккупировать. Поскольку ничего подобного не входит в план Вены, она легко признает нейтралитет княжества. Кроме того, будет и правовое основание гарантировать ее военное вмешательство, в случае если княжеству будет угрожать какая-то иная сила, подписавшая предполагаемый пакт (Сербия и Черногория). С другой стороны, если это произойдет, Вена сможет помешать Италии оказать помощь Черногории.

Основываясь на всех этих моментах, Пасети упоминает, что для начала Вена может рассчитывать на северную часть Албании, Гегию, потенциально независимое княжество под австровенгерским влиянием, в то время как южную часть, Тоскию, вероятно, уступят Греции.

И если Вена уступает столь значимую территорию, из этого логически следует, что ей не придется делать уступок Италии на Адриатическом побережье.

В тайной корреспонденции министру Голуховскому[1] самые близкие к властным кругам лица отмечают, что в меморандуме излагается подробная информация о способах осуществления действий в Албании, но ничего не поясняется относительно политических настроений и предварительной дипломатической работы в связи с тем, какую позицию Австро-Венгрия может занять как государство перед лицом Европы по отдельным аспектам албанского вопроса, которые могут неожиданно всплыть, если тема будет затронута глобально.

[1] HHStA. PA I. K. 473.

С необходимой осторожностью они пытаются напомнить министру, что в соответствии с общеимперской политикой Австро-Венгрии благоразумнее не поступать таким образом, ускоряя кризис, а наоборот, прилагать усилия, чтобы замедлить его наступление, насколько это возможно, и это на руку Вене. Они считают, что так можно выиграть достаточно времени, чтобы намеченные меры и действия по усилению австрийского влияния в Албании получили больший эффект. Они подчеркивают, что географическая близость, позиция Боснии, успешная культурная деятельность и традиционное уважение Албании к Австро-Венгрии поставят ее в благоприятное положение отосительно всех остальных великих держав. Они убеждены, что если развитие событий предоставит Вене достаточно времени, и ее действия будут осуществлены уверенно и безотносительно расходования средств на образование албанцев для превращения их в сознательных граждан, несложно будет устранить лживую пропаганду Италии в этом регионе. Это произойдет отчасти и благодаря тому факту, что итало-албанское движение имеет очень неясные цели и держится целиком на проитальянских настроениях тосков.

Поставленные проблемы, по сути, сводятся к вопросам, будет ли у Австро-Венгрии достаточно времени, пока турецкая власть агонизирует, а Сербия и Черногория становятся всё более алчными; смогут ли они противостоять внезапным действиям кого-то из них и, в частности, Черногории. Основное опасение состоит в том, что Скутари и свободная провинция Бояна — очень привлекательная для Черногории добыча. Средством против этих возможных опасностей может стать достижение формального соглашения в горах около Скутари с католическими общинами, согласно которому во время предполагаемого удара они бы взялись за оружие. По всей вероятности, католический клир, сосредоточенный в Скутари, в большей своей части посмотрит благосклонно на эти планы. Пасети надеется убедить Вену в том, что, возможно, вооруженное сопротивление албанцев позволит поставить перед Европой вопрос ребром; великие державы получат достаточно времени определить свое отношение, и тогда самым правильным решением для Австро-Венгрии было бы оказать умеренную

поддержку требованию «Албания для албанцев». Так Италия напрямую будет отстранена от дел, а Россия не сможет выдвинуть никакого возражения. На основе всего этого, обобщает автор, «я вынужден высказаться против протектората, для установления которого было бы необходимо предпринять трудную кампанию и принести неоправданные жертвы».

Чтобы не потерять благоволение Франца-Иосифа и его министра иностранных дел, австрийские дипломаты будто бы высказывают некоторые сомнения относительно планов создания независимого княжества в Албании и, словно вынимая козырь из рукава, рекомендуют, как следует подготовить этот процесс. Для этого они останавливаются на уже высказанной идее — послать Пренка Доду (Пренка-пашу) в Мирдит в должности главнокомандующего, не только на первое время, а на постоянной основе, пока там существует власть турок. Прошения мирдитов к Высокой Порте и к великим державам могут дать основание Австро-Венгрии для вмешательства. Если достигнуть соглашения с Францией по этому вопросу, то, возможно, действия посланника в Константинополе приведут к благополучному исходу этого дела.

Венские дипломаты осведомлены о том, какую реакцию у многих людей вызывает личность Пренка Доды, но сколько бы они ни искали, им не удается найти в будущие князья Албании другого кандидата, который так же легко, как он, адаптировался бы к новым условиям и был бы так же предан австрийскому делу.

Тем дипломатам, которые не поддерживают албанское предприятие, абсолютно ясно, что осуществление плана остановить невозможно. Поэтому они выбирают наименьшее зло и позволяют себе добавить стратегические предложения, отличающиеся от задуманных с учетом того, что прогрессирующий распад Османской империи возбуждает аппетит к Юго-Западным Балканам, напрямую граничащим с Австро-Венгрией.

В тайном докладе[1] от 20 марта 1897 г. министру Голуховскому о планируемых Веной мерах по использованию католических церковных властей, обладающих значительным влиянием на часть албанского населения, граф Ревертера считает своим

[1] HHStA. PA I. K. 473. Bericht No. 8. Geheim (Тайный доклад № 8).

долгом дать комментарий по вопросу стратегических интересов Австро-Венгрии, о которых идет речь в секретной корреспонденции и которые он как опытный дипломат понимает очень хорошо. Он делает это в конце своего длинного и чрезвычайно подробного доклада. Мы начнем именно отсюда, поскольку его стратегический анализ представляет описание (включая мотивы, долгосрочные и краткосрочные цели) общего развития «религиозного и образовательного» плана Вены.

Ревертера напоминает, что ввиду распада Османской империи сфера австро-венгерских интересов определялась в различные периоды по-разному[1]. Какое-то время до этого, например, обсуждалась возможность продолжения границ Австро-Венгрии до Салоник как часть плана связи со Средиземным морем. Однако при создании независимых балканских государств имперская политика пошла по другому пути, что помешало этим идеям. По мнению Ривертеры, если Австро-Венгрия поможет Албании стать независимой, она подвергнется другой угрозе, перед лицом которой для собственной безопасности необходимо будет обеспечить, прежде всего, неприкосновенность границ. Возможно, когда-нибудь обе стороны пролива Отранто попадут в неприятельские руки, что перекроет судоходные пути, а австро-венгерская торговля будет парализована. Если Греция, продолжает Ревертера, достигнет реки Шкумбы и протянет руку помощи Италии, которая уже владеет всем западным берегом Адриатического моря, жизнь в австро-венгерских портах угаснет, и Пула станет могилой для Императорского и Королевского флота[2]. Ривертера выказывает свое глубокое убеждение, что избежать этого можно, если распространить австро-венгерскую систему обороны до Превезы, т.е. сделать ставку на политический протекторат и не ограничиваться созданием военного пункта в Северной Албании на границе по реке Шкумбе. Восточный берег Адриатического моря должен остаться под властью Австро-Венгрии при любых обстоятельствах, благодаря государству, способному уцелеть и стать наследником «больной» Босфорской империи.

[1] Ibid. S. 218.

[2] Ibid. S. 218 b.

Суть несогласия Ревертеры состоит в том, что из-за национальных и этнических различий между гегами и тосками пределом австро-венгерских интересов может быть лишь «лингвистическая граница» у реки Шкумбы. В Вене это мнение воспринимают всерьез. Вследствие этого, первоначальный план сотрудничества с Грецией отпал.

Другие соображения,
связанные с консульской деятельностью

Несмотря на всё вышеперечисленное, обширной темой для обмена мнениями между дипломатами становится деятельность консулов в Албании, их профессиональный стиль и подготовка ввиду тех обязанностей, которые они должны выполнять на местах. В частности — контролировать католические миссии, привлекая на свою сторону и католическое, и мусульманское население, чтобы способствовать их объединению под знаменем национального сообщества; осуществлять общую координацию и выполнять роль связующего звена с Веной.

В этом ключе особую важность представляют тайные донесения консула Писко от 25 января и 15 июня 1897 г. и вице-консула Раппапорта от 29 июня того же года; составленные по поручению Вены, они являются частью процесса выработки программы действий Австро-Венгрии, а включенные в них положения принимаются во внимание и исполняются по мере возможности. Три донесения составлены прямо в «поле действия»: два донесения консула Писко — в Скопье, а донесение вице-консула Раппапорта — в Призрене. Временной промежуток между докладами служит доказательством важности, которую Вена придавала этой теме и ее сложности. Консулы, которым поручили исполнение этой задачи, должны были, с одной стороны, следовать конкретным указаниям, а с другой, — развивать собственную инициативу и своевременно реагировать на обстоятельства в среде все еще незнакомых им общностей; в обстановке неразберихи, неподвластной анализу венских донесений; в сердце Востока, погрязшем в средневековье; под контролем сети тайных османских агентов, число которых, согласно одному сообщению из Македонии, превосходит все возможные предположения.

Поэтому техническое исполнение планируемых задач, по мнению консула Писко, вызывает особенно серьезные затруднения. Учитывая это, он предпринимает ознакомительную поездку по Албании. Его наблюдения заключаются в следующем:

Предпринимая эту поездку в очередной раз, необходимо располагать двумя обязательными условиями — владеть албанским языком и знать характер албанцев.

Дискуссии относительно деятельности консулов в Албании приводят его к выводу, что эта деятельность должна состоять в установлении личных контактов с местным населением и в оказании непрерывного влияния на них. Сперва необходимо пресечь слухи, которые распространяются среди населения после оккупации Боснии и Герцеговины: Австро-Венгрия пытается продвигаться вперед по направлению к Салоникам. Его необходимо заменить убежденностью в том, что Вена желает создать автономную Албанию, не уменьшая при этом привилегий албанских кланов.

Консул снова подчеркивает, что для достижения этой задачи жизненно необходимо владение албанским языком, поскольку лишь 2% населения знают какой-либо европейский язык и, вероятно, около 70% говорят только по-албански. К сожалению, отмечает он, из-за отсутствия учебников и учебных пособий язык со сложным произношением и разнообразием диалектов можно выучить только в самой Албании[1]. Поэтому он предлагает сразу же отправить несколько молодых дипломатов в уже действующие консульские службы, а точнее: двоих в Скутари, двоих в Скопье и одного — в Призрен, под компетентное руководство одного начальника, который организует их обучение албанскому языку и будет наблюдать за ними. По мнению консула, при желании, за шесть или двенадцать месяцев молодые консульские служащие смогут продвинуться в изучении языка настолько, что смогут понимать и быть понятыми, а затем продолжить совершенствование в нем самостоятельно[2].

[1] HHStA. PA I. K. 473. Üsküb, am 25. Jänner, 1897. Geheim. Konsul Pisko: Elaborat über die Konsularämter in Albanien (Секретно, консул Писко, разработка проекта консульских представительств в Албании). S. 662–684.

[2] Ibid. S. 662 b.

Одновременно, чтобы обеспечить влияние на политические позиции албанцев, необходимо ознакомиться с их национальным характером. В этом отношении, прежде всего, необходимо разделить католиков и мусульман; православные же, согласно Писко, менее значимы из-за своего небольшого числа и сильной эллинизации среди них[1].

Что же касается католиков, то консулы замечают сближение между населением и консульствами, как результат австро-венгерского религиозного протектората, хотя в то же время предупреждают, что было бы неверным утверждать, будто все албанские католики проявляют симпатию к Австро-Венгрии. Напротив, создается впечатление, что в последнее время австрийское влияние среди них уменьшилось по трем основным причинам[2]. Первая состоит в пропагандистской работе Италии, которая хочет сосредоточить свое основное влияние на Центральной Албании, а точнее — на Валоне, и в то же время ей удалось благодаря созданным школам основательно утвердиться в среде городского населения Скутари[3]. Вторая причина связана с нелояльным поведением части духовенства, а точнее, францисканцев, которые действуют как ловкие проводники итальянской политики. Третья причина кроется в непонимании албанскими католиками понятия «религиозный протекторат». Они требуют от австро-венгерских представителей не только помощи в защите их вероисповедания, но и обеспечения личной протекции каждому из них перед местными властями и перед албанцами-мусульманами.

В качестве ответной реакции консул Писко предлагает назначить епископов и священников, лояльных Австро-Венгрии, поскольку пока создается впечатление, что те, кто действует в Скутари, Скопье и Призрене, не склонны к сотрудничеству с Веной.

В следующем своем донесении Писко[4] указывает на три ключевых пункта: личность консула с точки зрения населения;

[1] Ibid. S. 663.

[2] Ibid. S. 663 b.

[3] Ibid. S. 664.

[4] HHStA. PA I. K. 473. Konsul Pisko an Goluchowski, Üsküb, am 15. Juni 1897. Über die Konsularämter in Albanien (О консульских служащих в Албании). S. 733–735 b.

отношения между консулами и создание вспомогательного центра в Вене.

По его мнению, для албанцев *личность* консула служит критерием, по которому они оценивают правительство, чьим интересам он служат[1]. Например, если консул щедр, значит, и правительство щедро. Если личная жизнь консула не безупречна, значит, его страна тоже не проявляет безупречной морали. В ситуации, когда глава миссии является выборным лицом Вена должна поступать крайне осторожно. Рекомендуется кандидат, в первую очередь, владеющий албанским языком, а также «если он не женат, то образ его жизни должен полностью соответствовать нормам морали. Если он женат, его супруга должна отвечать представлениям о «благопристойности в стране»[2]. Интересны рекомендации австро-венгерских консулов, как снискать популярность среди народа. Согласно этим рекомендациям, самое важное — это с уважением относиться к мнениям и предрассудкам, существующим веками. К несчастью, пишет в своем докладе консул Писко, «в последние годы некоторые консульские служащие на глазах общественности посещают церкви со своими любовницами. Жены других производят удручающее впечатление своим поведением, они не вписываются в представления албанцев или вмешиваются в работу консулов, что приводит к насмешкам над ними или сводит к нулю проделанную полезную работу»[3].

Помимо этого, основной задачей консула должно быть поддержание близких личных контактов с населением. Писко считает, для этой цели необходимо не только любезное и тактичное поведение, но и достаточно времени, имея в виду недоверчивый характер албанцев. Следовательно, перемены в дипломатическом корпусе не должны происходить слишком часто, поскольку, если албанец доверился одному консулу, ему потребуется немало времени, чтобы довериться его заместителю.

Согласно Писко, именно чрезмерно частые кадровые перестановки в Призрене породили недоверие к действиям Австро-Венгрии.

---

[1] Ibid. S. 733b.

[2] Ibid. S. 733b.

[3] Ibid. S. 733b-734.

Другое требование к консулам состоит в том, чтобы они были любимы населением, чего бы им это ни стоило. Вена уже достаточно пострадала в этом отношении, поскольку имело место множество случаев, когда «руководитель миссии своим нелюбезным и вызывающим поведением лишался расположения и симпатий албанцев, причем это происходило как лично с ним, так и с его должностью и страной на много лет вперед»[1].

Таковы требования, связанные с населением. Другой очень важный момент — связь между всеми миссиями в Албании. В целом, проблема выглядит следующим образом: консул в Скопье не знает абсолютно ничего о работе и донесениях консула в Скутари, и наоборот. Когда деятельность разворачивается среди такого народа, как албанский, «который почти целиком состоит из неграмотных людей» и который «в большинстве случаев руководствуется *mot d'ordre*, данным словом», не так трудно, но «очень важно, чтобы по всей стране распространялось одно и то же послание или мнение, или высказалось неодобрение какой-либо неподходящей идеи. Даже только из этих соображений необходимо, чтобы существовала хорошо налаженная связь между консульскими служащими в Албании»[2].

Третье предложение консула Писко связано с созданием особого албанского отдела в Вене, откуда велась бы подготовка действий в Албании, сближения с населением и влияния на него. По мнению консула, в качестве начальника этого отдела[3] должен быть избран человек, который прекрасно знает страну, народ, язык, а также состояние дел и культурной политики. Этот человек должен ежегодно посещать все консульские представительства, чтобы лично быть в курсе хода работы. Так во время своих поездок он сможет входить в непосредственный контакт с населением и использовать полученные сведения, чтобы давать инструкции консульским служащим: как по вопросам культурной политики, так и в чисто стратегическом аспекте, а также делать практические предложения по такому важному вопросу, как отбор на консульские должности подходящих людей.

---

[1] HHStA. PA I. K. 473. S. 734b.

[2] Ibidem.

[3] Ibid. S. 735.

В этом албанском отделе или под его патронажем необходимо вести работу по оформлению албанского национального движения и в поддержку албанской национальности. Поэтому жизненно важно, во-первых, создать албанскую азбуку[1], на основе которой можно вести обучение в католических школах, а позднее — печатать книги, написанные на основе этой азбуки, а может быть, и газеты. Это окажет положительное влияние на освоение новых торговых путей между Албанией и австро-венгерскими экспортерами.

В заключении было указано, что действия должны начаться незамедлительно, поскольку на юге Греция уже эллинизировала православное население. На побережье в Скутари и у Эпира Италия проводит всё более успешную агитацию. На севере некоторые католики и албанцы-мусульмане из горных областей уже зачислены в состав наемной черногорской армии.

Относительно консульского корпуса в Албании Вена принимает к сведению тайное донесение от 29 июня 1897 г. Раппапорта, вице-консула в Призрене, чтобы включить информацию в общий меморандум об Албании, как написано в резолюции к самому донесению[2].

Согласно донесению, существующих условий в принципе недостаточно для осуществления целей, намеченных Веной, поскольку изучение глубоких политических убеждений мусульман или влияние на них подразумевает обязательный прямой контакт[3].

В первую очередь, необходимо проникнуться албанским национальным духом. Однако для осуществления этого нужен посредник, который бы знал авторитетных албанских лиц и в обстановке строгой секретности устанавливал связи между ними и консулами. Выбор этих лиц может происходить во время поездок и среди старейшин кланов, а это требует ежемесячных расходов как минимум начиная от 60 золотых форинтов.

Развивая эти рассуждения, автор донесения пишет далее, что если речь идет о старейшинах, как в городах, так и в се-

[1] Ibid. S. 735b.

[2] HHStA. PA I. K. 473. Prizren, am 29. Juni 1897. Vizekonsul Rapaport. S. 309–312.

[3] Ibid. S. 309b.

лах, стоит отпускать им регулярные субсидии или щедрые дарения на одном из наиболее продвинутых этапов программы, но лишь доверенным и абсолютно испытанным людям с реальным влиянием в сообществе; и это, наряду с дотациями на другие специфические нужды, должно осуществляться по специальной заявке[1].

Раппапорт рекомендует, устанавливая такие взаимоотношения, использовать механизм пожертвований вдовам, бедным и сиротам. Естественно, что в таком случае приостановление выплаты сумм привело бы к охлаждению отношений с влиятельными личностями, которые не лишены честолюбия. Поэтому Раппапорт считает, что заявки на субсидирование должны быть удовлетворены и поддержаны в очень разумных границах, не превышая, например, 60 золотых форинтов в месяц.

Следующая рекомендация относится к поездкам по району осуществления миссии, что предполагает периодические посещения влиятельной местной верхушки в Призрене, а если это окажется невозможным ввиду шпионской системы, налаженной местными властями, тогда связь может осуществляться через других иностранных представителей. Чтобы завязать знакомства в среде местной знати и не зависеть от чужих докладов, консулам рекомендуется ездить в соседние области лично под предлогом охоты или чего-то подобного[2].

Вице-консул демонстрирует усердие и воодушевленность планируемыми действиями, предлагая, когда улучшится погода и позволит состояние дорог, «сразу посетить ближайшие окрестности, чтобы использовать наилучшим образом летний сезон для более дальних поездок по стране до тех мест, доехать до которых ему позволят обстоятельства, и если он даже попытается с помощью знакомых и друзей доехать до недоступных иному иностранцу уголков»[3]. Однако он добавляет, что необходимо действовать без спешки, чтобы не пробудить подозрений у властей,.

Раппапорт уточняет, что из-за климатических особенностей основную деятельность (главным образом, в горных об-

[1] Ibid. S. 310b.

[2] HHStA. PA I. K. 473. S. 311.

[3] Ibidem.

щинах) необходимо ограничить по времени — с июля по сентябрь включительно[1].

Вена серьезно прислушивается к этим рассуждением и сразу же предлагает воплотить их на практике. Об этом мы расскажем в соответствующей главе.

Переговоры с Ватиканом и работа с католическим клиром в Албании

Другой исключительно важной для Вены задачей становится работа в районах планируемых действий с католическими миссиями, чтобы привлечь их для содействия осуществлению австро-венгерских интересов среди албанского католического населения. Самый прямой путь к этому — в первую очередь, соглашение с Ватиканом. И уже оно приводит к первому разногласию. В данном отношении интересен ответ австро-венгерского представителя в Ватикане. Мы представляем ту часть донесения Ревертеры, где затронута данная тема, поскольку, согласно его размышлениям, предполагается направить усилия Вены на поиск отдельных представителей католического клира Албании, готовых сотрудничать по собственной инициативе, без рекомендаций их духовного руководства.

В своем донесении Ревертера прежде всего ставит вопрос о том, что́ представляет собой Ватикан на практике и как он функционирует, учитывая то, что Цвидинек, автор меморандума, считает первостепенной задачей достижения широкого соглашения с Папой. Ревертера отмечает, что «это сложный механизм, в котором не только работает много рук, но и думает много голов. В нем существуют обладающие большой самостоятельностью по отношению друг к другу власти, которые действуют под верховенством трижды коронованного Папы. Кто не живет в Риме, тот обычно имеет неправильное представление и недооценивает трудности, с которыми может столкнуться, когда продвигает сложные вопросы, несмотря на широкие соглашения»[2].

Далее он подчеркивает, что албанский клир никоим образом не подчиняется напрямую Его Святейшеству, который, хоть

[1] Ibidem. S. 312.

[2] Ibid. S. 207.

и олицетворяет верховную церковную власть в догматическом и дисциплинарном смысле, ограничен в остальных своих действиях относительно правомочий конгрегаций, епископов, руководителей религиозных орденов и даже постоянных паломников, где есть таковые. Как миссионерская территория, продолжает Ревертера, Албания находится под юрисдикцией *Отдела церковной пропаганды*. От него зависит назначение епископов, в чью обязанность входит контролировать дисциплину подчиненного им духовенства. Решения епископов не могут быть обжалованы иначе, как на церковном процессе.

Власть епископов не распространяется лишь на аббатов, в Албании это монахи из Сан Алессандро в Мирдите, атакже из иезуитского и других орденов; игумены и высшие церковные иерархи, даже если в их задачу входит окормление мирян. Согласно меморандуму, все эти элементы необходимо объединить в интересах общего дела. Ревертера толкует его как практическое усилие для установления влияния на каждого, в зависимости от его личного характера, путем подбора подходящих средств. По его словам, желанное соглашение с Ватиканом состоит из ряда аспектов, которые он анализирует по трем основным группам.

На первом месте стоит вопрос о епископах. Ревертера напоминает: австро-венгерские консулы постоянно жалуются, что епископы в Албании не на должном уровне решают поставленные перед ними задачи, но на подобные жалобы кардинал-префект из *Отдела церковной пропаганды* отвечает упорным сопротивлением. Согласно Ревертере, оно обосновано тем фактом, что протекторат в Албании не предполагает патронажа или права представительства, а значит, *Церковная пропаганда* не должна проявлять нерешительность, давая какие-либо обещания. Помимо этого, не стоит забывать, что префектом отдела может быть назначен кардинал, негативно расположенный к Австро-Венгрии.

Лекарством от этого зла, согласно Ревертере, является финансовое поощрение каждого епископа в зависимости от вклада в то, чего ожидала от него Вена; такая система может применяться и напрямую — к светскому духовенству и немногочисленным орденам на территории Албании. Так клир будет

вынужден поддерживать близкие отношения с консульскими представительствами и учитывать мнения и пожелания Императорского и Королевского правительства. Ревертера предлагает направлять финансирование в Албанию вместе с консулами, чтобы полностью избежать посредничества *Церковной пропаганды*. Далее он подчеркивает, что в результате вдвойне необходимым станет более тактичное отношение консулов к духовенству, а это предполагает их б льшую ответственность.

Во-вторых, австро-венгерский дипломат анализирует низшее духовенство; как светское, так и монашеское, то есть духовных лиц, которые ежедневно общаются с населением и, следовательно, могут существено влиять на него. Ревертера придерживается мнения, что среди низшего духовенства должны быть проведены некоторые изменения, главным образом, посредством воспитательных и образовательных институтов.

Дипломат считает, что средства, израсходованные Австро-Венгрией на образовательные институты, не дают должного эффекта, поскольку обучение в них не гарантирует будущего применения знаний. Относительно преобразований, предложенных в меморандуме, Ревертера утверждает, что они неудачны и даже отчасти невозможны для выполнения. Необходимо постараться либо отправить албанских воспитанников в какую-либо из существующих австрийских провинций, а конкретно, в Северный Тироль, либо создать со временем новую албанскую провинцию, где духовенство чувствовало бы себя на более высоком положении. В качестве средства преодоления возможного сопротивления Ревертера предлагает деньги и терпение.

Албанский клир сейчас получает свое образование в Папском колледже в Скутари, где преподаватели, за исключением одного, — итальянские иезуиты из венецианского отделения ордена. Ревертера считает, что две меры, предусмотренные в меморандуме, невыполнимы. Речь идет о признании известных полномочий австрийского правительства и его представителей влиять на процессы в академии, а также, чтобы молодые священники перед рукоположением проводили два-три года в австрийской семинарии. Ревертера напоминает: он сам уже годы борется за то, чтобы Папский колледж переехал в какую-нибудь австро-венгерскую провинцию, но безрезультатно.

Неприятно констатировать, что в настоящее время воспитанникам колледжа Скутари внушается такая же симпатия к Австро-Венгрии, какую испытывают к нам сами священники, не являющиеся австрийцами[1]. Далее Ревертера высказывает сомнение в том, что венецианцы благожелательно настроены к Вене. Но если воспитанники не знают, кто платит за их образование, как они могут испытывать благодарность к Австро-Венгрии?[2]

Поэтому наилучшим средством для исправления таких плачевных результатов может стать перемещение коллежа в какую-нибудь австро-венгерскую провинцию.

Остальные пункты меморандума, пишет Ревертера, находятся вне его компетенции. В целом, он лишь позволяет себе признать, что развитие материальных запросов должно идти параллельно с развитием религиозных и интеллектуальных интересов.

Сбор средств

Другой обсуждаемой темой стал сбор средств для осуществления планируемой Веной операции. Средств, отпущенных Императорским и Королевским министерством, недостаточно, поэтому предусматривается создание соответствующей организации частного характера, которая содействовала бы правительству в его работе.

Поскольку невозможно мобилизовать энергию епископов, не пренебрегая их ролью, все силы направлены на активизацию светских элементов, к которым адресован патриотический призыв.

Проводится попытка реформировать «Леопольдовское общество» в Вене с целью превратить его в центр поддержки миссий под патронажем Его Императорского Величества. Статус данного общества был принят Епископской конференцией и подтвержден Императорским и Королевским министерством внутренних дел, но вскоре его деятельность была приостановлена, и, как многие другие, оно превратилось в обыкновенный приходской центр.

[1] Ibid. S. 214b.

[2] Ibidem.

Идея состояла в том, чтобы выбрать общество, которое развернуло бы свою сеть по всей Австро-Венгрии с центром в Вене. Предполагалось, что в каждой епархии найдутся добровольцы, которые станут основателями местного комитета, при котором будет и соответствующее женское общество, целью которого станет сбор денежных средств. Предлагалось в определенный день года, например, в день чествования битвы с турками под Веной, организовывать проповедь и во всех приходских церквях собирать средства в пользу христиан Востока и передавать все дарения центральному комитету. Он, по примеру *Propagation de la foi*[1] в Лионе, обязан был предоставлять документы о расходах и публиковать годовые отчеты.

Во главе этой организации на должности председателя должен стоять кто-то из представителей императорской династии, к примеру, Великий магистр Тевтонского ордена, чей штат служащих и капиталы будут служить патриотическому делу и общему благу. Всем председателям приходских комитетов будут разосланы приглашения для созыва общего собрания, куда входят епископы. Его Королевское Высочество будет иметь право ежегодно приглашать на прием всех председателей. Тот, кто заслужит такую честь, получит королевское отличие и признательность. Чтобы участвовать в этой деятельности, едва ли потребуются иные высокие качества, помимо патриотизма и желания содействовать благотворительности.

Женщины также будут иметь возможность включиться в общую деятельность, особенно если для руководства ими будет избрана дама из числа эрцгерцогинь, близких к императорскому трону.

Однако выполнение этого плана невозможно без участия Императорского и Королевского министерства внутренних дел. Оно должно обеспечить это общество поддержкой и помощью своей администрации, избегая чрезмерно официального тона. Не вмешиваясь в работу министерства иностранных дел, общество будет содействовать ему и поддерживать чистосердечно и добровольно.

В Венгрии также было бы желательно предпринять нечто подобное. Однако главное препятствие заключается в несо-

[1] Общество пропаганды веры — *(Прим. переводчика).*

гласии правительства с широкими народными массами, на которые они рассчитывают в осуществлении этой идеи. Единственное, что можно сделать, — привлечь на какое-то время уже существующую ассоциацию «Ладислаус» для содействия решению проблем, находящихся в ведении министерства иностранных дел.

Всё сводится к тому, чтобы пригласить для сотрудничества подходящих людей, не возбуждая недоверия к намерениям правительства.

Как показывает опыт всех благотворительных сборов, самый лучший результат отмечен в храмах, где проводятся службы и сам священник приглашает мирян совершать регулярные пожертвования. Для сбора средств на осуществление деятельности Австро-Венгрии в Албании предлагается использовать ту же практику, а епископам — раз в неделю объявлять кампании по сбору пожертвований «на нужды католиков на Востоке», организованные и проводящиеся соответствующим образом.

Образование и унификация языка: создание письменности, школ, органов печати, распространение печатных изданий на албанском языке

В процессе обмена мнениями первоочередным вопросом стало создание албанской азбуки, поскольку она представляла собой реальную основу для унифицирования языка и всей последующей деятельности, которая развернется исходя из этого, так что эту задачу следовало осуществить как можно быстрее. Известно, что итальянский «конкурент» Австро-Венгрии — «Итальяно-албанское национальное общество» также ставило своей целью создание подобной азбуки, но пока не осуществило задачу. Однако, если Австро-Венгрия стремилась взять над Италией верх, она должна была действовать быстро.

Существовало разногласие по поводу того, должна ли азбука быть единой, т.е. нужно ли, как сказано в меморандуме, чтобы она читалась одинаково для всех албанцев, или нет. Некоторые дипломаты, которые еще не изучили страну в должной мере, высказывали известные сомнения. Им казалось предпочтительнее на данный момент, а также в будущем, чтобы новая письменность соответствовала языку гегов, но при этом исполь-

зовалась бы латиница. Относительно албанских мусульман считалось, что они не умеют читать и пишут по-турецки, а поэтому необходимо адаптировать гегский алфавит с расчетом как на латиницу, так и на турецкие символы. Доводом в пользу этой точки зрения стало убеждение, что Австро-Венгрия заинтересована в углублении языковых различий между гегами и тосками, чтобы таким образом положить конец греко-албанской пропаганде, поскольку албанские колонии в Южной Италии также принадлежали греко-албанским кланам. Сторонники этой идеи считали, что работа не должна ограничиться созданием новой азбуки, необходимо как можно скорее составить албанскую грамматику (на основе языка гегов) и словарь.

Перед лицом внешнего мира представлялось наиболее важным, чтобы стимул и вытекающая из него деятельность сосредоточились в одной из австрийских колоний, населенных гегами, и так же следовало поступать с изданием книг. Рассматривался вопрос о том, чтобы создать для жителей этих колоний простые общеобразовательные школы на албанском языке с учетом подготовки будущих преподавателей, получивших австрийское воспитание. Также в контексте целесообразности рассматривался вопрос о подготовке со временем преподавательского состава, введении албанского языка как образовательной дисциплины в религиозных школах, находящихся под австрийским попечением, и в то же время — о преподавании турецкого языка, чтобы избежать подозрений властей.

Предполагалось, когда этот принцип достаточно приживется, создать кафедру албанского языка. В качестве места, пригодного для этой цели, в меморандуме указан Триест, но это предложение оказалось не особенно подходящим, поскольку город почти полностью находился под итальянским влиянием. Вена представляла намного более подходящий вариант для создания технической школы, где наряду с албанским языком могли преподаваться торговые дисциплины и основы земледелия и где албанская молодежь могла получить более серьезное представление о величии и мощи Австро-Венгрии.

Подобные замечания (касательно местонахождения) были сделаны и в отношении албанской газеты, которую предполагали выпускать в Триесте. Идея издавать газеты и журналы на

албанском языке получила высокую оценку, и осуществить ее рекомендовалось как можно быстрее и энергичнее. Поступило предложение последовать итальянскому примеру. Однако вызывало беспокойство, что многие газеты и журналы, действующие в интересах итало-албанской пропаганды, успешно развиваются и широко распространяются.

В расчет были приняты такие значительные достижения итальянской пропаганды, как типография при Албанских Папских коллежах в Скутари и Трошани, где издано много книг религиозного характера на албанском языке, без различия, на каком диалекте они составлены — гегов или тосков. Итальянская типография отдела пропаганды издает в 1866 г. албанскую грамматику на итальянском языке, по цене 4.50 итальянских лир за каждый экземпляр. Выпущены «Итало — эпирский и эпирско-итальянский» словарь, который, в соответствии со своим заглавием, носит греко-албанский характер.

И последний пункт — школьная система, где, согласно Ревертере, почти всё «предстоит начать с нуля». Однако он не рекомендует торопиться, так как у необразованного населения, лишенного представления о культуре, может зародиться росток опасной эрудиции.

Поскольку дела обстоят таким образом, он полагает, что в школах следует развивать в большей степени воспитательную, нежели образовательную деятельность, для искоренения предрассудков и пороков, которые, «по мнению сведущих людей, представляют собой поистине ужасающую картину»[1]. Вот почему добрые священники станут там самыми подходящими учителями, а школам следует иметь религиозный характер. Для сельского населения необходимо построить приходские школы там, где это возможно, и привлекать туда и детей, и их родителей, что обязательно будет подано как благодетельное вмешательство страны-покровительницы. Так, малыми средствами, можно добиться хорошего результата.

Согласно тому же Ревертере, в городах необходимо создавать школы более высокого уровня, в соответствии с насущными потребностями. Он позволяет себе не вдаваться в детали меморандума относительно детских садов, учебных матери-

[1] Ibid. S. 216.

алов, странствующих учителей, воскресных школ; его наблюдения заслуживают внимания, однако он считает, что по всем этим вопросам решающее значение имеет не теория, а практика, соответствующая местным условиям.

По мнению Ревертеры, консулы, которые хорошо знают страну и ее народ, поддерживают надежные связи с епископами, и располагают средствами, чтобы завоевать любовь людей, имеют лучшее положение, чтобы предлагать практические соображения по любому вопросу. Не следовало бы пренебрегать и богатым опытом в этой области, накопленным орденом иезуитов во всем мире. По своей общей специфике ни один другой орден не подходит лучше для роли провозвестника. Ревертера считает, что именно руками иезуитов необходимо осуществлять цели, намеченные австрийским министром иностранных дел.

Также выгодным может оказаться сотрудничество, при согласии епископов, и с другими конгрегациями, как мужскими, так и женскими, главным образом, в сфере обучения в начальных школах; если произвести их тщательный отбор, учитывая, наряду с обучением как таковым, воспитание и побуждение воспитанников к преданности стране-покровительнице.

Что же касается всего остального, то поскольку албанцы никогда не смогут жить в Австро-Венгрии, необходимо, чтобы они обучались в соответствии с их собственными потребностями и традициями.

6 Приложения

HHStA. PA I. K.473

Глава IV

ИНИЦИАТИВЫ ВЕНЫ ПО ОТНОШЕНИЮ К ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ, ИЛИ ТРЕВОГИ ОДНОГО НАРОДА МЕЖДУ ДВУМЯ ИМПЕРИЯМИ

В 1897 г. министерство начинает получать от консула в Скутари Теодора Иппена тревожные донесения[1]. Он сообщает о напряженном положении в регионе из-за вооруженного восстания в клане мирдитов[2]. Они нападают на представителей центральной власти, военных, органы поддержания безопасности, так называемых «заптиев», убивают их, опустошают соседние села, постоянно провоцируют беспорядки, из-за которых никто не может быть уверен в защите своей жизни и имущества[3]. Согласно информации, которой располагал австро-венгерский консул, эти беспорядки не были спонтанны или случайны. Из 21 000 жителей общины 100–300 человек — профессиональные бандиты[4], часто совершающие ограбления и убийства, но на этот раз речь идет о планируемых и координируемых действиях с четко определенной целью — возвратить из заточения бывшего главу общности мирдитов Пренка Биба Доду.

Мусульмане, проживающие в городах, подготовили петицию к правительству султана с требованием наказать мирдитов. Турецкий генерал-губернатор провинции не в силах навести порядок средствами, которыми он располагает. Поэтому

---

[1] См.: HHStA. PA XII. Liasse XXX. K. 301. Bericht Nr. (доклад №) 43, 44, 50, 52, 53.

[2] Самый влиятельный католический клан в горах Северой Албании.

[3] HHStA. PA XII. Liasse XXX. K. 301. Bericht (доклад) 43. Скутари, 13 сентября 1897. S. 4–7.

[4] Ibid. S. 5b.

просит у Константинополя исключительных полномочий[1], благодаря которым, он уверен, сможет справиться с волнениями и навести порядок. Но пока ему приходится ждать из Константинополя подтверждения полномочий, готовится военный поход, направленный на земли мирдитов.

Эти события вызывают нарастающее беспокойство у австро-венгерского консула. Он боится, что турецкий поход имеет двойную цель — навести порядок и одновременно лишить местных католиков их особых привилегий, вынудив забыть о претензиях на местную автономию. По информации консула, турки опасаются, что если Пренк Биб Дода вернется, он попытается создать мирдитское княжество, объявив себя его главой, а турецкая власть стремится не допустить этого[2].

Иппен просит министра иностранных дел сделать всё возможное, чтобы помешать военной операции турок, которая спровоцировала бы вмешательство других великих держав, что не соответствует намерениям Вены в этом регионе. Австро-Венгрия должна взаимодействовать с местным населением, подготавливая их к обретению независимости, но под своей опекой. Пока это не осуществится, Вена ни малейшим образом не заинтересована во вмешательстве иных государств в данном регионе. С другой стороны, военная операция может ослабить мирдитов, уменьшить силу их сопротивления и стремление к автономии, чего нельзя допустить, поскольку это не отвечает интересам и планам Австро-Венгрии[3].

Консул Иппен предлагает министру иностранных дел, чтобы посол в Константинополе ходатайствовал перед турецким правительством об отмене военной операции, используя следующие аргументы: затронутые волнениями области находятся очень близко к австро-венгерской территории, а это может вызвать беспорядки в пограничных районах[4]. Кроме того, военные операции не успокоят мирдитов, а скорее увеличат чис-

[1] Ibid. Bericht (доклад) 44. Скутари, 14 сентября 1897. S. 8b.

[2] Ibid. S. 9b.

[3] HHStA. PA XII. Liasse XXX. K. 301. Bericht (доклад) 44. Скутари, 14 сентября 1897. S. 10b.

[4] Ibid. S. 11.

ло убийств и грабежей[1]. Порядок может быть сохранен мирными средствами, за счет создания патрулей на границах между горными и равнинными областями.

Согласно позиции Вены,[2] австро-венгерский посол в Константинополе постоянно советует правительству султана проявлять осторожность, принимая меры против мирдитов, и внушает ему, что эти меры могут оказать противоположный эффект и усилить сопротивление и неподчинение этой общины.

В посланиях из Вены консулу Иппену было предписано настаивать на своем и убедить мирдитов улучшить свои отношения с соседями, ясно давая им понять, что сохранение мира — в их собственных интересах. По мнению Вены, для оказания помощи в решении этой задачи необходимо, чтобы аббат, монсеньор Доки, верный австро-венгерскому правительству, начал действовать по собственной программе[3] и попытался умиротворить мирдитов. Иппену было поручено с особым вниманием следить за будущим развитием событий, провести по этому вопросу переговоры с аббатом и четко объяснить ему, что если не будет установлен мир, община утратит свои традиционные привилегии и право жить «без контроля».

Одновременно консул в Константинополе продвигает свои инициативы, чтобы положить конец попыткам северных соседей Албании, черногорцев и сербов установить связь с албанцами и развернуть пропаганду среди них. Он использует недовольство албанскими кланами, чтобы предупредить султана о необходимости более тщательно ограждать их от Черногории. Он боится, что недовольство албанцев, которое обычно проявляется в кровавых бунтах, может привлечь внимание Европы. Но Высокой Порте Каличе неизменно объясняет, в соответствии с инструкциями из Вены, что меры, предложенные Австро-Венгрией защищают исключительно интересы султана[4].

[1] Ibidem.

[2] HHStA. PA XII. Liasse XXX. K. 301. Erlass Nr. 881. Streng vertraulich (приказ № 881, строго секретно), 9 октября 1897. S. 37–39 (копия оригинала; очевидно, оригинал не сохранился).

[3] См. главу о монсеньоре Примо Доки.

[4] HHStA. PA XII. Liasse XXX. K. 301. Abschrift einer Depesche an Frieherrn von Calice in Konstantinopel, dd. Wien, 11. Oktober 1897. Nr.886. Fol. 47–48b.

Эти австрийские инициативы увенчались успехом. Военные действия не были предприняты, и постепенно мятежи утратили свою первоначальную силу. Вследствие этого, влияние австро-венгерского консула на мирдитов возросло, ему стали доверять, а это в будущем помогло ему осуществить определенные политические цели Вены.

Однако своей счастливой развязкой дело обязано не только инициативам консула и посланника.

Само турецкое правительство не хотело идти на радикальную конфронтацию со своими албанскими подданными, но предпочитало использовать их как стратегических союзников в европейской части своих владений, находившихся под постоянной угрозой со стороны местного христианского населения и европейских великих держав. Албанские бунты наносили вред преимущественно соседним христианским селениям и были испытанным средством, чтобы внушать им страх и держать в подчинении, вместо того, чтобы предпринимать административные, правовые и экономические реформы. Со своей стороны, албанцы также не хотели обрывать связи с Высокой Портой, а просто желали грабить, мародерствовать и удовлетворять свои хищнические инстинкты под каким-либо благовидным предлогом, оправдывая эти действия предполагаемыми политическими целями.

Иппен использовал подходящий момент для сближения с албанцами, чтобы предпринять свои первые поездки по области, углубить контакты с местными лидерами и повлиять на их образ мыслей и методы. Первым делом он поехал в Эльбасан, где провел два дня, 5 и 6 октября[1]. Он был приятно удивлен, что нашел там группу людей, которые разделяют политические намерения Вены. Поэтому он написал министру иностранных дел, что, сверх ожиданий, Австро-Венгрия оказалась в благоприятном положении, а рекомендации Цвидинека из меморандума уже выполнены. Иппен цитирует ту часть документа, в которой говорится о школах с преподаванием албанского языка: «В мусульманских районах Албании мы также можем попробовать пробудить желание создать националь-

[1] Ibid. Berichte Nr.50, 52, 53 (доклады № 50, 52 и 53) и три доклада из Скутари, датированные 29 октября 1897, S. 116–118, 120–123 и 124–130.

ные школы с преподаванием на албанском языке, а затем — попытаться открыть их»[1].

Иппен считает, что необходимо действовать быстро, пользуясь сложившимся положением[2], поскольку эта группа людей обладает хорошими связями и имеет доброжелателей в небольших селах по соседству.

Однако Иппен не осмелился обсуждать со своими новыми друзьями политические вопросы, а ограничился разговорами на культурные темы, хотя и подозревал, что его собеседники также имеют политические интересы.

Консул встретился с Дервиш-беем[3], влиятельным албанским мусульманином, ведущим происхождение от одного из старейших в Эльбасане родов, в распоряжении которого была тысяча вооруженных воинов. Этот албанец, по мнению Иппена, один из самых могущественных людей, даже более влиятельный, чем турецкий мутесариф[4], лидер группы албанских патриотов. Во время своего пребывания в городе, Иппен расположился у него дома и взял на себя обязательство помогать албанцам во всем, кроме разрешения открыть в Эльбасане школу с преподаванием на албанском языке.

Иппен объяснил, что поступил так из соображений осторожности, чтобы не возбудить подозрений у турецкого правительства, напрямую высказываясь в пользу открытия школ с преподаванием на албанском языке.

Однако, по словам Иппена, он действовал вразрез с указаниями, которые Цвидинек дает в меморандуме на 22-й странице:

«Когда в мусульманских областях пробудится желание и потребность в национальных школах с преподаванием на албанском языке, мы со своей стороны, если позволят обстоятельства, должны будем поддержать осуществление их желания».

---

[1] HHStA. PA XII. Liasse XXX. K. 301. Bericht Nr. 53. Скутари, 29 октября 1897. S. 126: «wir können es versuchen, auch in den mohammedanischen Districten Albaniens den Wunsch und das Bedürfnis nach nationalen Schulen mit albanischer Vortragssprache zu wecken, um dann die Realisirung dieses Wunsches tunlichst zu unterstützen».

[2] Ibid. S. 126–126b.

[3] Ibid. S. 116–119.

[4] Ibid. S. 125.

Осознавая, что нарушил указания Вены, Иппен просит министра иностранных дел извинить его[1].

Ожидая, пока албанцы сделают первый шаг и пожелают создать национальные школы, консул сосредоточил свои усилия на издании, публикации и распространении албанских книг. Принимавший его хозяин пожелал, чтобы ему прислали книги, полученные из Бухареста, которые к тому моменту уже закончились. В общей сложности он подал заявку на 2000 экземпляров[2]. Из них 1000 экземпляров — книги Сами-бея Фрашери (в оригинале Sami Bey Trasari — прим. переводчика); 500 экземпляров — книги Наим-бея Фрашери по всеобщей истории и 500 экземпляров — книги Сами-бея Фрашери по географии. Это означало, что необходимо подготовить новые издания. Консул пообещал хозяину содействие Вены в решении данного вопроса. К своему донесению он приложил экземпляры этих книг для одобрения министерством и перечисления соответствующих сумм для их публикации.

По вопросу унификации албанской азбуки Иппен попытался убедить принимавшего его албанского хозяина апробировать азбуку, выработанную во время Венской конференции 1895 г., но напрасно. Поэтому Иппен не смог сделать ничего иного, как попросить, чтобы новые 2000 экземпляров были напечатаны теми же буквами, что и старые, а место издания либо не указывалось, либо указывалась Вена, чтобы албанцы знали, откуда приходят эти книги и кого нужно за это благодарить[3].

Следующим местом, куда, согласно предложениям Цвидинека в меморандуме, отправляется Иппен с целью изучения настроений жителей Северной Албании, становится южная часть провинции Скутари[4]. В своем донесении он главным образом уделяет внимание Тиране, так как, на его взгляд, поездка туда не прошла даром.

---

[1] Ibid. S. 118. «Wenn in mohammedanischen Districten der Wunsch und das Bedürfnis nach nationalen Schulen mit albanischer Unterrichtssprache rege wird, wäre unsererseits die Realisirung dieses Wunsches tunlichst zu unterstützen».

[2] Ibid. S. 117–117b.

[3] Ibidem.

[4] Ibid. S. 120–123.

Иппен считает Тирану оплотом политической жизни албанцев и высказывает мнение, что вся австро-венгерская деятельность в Албании должна сконцентрироваться именно там[1], поскольку в Тиране живет один из самых старых и влиятельных албанских родов. Тиранские беи из рода Топтан утверждают, что их предки восходят к династии Ткопия из Круи. Этот клан состоит в наиболее близких родственных связях с легендарным Скандербегом. Вплоть до настоящего момента этот род поддерживает крепкие дружеские и родственные отношения с остальными влиятельными родами. Поэтому Иппен рекомендует, когда наступит подходящий момент подыскивать главу будущего автономного албанского княжества, выбрать кого-то именно из семейства Топтан в Тиране.

Во время своего пребывания там Иппен останавливается в доме двух братьев и сообразно своим целям политического характера завязывает с ними дружеские отношения. Один из принявших его хозяев состоял в родственных связях с албанским издателем в Румынии, а также снискал дружбу монсеньора Доки, чей патриотизм, по убеждению Вены, имел верное направление. В данном случае Иппен также не позволяет себе обсуждать темы, выходящие за пределы литературной и культурной проблематики. Но из всего услышанного и увиденного им он делает заключение, что в Центральной Албании Австро-Венгрия уже располагает поддержкой, необходимой, чтобы начать активные действия. Консул надеется, что Вена открыто развернет деятельность по созданию школ; изданию на албанском языке газет, книг и сочинений фольклорного характера[2].

Относительно намерений Вены и ее приготовлений к созданию новых консульских постов в Тиране и Берате, Иппен придерживается мнения, что аналогичного результата можно достичь, если на время неблагоприятных погодных условий консульские служащие переедут из Дураццо и Валоны в Тирану и Берат, вместо побережья. Он настаивает на том, чтобы Вин-

[1] Ibid. S. 120b.

[2] HHStA. PA XII. Liasse XXX. K. 301. Politischer Gegenstand. Bericht Nr. 52. Scutari, am 29. Oktober 1897. Konsul Th. Ippen. Wahrnehmungen aus Mittelalbanien. Fol. 122–123.

тер, вице-консул в Дураццо, проводил летнее время, с 15 июня до 15 октября, в Тиране[1].

Далее Иппен пишет:

«Он займется поддержкой зарождающихся процессов, описанных в моем донесении, и благоприятным образом повлияет на наши интересы, развив деятельность и наблюдение над областью между Тираной и Мати (горная область у Тираны), которая до данного момента не изучена и не подвержена никакому иностранному влиянию»[2].

По мнению Иппена, если консульский пост откроется в Эльбасане, будет заполнена зияющая пустота между Скутари и Яниной (из-за наличия которой вся Центральная и часть Южной Албании остаются вне изучения и влияния со стороны Австро-Венгрии)[3].

Как только австро-венгерский консул возвратился на свое рабочее место в Скутари, турецкие власти бросили в тюрьму хозяев, принимавших его в Эльбасане и Тиране. Это породило у албанцев панику. Все обвиняли консула в арестах беев, однако Иппен, как этого следовало ожидать, нашел оправдания перед министерством и отверг обвинения. Версия консула состоит в том, что его албанские хозяева своим неосторожным поведением сами предоставили повод для своего задержания. Иппен настаивает на том, что всё уладится и задержанные будут отпущены на свободу, если Вена пригрозит турецкому правительству тем, что обвинение австрийских консулов в заговоре оскорбительно для Австро-Венгрии, и, на основании этого, потребует от Константинополя компенсации.

Однако монсеньор Доки также присоединяется к обвинениям, указав, что консул — единственный виновник арестов и всего ущерба, который был нанесен австро-венгерскому делу.

---

[1] Ibid. S. 122b.

[2] Ibidem. «Er wird die dort bestehenden Anfänge der in diesem Berichte angedeuteten Bewegung pflegen und in einem unseren Interessen entspechenden Sinne beeinflussen und wird auf die bisher ganz unbekannt und unbeeinflusst gebliebenen gebiete zwischen Tirana und Matija, die Malcija Tirans (die Hochlande von Tirana) seine Beobachtungen und seine Tätigkeit ausdehnen können».

[3] Ibid. S. 123.

Согласно информации, которую Доки удалось собрать благодаря своим связям, Иппен, не слишком хорошо знакомый с ситуацией внутри страны, впутался в авантюру и своей из ряда вон выходящей щедростью оставил у местных жителей впечатление, что пытался подкупить их в пользу Австро-Венгрии. Эта критика Примо Доки серьезно повлияла на консула, который был, скорее, энтузиастом в своем деле, чем опытным человеком, так что на будущее Иппен решил не предпринимать подобной инициативы и предоставить аббату мирдитов действовать так, как тот считает наилучшим. Немного погодя, когда Вена спросит у него о заслугах монсеньора Доки в осуществлении политических целей империи, и об их соответствии его жалованию, Иппен подтвердит, что аббат крайне необходим, и он предпочел бы скорее сохранить его, нежели потерять.

Подводя итог, можно отметить, что в конце 1897 г. Вене удается создать солидную сеть из доверенных лиц, которые в будущем обеспечат ее достоверной и подробной информацией из первых рук о настроениях в среде албанцев, об их образе мыслей, отношении к турецким властям, положении каждого из них, которое может интересовать Вену: социальном статусе, происхождении, прошлом, связях, отношениях, влиянии и возможности воздействовать на албанское общество; характере, положительных и отрицательных чертах, симпатиях и стремлениях.

В то же самое время Вена занимается поиском и выстраивает личные контакты с влиятельной верхушкой местных общностей. Она пытается завоевать их симпатии и доверие и сделать так, чтобы они привыкли постоянно искать ее покровительства. Сотрудничество между Австро-Венгрией и некоторыми представителями албанской верхушки на данном этапе осуществляется главным образом в сфере языка, издания албанских книг и их распределения между областями политической деятельности. Помимо этого, Вена пытается пробудить в них стремление действовать, заставив поверить в то, что они смогут сделать.

Также Австро-Венгрия пытается сохранить мир и спокойствие в районах, где она имеет политический интерес. Она делает всё возможное, чтобы консолидировать албанские элементы, одновременно с этим стремясь не затрагивать особых привилегий общин в рамках Османской империи. Но в то же

время она стремится избежать любого вида вмешательства, со стороны и турецкого правительства, и какой-либо другой страны. Так Вена пытается уберечь район от любого влияния, за исключением австрийского.

Другая цель этой политики состоит в том, чтобы установить добрые взаимоотношения между всеми албанскими племенами и остановить «вендетту».

Годом позже Константинополь решает в качестве ответной меры относительно деятельности Австро-Венгрии созвать общеалбанскую ассамблею, на что албанцы с готовностью отзываются. Австро-венгерские дипломатические представители сразу узнают об этой инициативе Высокой Порты и глубоко встревожены ее целями — объединением албанских кланов под своим руководством и активизацией религиозных чувств у мусульман. Тревогу, посеянную грядущей албанской ассамблеей, сопровождают широко распространившиеся слухи об ухудшении внутренней ситуации в Австро-Венгрии и усилении итальянской пропаганды, поддержанной турецким правительством в противовес хорошо известной Константинополю деятельности Австро-Венгрии.

В январе и начале февраля 1899 г. донесения, поступающие из Скопье, Монастира, Призрена и Дураццо, посвящены албанской ассамблее[1]. Консульские службы мобилизуют все свои связи, чтобы получить как можно более полную информацию о подготовке и ходе этого события. 8 января скопский консул Пара отсылает в министерство информацию об актуальном положении дел, полученную им от доверенных лиц[2]. Один из них был якобы информирован представителем албанской верхушки[3], что в Скутари или в Ипеке — еще не решено точно, в каком городе — пройдет собрание знати с целью провозгласить приоритет албанского национального чувства над религиозными различиями, остановить кровавые распри по всей стране и заключить общее для всех албанцев пере-

[1] HHStA. PA XII. Liasse XXXIII. K. 312.

[2] Ibid. Üsküb, am 8. Jänner 1899. Konsul Para. Konfidenzennotiz über albanische Autonomiebestrebungen; abfälige Kritik der inneren Zustände in Österreich-Ungarn.

[3] Ibid. Aus dem Italienischen, Üsküb, am 6. Jänner, 1899.

мирие в ответ на вызовы, с одной стороны — болгар, сербов, черногорцев, а с другой — реформаторского движения, которое развивается внутри самой Албании. Представитель знати добавил, что Албания стоит перед серьезной угрозой разделения между этими тремя странами, которых, в свою очередь, последовательно поддерживает Россия. Если когда-нибудь султан откажется от албанских территорий, у населения не будет сил, чтобы продолжать движение вперед самостоятельно, и их надежды обратятся к Италии и Австро-Венгрии. Донесение консула продолжается так: *«Изучив во всех деталях насущную потребность уделить особое внимание албанскому языку и, главным образом, его письменности как единственной связи между мусульманами и христианами, сам бей снова поднимает вопрос об итальянских и австрофильских тенденциях, заявляя, что Италия уже приложила большие усилия, чтобы расширить свое влияние, особенно в языковой сфере. На это я ответил ему с улыбкой, что „Австрия делает то же самое, но... В ней проживает много славянских народов, а они — как и все остальные народы империи, не всегда сосуществуют в гармонии...»*

Согласно доверенному лицу консула, это мнение начало распространяться по Албании достаточно массово. Причины разнообразны, но не на последнем месте среди них — итальянская пропаганда, которая не упускала случая, делая это довольно успешно, чтобы распространить убеждение, будто Австро-Венгерская империя пребывает на грани распада, и если Албания прибегнет к ее покровительству, то вскоре и она окажется под славянским игом, чего не случится, если она присоединится к Италии.

В связи с этим создается впечатление, что турецкое правительство поддерживает итальянскую агитацию. По крайней мере, это впечатление оставляет турецкая пресса, которая постоянно описывает и преувеличивает, сопровождая публикации самыми детальными подробностями, все неудачи во внутренней политике Вены, а также столкновения и споры между различными партиями в Австро-Венгрии.

Всё это накладывается на самые отрицательные мнения и турок, и христиан о событиях, которые переживает Австро-

Венгрия. Однажды вечером, когда австрийский осведомитель сидел за столом с влиятельным беем из Дьякова, он якобы сказал ему в связи со своей поездкой в Скопье, что Албания нуждается в сильном покровителе, а бей ответил буквально следующее: «Жалко, что Австрия так слаба. В ней нет единства. Славяне ведут ее к гибели». Собеседник бея ответил: «Насколько я знаю, австрийский народ очень сильно любит своего императора. Пока он жив, Австрия будет единой, но потом... один Господь знает!»

Австрийский осведомитель делится еще многими деталями, которые мы не станем упоминать, но ст ит отметить, что согласно его сведениям, все иностранцы и главным образом немцы, которых он встречал в корчмах и других публичных местах, утверждают без всякого стеснения, что Австрия слаба и уже не может считаться великой европейской державой. Они указывают, главным образом, на этнографические причины этого и заявляют, что если империя еще стоит на ногах, то лишь благодаря любви, которую все подданные испытывают к своему монарху.

19 января 1899 г. вице-консул Раппапорт пишет в министерство донесение из Призрена[1] о том, что в этот день ряд представителей албанской верхушки из данного региона приняли решение участвовать в ассамблее в Ипеке. Предполагается, что она созвана для умиротворения албанских кланов и прекращения кровной мести, а также с целью введения военной службы. Последнее предложение очень непопулярно среди албанцев. Ходят слухи, что будет приведено в действие утверждение из Корана, что каждый мусульманин должен взять в руки оружие, защищая султана, когда его интересам угрожают неверные. Наконец, вице-консул пишет, что манипулирование религиозными чувствами типично для современной системы, спекулирующей на мусульманском фанатизме, навязанном некоторыми представителями турецкого правительства.

Встревоженная таким развитием событий, Вена посылает инструкции своим представителям в Скутари, Призрене, Ду-

[1] HHStA. PA XII. Liasse XXXIII. K. 312, Prizren, den 19. Jänner 1899. Vizekonsul Rappaport, Beschluss der Prizrener Musulmänner sich an einer in Ipek abzuhaltenden Arnautenversammlung zu betheiligen.

раццо, Валоне и Монастире с тем, чтобы они продолжали собирать информацию о предстоящей ассамблее[1].

Выполняя эти инструкции, Раппапорт готовит подробное донесение[2], где пишет о существующем до сих пор недоверии албанцев данного региона к намерениям соседних славянских государств, а среди мусульманского населения оно даже усиливается. Есть подозрение, что правительство не только хочет умиротворения в регионе и отмены кровной мести за счет введения обязательной военной службы (на стороне Илавы), но намерено применить и другие непопулярные меры — произвести всеобщее разоружение и взыскать налоги.

В этих обстоятельствах никто не удивляется, что каждую зиму письма арнаутских лидеров друг другу в разные концы страны содержат что-то большее, чем обычные любезности.

Например, недавно албанские лидеры из Ипека написали руководителям в Призрене, что из Скутари, Дебара, Приштины, Нови Пазара и даже из более южных провинций они получили призыв к общим действиям во имя защиты албанских интересов.

Согласно достоверным источникам вице-консула из среды мусульманской знати, ни в Ипеке, ни в Призрене еще не приняли решения по этому вопросу, но особенно маловероятным кажется достижение соглашения с северными албанцами из Косовского вилайета. Может быть заключено некое соглашение между Ипеком, Призреном, Нови Пазаром и Приштиной о противодействии намерениям славянских соседей и турецкого правительства, но это не станет какой-то новостью, поскольку подобная негласная договоренность существует уже давно. С од-

[1] HHStA. PA XII. Liasse XXXIII. K. 312. Vertraulich. Wien, am 20 Jänner 1899, an: Konsul Ippen, Scutari; Vizekonsul Rappaport, Prizren; Vizekonsul von Winter, Durazzo; Vizekonsul Petrovich, Valona; Vizekonsul Kral, Monastir.

[2] Ibid. Prizren, den 17. Jänner 1899, Vizekonsul Rappaport, Beziehungen der hiesigen mohammedanischen Albanesen zu denen anderer Landschaften (Отношения местного мусульманского населения с другими районами страны). Одновременно с этим он высылает и другой доклад (№ 9) того же содержания к его превосходительству Имперскому и Королевскому посланнику в Константинополе.

ной стороны, это лишь усиливало религиозную нетерпимость, с другой, согласно сообщениям вице-консула, мусульманское население считало отсутствие общих правил на текущий момент некой своей национальной привилегией и было готово предпринять действия не только для самозащиты от своих соседей, но и даже против самого турецкого правительства.

Доверенные источники Раппапорта полагают маловероятным, чтобы албанцы из Призрена твердо придерживались по этому вопросу какой-либо точки зрения, выходящей за пределы их «исключительно местного» кругозора. Запросы албанцев юга приобрели гораздо меньшую известность, хотя они были связаны с планами провозглашения автономии страны, созданием собственной литературы и сети национальных школ. Кроме того, можно отметить, что небольшому числу тосков, живущих в Северной Албании, и гегам, которые, путешествуя по стране, узнавали их мнение и позиции европейцев, реформистские намерения южных албанцев казались несовместимыми с исламом. Немногие приверженцы этих идей даже не осмеливались высказывать их публично и тем более пропагандировать среди огромной массы мусульманского населения.

21 января консул Пара из Скопье[1] информирует, что он получил из достаточно надежного источника в Буяновиче (железнодорожная станция по границе между Скопье и Сербией) сообщение о созыве всех албанских лидеров из окрестностей Буянович-Пресово в Призрен для обсуждения национального вопроса. На этом общем собрании, по словам доверенного источника, было необходимо, в первую очередь, принять решение против окончательного отказа от Крита и о необходимости обращения к султану с требованием автономии Албании. Согласно доверенному источнику, если этот проект автономии не будет осуществлен, собрание прибегнет к австро-венгерскому протекторату, чтобы противостоять угрозе со стороны славянских соседей, поскольку кредит доверия к Великому повелителю, пожертвовавшему Критом после победоносной военной кампании, уже подорван.

[1] HHStA. PA XII. Liasse XXXIII. K. 312. Üsküb, den 21. Jänner 1899. Konsul Para. Bewegung unter den Albanesen Chefs (Движение среди албанских лидеров).

Действительно, консул смог убедиться в том, что примерно неделю тому назад албанская верхушка из окрестностей Пресово предприняла путешествие, миновала Приштину и направилась к Призрену.

В свете предполагаемого желания албанцев оказаться под протекторатом Австро-Венгрии консул Пара рекомендовал принять эту группу крайне сдержанно. Однако он добавляет, что согласно докладу № 18 вице-консула Раппапорта от 17 января, ни в Призрене, ни в Ипеке не было проведено такого собрания, а его источник информации предполагает, что речь идет лишь о взаимном общении различных кланов, которых за исключением очень редких случаев, разделяют огромные расстояния мжду местами, где они живут.

В конце января вице-консул Винтер информирует Вену[1], что в Дураццо также обсуждают новости о критической ситуации в Македонии и о реформах, проведения которых там желают, хотя никто не рассчитывает, что население отзовется и выскажет свое мение по этим вопросам.

Небольшая часть албанской верхушки, которая живет *in loco*[2], находится в тяжелом финансовом положении, за исключением тех, кто состоит на службе у султана и, следовательно, зависит от него. Крайне редко они позволяют себе какой-нибудь беглый комментарий в тесном приятельском кругу о том, что албанцы абсолютно покинуты властью, но при этом не пропускают возможности засвидетельствовать ей свое смиренное подчинение. Вице-консул Винтер самой точной политической характеристикой для этих элементов считал конформизм. Они могли бы подняться на бунт в защиту своего национального самосознания, только если в их настоящем положении произойдет серьезная перемена. Эти люди во всех ситуациях предпочли бы остаться у домашнего очага, нежели отправиться в Ипек обсуждать позицию, которую албанцы должны занять по македонскому вопросу.

Вице-консул утверждает, что беи из Тираны, за небольшими исключениями, или даже повсеместно, заняты своими собс-

[1] HHStA. PA XII. Liasse XXXIII. K. 312. Durazzo, den 29. Jänner 1899. Vizekonsul von Winter. Stimmung der Albanesen im Sandschak Durazzo (Отношения и тенденции среди албанцев из санджака Дураццо).

[2] непосредственно на месте.

твенными экономическими интересами, и поэтому боятся правительства.

Тем временем албанская знать из Косовского вилайета собирается в Ипеке и с 23 по 29 января 1899 г. проводит заседание ассамблеи[1].

Собираются представители всех городов из вилайетов Косово, Монастира и Скутари, в общей сложности 500 человек, — известные люди, обладающие влиянием среди албанского населения[2]. Отсутствуют лишь представители Скутари и Дебара. Однако они прислали телеграммы о том, что согласны с решениями ассамблеи.

Делегатов, не принадлежавших ни к албанцам Косово, ни к населению других городов европейской части Турции, ожидали на арнаутской ассамблее в Ипеке, но они так и не приехали, а прислали письменную декларацию, в которой согласились с принятыми ассамблеей решениями и сохранили за собой право присоединиться к ним позже[3].

На ассамблею прибыл некий известный капитан турецкой имперской армии, родившийся в Ипеке, который доставил почту с инструкциями из Константинополя, чтобы их можно было зачитать перед всеми присутствующими.

Согласно донесению сербского консула в Приштине[4], составленному на основе информации от его надежного информатора, который лично присутствовал на ассамблее, 26 января все представители собрались в мечети Хамам, под охраной войск, которые караулили вход. По близлежащим улицам ходили патрули. Во дворе мечети собралась огромная толпа. Первое заседание было очень шумным, и голоса из здания были слыш-

[1] Ibid. Ad Bericht Nr.40 (Дополнение к докладу № 40). Prizren, v.5/2/99 Beschlüsse der vom 23–29 Jänner 1899 zu abgehaltenen Versammlung von Notablen der Städte des Vilayets Kossova (Соглашения ассамблеи, проведенной с 23 по 29 января 1899 г. в Ипеке влиятельными людьми из городов Косовского вилайета).

[2] Ibid. Den 8. Februar 1899; послано из австро-венгерского посольства в Константинополе, но написано сербским консулом в Приштине.

[3] HHStA. PA XII. Liasse XXXIII. K. 312. Prizren. Den 5. Februar 1899. Vizekonsul Rappaport. Ipeker Beschlüsse (Соглашения из Ипека).

[4] См. прим. 24 к этой главе.

ны далеко по всей округе. 27 января в той же мечети прошло второе заседание, которое длилось до обеда. 28 января дневного заседания не было, состоялось лишь тайное собрание вечером, на котором присутствовало по одному представителю от города и общины, именно там и были выработаны решения ассамблеи.

По итогам заседаний были приняты соглашения, которые вице-консул Раппапорт получил в распоряжение, благодаря своему информатору, участвовавшему в собрании[1]. Эти соглашения были утверждены 29 января на мусульманской церемонии, которая включала клятву на Коране и подобающие торжественные ритуалы, после чего ассамблея была закрыта. Вице-консул перечислил их дословно в посланной секретной ноте:

а) Не признавать никакой иной власти, кроме власти султана.

б) Помимо десятины, необходимо платить имущественный налог на здания, хозяйственные земли, и тот, кто откажется платить его в период между 1 апреля и 15 июля, будет наказан. Исключение может быть сделано лишь для тех, кто освобожден от уплаты налога из-за отсутствия средств.

в) Мужское население в возрасте от 18 до 40 лет должно в будущем нести военную службу в рядах армии.

г) Временно отменяется кровная месть, независимо от того, какая обида была нанесена. Запрет продолжится до ближайшего *Ruz-i-kasem* (то есть до дня св. Димитрия, 7 ноября 1899 г.).

д) Если какое-либо из иностранных государств совершит нападение с целью провокации, то на это сразу последует ответ, и пострадавшей области будет оказана помощь в оружии и во всем необходимом (насколько это потребуется).

е) Для поставок оружия влиятельные люди со всех окрестностей должны предварительно выслать необходимую сумму, а позже — тайно раздать оружие населению.

ж) Дополнение к пункту е), которое турецкое правительство сохранит в тайне, состоит в том, что амуниция будет взята из государственного арсенала.

з) Если во время запрета на кровную месть кто-либо совершит убийство каким бы то ни было оружием, он потеряет свой дом, который будет уничтожен дотла, а человека предадут влас-

[1] См. прим. 25 к этой главе.

тям для исполнения наказания. Если он сбежит, его родня будет заключена под стражу по решению ассамблеи старейшин.

и) То же относится и к человеку, который причинил физический ущерб другому каким бы то ни было видом оружия.

й) Тот, кто производит предупреждающие выстрелы, будет предан властям для исполнения наказания. Если он сбежит, его дом будет сожжен дотла.

к) Воры и разбойники будут преданы властям для исполнения наказания. Если они сбегут, их дома будут сожжены дотла. Если они совершили и дргие преступления, или если наказание с учетом их вины окажется слишком легким, они будут отправлены в заточение.

л) Та же мера распространяется и на укрывателей преступников по какому-либо из предыдущих пунктов.

м) Каждый мусульманин должен точно знать меры, тайно предпринятые турецкой властью, строго следовать проистекающим из них требованиям. Поэтому один из старейшин каждой общины должен подробно информировать свой доверенный круг и разъяснять ему, что соблюдение и осуществление этих мер — вопрос религиозного характера.

Изложив содержание соглашений, Раппапорт переходит к их комментированию, предоставляя дополнительную информацию об албанских мусульманах в определенном контексте.

Соглашения не будут распространяться среди народа вплоть до Рамазан Байрама. То есть до середины февраля подробности ассамблеи будут сохраняться в тайне, и поэтому среди людей уже распространяются самые невероятные слухи.

Что же касается соглашений, вице-консул впечатлен главным образом религиозным, если не сказать фанатичным, характером, который мусульмане хотят придать своим действиям. Это подтверждается тем фактом, что соглашения сформулированы во Дворце. Он не может с уверенностью сказать, кто точно был инициатором этого решения, но его подозрения сводятся к кандидатурам лишь двух высших чиновников, и это подтверждается широкой сетью информаторов, которую вице-консулу удалось создать за два года.

Однако этот успех «жизненных сил» государства был омрачен, поскольку правительство отошло от своего первона-

чального намерения водворить мир в стране, положив конец кровной мести. Оно питало эту надежду в течение двух месяцев, поскольку это означало бы прекращение на долгое время внутренней вражды. Единственное, что было достигнуто, — это временное перемирие на несколько месяцев, естественно, с возможностью продления при условии, что гарантируется строгое выполнение этого решения.

Возможно, некоторые вопросы, такие как обязательная военная служба, наказания за нарушение мира и навязанные налоговые взыскания, будут пересмотрены после Рамазан Байрама местными советами старейшин в городах и селах. Поэтому на текущий момент было бы опрометчиво судить о том, насколько удачными были принятые решения.

В отношении политической стороны соглашения Раппапорт считает, что акцент на верности султану как на некоем естественном явлении, породил известные сомнения в искренности этого утверждения, и со стороны албанских мусульман из санджака Приштина до его ушей дошли слухи, согласно которым ослабление Высокой Порты может привести к необходимости обращения за помощью к Австро-Венгрии. Эти предложения хорошо известны в Константинополе и, вероятно, вызвали негативную реакцию правительства, из-за чего в Ипекские соглашения включено нечто вроде опровержения.

Соглашения, связанные с возможными действиями нерегулярной албанской армии в случае вооруженной провокации со стороны какого-то иностранного государства, что маловероятно, даже если не читать их дословно, с учетом албанского характера, представляют собой серьезные превентивные меры против любого намерения черногорцев, сербов или болгар выступить с оружием, а также против пограничных инцидентов.

Императорское и Королевское консульство в Скопье в кратких сообщениях извещает, что в Константинополе принимают очень серьезные меры, стремясь избежать подобных инцидентов. Поэтому вполне объяснимо, что на ассамблее, в составе которой присутствовало до двух третей из доверенных правительству влиятельных лиц и вали, приняты решения, согласно которым при первых же выстрелах у Берана, Рашки или Паланки вскоре соберутся тысячи вооруженных албанцев и превра-

тят небольшое пограничное столкновение в серьезный политический конфликт.

В соглашениях также упоминается о снабжении албанцев амуницией из государственного арсенала. Вопрос представлен как государственная тайна, но само его включение в повестку дня на такой многолюдной ассамблее превращает его в своего рода эвфемизм, чтобы завуалировать одобрение правительством подобных случаев.

Вполне возможно, что еще со времени оккупации Боснии и Герцеговины и создания Албанской лиги между Дворцом и некоторыми албанскими лидерами существовала негласная договоренность о тайном снабжении их оружием в случае иностранного нападения. В этом ключе целью соглашений в Ипеке могло быть лишь успокоение арнаутских предводителей, которые обеспокоены и выказывают недоверие к возвращению нерегулярной албанской армии с турецко-греческой войны, а также в связи с событиями в Берате, которые произошли несколькими годами ранее, и решением критского вопроса. Допуская заключение соглашений, правительство предлагает нечто вроде обновления старых договоренностей в обмен на уступки по налоговому вопросу и обязательной военной службе. Очевидно, что Константинополь (может быть, не без основания на фоне показной доброй воли) всё еще верит, что, если это потребуется в политических целях, арнаутов можно остановить силой.

Естественно, продолжает существовать опасение, что религиозный фанатизм будет сложно полностью держать под контролем, если он потребуется тем, кто его разжигает. Это может привести к последствиям, из которых Турция попыталась бы извлечь пользу для самой себя.

В связи с соглашениями возникли дополнительные трудности. Решения из Ипека должны быть обсуждены до мельчайших подробностей и ратифицированы областными ассамблеями. Помимо этого ожидается, что оппозиция предпримет серьезное наступление, когда почувствует, что ею пренебрегают, принимая такие важные решения. Наиболее заметным стало недовольство Р. Бея из Дьякова. Он даже послал телеграмму во Дворец, указывая, что, согласно обычному албанскому праву, Ипекские соглашения не действительны, поскольку при их

обсуждении не присутствовали другие города, кланы и влиятельные семьи.

Другое важное замечание консервативных кругов страны состоит в том, что с давних пор арнаутские собрания проводятся в Косовском вилайете, в Призрене или в Бабин носе (месте, где погребен султан Мурад I, около Приштины), а не в Ипеке.

Чтобы оценить реакцию оппозиции по этим вопросам, вероятно, необходимо подождать окончания Рамазан Байрама.

27 февраля в районе Призрена вновь собирается албанская верхушка, чтобы продлить перемирие между албанскими мусульманскими кланами до дня св. Димитрия (26 октября/7 ноября). В начале марта в Дебаре и в середине марта в Скутари[1] албанские старейшины вновь собираются вместе, чтобы разъяснить решения Ипекской ассамблеи и поддержать инициативу Константинополя по установлению контроля над албанскими кланами с помощью ислама и ограждению их от австро-венгерской националистической пропаганды. Имперская дипломатия оценивает результаты местного специфичного мусульманского характера соглашений и продолжает свою линию действий.

В последние три месяца 1900 г. Вена сосредоточила внимание на личных контактах своих консульских представителей с местной знатью. В соответствующих инструкциях Австро-Венгрия подчеркивает значимость добрых взаимоотношений для выполнения политических целей и общей программы[2]. Кажется, что усилия Австро-Венгрии всё больше тяготеют к конспиративным мероприятиям с легким элитарным оттенком, что со временем становится всё более очевидным.

Согласно Министерству иностранных дел, из докладов австрийских консульств в Албании становится ясно, что национальное движение делает медленные, но всё более уверенные шаги, и всё более широкие слои населения решают присоединиться к нему.

---

[1] HHStA. PA XII. Liasse XXXIII. K. 312. Prizren den 5. Februar 1899; Üsküb, den 8. März, 1899.

[2] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse V/I. Albanien V: Alb. Patrioten I Allgemeines 1900–1909, Ref.I, Wien, am 23. November 1900, Geheim, Circuläre an die Konsularämter in 1) Scutari, Nr. 337; 2) Durazzo, Nr. 338; 3) Valona, Nr. 339; 4) Monastir, Nr. 340.

Чтобы лучше ориентироваться в именах активистов этого движения, указанных в донесениях, Вена рекомендует своим консульским представителям подготовить списки представителей местной верхушки, обладающих патриотическим сознанием, прочной социальной позицией, влиянием и состоянием.

Таким образом, министерство поручает консулам представить справочник с вышеперечисленными данными по соответствующим сферам деятельности.

Однако эти списки предпочтительно ограничить персонами, которых консулы знают лично или теми, информацию о которых доверенные лица готовы подтвердить.

Вена считает, что важным преимуществом этих списков стали бы содержащиеся в них некоторые биографические и другие специфические данные.

Австро-венгерский представитель в Валоне[1] высылает в ответ составленный им справочник с пометкой, что он включает лишь патриотов с известным положением в стране, а все, кто не принадлежит к категории албанской знати, автоматически исключены. Так он поступил со многими членами Албанского комитета за границей и другими уважаемыми среди «албанофилов» личностями.

К данному вопросу относится и другой любопытный доклад, датированный гораздо более поздним числом, о семействе Влера[2], одном из самых известных в Валоне.

Доктор Ранзи пишет, что знатный род Влера и бурная жизнь его представителей неоднократно фигурировали в донесениях консула. Ввиду интересного происхождения и генеалогии этой семьи началось составление ее генеалогического древа и ветвей, существующих на данный момент. По информации Ранзи, основоположник рода Влера в Албании — Синан-паша из Коньи, который в 1518 г. (при султане Селиме) был послан командиром турецкого флота к албанскому побережью, чтобы

[1] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse V/I. Albanien V: Alb. Patrioten I Allgemeines 1900–1909. Valona 1900.

[2] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse V/I. Albanien V: Alb. Patrioten I Allgemeines 1900–1909. Bericht Nr. 10. Valona, am 18. April 1905, Vizekonsul Dr. Ranzi: Über die Abstammung und Genealogie der familia Vlora, 1 Beilage (О происхождении и генеалогии семейства Влера).

поддержать тогдашнего градоначальника Валоны, Диаз-пашу, во время капитуляции кланов из Химары, в то время независимых. На следующий год (1519) Синан-паша был назначен градоначальником Валоны и в течение многих лет занимал этот пост. Его наследники остались в стране навсегда.

По словам австро-венгерского консула, семейство имеет турецкое, а не албанское происхождение, и поэтому оно сохраняло старую традицию. Но когда его представители поселились в стране, то подверглись албанскому влиянию и даже приняли имя провинции Валоны (по-албански Влера) как фамильное имя.

По предложению Голуховского от 3 февраля 1900 г. Цвидинек выработал меморандум о назначении кандидатов из резервного фонда на работу в имперских и королевских консульствах в Скутари и Монастире. Этот меморандум позже был выслан двум соответствующим консульствам для их информирования[1].

Сначала Цвидинек упоминает, что завоевание доверия и достижение результатов деятельности в Албании, планируемые министерством, т.е. пробуждение национального самосознания албанцев, могут встретить серьезные препятствия, главным образом, из-за враждебного отношения турецкого правительства к национальным устремлениям.

Далее он утверждает, что в начале 1899 г. казалось, будто бы султан и его правительство изменили свою позицию по этому вопросу. Константинополь помог в проведении ассамблеи албанских делегатов в Ипеке, целью которой было оживить национальное чувство всех албанских кланов независимо от их вероисповедания, прекратив кровавые распри между ними, и объединить их для общего сопротивления агрессивным намерениям других балканских народов. Скоро, однако, стало ясно, что турецкое правительство смотрит на эту ассамблею как на средство предупредить всякое иностранное вмешательство во внутренние дела Албании и никоим образом не намеревается поддержать объединение местных национальных общностей. От переговоров в Ипеке были отстранены католи-

[1] Wien, Mittwoch 17. Jänner 1900. Zwiedineck an Goluchowski. Позднее оно было послано под № 51 от 14 февраля 1900 г. в Скутари и № 52 с той же датой в Монастир.

ческие горные кланы Северной Албании, а также православные и мусульманские общины центральной и южной части страны. Когда была предпринята попытка созыва второй общеалбанской ассамблеи у мавзолея султана Мурада в Приштине, она была запрещена. Попытка достичь частичного примирения в некоторых провинциях путем подписания мирного договора, действительного для всей Албании, была провалена нежелательным вмешательством косовского вали. Петиции Албанского комитета к султану с просьбой о создании национальных школ или введении албанского языка в турецких школах остались без отклика, а распространение албанских газет и национальная пропаганда по-прежнему были запрещены.

Цвидинек признает, что сопротивление турецких властей национальным устремлениям албанцев затрудняет австро-венгерским консулам возможность продемонстрировать свои добрые намерения и интерес Вены к патриотическим целям албанцев. Несколько раз различные лидеры национального движения представляли петиции от своего собственного имени к Австро-Венгрии, чтобы та помогла им через свои консульства и предоставила те образовательные средства, в которых отказал Константинополь. Ответить на такие требования означало бы для австрийских консулов серьезно скомпрометировать себя и даже ввязаться в конфликт с турецкими властями. Поэтому на тот момент они предпочли проявить осторожную сдержанность по отношению к националистическим кругам. Однако Цвидинек пишет, что в политических интересах Вены сохранять хорошие отношения с наиболее решительно настроенными представителями албанского населения. Таким образом консулы всегда будут в курсе развертывания национальной пропаганды, а Вена сможет противопоставить себя другим иностранным влияниям в стране. По мнению Цвидинека, консулы исполнили эту задачу с усердием, достойным похвалы, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, для пояснения которых он приводит некоторые примеры. Так, консул Иппен несколько раз посетил горные католические общины на границе с Черногорией и установил отношения с ее лидерами на местах. Консул Крал поддерживает связи с участниками национальной пропаганды в Монастире, в области Корчи, Де-

бара и Эльбасана, где преобладает албанское население. Руководители консульских служб в Дураццо и Валоне использовали свое пребывание в Тиране и Берате в летние месяцы, чтобы сблизиться с тамошними мусульманскими беями.

Цвидинек еще раз подчеркивает, что Австро-Венгрии необходимо сохранить установленные контакты. Консульские служащие должны быть в состоянии при помощи материальных вложений гарантировать лояльность тех людей, которые помогали им осуществлять эту задачу в качестве посредников. Развитие албанских областей на границе с Черногорией, которые князь Никола пытался завоевать и присоединить к своему княжеству, требовало непрестанного и внимательного наблюдения. Цвидинек рекомендует оказывать финансовую поддержку некоторым из местных кланов, которые, вопреки своей экономической зависимости, оказались невосприимчивы к черногорским притязаниям. Учитывая эти обстоятельства, Цвидинек позволяет себе со всем уважением обратиться к консулу Иппену с просьбой перевести ему в качестве компенсации 4000 франков из резервного фонда министерства иностранных дел для распоряжения ими наилучшим способом при оказании помощи и вознаграждении тех людей в регионе, чье влияние и действия служили на благо политических интересов Австро-Венгрии в Албании. Кроме того, исходя из существующих возможностей, Цвидинек советует консулу Иппену, с учетом тех же интересов, обратить особое внимание на лиц, рекомендованных монсеньором Примо Доки. В ответ на просьбу вице-консула Крала из Монастира Цвиденек упоминает, что министерство иностранных дел предоставило в 1899 г. в дар 20 золотых наполеонов албанской начальной школе в Корче. Если в текущем 1900 г. отпустить ту же сумму для местной албанской начальной школы, тогда национальные лидеры из Центральной Албании, которые, несмотря на недоброжелательность турецкого правительства, стремятся собственными средствами поддержать так необходимое для албанской молодежи образование, не колеблясь, засвидетельствуют свою глубокую признательность Австро-Венгрии. Поэтому Цвидинек позволяет себе настаивать на том, чтобы выслать и консулу Кралу сумму в 1500 франков из резервного фонда министерс-

тва иностранных дел. Из них по 400 франков должны быть отданы двум албанским школам в Корче, а остальные 700 — использоваться на усмотрение консула для поддержания связей, установленных с национальным движением в регионе.

Деятельность остальных консульских служащих Австро-Венгрии в Албании, по мнению Цвидинека, осуществляется все еще в очень ограниченных масштабах. Им необходимо выделить средства для поддержания их контактов и, если представится удобный случай, то для привлечения доверенных посредников, способных установить связи с самыми уважаемыми представителями албанского населения[1].

Следует 5 приложений
HHStA. PA XII. Li XXX. K. 301

[1] Из многих документов подобного содержания мы процитируем один, который выглядит наиболее интересным. Он служит репрезентативным и красноречивым примером и достаточно краток. См.: HHSTA. PA XIV. Liasse XVI. Weisung nach Durazzo fom 9.12.1901. Nr. 523. Politischer Gegenstand. Übersendung eines Actionsfonds von 2000 Frcs.

Специальный фонд. Сообщение в Дураццо, 9.12.1901. № 523 высылка фонду действия суммы в 2000 франков, политический вопрос.

«Уважаемый господин граф,

выполняя Высочайший указ от 9 декабря 1901 г., № 523 секретный, имею честь послать Вашему Превосходительству отчет в сумме 2000 франков, отпущенной на покрытие расходов, с просьбой удостоить одобрения выплату их по назначению.

Указанная сумма была отпущена мне в качестве помощи за сохранение существующих контактов и как дар влиятельным албанцам, которые живут не только в моей области, но и в Эльбасане, Мати и др., с которыми я поддерживаю связи и считаю полезным их продолжать.

Прилагаю квитанцию для большей части израсходованных сумм.

Как Ваше Превосходительство убедится сами, если изволит посмотреть на приложенный отчет, после выплаты аванса в 2000 франков, в моем распоряжении осталась сумма в 197,96 франков.

Прошу Ваше Превосходительство содействовать мне в получении этой суммы для расходов подобного характера и для индивидуальной помощи некоторым учащимся в наших школах, чтобы противостоять итальянскому влиянию в образовательной сфере и прочее.

Квятковский».

Глава V

ПУТЕШЕСТВИЯ АВСТРО-ВЕНГЕРСКИХ КОНСУЛОВ К АЛБАНЦАМ-МУСУЛЬМАНАМ ИЛИ НАЧАЛО РОМАНТИЧЕСКОЙ КОНСПИРАЦИИ

Важным моментом в усилиях Вены по формированию национального самосознания у албанцев, было, как уже указано в предыдущих главах, установление связей с мусульманским населением и вовлечение его в сферу венского влияния[1].

Практика показывала, что для активизации внутренних политических убеждений мусульман и воздействия на них абсолютно необходимо было поддерживать в их среде непосредственные?, частые и регулярные связи, подкрепляя их щедрыми денежными вознаграждениями[2].

Одним из первых, кто докладывал об этом в Вену, был вице-консул Раппапорт, находившийся в Призрене. Для выполнения своих задач он прежде всего нуждался в достоверной информации о настроениях населения. Для этой цели ему необходим был посредник, хорошо знающий авторитетных людей общины, и способный помочь наладить с ними связи, не привлекая особого внимания. Раппапорт хотел изучить все районы страны, особенно те, которые входили в его консульскую территорию, охватывающую Люму, Хаси, Дяково, а также Ипек и, возможно, Гузиние. По его оценкам, это требовало не менее 60 золотых форинтов в месяц. В первую очередь он предполагал за время планируемого путешествия подобрать доверенных лиц среди старейшин местных кланов.

---

[1] См.: Mémoire über Albanien. HHStA. PA I. K. 473 (прокомментировано в II и III главах данного труда).

[2] HHStA. PA I K. 473. Vizekonsul Rappaport., Prizren, den 29. Juni 1897. Geheim. Fol. 307–312.

Относительно влиятельных лиц в городах Раппапорт придерживался мнения, что не обязательно направлять им регулярные дары или щедрую поддержку до тех пор, пока австро-венгерские планы не созреют окончательно. Уже тогда он считал, что необходимо направлять средства исключительно доверенным и проверенным лицам, влияние которых действительно велико, и лишь в редких случаях делать исключения.

Он знал, что при установлении первых контактов, как правило, последуют многочисленные просьбы о помощи вдовам, сиротам и беднякам. Поскольку отказ в такой помощи обычно приводил к охлаждению отношений с местной знатью, также ожидающей подарков, необходимо было удовлетворять часть этих прошений, но в рамках разумного — т.е. не выходя из суммы в 60 золотых форинтов в месяц.

Раппапорт считал, что поездки по стране совершенно необходимы, поскольку наиболее влиятельные лица редко приезжали в Призрен, и даже в случае их приезда развитая местными властями агентурная сеть пресекла бы любые попытки с ними встретиться. Вице-консул был убежден — чтобы получить верное впечатление об этих людях, не полагаясь на чужое мнение, необходимо посетить их лично, под предлогом прогулки или охоты.

Он намеревался, используя летние месяцы, когда прекратятся продолжительные дожди, улучшится погода, и состояние дорог станет благоприятным для путешествия, сначала объехать ближайшие окрестности, затем, постепенно увеличивая продолжительность поездок, посетить самые отдаленные места, недоступные для иностранцев. Чтобы не вызывать подозрения у местных властей, осуществлять эти планы необходимо было без видимой спешки.

Общая сумма расходов без учета некоторых мелких издержек на путешествие, которые невозможно предвидеть, по предварительным расчетам должна была составить 200 золотых форинтов.

В конце доклада вице-консул вновь подчеркнул, что основную деятельность его в горных районах необходимо, сообразно природным условиям, ограничить периодом с июля по сентябрь, поэтому он желал бы начать путешествие как можно скорее.

Из министерства Раппапорту ответили[1], что учли детали доклада и согласны с предложением привлечь доверенных лиц из мусульман в Призрене, чтобы лучше понять их настроения, а также и других людей — мусульман и христиан — в подопечной ему области. Для этих целей Раппапорту позволили взять необходимые суммы из резервного фонда консульства под соответствующую расписку, а именно: около 40 форинтов ежемесячно для доверенных лиц в Призрене и 60 форинтов для других доверенных лиц, а также 60 форинтов для небольших пожертвований и недорогих подарков различным персонам. В то же время отмечалось, что эти суммы не должны считаться регулярной зарплатой, которую требуется платить доверенным лицам, они скорее представляют собой некий гонорар, зависящий от качества их работы.

Относительно путешествий по области ему напомнили, что необходимо быть крайне осторожным, а также не следует предпринимать поездки так скоро, недавно вступив в должность. После греко-турецкой войны мусульмане были сильно возбуждены, и не следовало лишний раз вызывать их подозрения. В Вене полагали, что Раппапорту в связи с этим следовало на некоторое время воздержаться от кратких путешествий, а если предпринимать их, то они должны оставаться незамеченными. Длительные же поездки следовало представлять местным властям как необходимые для решения торговых вопросов.

При соблюдении этих условий в министерстве были согласны, чтобы Раппапорт сообщал телеграммами из Константинополя о том, что отправляется в поездку, и по возвращении из нее. Не было возражений, чтобы он брал под расписку суммы из резервного фонда до 24 форинтов в месяц на дорожные расходы, начиная с 1 июля 1897 г.

Раппапорт последовал указаниям министерства и в первое время выполнял свои обязанности, находясь в резиденции и не предпринимая поездок за пределы области. В своих докладах он постоянно подчеркивал недовольство и тревоги

[1] HHStA. PA XIV. K. 24. Albanien. Liasse XV. Wien, am 21. Juli 1897. An Rappaport in Prizren.

албанцев по поводу будущего, сообщал о кровавых расправах, которые не прекращались, а также о безуспешных мерах правительства по предотвращению беспорядков.

Деятельность вице-консула в первую очередь предполагала вербовку доверенных лиц, установление личных связей с высокопоставленными членами местных общин, чтобы подружиться с ними и повлиять на их образ мыслей, а также действия в нужном для Вены направлении.

Вместе с тем, министерство дало подробные указания и новому вице-консулу в Дураццо[1]. Его уведомили, что благодаря устной информации, которую они получают, они будут в курсе политических задач, стоящих перед ним на этом посту. Для личной информации ему был выслан Меморандум по Албании, уточняющий многие детали и ставящий основные его задачи в зависимость от направления общих действий Вены.

Особо подчеркивалось, что фон Винтер должен в первую очередь и незамедлительно уделить внимание детальному изучению политической ситуации на местах, а также ее основных действующих лиц и информировать об этом министерство во всех подробностях. Особый акцент необходимо было делать на информации об отношениях различных кланов Центральной Албании между собой и с другими кланами страны; об их лидерах и о любом внешнем влиянии, которое может проникнуть к ним; а также своевременно представить доказательства этих фактов. Фон Винтеру было предписано на время воздержаться от долгих путешествий по причине рисков, которым может подвергнуться вся деятельность Австро-Венгрии.

Пробыв в Дураццо восемь месяцев, вице-консул убедился, что получить точное представление об этом санджаке, не отлучаясь со своего рабочего места, невозможно. С одной стороны, Дураццо был обычным портом и центром торговли с соседними странами. С другой — в политическом отношении

[1] HHStA. PA XIV. K. 24. Wien am 20. Juli 1897. An Vizekonsul von Winter in Durazzo.

этот город был административным центром провинциального значения[1].

Очень важен в политическом отношении был город Тирана, расположенный на основной транспортной артерии по направлению в Монастир. В то время он насчитывал 20 000 жителей, почти все они были мусульманами. По наблюдениям австрийского представителя, именно Тирана была настоящим центром санджака, неоднократно предлагалось сделать ее центром консульской миссии. Но этот проект не был осуществлен из-за отсутствия подходящих коммуникаций (к Тиране не подходили крупные дороги, лишь проселочные). В этом заключался существенный недостаток города по сравнению с Дурраццо, откуда, благодаря пароходным линиям, легко можно было добраться до любого города в Турции.

Для осуществления целей Вены не нашлось ни одного мусульманина в Дурраццо, чье влияние или мнение стоило бы принять во внимание. При этом в Тиране жили представители таких старинных и знатных родов, как семья Топкаб, с которыми вице-консул не смог бы установить прочных связей, не проведя в городе длительного времени.

Он считал, что уже одного этого обстоятельства достаточно для обоснования его длительных путешествий в Тирану. Но долг обязывал его при всем уважении обратить внимание Вены и на нечто более важное. Очевидно было, и это подтверждал его богатый опыт, что подобного рода связи невозможно установить иным путем. Он не отрицал, что турецкие власти будут следить за каждым его шагом, в связи с чем необходимо быть особенно внимательным. Несмотря на неизбежные сложности, он надеялся сохранить необходимую секретность и не дать своей деятельностью повода для конфликтов.

[1] HHStA. PA XIV. K. 24. Liasse Albanien XV. Berichte über den Sommeraufenthalt der österreichisch-ungarischen Konsuln in Berat und Tirana, 1898–1907, (Доклад о летнем пребывании австро-венгерских консулов в Берате и Тиране в период 1897–1907 гг.). Fol. 1–179. Durazzo, den 16. März 1898, Fol. 1–3b.

К сожалению, не все доклады за указанный период сохранились, а также не все доступны, поскольку находятся в других отделах архива. В данной главе будут представлены лишь те из них, с которыми мне удалось ознакомиться.

В то время он был не в состоянии ни подтвердить, ни опровергнуть предположение, что беи осмелятся ему доверять, поскольку Тирана, по сравнению с Дураццо, была другим миром, недостаточно знакомым ему. В заключение вице-консул добавил, что пребывание в Тиране не создаст особых трудностей, но предоставит время для достижения положительных результатов, которых невозможно было бы добиться иными способами. Если он останется в Дурраццо неопределенно длительное время, деятельность консульства будет затруднена, а свои доклады ему придется основывать лишь на косвенной информации.

Вопрос был настолько значим, что заслуживал попытки осуществить эти планы, поэтому фон Винтер охотно приступил к работе, несмотря на трудности и опасности, которые, без сомнения, угрожали как ему, так и его семейству.

Дипломат попросил около 1200–1500 золотых форинтов, пообещав позже представить подробный отчет о своих расходах по пути в Тирану. Вена позволила ему поездку и одобрила просьбу об авансе.

В это время великий визирь встретился в Константинополе с австро-венгерским послом Каличе, чтобы выразить неодобрение относительно планирующегося отдыха вице-консулов Петровича и Винтера в Берате и Тиране соответственно. По мнению великого визиря, путешествия могли послужить причиной скандала в местном обществе, и властям было бы очень сложно защитить дипломатов от возможных нападений со стороны местного населения. Посол не внял этим предупреждениям, изначально переложив ответственность за безопасность австро-венгерских представителей на местные турецкие власти в случае столкновений с населением.

Вена предписала Петровичу и Винтеру быть крайне бдительными и предупредила, что местные власти будут следовать за ними по пятам под предлогом заботы об их безопасности[1].

В начале своего доклада Петрович подчеркивал, что его пребывание произвело большое впечатление на жителей и не-

[1] HHStA. PA XIV. K.24. Liasse XV. Wien, am 30. Juni 1898. Goluchowski an: Vizekonsul Winter in Durazzo; Vizekonsul Trojan in Janina.

обычайно взволновало местные власти[1]. Мютесариф, распространивший слух о скором прибытии вице-консула, чтобы привлечь местных албанских лидеров на сторону Австро-Венгрии, следил за каждым его шагом. Страх перед центральными властями влиял на простых людей. Петрович пишет, что во время своих визитов к старым знакомым в Валоне он наблюдал их явное смущение. Кроме того, турецкие жандармы днем и ночью наблюдали у дверей, кто его посещает, и немедленно докладывали обо всем властям. В результате жители избегали общения, в том числе и с местными переводчиками консульства.

После месяца, проведенного в Тиране, Петрович пришел к выводу, что албанцы поняли: Австро-Венгрия интересуется ими и их будущим. Он надеялся, что в последующие годы не столкнется с подобными неожиданностями, а местные власти и население не будут настолько опасаться его связей с албанцами.

Население, в свою очередь, полагало, что долгое пребывание вице-консула связано с предстоящим открытием австровенгерского консульства в Берате и Тиране, и надеялось, что это приведет к оживлению торговли и налаживанию хорошей почтовой связи.

Наибольшим почтением в Берате пользовался род Вриони; члены этого семейства породнились с влиятельными албанскими фамилиями по всей стране. Но контакты небольшого числа патриотов Берата с другими городами были очень редки, они месяцами не получали прессу на албанском языке.

В Берате была одна начальная школа с платным обучением, где преподавание велось на румынском языке. Ее посещали 35 учеников, в основном из Берата, Половина из них были румынами, национальность остальных неизвестна, но все они также исповедовали христианство.

С середины июля до конца сентября следующего, 1899, года вице-консул Петрович вновь находился в Берате и констатировал, что дела Австро-Венгрии там недостаточно благоприятны[2]. Отношение населения было враждебным. Христиане видели

[1] HHStA. PA XIV. K.24. Liasse XV. Berat. Bericht Nr. 25 vom 24. August 1898. Vizekonsul Petrovic berichtet über seinen bisherigen Aufenthal in Tirana.

[2] HHSTA. PA XIV. K. 24. Liasse XV. Bericht Nr. 49. Valona, den 8. Oktober 1899. Vizekonsul Petrovic.

в его лице врага *православия*, мусульмане опасались, что его прибытие повлечет новые проблемы и создаст условия для интервенции в их страну. Его первостепенной задачей стало развеять эти подозрения и установить связи с турецкими властями, поскольку лишь их благоволение могло обеспечить ему доступ к местным албанским лидерам. Он надеялся, что со временем представители властей и местное население смогут понять, что его цель — не религиозная пропаганда, и успокоиться. Однако за вице-консулом по-прежнему вели постоянное наблюдение.

Греки выдвинули против него надуманные обвинения, которые не подтвердились, зато их опровержение лишь обеспечило ему всеобщие симпатии. Власти постепенно также успокоились, убедившись, хотя и ошибочно, что он не политический агитатор, вели себя более любезно, а беи уже не боялись, как прежде, приближаться к иностранцу. Петрович более всего интересовался представителями фамилии Вриони, и его доклады были полны различных подробностей о них.

По наблюдениям Петровича, большинство жителей Берата жило в страхе, он был убежден, что никакие действия не имеют будущего, если они не одобрены турецким правительством[1]. И не только потому, что албанцы Берата были напуганы, но из-за их общих настроений — очень консервативных. И хотя кто-то из беев порой позволял себе в самом узком кругу отпускать критические замечания в адрес турецкой власти, Петрович считал, что в сущности другой власти никто не хотел. О значительной части населения также можно было сказать, что никто из них не думал о национальной автономии. Эта идея казалась им утопичной и в силу религиозных причин: мусульмане считали христиан *грекофилами,* а православные не видели разницы между албанскими мусульманами и турками.

В Берате вице-консул встречался также с молодежью, среди которой которой были в ходу идеи об автономии, но настолько неясные, показывающие такое непонимание ситуации, что Петрович с трудом мог принимать их всерьез и с каждым днем

[1] HHStA. PA XIV. K. 24. Liasse XV. Bericht Nr. 49. Valona, den 8. Oktober 1899. Fol. 27: «Es ist meiner Ansicht nach ausgeschlossen, dass sich dort irgend eine von der türkische Regierung bekämpfte Bewegung entwickeln könnte».

всё более убеждался, что в этом районе не существует настоящего национального движения.

Также он постепенно убеждался, что самим албанцам безразлично, сложатся ли их разрозненные общины в нацию. Жизнь в Берате вращалась вокруг их стремления достичь более-менее приличного благосостояния и добиться престижных должностей. Самым важным для местных жителей было завести дружбу с каким-нибудь губернатором или человеком, имеющим влияние при дворе. С протекцией таких знакомых они могли достичь желаемого и разбогатеть за счет своих более слабых и беззащитных соседей. Кроме того, беи не были сплочены и завидовали друг другу. Вице-консул считал, что ни одна из албанских фамилий не обладала настоящим влиянием во всей стране. Петрович подчеркивал, что для австро-венгерских представителей крайне сложно было развивать идею албанской нации в такой обстановке, когда значительная часть албанцев к ней равнодушна. Скорее наоборот, попытки работать в этом направлении приводили к недоразумениям, и Петрович опасался, что все его инициативы могут иметь нежелательный эффект.

По мнению вице-консула Австро-Венгрии, в данный момент было бы лучше отложить идею албанской нации, а консулам сосредоточить основное внимание на установлении прочных связей с влиятельными личностями. Через эти связи албанцев можно было убедить в том, что Австро-Венгрия большая и сильная, что она самый могущественный сосед Албании, который волнуется за ее будущее и желает ей благополучия. Эта стратегия виделась ему наиболее подходящей, учитывая обстоятельства и конкуренцию со стороны Италии и Греции, и он надеялся, что албанцы предпочтут Австро-Венгрию. В первую очередь албанцев впечатляли власть и богатство. По мнению Петровича, Австро-Венгрия имела преимущества по сравнению с Италией, и в этом отношении хороший пример представлял прогресс Боснии и Герцеговины под австро-венгерским управлением.

В конце января того же 1899 года Вена располагала следующими данными о связях в области Дураццо[1].

[1] HHStA. PA XII. K.312. Liasse XXXIII. Durazzo, am 29. Jänner 1899. Vizekonsul Winter. Stimmung der Albanesen im Sandschak Durazzo (Настроения и тенденции среди албанцев в санджаке Дураццо).

Относительно беев в Тиране вице-консул информировал, что многие из них заняты личными интересами и в то же время демонстрируют страх перед властями. Доказательство этого — тонкий комментарий губернатора: *«Тиранские беи живут в сравнительно нестабильном экономическом положении, несмотря на то, что они исключительно алчны. Если бы правительство (турецкое) предложило каждому из них место, которое будет гарантировать хороший доход, навсегда прекратились бы любые слухи и мы бы решили проблему с беями»*. По мнению Винтера, турецкий губернатор наилучшим образом обобщил суть вопроса. Возможно тот или иной бей и не продался бы за деньги, но большинство приняли бы их без колебаний.

Еще одна деталь, подтверждающая страх албанской знати, — ни один не решался посетить австро-венгерского вице-консула, хотя, большинство из них проезжали через Дураццо по торговым делам после того, как он вернулся из Тираны. Ни в Скутари, ни в Призрене, ни даже в Валоне беи не обнаруживали столь явного страха перед правительством.

Среди наиболее влиятельных фамилий из рода Топтани царил хаос. Было необходимо достичь мира между враждующими бандами, но это представлялось невозможным, поскольку пропасть, разделяющая их, была крайне глубока. Поэтому вице-консул считал, что Топтани не смогут иметь явного политического влияния. Относительно жителей санджака, Винтер полагал, что их пассивность в национальных вопросах отчасти объяснима. Они со всех сторон были окружены земляками и потому чувствовали себя спокойно в собственном доме, тогда как северные албанцы опасались соседних народов. Жители приграничных областей Албании были естественными первопроходцами в борьбе за национальную автономию, а жителей Центральной Албании этот вопрос касался лишь косвенно. Отсутствие солидарности среди народа в значительной мере объясняло его пассивность.

Говоря о настроениях жителей Центральной Албании, необходимо иметь в виду еще одно обстоятельство, которое особенно подчеркивал Винтер. Поскольку они жили более мирно, чем албанцы в приграничных областях, и чувствовали себя более спокойно в своих домах, то поддерживали и более лояль-

ные отношения с правительством и местными властями, по сравнению с соотечественниками на севере, вечно подозревающими, что кто-то угрожает их безопасности.

Последние недели меры безопасности, принятые на этой маленькой территории, отделяющей их от султана, стали жестче, видимо, в связи с поездкой принца Георга на Крит. Вице-консул предполагал, что люди, поддерживающие патриотическое движение в этих землях, склонны избегать албанского вопроса, поскольку при нынешних обстоятельствах и ситуации в государстве он казался неуместным.

Летом того же года вице-консул Винтер отправился в Тирану, хорошо подготовив это путешествие[1]. Вали Скутари был в Дураццо с рутинной инспекцией района, и вице-консул, воспользовавшись случаем, познакомился с этим представителем высшей османской власти. Он попросил вали подыскать ему дом на время пребывания там, и он нашел такой дом. Вице-консул отправился в Тирану 19 мая. Знакомство с вали означало, что народ, не испытывая опасений, будет расположен к нему.

У австро-венгерского вице-консула была та же задача, что и у вали — привлечь на свою сторону беев. Вали хотел склонить их к поддержке правительства в Константинополе, а вице-консул — к политическим целям Вены.

Вали должен был положить конец раздирающей регион кровной мести между двумя самыми знатными местными родами. Достичь этого он не смог, но у него были и другие задачи. Одна из них — улучшение образования, для чего предлагалось открыть новые школы, разумеется, турецкие. Население, однако, противилось этой инициативе, поскольку в дальнейшем необходимо было бы поддерживать эти школы, не располагая для этого средствами. Несмотря на это, турецкое правительство открыло одну школу в Тиране. Вали пытался улучшить коммуникации, насколько вообще возможно улучшить то, чего нет. Он предпринял строительство дороги из Дураццо через Тирану до Кавая.

[1] PA XIV. K. 24. Liasse XV. Durazzo. Bericht Nr. 9, den 15. Juli 1899. Vizekonsul Winter.

Вице-консул очень внимательно наблюдал за настроением народа и знати. Он пытался понять, кто является наиболее влиятельным лидером, кто располагает настоящей властью и авторитетом, как люди мыслят, как функционируют связи, как организовано общество, настолько закрытое и в корне отличающееся от венского, столь новое и не знакомое вице-консулу? Подтвердились предположения, что Топтани здесь — самый влиятельный род, и важнее всего — привлечь его членов на свою сторону. У вице-консула создалось впечатление, что знать расположена к вали, в отличие от народа, который был недоволен серьёзными злоупотреблениями администрации. Винтер установил связи с некоторыми представителями фамилии Топтани и пришел к заключению, что их симпатии принадлежат, в основном, младотурецкой партии. Они — патриоты, но не имеют политической программы, не знают, чего хотят, а знают лишь, чего не хотят.

Народ был недоволен и самими албанскими беями, которые также злоупотребляли властью. В то время не было бунтов лишь из-за страха перед османским правительством. Народ жил крайне бедно, правительство не делало ничего, чтобы ему помочь; будущее представлялось трагичным.

Общество делилось на четыре основных социальных группы: беи, аги, народ и представители центральной власти.

Винтер попытался наладить дружеские отношения с агами и вел подробные записи о тех из них, кто проявлял патриотические настроения.

Вице-консул констатировал, что в Тиране никто не считает Австро-Венгрию силой, которая могла бы оказать действенную помощь. Все хвалят австрийскую администрацию и ее достижения в Боснии, но никто не проявляет желания, чтобы ими управляли таким же образом.

В заключение своего доклада дипломат добавил, что без помощи самого австрийского правительства Вена не смогла бы в обозримом будущем привлечь албанцев из центральной части на сторону своих политических интересов.

Однако скоро положение изменилось, и в 1900 г. консул доктор Реми фон Квятковский в своих докладах описывал совсем иное отношение, гораздо более благоприятное для поли-

тических намерений Вены. Квятковский пребывал в Тиране со 2 июня по 10 августа 1900 г.[1] Казалось, турецкие власти уже привыкли к тому, что австро-венгерские консулы проводят летние месяцы в Тиране, и это не вызывало у них подозрений.

Но в этот раз тревогу забили греки, опасаясь, что подобные поездки имеют целью создание австрофильской партии в регионе. Часть турецкой администрации не обращала внимания на эти обвинения со стороны греков, но некоторые ее представители находили их важными.

В первую очередь Квятковский сблизился с представителями центральной власти. Теперь и албанские беи не опасались заводить с знакомство с консулом. Эта тактика дала хорошие результаты, а турецкие представители остались очень довольны его вниманием, любезностью и подарками.

Перемены, произошедшие за два года в отношении к представителю Вены у знати и даже простого населения, были очень ощутимы. Они уже не боялись его, посещали и приглашали к себе, ему удалось сблизиться и подружиться с самыми влиятельными людьми. Даже на прогулку он выходил уже не один, как прежде, его сопровождали представители властей под предлогом заботы о его безопасности. В сущности, они следили за каждым его шагом, но Квятковский был уверен, что для каждого представителя Австро-венгерии дорога сюда уже открыта. Консул четко различал сторонников правительства и остальных людей, но чтобы не демонстрировать своим поведением политических предпочтений, старался поддерживать со всеми одинаковые отношения. Подобное поведение оказалось очень дальновидным, вскоре консулу удалось сблизиться со всеми.

В том же году албанский бей впервые решился пригласить его в свой дом, без присутствия там представителей турецкой власти; это означало, что атмосфера страха и подозрительности разрушена.

Квятковский также отметил существенный рост политического самосознания народа, соответственно планам Вены. С одной стороны, усиливалось убеждение, что турецкая власть значительно ослабла, с другой — крепло чувство национальной

[1] HHStA. PA XIV. K. 24. Liasse XV. Durazzo. Bericht Nr. 18, den 24. August 1900. Vizekonsul Kwiatkowski.

общности. Это положение дел не шло ни в какое сравнение с ситуацией двух- и даже однолетней давности, когда народ всё еще был верен власти султана.

У Квятковского уже были доверенные лица, которые, благодаря своему влиянию и авторитету, помогали ему распространять и развивать национальные чувства у албанцев.

Во время каждого своего визита консул внимательно анализировал психологический портрет своих собеседников, а затем разрабатывал детальную стратегию: с кем и как долго можно будет работать в будущем. У него создалось впечатление, что дети сторонников правительства всё чаще проявляют интерес к албанскому языку, и он предположил, что можно рассчитывать на их поддержку.

Рост интереса к албанскому языку стал особенно заметен с ростом числа учеников католической школы, где он сам преподавал. Когда Квятковский начинал свою деятельность, занятия там посещали всего четыре ученика, затем шесть, а теперь уже четырнадцать, из которых девять были мусульманами. Появились люди, желавшие брать частные уроки албанского языка у учителей католической школы, поскольку боялись учить его открыто и публично. Большой интерес вызывали книги для чтения, изданные в Софии и Бухаресте, уже ощущалась необходимость в новых изданиях.

Чтобы лучше понять суть подобного развития национальных чувств среди албанских мусульман Тираны, необходимо рассмотреть, на фоне каких социальных и политических реальностей это происходило. В своих донесениях вице-консул писал, что османская власть держала народ в невежестве и бедности из-за непомерных налогов. К этому добавлялась также обязательная военная служба, отнимавшая у народа множество свежих сил. Безоговорочно власть поддерживали лишь самые коррумпированные слои. Здесь никогда не делали ничего для строительства новых школ или дорог. От этого страдало, прежде всего, местное население, но улучшения не наблюдалось. Например, зимой во всем вилайете не было ни одной проходимой дороги. Дорогу от Дураццо до Тираны лишь наметили, но так и не проложили. Сельское хозяйство оставалось очень архаичным и примитивным. Население совершенно не было

уверено в безопасности своей жизни и имущества. Процветал бандитизм, который уже достиг городов. Жандармерия, обязанная с ним бороться, была слишком слаба, жалования не платили по 12–14 месяцев.

В такой ситуации местные жители все чаще обращали взгляды за границу с надеждой хоть на какое-то улучшение. Из великих держав их более всего привлекала Австро-Венгрия, на втором месте была Англия. Но лишь в Австро-Венгрии они видели реальную надежду на помощь и защиту перед турецким правительством. Сам факт сосуществования в империи стольких народов казался гарантией того, что права албанцев также будут соблюдаться.

Большинство беев были разорены и вынуждены использовать любые средства, чтобы сохранить хотя бы свою власть. Они владели обширными землями, но выращивали в основном кукурузу, которая приносила весьма незначительные доходы. Было только шесть относительно богатых беев, остальные едва сводили концы с концами при помощи всевозможных спекуляций.

Несколько лучшее экономическое положение было у Аги, которых часто противопоставляли беям. Из них, однако, только двое действительно обладали авторитетом как среди местного населения, так и у султанской власти.

Правительство пыталось привлечь на свою сторону беев и помешать их сближению с Австро-Венгрией, но эта тактика была провальной, и правительство постепенно теряло последних сторонников. В сущности, влиять на беев не мог никто, в том числе и мусульманские религиозные лидеры.

По мнению вице-консула, важной характеристикой области была такая ситуация, что и речи идти не могло о нормальном управлении и правосудии, поскольку беи либо блокировали любые зачатки подобной деятельности, либо сами брались за нее так, как считали нужным. Турецкие жандармы ввели «частную» справедливость, которую распространяли за денежное вознаграждение. По этому поводу вице-консул писал: «жаль людей, которые ищут истинную справедливость!».

Единственной заботой местной администрации стало увеличение налогов. Поскольку Дураццо, Кавая, Шияк и Тирана

были источниками финансирования вилайета Скутари, финансовые органы использовали все способы коррупции и произвола, чтобы удовлетворить неотложные экономические нужды вали Скутари. Они не колеблясь давили даже на собственных военных и полицейских. Так, например, мютесариф Дураццо отправил в тюрьму 100 солдат, вернувшихся домой после увольнения со службы, за неуплату обязательных налогов. Это было неправомерно, поскольку задолженность по налогам военные гасили через специальные купоны, которые выдало им правительство, чтобы расплатиться с местной властью. Тогда остальные военные захватили местную администрацию и не трогались с места до тех пор, пока из Константинополя не прислали подписанный султаном документ, подтверждающий платежную стоимость представляемых купонов.

Подобные действия и неподчинение оказались успешными; жандармы решили последовать этому примеру и прекратили выполнять свои обязанности до тех пор, пока им не будет выплачена хотя бы часть положенного. Квятковский предсказывал, что такие события будут повторяться и в дальнейшем, поскольку практика показала их действенность.

Чтобы сохранить хорошие на тот момент отношения с Константинополем, турецкие представители в Тиране попытались переложить вину за беспорядки на Квятковского. Формальным поводом для этого послужила угроза мятежников, что если правительство не удовлетворит их требования, они выдвинут их австро-венгерскому вице-консулу.

Квятковский посетил вали — местного представителя турецкого правительства — и объяснил ему, что встреча любого австро-венгерского дипломата с бунтующими подданными султана совершенно немыслима. Он ловко использовал этот случай, чтобы заручиться доверием вали, которое позже было крайне полезно при его работе среди албанского населения.

На основании анализа этих событий Квятковский сделал оптимистичные заключения о будущем австро-венгерских планов. Тирана всегда была очень лояльна по отношению к султану, но протесты и беспорядки доказали, что в их отношениях наступили серьезные перемены. Было тлеющее недовольство, но, несмотря на относительно сложное положение

народа, проведение обещанных реформ по-прежнему откладывалось[1]. Сторонники турецкой власти уже не ждали от нее ничего хорошего, и их число уменьшалось день ото дня.

Появилась и начала развиваться новая идея — лишь извне может прийти улучшение, а конкретно — только Австро-Венгрия способна помочь. Это мнение распространяли друзья вице-консула, но, к сожалению, не знали, как именно будет осуществляться эта помощь. Некоторые видели решение в создании автономного государства, другие считали, что Албания неспособна организовать собственную администрацию, по крайней мере в ближайшие годы. Но все были едины во мнении, что единственный способ достичь чего-то конкретно — напугать султана. Сторонники Вены верили, что она им поможет, если восстание начнется раньше условленного времени. Население, однако, выглядело недостаточно подготовленным для подобного рода инициатив. Поэтому было очень важно учить албанский язык, зажигать и поддерживать огонь национального самосознания, и лишь когда патриотические чувства пустили бы здоровые корни, стоило подумать о более решительных шагах.

Квятковский докладывал в Вену, что некоторые из его знакомых подумывают о путешествиях ради обмена мнениями с соотечественниками и подготовки почвы для дальнейших действий. Другие думали о поездках в католические провинции, чтобы предотвратить возможные столкновения между мусульманами и христианами. Важный поворот в настроениях должен был произойти при поддержке Веной развития албанс-

[1] Речь идет о реформистских намерениях властей после болгарских восстаний в Македонии, которые последовали из-за резни и массового уничтожения болгар и их переселения из Македонии османской армией и добровольческими отрядами. В 1900 г. уже имели место активные действия вооруженных болгарских чет (прим.перев — добровольческих отрядов того периода.) в этом районе, что тревожило великие державы, которые уже не хотели заниматься этим регионом. Но ситуация ухудшалась, и в 1902 г. в Македонии разразилось массовое восстание болгар, которые уцелели в результате геноцида 1878 г. Результат был такой же, как при геноциде армян в азиатских провинциях Османской империи — массовая резня, разруха, эмиграция. Начиная с этих трагичных событий болгарский вопрос был заморожен вплоть до Балканских и двух Мировых войн.

кого языка. Беи были исключительно благодарны Австро-Венгрии и ожидали от нее помощи. В принципе, они были готовы стать частью Габсбургской монархии, но их тревожили внутренние проблемы Албании. Вице-консул писал, что не будет удивлен, если скоро его попросят о конкретной помощи в открытии албанских школ.

Вена была довольна новым развитием дел в Дураццо и просила у вице-консула более подробной информации об албанской знати, симпатизирующей патриотическому движению в своей провинции[1].

Квятковский подготовил доклад[2] со списком из семи человек в таблице с двумя столбцами: в первом значилось имя, во втором — биография и другие данные, в том числе и психологический портрет каждой из упомянутых персон. Все они были из семейства Топтани.

В следующем, 1901 году вице-консул Квятковский вновь отправился в Тирану и оставался там с 6 июня по 11 августа[3]. За это время положение в городе значительно ухудшилось. Друзья и сторонники Вены были сильно напуганы арестами ал-

[1] HHStA. PA XIV. K. 24. Albanien Liasse XV. Erlass Nr. 338. Wien, am 23. November 1900. То же распоряжение под номером 340 было отправлено Кралу, тогда еще вице-консулу в Монастире. Крал ответил докладом № 73 от 10 декабря 1900 г. (HHStA. PA XIV. K. 24. Bericht Nr. 73. 2 Beilage. Monastir, am 10. Dezember 1900.Vizekonsul Kral an Goluchowski) с приложением двух списков, которые он отправил также австро-венгерскому посланнику в Константинополе. Как и у Квятковского, список содержал немного имен. Это были наиболее видные албанские патриоты вилайета, которые благодаря своему социальному положению, авторитету, состоянию и деятельности оказывали благоприятное влияние на национальные процессы. Список № 1 содержал, по словам Крала, только их имена, разделенные по районам. В левой части значились лица, которых он знал лично, а в правой — те, о которых он располагал подтвержденной информацией. Значимость каждой из этих персон пояснялась заметками и примечаниями. Список № 2 дополнял первый, представляя биографические и прочие данные, что могло бы помочь представить общую картину.

[2] HHStA. PA XIV. K. 24. Liasse VX. Bericht Nr. 109/res. Durazzo, den 10. Dezember 1900. Kwiatkowski an Goluchowski.

[3] HHStA. PA XIV. K. 24. Liasse VX. Bericht Nr. 20. Durazzo, den 3. September 1901. Kwiatkowski an Goluchowski.

банцев, подозреваемых в измене султану и правительству. Некоторых из друзей Квятковского уже отправили в изгнание. Вали разрешил вице-консулу остановиться у одного из его албанских друзей, но все явно испытывали сильный страх. Многие люди, которые в прошлом году общались с Квятковским без каких-либо затруднений, теперь отказались посетить его. Квятковский, чтобы не остаться в полной изоляции и бездействии, был вынужден первым наносить визиты, а это противоречило местным обычаям. Число его друзей не увеличивалось, но он отмечал, что национальное чувство у людей возросло. Благодаря подходящим советам, терпеливому и тактичному поведению, Квятковский в эти сложные времена смог постепенно привлечь к национальной идее новых приверженцев.

Со временем число учеников католической школы значительно уменьшилось, поскольку на мусульман, которые ее посещали, смотрели косо, однако всё больше людей учили албанский. Около 25 человек брали частные уроки, чтобы научиться читать и писать на своем родном языке. Во время своего пребывания в городе вице-консул раздал около 300 экземпляров книг и публикаций, пропагандировавших национальные идеи Наима бея. В Тиране уже читали журнал «Албания». Небольшая группа местных патриотов собирала пожертвования, которые отправляли за границу для издания книг на албанском языке. Квятковский полагал, что если создать больше подобных групп, вся территория деятельности австро-венгерских дипломатов может быть покрыта агентурной сетью.

Беи демонстрировали больший интерес к родному языку по сравнению с предыдущим годом и были готовы на более решительные шаги. Им казалось, что события развиваются очень медленно, они верили, что если ничего не предпринимать, Австро-Венгрия не придет на помощь и они никогда не добьются национальной независимости. Беи не ожидали, что султан дарует им автономию, школы или просто сам улучшит их положение. Им казалось, что самый подходящий момент для решительных действий — когда Порта занята другими делами, но он еще не наступил. Некоторые беи планировали отправиться в горные области с католическим населением, чтобы подготовить его к совместному восстанию с албанцами Тира-

ны. Всё остальное они оставляли в руках Вены и с доверием ожидали помощи оттуда.

Эти планы заставили Квятковского нервничать: он настоял на том, чтобы беи ничего не предпринимали, поскольку связи между разными кланами были недостаточно крепки. Албанское восстание еще не было достаточным мотивом для вмешательства великих держав. Пока требовалось сосредоточиться на просвещении населения, усилении национальных чувств и распространении албанской азбуки как в городах, так и в провинции.

Один из беев, друг Квятковского, выучил азбуку и начал преподавать людям письмо и чтение. Другой бей, у которого было три школы, позволил в одной из них неофициально вести преподавание на албанском, но без учебников на этом языке. Третий, владевший обширными землями до Круя, распространял албанскую азбуку так интенсивно, что Квятковский надеялся: скоро вся область от Тираны до Круя научится читать и писать на албанском. Квятковский был впечатлен бескорыстием беев и готовностью к жертвам, но его тревожило их нетерпеливое желание увидеть быстрые результаты.

Несмотря на ухудшение своего экономического положения, беи не жаловались вице-консулу. На фоне общей разрухи в этой части Османской империи их обширные земли были все менее прибыльны, они страдали от налоговых злоупотреблений и нарастающего насилия. Беи удалились в свои владения и приезжали в Тирану лишь изредка. Они всё еще сохраняли влияние среди своих подчиненных, но уже утратили его в городах из-за недоверия местных управленцев и коррупции в кругах администрации.

Национальная идея быстро распространялась среди албанцев, но города и администрация оставались верны султану и правительству. Вице-консул отмечал, что ни один албанец с патриотичной и проавстрийской ориентацией не мог иметь влияние в Тиране и ее окрестностях. Единственный действительно влиятельный албанский бей, к сожалению, был грекофилом. Остальные проявляли нерешительность или склонность к меркантильным интересам, и рассчитывать на них было невозможно.

Центральная власть со своей стороны усилила бдительность. Все албанские друзья вице-консула и патриоты находились под строгим наблюдением. Сам вали, который два года назад симпатизировал национальной идее, теперь прямо запрещал некоторым из приближенных вице-консула в интересах их же безопасности заниматься в будущем албанскими вопросами. На практике стало ясно, что в кругу доверенных лиц Квятковского есть информатор противоположной стороны, поэтому представители власти в короткое время узнавали все подробности. Кроме того, в последнее время во власть стали проникать невероятно коррумпированные, но верные ей люди.

Вице-консул очень внимательно изучал психологические портреты каждого из представителей власти, чтобы понять, на кого и в какой степени можно было бы рассчитывать, а кто стал бы противником его планов. К счастью для австро-венгерских деятелей, один из самых высокопоставленных представителей центральной власти в Тиране был сторонником распространения и изучения албанской письменности, а это позволяло рассчитывать на его поддержку в ближайшем будущем. Но Квятковский опасался, что этот высокопоставленный чиновник не скрывал своих симпатий в албанском вопросе, и мог быть именно поэтому вскоре отстранен от своей должности, что нанесло бы планам Вены большой ущерб.

Казалось, что около 90% населения, в том числе исламские духовные лица, были против правительства султана из-за плохого управления и растущей коррупции и публично выражали свое мнение. В тот год (1901) преподаватели ислама в турецких школах часто заявляли, что прекратят работу, если им не будут выплачены полагающиеся зарплаты за 20 или даже за 24 месяца. И они действительно закрывали школы и передавали ключи каймакаму — местному представителю власти. Лишь после долгих переговоров каймакам смог убедить их вернуться в училища.

Того же требовали офицеры султанской армии. Недовольство было массовым, но национальное самосознание народа еще не пробудилось от глубокого сна. Люди даже не понимали, что будут делать и каких перемен хотят. Никто не верил,

что может действовать самостоятельно, никто не верил в свои силы. Недовольство лишь делало их чуть более уверенными в себе, по сравнению с предыдущими годами. В таких условиях легко распространялась мысль, что лишь Австро-Венгрия может им помочь.

Военные, которые бунтовали в прошлом году, теперь были готовы на это снова, но в этот раз намеревались пойти прямо к австро-венгерскому представителю. Последовало несколько арестов, но это привело лишь к росту недовольства.

Бандитизм, насилие, тревога за свою жизнь и имущество по-прежнему были основными проблемами населения. Кроме того, никто, и даже турецкое правительство, не могли искоренить институт кровной мести. Правители позволяли совершать отмщение, считая, что это справедливо, а после никто не преследовал и не наказывал виновных. При этом малейшее подозрение в политической деятельности было достаточным для заключения в тюрьму или отправки в ссылку. Само слово «политика» вызывало страх среди людей.

Надежда на то, что Австро-Венгрия поможет албанцам, настолько укоренилась в их сознании, что они не могли и подумать о вмешательстве Италии. Можно утверждать, что Центральная Албания, и в том числе Эльбасан, были безразличны к итальянским стремлениям. Возможно они испытывали лишь любопытство к итальянской политике, но не придавали значения итальянским представителям. Ходили и смутные слухи о том, что Черногория может оказать влияние на политику Рима благодаря тому, что их династии недавно породнились.

Лишь беи имели право высказывать мнение о структуре албанского кланового феодального общества, но они считали, что Италия — это относительно гомогенная страна, и если албанцы присоединятся к ней, то будут ассимилированы и исчезнут как народ. Интерес к ним итальянцев казался корыстным и направленным на иные цели.

Интерес же Австро-Венгрии к албанцам, напротив, казался им приемлемым, поскольку внутренняя структура империи позволяла сосуществование различных этнических групп. Кроме того, держава Габсбургов была сильна и могла помочь им экономически. Как бы Италия ни стремилась, она не могла

оказать им такую помощь, поскольку не была в состоянии помочь даже собственным подданным.

В заключение Квятковский сделал вывод, что Италия уже не пользуется симпатией среди неформальных албанских лидеров в области Тираны, все их надежды обращены к Австро-Венгрии. Но беи и аги ожидали большей инициативы со стороны Вены, в первую очередь по отношению к мусульманскому населению Центральной Албании. Комментарии о щедром финансировании католического клира, которое не давало ничего для объединения албанцев, и отсутствие внимания к католикам и мусульманам Центральной Албании, были восприняты как значительная критика политики Австро-Венгрии.

В следующем, 1902 году положение в Тиране стало еще более напряженным[1]. Вице-консул столкнулся с затруднениями при поиске дома поблизости к беям, с которыми он хотел бы чаще встречаться. По мнению Квятковского, его противники создали эти проблемы. Решить их ему удалось лишь наполовину, в итоге он поселился в доме, не столь удобном для контактов, которые хотел бы поддерживать с местной знатью. Поэтому ему пришлось сократить свое пребывание в городе и пробыть там лишь с 9 июля по 8 сентября.

Существенные изменения произошли в структуре местной власти — на самые важные места были назначены новые лица, таким образом центральное правительство усилило свое влияние в Тиране, насколько это было возможно. Подобные меры вызвали ответную реакцию беев, и они еще летом заключили нечто вроде союза с албанцами в горах, что давало им большую поддержку на предстоящие сложные времена.

Новый губернатор Тираны поставил перед собой задачу укрепить позиции центральной (константинопольской) власти, пошатнувшиеся из-за недовольства плохим управлением и всё более популярной идеи национального единения.

С другой стороны, приверженцы национальной идеи сделали решительный шаг, когда привлекли в свои ряды нового члена из фамилии Топтани, который был самым богатым беем и имел наибольшее влияние в своем роду, а, следователь-

[1] HHStA. PA XIV. K. 24. Liasse XV. Bericht Nr. 8. Tirana, den 6. September 1902. Kwiatkowski an Goluchowski. Fol. 95–108.

но, и во всей области[1]. Для Квятковского это был большой успех, поскольку фамилия Топтани привлекла его внимание еще до того, как он начал свои летние путешествия в Тирану. Более того, установить контакты с фамилией Топтани было одной из основных целей его путешествий.

Центр власти находился не в здании управления, а в доме одного из беев, поскольку его личные связи и большое влияние заменили неработающую администрацию и правовые структуры. Квятковский смог сдружиться с этим человеком — лидером патриотически настроенных албанских граждан.

Этот неформальный лидер был очень активен и работал без устали для привлечения новых сторонников. К сожалению, его финансовое положение было нестабильно, и Квятковский опасался, что тот может согласиться принять помощь, возможно, и от какой-то другой, хотя и неверной стороны.

В развитии национальной идеи, однако, наметился явный прогресс, когда к ней присоединились исламские лидеры округи, тем более, что в Тиране они были наиболее фанатичны.

Группа торговцев, или так называемые аги, несмотря на частые пререкания с беями, также понемногу присоединялись к национальным силам. Наиболее красноречив пример одного аги, который в своем завещании указал значительную сумму, которую следовало потратить на развитие албанского национального движения.

Множество взглядов было устремлено к школе в Тиране с преподаванием на албанском языке. В то время там учились 11 мусульман, 3 православных и 3 католика. Количество мусульман в школе не возрастало из-за многочисленных препятствий, чинимых властями. Вице-консул считал, что без таких ограничений мусульман было бы там значительно больше. Сейчас же существовала опасность, что в следующем году школа останется пустой, если только не увеличится число учеников-христиан.

Беи верили в Австро-Венгрию и связывали с ней надежды на свою национальную независимость. Вице-консул прилагал усилия, чтобы убедить их отказаться от преждевременных

[1] Интересен тот факт, что в своем гареме он ввел чтение албанских газет.

и непродуманных инициатив, но не мог помешать им рассчитывать на помощь Вены в открытии новых албанских школ и защиту их от Порты.

Недовольство беев медленным развитием албанского вопроса по сравнению с прошлым годом выражалось более явно. Им не нравилось, что независимость их страны зависит от распада Османской империи и может отодвинуться на неопределенное время. Они понимали, что в данный момент не имеют достаточно сил для самостоятельных действовий, но также знали, что разорятся, если ничего не переменится.

Италия уже не была соперником для Австро-Венгрии в этом регионе; она больше не могла консолидировать людей с их энергией, сделать это могла лишь Австро-Венгрия. Италия тогда активно открывала консульства, почты, школы, однако Австро-Венгрия давно уже это сделала. Народ больше не симпатизировал Италии, любопытство вызывало только ее взаимодействие с Османской империей.

Отношения Квятковского с беями становились всё более близкими, доверие к нему постоянно возрастало. Это проявлялось также и в общении женщин из гаремов беев с его супругой и свояченицей. Квятковский по старому албанскому обычаю даже позволил одному из беев подстричь волосы своему сыну. Этот жест означал, что они почти породнились, и произвел очень хорошее впечатление на беев, которые верили в искреннюю дружбу вице-консула и были польщены, что он ее ценит и считает их равными.

Каково же было положение в противоположном лагере, среди сторонников правительства? Согласно наблюдениям Квятковского на местах, эти люди были на стороне Турции не потому, что одобряли ее методы управления, а потому что думали о личной выгоде и власти, надеясь получить это благодаря лояльности к султану. Не будучи категорически против албанского вопроса, они действовали путем тайных доносов, что вселяло страх в людей. Неудивительно, что у них всё еще были сторонники. В силу этих обстоятельств между протурецки и проалбански настроенными беями существовал явный антагонизм, но при этом не было личной вражды. Протурецкие элементы не симпатизировали никакой власти, но чтобы про-

тивопоставить себя проалбански настроенным, которых они называли австрофилами, предпочитали поддерживать Италию.

Трое губернаторов, которым было поручено заниматься албанским вопросом, получили назначение совсем недавно. Было неизвестно, какие действия они предпримут, поэтому вся деятельность администрации оказалась парализована. Но вместе с тем было ясно, что правительство сосредоточило свое внимание на беях. Их либо вербовали в свой лагерь при помощи подарков, либо отправляли в тюрьму или ссылку. В тот момент не были предприняты действия против проалбански настроенных беев, возможно в силу их отношений с горским племенем мализоров, которые готовы были в любой момент взбунтоваться. Население Тираны также искало конфронтации, поскольку было уже не в состоянии платить непосильные налоги. Проблема правительства была в том, что оно не только плохо управляло, но и не имело ясных идей и четких планов на будущее. Даже представители высшей власти не могли решить между собой, какие действия требуется предпринять. Их личные характеристики и взгляды были настолько несовместимы, что и действовать совместно они не могли. Вице-консул считал, что при всех попытках беев действовать осторожно, акты насилия были неизбежны. Правительство предпринимало драконовские меры, чтобы держать народ в постоянном страхе. Были открыты новые полицейские участки и тюрьмы, где содержались самые опасные преступники. Все выплаты жандармам производились только после того, как будут собраны все налоги с населения.

Область Малсию никогда не посещал никто из иностранцев, кроме австро-венгерского вице-консула. Она расположена между горами Дайчи на западе, реками Арзен и притоками Мати на юге и востоке, а на севере — у реки Теркар. Область разделена на две горные местности: Бену на западе и Тамале на востоке. В нее входило 23 села с населением от одной до трех тысяч человек. По оценке Квятковского, там жили около 10 тыс. сербов, хотя сами они считали, что их 15 тысяч.

В административном отношении б**о**льшая часть Бена принадлежала провинции Мати и Челе. После проведения нового административного деления с целью ослабления региона по-

явилась новая административная единица, которая называлась Тиранская Малсия. Здешние жители платили налоги редко и лишь тогда, когда этого требовали беи из Тираны. Также они не посылали рекрутов в армию, а при возникновении каких-то проблем решали их согласно обычаям племени. Как правило, решение принимали старейшины, если же они не могли разобраться — обращались к беям в Тиране. Две этих части, западная и восточная — Бену и Тамале, не имели общей организации, но за год до этого заключили союз между с собой и тиранскими беями о взаимной защите от правительства. Так что лишь тиранские беи, друзья Квятковского, могли оказывать на них какое-то влияние.

Власть полностью оставила этот район на произвол судьбы. Экономическое положение было плачевно: ни земледелия, ни торговли; люди добывали пропитание, занимаясь скотоводством. Зимой многие из них отправлялись за границу, чтобы как-то пережить этот период. Никаких коммуникаций не существовало. Эта область была абсолютно не изучена, и вице-консул считал крайне полезным посетить ее.

Итальянская пропаганда в этих провинциях никак не проявлялась, но Квятковский опасался, что она возымела бы успех, если бы сопровождалась деньгами. Его итальянский коллега намеревался провести некоторое время в центральных районах страны, но был плохо встречен албанскими националистами, друзьями Квятковского, затем ухудшились его отношения с турецкими властями, и он отказался от своих планов. Православные жители Тираны были влашского происхождения и настроены проалбански. Также в городе было лишь пять католических семейств, и они хотели, чтобы сюда переселились несколько обедневших мализорских родов, которые могли усилить их влияние. Тогда оживилась бы и католическая школа, но эта инициатива требовала больших средств.

В городе Кавае и его окрестностях, по мнению Квятковского, народ был абсолютно безразличен к албанской идее. Численность населения там составляла около 22 000 человек. Причина этого безразличия коренилась в том, что два главных наследника этих земель не проявляли никакого интереса к албанской проблеме. Они испытывали симпатии к Австро-Вен-

грии, поскольку император Фердинанд Максимилиан некогда охотился в тамошних землях и отправил их отцу подарок. Вице-консул информировал, что не переставал поддерживать хорошие отношения с этими двумя братьями все четыре года своего пребывания.

В минувший год он принял приглашение и провел один день в их доме в Кавае. Однако турецкий наместник обвинил хозяина дома в попытке заговора и отправил заптие, чтобы те его арестовали. Тогда хозяин сбежал в горы и скрывался там на протяжении трех месяцев. Таким образом местная власть дала ему понять, что они могут стать врагами, хотя на деле он был единственным из немногочисленных беев, кто не занимался политикой. Турки осудили братьев на три года тюрьмы, но потом простили и помиловали. С этих пор их влияние и авторитет среди населения возросли, грубые действия объяснили их независимым нравом. Репутация турецкого чиновника, который пытался посадить их в тюрьму, напротив, пострадала.

В 1903 г. положение в Тиране, по сравнению с предыдущим годом, значительно ухудшилось[1]. Уже в начале года слово «реформы» стало ключевым, хотя никто на практике не разбирался, что это такое. Улучшится ли политическое и экономическое положение? Останется всё по-прежнему, или станет еще хуже?

Мусульманское население пребывало в большом напряжении по причине событий в Сербии и угрозы войны из-за ухудшения ситуации в Македонии. Народ чувствовал себя неуверенным также из-за экономических проблем и непосильных налогов турецкому правительству.

Вместо того чтобы использовать этот сложный для Порты момент и объединиться, албанские лидеры, по мнению Квятковского, вновь демонстрировали, что погрязли в зависти и разногласиях.

Так, группа патриотично настроенных беев из Тираны раскололась по экономическим причинам, то же произошло и в Эльбасане. Беи обоих городов повздорили и между собой. Порта была очень близка к своей цели полностью расколоть проалбанское ядро, пригласив некоторых из беев в столицу

[1] PA XIV. K. 24. Liasse XV. Bericht Nr. 28. Durazzo, den 19. Dezember 1903. Kwiatkowski an Goluchowski.

и предложив им высокие должности. Константинополь воспользовался их желанием наживы, чтобы навсегда избавиться от албанских местных патриотов.

Население было сильно угнетено и теряло последние надежды. Администрация Порты предпринимала жесткие меры, например, в Косовском вилайете, в сущности уничтожая албанскую независимость.

Албанские беи со своей стороны не понимали, почему Австро-Венгрия поддержала Россию в вопросах реформ, поскольку их целью было закрепление власти султана, что не благоприятствовало дальнейшему решению албанского национального вопроса. Они обвиняли монархию Габсбургов в том, что та стала союзницей России, и добивались решительных мер в отношении преступных албанских элементов, которые, по сути, боролись против Греции и их трудно было отделить от патриотов.

Репрессии ужесточались, в Тиране опасались, что укрепление центральной власти может иметь отрицательные для них последствия, а население Скутари, Дебара, Мати и горных областей может, вслед за косовскими албанцами, отправиться в заточение. Их интересовало, заступится ли кто-нибудь, если будет принято решение о массовом переселении албанцев. Россия не поддержала болгар, выступавших в Македонии, но смогла добиться амнистии или смягчить приговор для некоторых из них.

Албанцы опасались, что турки не признают их отдельной народностью. Если нет –уже никто не смог бы им помочь, поскольку остальные народы Балканского полуострова были признаны и этнически обособлены.

Патриотически настроенных албанцев более всего беспокоили события в Македонии. Они надеялись, что если Македонии удастся получить особый статус, то, когда-нибудь это удастся и Албании. Зная по собственному опыту систему турецкого произвола, не только беи, но и часть турецкой администрации симпатизировали бунтующим болгарам. Хотя албанцы были решительно настроены бороться до конца, если болгары и сербы захотят расширить территорию до побережья, они не скрывали своего восхищения храбростью их сопротивления и самопожертвованием.

По мнению вице-консула, если, несмотря на эти противоречивые чувства, албанцы в конце концов предпочтут константинопольское правительство, это будет основано, прежде всего, на религиозном фанатизме некоторых горных племен, которые прикрывались им в сложные моменты, но использовали в основном для прикрытия желания грабить соседние племена. В случае войны с Болгарией султан мог полностью рассчитывать на поддержку албанцев. Вице-консул знал это из надежных источников.

Последние дни пребывания Квятковского в Тиране беи часто обсуждали, какая из великих держав вмешается, если македонский вопрос потребует иностранной интервенции, а какая могла бы обеспечить автономию Албании. У Квятковского осталось впечатление, что беи сомневаются: действительно ли Австро-Венгрия поможет им чем-то, помимо хороших советов.

В 1907 г. австро-венгерский представитель подготовил обобщающий доклад о трех своих летних пребываниях в Тиране, во время которых он установил связи с местной знатью[1].

Тирана была национальным центром, имевшим большое политическое значение для Албании; поэтому вице-консул начал доклад с краткого изложения условий жизни местного населения и дал краткую характеристику авторитетным лицам города и округи. Из доклада следовало, что Центральная и Северная Албания еще раз доказали: географически разделенные районы представляют собой параллельные миры, с различными интересами, точками зрения и обычаями. Жители этих разноликих областей, столь чуждых своим соседям, имели настолько мало связей между собой, что у человека оставалось впечатление, будто и теперь (в 1907 г.) не изменилось ничего со времен долгой, залитой кровью истории страны.

Тирана не была исключением, представляя собой замкнутую область. Любой мог бы географически ее очертить с точностью до миллиметра, если принять за южную границу реку Арзен, за северную — реку Мати, за восточную — гору Круя; за-

[1] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse V/I. Albanien V: Alb. Patrioten I Allgemeines 1900–1909, Durazzo, am 19. März 1907. Indiciert: am 12. April 1907. An S. Exc. Den hochwolgeborner Herrn Alois Lexa Freiherrn von Aehrenthal, etc. etc. etc.

падной границей была горная цепь, дальние вершины которой простираются до мыса Родони.

Центральной фигурой, на которой держалось всё, был бей. Почти три четверти обрабатываемой земли находилось в руках различных землевладельцев, преимущественно из семейства Топтани. Представители этого рода являли собой настоящую касту и пользовались влиянием на население и административные структуры на территории более 600 км². Это можно объяснить лишь тем, что в стране господствовали феодальные отношения.

Феодал располагал почти неограниченной властью как на собственных землях, так и в окрестных селах со свободными жителями. Он вершил суд, разрешал споры, мог совершать кровную месть от имени других лиц, поскольку располагал сильнейшим инструментом влияния — сдавал землю под поземельную десятину. Даже правительство не могло ничего сделать против этих «самодержцев». Их гегемония в стране и влиятельные друзья в столице сделали невозможными любые попытки влияния центральной власти на внутренние дела.

К счастью для правительства, в отношениях между беями царила неразбериха, что было типично для албанцев с давних времен. Хотя они поддерживали прочные семейные связи, их не интересовало ничего, кроме забот о собственном благополучии. В очень редких случаях беи собирались, чтобы принять какое-либо решение или вместе выступить против правительства. Многие из них были просто очень расчетливыми — они противопоставляли себя османской власти, поскольку ожидали получить личные блага в случае предполагаемой смены системы. В сущности, они смирились и подчинялись султану как «верховному повелителю всех верующих», хотя критиковали его действия и произвол в стране.

Пример такого двойственного сознания беев — отношение к русско-японской войне 1904–1905 гг. и к болезни султана в предшествующем году. Во время войны каждая победа японцев вызывала настоящее ликование не только потому, что становилась унижением давнего врага Османской империи — России, но и поскольку беи считали, что японцы, не христиане по религии, ближе к мусульманам, чем славяне.

Подобный образ мыслей показывает, насколько глубоки были корни религиозного фанатизма в сердцах беев и других жителей Тираны. Поэтому не совсем понятно, почему, когда султан тяжело заболел, они злорадствовали и желали ему смерти. Вероятно, они надеялись, что смена власти приведет к переменам, которых так терпеливо ждали, хотя и не знали, что предпринять для их осуществления.

По отношению к христианскому населению, точнее к ратаям и приверженцам католической веры, беи традиционно были толерантны, даже помогали им при строительстве и ремонте церквей и частных домов.

В ответ на декрет № 339 от 23 ноября 1900 г.[1] австро-венгерский представитель в Валоне выслал министерству список имен патриотически настроенных влиятельных лиц провинции, сопроводив его своими заметками. Тут проявилась главная проблема австро-венгерской политики в Албании — желание представить ситуацию лучше, чем она есть на самом деле. Это приводило к тому, что сотрудники министерства закрывали глаза на действительные проблемы настолько долго, насколько это было возможно.

В своих заметках вице-консул писал, что национальное движение в Албании делало ощутимые, хотя и медленные шаги: возрастало число желающих читать и писать на албанском языке, люди интересовались албанскими газетами. Идея автономии страны, хотя и была достаточно неопределенной, пускала в сознании населения всё более глубокие корни. Хотя национальное движение расширялось и привлекало новых сторонников, австро-венгерский консул сожалел, что людей с истинно патриотическими убеждениями всё еще недостаточно. Иногда ему казалось, что изучение албанской письменности воспринималось как мода, даже как некая игра. В другой раз он думал, что таким образом осуществлялись чьи-то неясные амбиции. Нечто подобное произошло и с понятием «национальная автономия». Произнося эти слова, все вкладывали в них разный смысл. Если одни надеялись, что автономия при-

[1] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse V/I, Albanien V: Alb. Patrioten I Allgemeines 1900–1909. Valona, den 11. Dezember 1900. An S. Exc. Den Hochgeborenen Herrn Agenor Grafen Goluhowski.

несет им школы, газеты, культурный прогресс, свободную национальную жизнь, то патриоты Валоны ждали, что благодаря автономии у них будет возможность спокойно управлять этими землями. Но несмотря на всё это, нельзя было отрицать, что национальное движение развивалось, особенно среди молодежи. Это давало надежду на то, что следующее поколение, возможно, будет обладать национальным самосознанием, если, конечно, исламский фанатизм не помешает этому процессу. По мнению вице-консула, нельзя было пренебрегать нарастанием фанатизма, учитывая, что до недавнего времени южные албанцы были равнодушны к религиозным вопросам.

Консул Петрович подробно информировал министерство о своем летнем пребывании в Берате, которое в 1901 г. охватывало период с 12 июня по 14 августа[1].

Примерно за год до этого османское правительство начало обращать гораздо больше, чем прежде, внимания на албанское национальное движение. И до этого албанские книги и газеты были запрещены, а за албанофилами в Валоне и Берате власти следили, но теперь контроль стал еще серьезнее, поскольку существовала непосредственная угроза Османской империи[2].

[1] HHStA. PA XIV/B. K.24. Liasse XV: Alb. Patrioten. Bericht Nr. 49/res. Valona, den 26. August 1901. Petrovic an S. Exc. den Hochgeborenen Herrn Agenor Grafen Goluhowski.

[2] Внимание правительства усилилось после бегства из Константинополя влиятельного албанца Исмаила Кемаля бея. На тот момент австрийский дипломат не понимал, почему турецкие власти придают этому такое значение и важность. Исмаил бей выделялся среди других албанцев, служивших при дворе султана. По информации вице-консула, он давно объединял соратников среди южных албанцев, особенно много сторонников у него было в Валоне — им он оказывал услуги благодаря своему высокому положению при дворе. Его бегство вызвало большой скандал, хотя, по мнению вице-консула, Исмаил бей скоро мог быть забыт, если бы турецкое правительство само не создало ореола вокруг его фигуры. Центральные власти боялись, что он сможет организовать смуту, и начали подозревать, что за ним стоит одна из великих держав. Правительство в Константинополе направило своего представителя для сбора подписей против Исмаила бея. Большинство населения считало, что такая держава — Австро-Венгрия, и из уст в уста начали расходиться слухи, что с ее помощью он сможет объединить всех недовольных.

Доказательством недоверия и притеснений албанских патриотов стало заключение многих из них в тюрьмы по всей стране и в Константинополе, в их домах были проведены обыски. За период пребывания вице-консула в Берате прошли два обыска: в домах Дуду Карбонара и Ислама бей Вриони. В обоих случаях не было обнаружено ничего подозрительного.

Авторитет Исмаила бея в санджаке продолжал нарастать. Недовольные и патриотично настроенные круги видели в его лице выразителя собственных идей[1].

Национальное движение действительно существовало и нарастало, но без национальных школ, по мнению вице-консула, у этого движения не было будущего. Он отмечал, что всего за год число сторонников движения возросло. Внимательно анализируя их действия, можно было установить, что большинство из них думали об автономии, симпатизировали националистам, поскольку были недовольны способом управления государством или страдали от произвола властей. С уверенностью можно сказать, что ни в одной другой области число недовольных не было столь велико, как в вилайете Янина. Османские власти вилайета находились под губительным влиянием жестоких и коррумпированных личностей. Управление было настолько плохим, что, даже с точки зрения официальных властей, никуда не годилось. Все зажиточные люди ощущали опасность в любой момент лишиться большей части своего богатства. Власти санджака были совершенно не в силах противостоять произволу. Пострадавшие не знали, к кому обращаться за помощью, их жалобы в Константинополь оставались без ответа.

[1] Газета *«Албания»* в Брюсселе опубликовала новость, что Шахин бей Колония и Фаик бей Коница воюют с Исмаилом беем. Его соратники в Берате и Валоне не могли поверить, что в этом есть его вина. Они начали строить догадки, что Фаик бей был подкуплен правительством и оклеветал Исмаила бея, а Шахина бея, который считался порядочным человеком, подвел Фаик бей. Существовали довольно давние обвинения Фаика бея в коррупции. Вице-консул подозревал, что их распространяют младотурки, поскольку Фаик бей не желал выступать против султана. Неслучайно газетное сообщение повергло в смятение некоторых сторонников Исмаила бея, они начали сомневаться в его добропорядочности и искренности.

В начале лета 1902 г. создавалось ощущение, что ситуация может улучшиться[1]. Казалось, правительство опасается политических осложнений и думает о возможности удалить из области наиболее влиятельных и коррумпированных должностных лиц — некоторые из них были переведены в Константинополь, один из жестоких вельмож умер, таким образом санджак Премети мог вздохнуть с облегчением. Предполагалось, что правительство предпримет подобные меры и против самовластия в Валоне.

К сожалению, эти ожидания не оправдались. Вице-консул информировал, что наиболее ненавистные и коррумпированные личности помирились с вали и вновь стали «*друзьями дворца*». Некоторые из них даже получили повышение (как, например, румелийский бей), а остальные сохранили свои позиции в государстве. Отстранены были только самые одиозные деспоты, но это лишь ухудшило ситуацию в Валоне. Теперь беззакония стали скрытыми и неявными. Раньше явный произвол и сопротивление ему поляризировали общество, и оба лагеря могли нейтрализовать друг друга, теперь же злоупотреблениям было нечего противопоставить.

Плохое управление последних лет способствовало росту числа недовольных, и это объясняло, почему идеи автономии и младотурецкая партия находили все большую поддержку среди албанских беев. Недовольство, которое сближало их с приверженцами младотурецких идеалов, вызвало стремление к справедливому управлению и реформам. В действительности независимость страны была для них не на первом плане, они воспринимали ее как вероятный исход возможных будущих перемен.

Вице-консул уведомил Вену, что, по оценкам некоторых его информаторов из Берата, справедливое управление значительно уменьшило бы потенциал движения за автономию. Народ присоединялся к нему в пропорциональной зависимости от личного недовольства властью.

---

[1] HHStA. PA XIV. K. 24. Liasse XV. Politischer Gegenstand. Bericht Nr. 53/res. Valona, den 18. August 1902. Vizekonsul Dr. Ranzi: Bericht über den Sommeraufenthalt in Berat.

Вице-консул также информировал Вену, что активная деятельность итальянского правительства в Албании, а конкретно в Валоне, еще не распространилась на Берат, и это вызывало недовольство со стороны итальянского консула в Валоне и Янине и албано-итальянского комитета. Но визит итальянской делегации Валону и Дураццо и дебаты в итальянском парламенте об Албании вызвали в Берате большой интерес. Здесь, как и в Валоне, создавалось впечатление, что происходят великие для Албании события, и что Италия нацелена на создание благоприятных условий для вмешательства в албанские дела. Однако, когда итальянская делегация покинула Дураццо, страсти постепенно улеглись. Во время этого визита австро-венгерский представитель вновь убедился, что албанские мусульмане верят в Австро-Венгрию больше, чем в другие страны. Вместе с тем он отдавал себе отчет в том, что эта их симпатия относительна — в целом, несмотря ни на что, они предпочли бы Турцию какой-либо иной внешней силе.

Отделение Влашского института в Берате, с интернатом при нем, в тот учебный год перестало работать. За все годы его деятельности в городе влашская пропаганда никогда не имела столь незначительного успеха. Школу никогда не посещало более четырех человек влашского происхождения, остальные, как правило, принадлежали к самым бедным слоям населения санджака и посещали ее потому, что помимо обучения получали там бесплатное питание. Влашские школы закрывались и в других городах вилайета.

В заключение вице-консул подчеркивал, что в этот год его связи с местной знатью были более ограничены, по сравнению с предыдущими годами. Жители были так напуганы репрессиями правительства, арестами и обысками в домах, что даже самые близкие друзья старались избегать контактов с ним[1].

В общих чертах ситуация в 1903 г. в Берате не многим отличалась от предыдущего года[2]. Продолжительные процессы

[1] Одновременно он выслал и второй доклад (Bericht Nr. 49) того же содержания в Императорско- королевское посольство в Константинополе и в консульство в Скутари.

[2] HHStA. PA XIV. K. 24. Liasse XV. Valona, den 17. August 1903. Vizekonsul Dr. Ranzi an Goluchowski.

в Янине, вынесенные приговоры, преследования несогласных, а также недавние аресты способствовали сохранению страха в народе. События в Македонии также оказывали большое влияние и усиливали у людей предчувствие неизбежной войны. Они подпитывались нередко преувеличенными рассказами военных, возвращавшихся домой из Македонии после прибытия нового пополнения. Интересно отметить: солдаты, вернувшиеся из Македонии, считали, что Австро-Венгрия в предстоящей войне будет их противником, поскольку именно она поддерживала Болгарию. Очевидно, подобные слухи распространялись восставшими, которые таким образом пытались заручиться поддержкой своего дела. Признанный факт, что и в Валоне, и в Берате господствовало это убеждение, некоторые даже утверждали, что знают точную дату начала конфликта. Лишь к середине июля беспокойство постепенно пошло на убыль.

Очевидно, что в подобных обстоятельствах население Берата, лояльное правительству, не могло спокойно воспринимать прибытие вице-консула. Он, однако, утверждал, что смог установить отношения с местной знатью.

Консул писал, что серьезно укрепил свои отношения с местной верхушкой: «Я обновил установленные в прошлом году связи с людьми, которые теперь оказались гораздо более расположены ко мне, а также завел ряд новых знакомств, причем по инициативе противоположной стороны. Кроме того, используя различные возможности, я смог встретиться со многими беями из окрестностей Берата и из соседних областей. Эти встречи оказались очень полезными, поскольку беи за пределами Берата не находятся под прямым давлением правительства и очень свободно высказывают свое мнение. В прошлогоднем докладе о своем пребывании в Берате я высказал не все впечатления от местного национального движения. Полагаю, что условия этого года также не очень подходят для подобного анализа. Хотел бы поделиться некоторыми своими мыслями, которые отчасти могут пролить свет на эту проблему. Берат — один из наиболее слабых в экономическом отношении городов Южной Албании. Торговля и ремесла, которые обеспечивают большинство населения, находятся в плачевном состоянии. В других городах этого района положение немного лучше, так как там у людей

больше денег, поскольку многие уезжают за границу в поисках средств к существованию и высылают деньги родным, или возвращаются, накопив состояние. В Берате же всё по-другому. В городе почти полностью отсутствует зажиточный средний класс. Большая часть населения живет в полной нищете и едва сводит концы с концами. Поэтому не удивительно, что люди, которые живут в состоянии борьбы за существование, почти не обращают внимания на национальный вопрос. Здесь людям больше, чем где бы то ни было, необходимо прежде найти средства на пропитание, чтобы заняться политикой.

По другую сторону находятся беи, в основном принадлежащие к многочисленному семейству Вриони, в настоящий момент единственные, кто может стать опорой национального движения. Сейчас, однако, они также сторонятся национального вопроса. Причина может быть не столько в отсутствии интереса (это мне бы не хотелось обсуждать), сколько в поведении нынешнего старейшины рода Вриони, Азиза-паши. Он исключительно влиятелен среди беев, и они должны согласовывать свои действия с ним»[1].

Прибытие вице-консула доктора Ранзи в Берат в 1904 г. совпало с периодом относительного спокойствия среди населения. Тревога, вызванная в прошлом году событиями в Македонии, уже затихала и вновь уступала место доверию[2].

В такой ситуации его отношения с местным населением были гораздо свободнее и непринужденнее, по сравнению с прошлым годом. Это относилось в первую очередь к мусульманам, с которыми он установил дружеские отношения, благодаря тому, что в тот год снял дом в турецком квартале, стремясь наладить более тесные связи. Сразу после того, как вице-консул поселился там, местные жители выразили большое удовлетворение и надежду, что такое соседство позволит им поддерживать теплые близкие отношения. Ранзи, со своей стороны, всеми силами старался оправдывать их надежды.

---

[1] Ibidem.

[2] HHStA. PA XIV. K. 24. Albanien Liasse XV. Valona, am 13. September 1904. Vizekonsul Dr. Ranzi berichtet uber den Sommeraufenthalt in Berat. Fol. 135–140 (Вице-консул доктор Ранзи, информация о его пребывании в Берате в то лето).

Активные связи с албанской знатью позволили вице-консулу лучше понять проблемы, которые волновали ее на тот момент. Конечно, понадобилось время, чтобы завоевать полное доверие и стремление искренне делиться с иностранным консулом своими взглядами по важнейшим вопросам.

7 Приложений:

— Мост через р. Шкумба у Кюкса. Октябрь 1899 г. HHStA.
— Мост через р. Шкумба у Элбасана. Октябрь 1899 г. HHStA.
— Мост Хаджи-Бекяра через р. Шкумба у Мирака. Октябрь 1899 г. HHStA.
— HHStA. PA XIV. Li XV. K.24.

Глава VI

РЕЛИГИОЗНОЕ ПОКРОВИТЕЛЬСТВО: МЕЖДУ ТРАДИЦИЕЙ И БУДУЩИМ

Существуют две основные точки зрения на правовую сущность и практику католического религиозного покровительства Австро-Венгрии в Османской империи в XIX веке. Их анализ был проведен на основании двух документов той эпохи.

Первый был составлен австро-венгерским консулом Иппеном, чтобы ознакомить австрийскую общественность с сутью протектората и создать положительное к нему отношение, а также ответить на участившиеся с 1900 г. нападки противников[1]. Пропагандистские цели не уменьшают научную ценность составленного Иппеном документа, тем более, австро-венгерский консул аргументировал свою позицию, не обращаясь к общественному мнению.

Второй документ был написан для внутреннего пользования графом Кюфштайном, видным немецким дипломатом, который пытался поставить под вопрос право Австро-Венгрии устанавливать религиозный протекторат.

Документ Иппена представляет собой статью, вышедшую в 1903 г.[2]. Она состоит из четырех частей. В первой автор разъ-

---

[1] Для получения более подробной информации о противоречиях между великими державами по вопросу о покровительстве католической религии в Османской империи см. в статье Анны Хедвиг Бенна, *Studienzum Kultusprotektorat Österreich-Ungarnsin Albanienim Zeitalterdes Imperialismus (1888–1918)*, Mitteilungendes Österreichischen Staatsarchivs, Herausgegebenvonder Generaldirektion, FestgabezurHunderjahrfeierdesInstitutsfür Österreiche Geschichtsforschung, Wien, 1954. Druckund Verlag Ferdinand Berger, Horn, N.-Ö.

[2] Т.А. Иппен, Императорский и Королевский генеральный консул в Скутари. *Австро-унгарският верски протекторат в Турция. Списание за наука, литература и изкуство. Виена/Щутгард, 3. 1901/1902*. Издание австрийского общества Лео. Следующие страницы являются резюме статьи, ставшей классической, которая, на мой взгляд, осталась до сих пор непревзойденной.

ясняет сущность и область приложения католического протектората, который был предоставлен Австро-Венгрии в рамках Османской империи. Во второй части разъясняется, кто может попасть под этот протекторат. В третьей автор рассуждает о противоречиях, которые возникали в связи с Берлинским конгрессом. В четвертой и последней части он апеллирует к австрийскому обществу, призывая его поддержать свое государство при установлении протектората.

Аргументы Иппена строились на параллельном анализе сущности и применения религиозного протектората Австро-Венгрии и Франции. Сравнивая их, он подчеркивает преимущества права, предоставленного ему Австрией и защищает его от претензий Франции, которые в то время были очень амбициозны.

Прежде чем объяснить сущность религиозного протектората и его применения, Иппен приводит краткий обзор *Капитуляций,* то есть отношений между монархией Габсбургов и Османской империей, которые были определены рядом войн, длившихся в общей сложности почти три века, с 1524 до 1791 гг. Эти войны закончились подписанием мирных договоров, дающих Габсбургам право установить протекторат над католической церковью на территории Османской империи.

Затем Иппен приводит пункты соглашений, касающиеся католического вероисповедания, а именно[1]:

Венский мир, подписанный в 1615 г. императором Матиашем и султаном Ахмедом I (изменения мирного договора, подписанного в 1606 г. в деревне Житваторок).

Пункт VII. В котором детьми Христовыми и приверженцами Папы признаются священники, монахи или иезуиты, они могут строить свои церкви во владениях османского султана и читать там свое Евангелие, собираться в дни своих религиозных праздников согласно своим обычаям и правилам своего ордена или по давней традиции.

Константинопольский мирный договор 1681 г. между императором Леопольдом I и султаном Мехмедом IV.

Монахи, иезуиты и священники католической церкви, живущие на османской территории, не могут подвергаться пресле-

[1] Все документы приводятся в изложении Иппена. Они были переведены с немецкого Roberto Bravo, среди многих других документов, упомянутых в данной работе.

дованию и быть обижены без причины. Напротив, они будут под защитой капитуляционных условий и распоряжений Высокой Порты, и против них не может быть допущено никакое насилие.

Карловицкий мирный договор 1699 г. между императором Леопольдом I и султаном Мустафой II.

Пункт XIII. Подтверждаю распоряжения, содержащиеся в императорских капитуляциях славных предшествующих султанов и особых ферманах и указах в пользу последователей Папы Римского, исповедующих веру в Иисуса Христа. С этого момента эти распоряжения будут соблюдаться следующим образом: никоим образом ни по какому поводу нельзя препятствовать ни ремонту и достройке их храмов на старом фундаменте, ни их религиозным церемониям. К какой бы категории [населения] ни принадлежали вышеупомянутые иноверцы, они не могут быть обременены ни финансовыми, ни другими обязательствами, противоречащими закону Всевышнего и имперским капитуляциям. Под нашим высочайшим покровительством они могут быть абсолютно спокойны, а посланник Святого отца в Риме будет информировать меня, являясь лично пред Высокой Портой, обо всех потребностях, связанных с их вероисповеданием и местами поклонения в Иерусалиме.

Пожаревацкий мир между императором Карлом VI и султаном Ахмедом III, от 1718 г.

Пункт XI. См. выше.

Белградский мирный договор между Карлом VI и султаном Мустафой от 1739 г.

Пункт IX. См. выше.

Систовский мирный договор между императором Леопольдом II и султаном Селимом III от 1791 г.

Пункт XII. По отношению к исповеданию христианской католической веры в Османской империи, ее священникам, ее приверженцам, сохранению и строительству церквей, свободе исповедания и верующих, защите Святых мест в Иерусалиме и в других местах, Высокая Порта, строго придерживаясь настоящего статус-кво, возобновляет и подтверждает гарантированные пунктом IX Белградского договора привилегии, как предоставленные позже ферманами и другими распоряжениями султана права.

Иппен подчеркивает, что процитированные выше договоры между Турцией и Австро-Венгрией породили правовые отношения, позволяющие Габсбургской монархии отстаивать интересы католической церкви в османских землях. Эти документы обязывали султана признавать право Австро-Венгрии на вмешательство в случае необходимости, при ущемлении прав католиков на территории Порты. То есть при вмешательстве с ее стороны Турция брала на себя обязательства добровольно следовать ее требованиям. По мнению Иппена, это становится ясно из договоров с императором, где сказано: «посланник Святого отца в Риме будет информировать меня лично, являясь перед Высокой Портой, обо всех потребностях, связанных с их вероисповеданием и местами поклонения в Иерусалиме».

Иппен отмечает, что благодаря этим мирным договорам монархия Габсбургов стала гарантом уступок, на которые шли султаны в связи с положением католиков[1].

Консул утверждал, учитывая вышесказанное, что Австро-Венгрия имела право осуществлять протекцию над католической церковью и католическим клиром, а также над всеми католиками во всех землях Османской империи. Но у него было ощущение, что Вена сама наложила на себя территориальные ограничения. Традиционно Австро-Венгрия использовала свои права преимущественно в границах Турции. Однако в XVII–XVIII вв. она не располагала флотом, и потому не действовала на территориях, которых можно было достигнуть лишь морем[2].

---

[1] Всё это также относилось и к Франции. Но между положениями, которые Турция подписала с Францией, и условиями, подписанными с Австро-Венгрией, есть одна существенная разница в пользу империи. В контрактах с Францией говорилось о епископах и священниках, подданных Франции (Капитуляция от 1673) или зависящих от воли французского императора (Капитуляция с 1740). Контракты, подписанные с австро-венгерским императором, не имели каких-либо ограничений. Речь идет, в целом, о «христианской католической вере», ее священнослужителях и приверженцах.

[2] По словам Иппена, в заморских провинциях Османской империи функции протектората были переданы Франции, поскольку на этих территориях, так или иначе затрагивались коммерческие интересы монастырей французских католических орденов. Однако Австро-Венгрия неоднократно вмешивалась в ситуацию в святых местах Иерусалима.

Это утверждение Иппена подкрепляется докладом придворного советника Фукса (май 1902 г.) об австро-венгерском влиянии на религиозную жизнь в Османской империи[1]. Согласно этому документу, Австро-Венгрия осуществляла протекторат над католиками в некоторых вилайетах Турции, а кроме того в Косово, Скутари, Янине и также частично в Монастирском вилайете. Кроме того, под австро-венгерским протекторатом находились некоторые епархии в Болгарии, францисканская миссия в Верхнем Египте, коптская католическая община в Египте и центрально-африканская миссия.

По данным этого же доклада, Австро-Венгрия гарантировала создание австрийских или венгерских конгрегаций и национальных церковных школ на Востоке, подобных тем, которые были основаны Дочерьми милосердия из Загреба в Адрианополисе, Венскими мхитаристами в Смирне, австрийскими францисканцами, австрийскими пасионистами в Варне. Поддержка оказывалась сиротскому дому Св. Георгия в Константинополе (этим домом руководили австрийские лазаристы и Дочери милосердия из Граца); приюту для австро-венгерских паломников в Иерусалиме; нескольким церквям и часовням, например, Святой Богородицы в Пере; кафедральному собору Святой Богородицы в Смирне; церкви мхитаристов в Айдыне и Памалди; католическим церквям в Магнезе и Бырбанате; часовне в Корделио. На всё это распространялись протекция и представительство перед властями страны. Приходская церковь в Пирее пользовалась почетной протекцией Его Апостолического Императорского и Королевского Величества.

В нашем распоряжении есть перечень церквей, епархий и католических школ, находившихся под покровительством Австро-Венгрии в границах Османской империи. Согласно этому указателю, который был составлен австро-венгерским посланником в Риме Сеченом[2], Австро-Венгрия осуществляла протекцию над следующими католическими объектами:

[1] HHStA. PA XII. K. 271. Mémoire des Hofrates Fuchs über das Kultusprotektorat. Mai 1902.

[2] HHStA. NLSzapary. K. 3.

I. На территории архиепархии Скутари, Дуррас, Скопье (Призрен) и мирдитского архиаббатства Св. Александра (вилайеты Скутари, Янина, Косово и часть Монастира).

1. Архиепархия Скутари:

1. Кафедральный собор Скутари и приходская церковь;
2. Резиденция архиепископа Скутари;
3. Дом приходского священника в Скутари. Албанский папский колледж в Скутари;
4. Францисканский колледж в Скутари;
5. Добровольная албанская миссия;
6. Церковь Святой Марии Магдалены в Казене (Скутари);
7. Церковь Святого Антония в Скутари.
8. Часовня Святой Богоматери Доброго Совета (Добра съветница) в Табаки (Скутари);
9. Францисканский монастырь в Гюхадоле со школой, семинарией и пробацией францисканского ордена;
10. Францисканский монастырь в Арамали (Скутари);
11. Монастырь Дочерей Святой Стигмы в Скутари и начальная школа для девочек.
12. Больница Дочерей милосердия в Скутари;
13. Монастырь Сестер служительниц Пресвятой Девы Марии и детский сад в Скутари;
14. Церковь Святого Иоанна в Раши, Скутари;
15. Церковь Святого Лоренцо в Зоси, Скутари;
16. Приходская церковь и приходской дом, Широка;
17. Приходская школа, Широка;
18. Приходская церковь и приходской дом в Битоле;
19. Приходская церковь и приходской дом в Бырдице;
20. Приходская церковь и приходской дом в Трунши;
21. Приходская церковь и приходской дом в Бушате;
22. Приходская церковь и приходской дом в Барбулуше;
23. Приходская школа в Барбулуше;
24. Приходская церковь и приходской дом в Кукле;
25. Приходская церковь и приходской дом в Ренцы;
26. Приходская церковь и приходской дом в Юбани;
27. Филиал церкви в Ганёле;
28. Приходская церковь и приходской дом в Шелдине;

29. Приходская церковь и приходской дом в Оботи;
30. Филиал церкви Селме-Прена в Ширче;
31. Приходская церковь и приходской дом с часовней в Дайчи, в Бояне;
32. Приходская школа, Дайчи в Бояне;
33. Филиал церкви в Самрише;
34. Филиал церкви в Горице;
35. Приходской дом и приходская церковь в Пентаре;
36. Приходской дом и приходская церковь в Клесне;
37. Приходской дом в Пуле;
38. Часовня в Речи;
39. Приходская церковь и приходской дом в Коле;
40. Приходская церковь и приходской дом в Риоли;
41. Приходская церковь и приходской дом в Речи;
42. Приходская церковь и приходской дом в Байзе (рядом с Кастрари);
43. Приходская церковь и приходской дом в Скрели;
44. Филиал церкви Девы Марии Снежной в Стрекендже;
45. Приходская церковь и приходской дом в Боге;
46. Приходская церковь и резиденция миссии в Кастрари;
47. Приходская церковь и резиденция миссии в Рапше (Хоти);
48. Часовня в Куше;
49. Часовня в Друме;
50. Приходская церковь и резиденция миссии в Трабожине (Хоти);
51. Филиал церкви в Вуксане;
52. Приходская церковь и резиденция миссии в Груде;
53. Филиал церкви в Ксеве;
54. Приходская церковь и резиденция миссии в Селце (Клементи);
55. Приходская школа в Селце;
56. Приходская церковь и резиденция миссии в Вукли;

2. Диоцез Сапа:

57. Кафедральный собор и резиденция в Неншате;
58. Приходская церковь и приходской дом в Неншате;
59. Филиал церкви и жилище священника в Кодели;
60. Приходская церковь и приходской дом в Хаймел;

61. Приходская церковь и молитвенный дом в Нарачи;
62. Церковь в Каче;
63. Приходская церковь в Лачи и церковь в Миет;
64. Филиал церкви Сан-Марко в Ван-Деюс;
65. Приходская церковь и приходской дом в Пистул;
66. Филиал церкви в Шкези;
67. Приходская церковь и приходской дом в Баба;
68. Приходская церковь и приходской дом в Дачи и Ладриме;
69. Приходская церковь в Дайчи;
70. Приходская церковь и приходской дом в Грамше;
71. Приходская церковь и приходской дом в Гядри;
72. Филиал церкви в Зоси;
73. Приходская церковь и приходской дом в Блиниш;
74. Филиал церкви Святого Стефана;
75. Приходская церковь и приходской дом в Грюка-е-Гядри;
76. Приходская церковь и приходской дом в Верзе;
77. Церковь в Шурзе;
78. Приходская церковь и приходской дом в Мареску;
79. Руины церкви Святого Николая в Шетай;
80. Приходская церковь и приходской дом в Шлаку;
81. Приходская церковь Святого Николая и приходской дом в Душе;
82. Филиал церкви Святого Георгия и приходской дом в Горен Душ;
83. Филиал церкви Святой Марии Магдалины в Лее;
84. Приходская церковь Святого Серджио и приходской дом в Кчире;
85. Филиал церкви Святого Теодора;
86. Филиал церкви в Зестрите;
87. Приходская церковь и приходской дом в Челсе;
88. Филиал церкви Святого Павла в Кабаше;
89. Филиал церкви Святого Марка и приходской дом в Коман;
90. Часовни Святого Серджио, Святого Иоанна, Святого Михаила, Святого Николая, Святого Андрея;
91. Приходская церковь и резиденция миссии в Берише;
92. Приходская церковь и резиденция миссии в Ибале;
93. Филиал церкви Святой Пренде в Криези;
94. Филиал церкви Святого Николая в Ибале;

95. Приходская церковь и резиденция миссии в Фире;
96. Приходская церковь и резиденция миссии в Дарсе;
97. Школа в Трошани;

3. Диоцез Алесио:

98. Резиденция епископа и молитвенный дом в Калмети;
99. Институт Дочерей милосердия в Калмети. Школа для девочек, больница; францисканский монастырь в Трошани, где преподаются и некоторые дисциплины семинарии ордена;
100. Приходская церковь в Калмети;
101. Приходская церковь и приходской дом в Какаричи;
102. Часовня Святой Евфимии в Калмети;
103. Приходская церковь и приходской дом в Мраконие;
104. Приходская церковь в Балдрене;
105. Приходская церковь Святого Николая в Алесио;
106. Приходская церковь Святого Антона в Дрине напротив Алесио;
107. Приходская церковь Святого Иоанна в Медуа;
108. Францисканский монастырь в Рубике? с подворьем;
109. Приходская церковь и приходской дом в Брагмати;
110. Приходская церковь и приходской дом в Зеймене;
111. Церковь в Бокиани;
112. Часовня Святого Александра в Спитене;
113. Приходская церковь и приходской дом в Педане;
114. Приходская церковь и приходской дом в Булгари;
115. Приходская церковь и приходской дом в Криези;
116. Приходская церковь и приходской дом в Манати;
117. Церковь в Грюке;
118. Приходская церковь и приходской дом в Веле;
119. Часовня в Ржее;

4. Диоцез Пулати:

120. Приходская церковь и приходской дом в Планти;
121. Часовня в Погу;
122. Часовня в Мугале;
123. Приходская церковь и резиденция миссии в Кири;
124. Приходская церковь и резиденция миссии в Шоши;
125. Приходская церковь и резиденция миссии в Шале;
126. Филиал церкви в Флотае;

127. Филиал церкви в Гинае;
128. Приходская церковь и резиденция миссии в Сеси;
129. Приходская церковь и резиденция миссии в Душмани;
130. Приходская церковь и резиденция миссии в Топлане;
131. Приходская церковь и резиденция миссии в Мертуре (вилайет Косово);
120. Приходская церковь и резиденция миссии в Никае (вилайет Косово);
121. Филиал церкви в Турае;

5. Архиаббатство Мирдит:

122. Резиденция и церковь в Ороше;
123. Школа в Ороше;
124. Приходской дом и церковь в Спачи;
125. Школа в Спачи;
126. Приходской дом и церковь в Фанди;
127. Приходской дом и церковь в Каливаре;
128. Приходской дом и церковь в Чафа-Малит;
129. Приходской дом и церковь в Блинище;
130. Филиал церкви в Шпале;
131. Приходской дом и церковь в Недерфандине;
132. Часовня Святой Димитрия в Букмире;
133. Приходской дом и церковь в Качинари;
134. Приходской дом и церковь в Шнерше;
135. Приходской дом и церковь в Кашниете;
136. Школа в Кашниете;
137. Приходской дом и церковь в Френе;
138. Приходской дом и церковь в Виге;
139. Приходской дом и церковь в Муеле;
140. Приходской дом и церковь в Коропулае;
141. Приходской дом и церковь в Гомсике;

6. Архидиоцез Дураццо:

142. Резиденция архиепископа и кафедра в Делбнище;
143. Приходская церковь и приходской дом в Милоте;
144. Училище в Милоте;
145. Часовня в Гурзи;
146. Церковь (полуразрушена) в Шамхил в Малибари;

147. Приходской дом и резиденция миссии в Лачи;
148. Церковь и монастырь (заброшен), Шна-Ной;
149. Приходской дом в Шияке;
150. Часовня в Убарце;
151. Церковь (полуразрушена) в Шамри;
152. Приходской дом и приходская церковь в Дервене;
153. Приходская церковь и приходской дом в Блае;
154. Приходская церковь и приходской дом в Маркине;
155. Часовня в Малкоче;
156. Церковь (полуразрушена) в Шлинце в Кулае;
157. Приходская церковь и резиденция миссии в Бишане;
158. Церковь и развалины монастыря Шна-Ной на мысу Родони;
159. Филиал церкви в Драче;
160. Филиал церкви Святого Креста в Шетае;
161. Филиал церкви в Кодралаче;
162. Филиал церкви в Шкале;
163. Часовня «Святой Петр»;
164. Церковь (полуразрушена) Святого Димитрия в Шкафоне;
165. Приходская церковь и приходской дом в Курбин;
166. Приходская церковь и приходской дом в Скурае;
167. Приходской дом и приходская церковь в Бушкаше;
168. Приходская церковь и приходской дом в Ксела;
169. Церковь в Ржени;
170. Училище в Ржени;
171. Молитвенный дом и резиденция миссии в Басе
172. Приходская церковь и приходской дом в Перлате;
173. Приходской дом и приходская церковь в Селите;
174. Приходская церковь и приходской дом в Юбе;
175. Приходская церковь и приходской дом в Дураццо;
176. Мужская католическая школа в Дураццо с семинарией;
177. Монастырь, женская школа Дочерей милосердия и больница;
178. Приходская церковь и приходской дом в Тиране;
179. Мужское католическое училище в Тиране;
180. Приходская церковь и резиденция миссии в Лурии (вилайет Монастир);
181. Приходская церковь и приходской дом в Валоне (вилайет Янина);

182. Приходская церковь и приходской дом в Превеза (вилайет Янина);
183. Резиденция миссии и часовня в Янине (вилайет Янина);

7. Архидиоцез Скопье:

184. Резиденция архиепископа в Призрене;
185. Монастырь и школа Дочерей милосердия с лечебницей в Призрене;
186. Кафедра и приходской дом в Призрене;
187. Мужская католическая школа в Призрене;
188. Приходская церковь и приют в Зумби;
189. Школа в Зумби;
190. Храм в Битучи;
191. Приходская церковь и приют в Ипеке;
192. Школа в Ипеке;
193. Резиденция миссии и часовня, Злакочан;
194. Приходской дом и часовня в Джяковице;
195. Школа в Джяковице;
196. Часовня Сан Антонио в Джяковице;

(Все вышеперечисленные объекты принадлежат консульской области Призрен.)

197. Приходская церковь и приходской дом в Скопье;
198. Школа в Скопье;
199. Школа Дочерей милосердия и больница в Скопье;
200. Приходской дом в Веризовице;
201. Приходская церковь и приходской дом в Янево;
202. Школа в Янево;
203. Приходская церковь и приходской дом в Летнице;
204. Школа в Летнице;

II. Церкви и монастыри Константинополя, в вилайетах Адрианополис и Айдини в санджаке Иерусалим:

А) В консульском округе Адрианополис:

205. Школа Дочерей милосердия в Адрианополисе;

Б) Консульский округ Константинополь:

206. Приходская церковь и монастырь Девы Марии Драперис в Пере;

207. Приходская церковь в Пере;
208. Церковь и монастырь Святого Георгия в Галате;
209. Мужская школа в Галате;
210. Святогеоргиевский институт Дочерей милосердия в Галате;
211. Армяно-католическая епархия Святой Троицы в Пере;
212. Институт мхитаристов в Панкалди;

В) Область генерального консульства в Смирне:

213. Церковь Святой Богородицы с монастырем и школой в Смирне;
214. Церковь Святой Богородицы со школой в Барнабате;
215. Церковь Святого Леонардо со школой в Магнезии;
216. Миссия мхитаристов, церковь и школа в Смирне;
217. Миссия мхитаристов, церковь и школа в Айдыне;
218. Славянский монастырь в Смирне;
219. Больница «Сан Антонио» и церковь при ней в Смирне;
220. Больница «Ротшильда» в Смирне;

Г) Иерусалимская консульская область:

221. Дом для австро-венгерских паломников «Святое семейство в Иерусалиме»;
222. Больница кавалеров Мальтийского ордена в Тантуре;
223. Больница Ротшильда в Иерусалиме;
224. Школа Эдлер фон Лемела в Иерусалиме;
225. Приют для паломников в Сионе.

Примечание: Кроме вышеуказанных существовали и другие институты:

А) Константинополь:

1. Австро-венгерская национальная школа;
2. Австро-венгерская национальная больница;
3. Германо-австрийско-израильская школа;

Б) Скопье:

4. Железнодорожное училище.

По информации Иппена, в пределах Османской империи проживало около 120000 католиков, подданных султана, но католическая церковь не имела узаконенного официального ста-

туса, предоставленного правительством, а существовала лишь по его благоволению.

Иппен продолжал изучение договоров, подписанных между Османской империей и монархией Габсбургов, желая понять, какие именно привилегии полагаются католикам. Как правило, в межгосударственных соглашениях были указаны не все оговариваемые права, значительная часть условий представляла собой отсылки к другим документам и источникам Высокой Порты (например, Константинопольский мирный договор); предыдущие капитуляции и султанские эдикты (например, Карловицкий мирный договор); ферманы и указы (Свиштовский мирный договор).

Особое внимание Иппен уделил анализу юридических документов — его интересовало использование там правовой терминологии. Он сгруппировал их следующим образом[1]:

1. Ферманы и указы самого султана. Они содержат общие распоряжения, хотя предназначены частным лицам, институтам и другим специальным исполнителям. Это дипломы и привилегии[2]

2. Министерские указы, то есть касающиеся католической церкви правовые нормы, которые визири посылали губернаторам провинций.

3. Все остальные законы, выработанные в пользу католической церкви[3].

---

[1] Почти дословно цитируем эту часть текста, написанного консулом.

[2] Иппен пишет, что оказалось трудной задачей охватить такое большое количество документов, поскольку в то время они были получены от епископов, из монастырей и других учреждений, которые их плохо хранили. По его мнению, утрата не слишком велика, поскольку привилегии, указанные там, были закреплены в законах или впоследствии отняты.

[3] Прежде, чем приступить к анализу отдельных документов, Иппен подчеркивает, что Турция предприняла лишь один законодательный шаг в 1839 г., приняв основной для государства закон в духе европейских конституций, известный как хатт-и шериф.

Второй подобный документ от 1856 г., именуемый хатт-и хумайюн, также содержит ряд распоряжений, касающихся католиков. Этому же соответствуют законы от 7 июня 1864 г. об освобождении от пошлин и министерский указ от 7 сафара 1278 г. о завещаниях христиан.

На основании документов трех групп правовых источников: договоров, обычаев и законов — Иппен изучил права католической церкви; разъяснил их, приводя примеры, где это было необходимо; проследил их применение на практике, чтобы впоследствии обосновать существование *религиозного протектората* и австро-венгерское вмешательство во внутренние дела Османской империи, связанные с католиками.

Этот анализ представляет наибольший вклад австро-венгерского консула в правовое толкование религиозного протектората в Османской империи. Он проследил следующие права католиков:

1. Свобода вероисповедания. Последователи католической веры не могут быть подвергнуты притеснению или преследоваться каким-либо образом за свою религиозную принадлежность (*хатт-и-хумаюн*, 1.8)

2. Клир был свободен в исполнении своих обязанностей. Нельзя было препятствовать католическим священникам и монахам, независимо от того, к какому ордену они принадлежали, в том числе и иезуитам. Их нельзя было притеснять и ограничивать, поскольку они пользовались имперским покровительством (Константинопольский мирный договор и Карловицкий мир, пункт XIII).

Иппен поясняет, что в связи с этим епископы и архиепископы получали документы, именуемые «суверенными правами», которые гарантировали им свободу передвижения при посещении своих диоцезов[1].

[1] В качестве примера Иппен цитирует следующее: «Вали Монастира, коменданту и кадию Скутари. Посольство его величества императора Австро-Венгрии и короля Венгрии сообщает, что отец Джилио Марзили назначен епископом Сапа в провинции Сапа и просит выдать ему султанский диплом, чтобы он мог пользоваться нашей поддержкой и защитой в соответствии с двусторонними соглашениями. Статья IX Белградского договора гласит, что все привилегии до и после Пожаревацкого мирного договора, включенные в капитуляционные соглашения между двумя сторонами, касающиеся французского и католического духовенства в целом, подтверждаются султаном. По его высочайшей воле да будут зачитаны все двусторонние соглашения с Австро-Венгрией и да будут они строго соблюдены. Вы, вали, комендант и кади, должны следовать им в том же духе. 20 юмада л-ула 1291 г.»

3. Свобода публичного вероисповедания. Исповедующие католицизм могли собираться в своих храмах согласно обычаю и проводить религиозные обряды (Венский мирный договор, статья VII). Ни одна церковь не может быть ограничена в публичном богослужении, если в данной области нет иного вероисповедания (*хатт-и-хумаюн,* 6).

Это означало, что в католических кварталах и поселениях, где население относительно однородно, можно было свободно проводить религиозные церемонии за пределами храма, например, процессии.

Однако Иппен замечает, что, вопреки этим распоряжениям, допускались нарушения, связанные с колокольным звоном. Согласно процитированным документам, в католических поселениях и кварталах закон дозволял звонить в церковные колокола. На практике же не позволялось вешать колокола и звонить в них без правительственного разрешения для каждого отдельного случая.

4. Право на строительство новых церквей и ремонт старых. Католики имели право строить свои храмы в границах владений султана (Венский мирный договор, пункт VII); католический клир мог ремонтировать свои храмы (Карловицкий и последующие договоры).

Вопреки этим распоряжениям, Иппен отмечает широко распространенную практику препятствования строительству храмов там, где до этого их не существовало. Лишь в 1856 г. был принят закон, согласно которому сёла, где компактно проживали единоверцы, имели право строить и ремонтировать церкви, школы, больницы и кладбища. Но в городах и селах, где жили представители различных религий, это позволялось лишь при существовании этнически замкнутых кварталов (*хатт-и-хумаюн, 5 и 6).*

Иппен отмечает, что в селах и кварталах со смешанным мусульманско-католическим населением строительство церквей

Другим следствием свободы клира было то, что всем религиозным орденам было разрешено создание институтов в Турции (Венский мирный договор, статья VII). Согласно практике, принятой за норму, учреждающий орден должен был испросить разрешение султана. Ордена, не исполняющие это требование, могли быть лишены иммунитета и льгот, которые им полагались.

вообще не было позволено, а строительство мечетей не ограничивалось никакими условиями.

По закону строительство церквей допускалось только в поселениях и кварталах с однородным в религиозном отношении населением, а проект строительства должен был получить одобрение правительства. Как отмечал Иппен, в районах со смешанным населением тоже требовалось правительственное разрешение на строительство церквей, приходских домов, школ, больниц и кладбищ. По законам и договорам ремонт храмов, не связанный с расширением и достраиванием, был полностью разрешен. Однако на практике для начала ремонта также требовалось разрешение от местных властей и даже из Константинополя.

5. Право открывать школы. Каждое вероисповедание имеет право открывать публичные школы для светского и религиозного образования *(хатт-и-хумаюн, 10).*

На практике это право также осуществлялось с некоторыми ограничениями. Иппен утверждает, что для открытия какой-либо школы, даже начальной в сельском районе, необходимо было разрешение правительства.

6. Признание законов католической церкви, когда речь идет о бракосочетании. Епархиальный католический трибунал мог рассматривать вопросы, связанные с наследством в тех случаях, когда обе стороны признают его решения *(хатт-и-хумаюн,13*).

Католическое церковное право определяло наследственные отношения между мирянами. Турецкие власти признавали нотариальные полномочия католических епископов по отношению к остальным верующим. (Министерский указ 7 сафара 1278 г. хиджры — 13 августа 1861 г.)

7. Освобождение клира от некоторых налогов. Здания, принадлежащие клиру и оборудованные им, — свободны от уплаты прямых налогов. Сады, виноградники, посадки овощей и олив также были освобождены от прямых налогов, если предназначались для обеспечения клира или монастырей. С остальных земледельческих владений взималась десятина. Иппен прилагает список соответствующих случаев.

8. Клир и церковные учреждения освобождались от налогов на алкогольные напитки и вино, которые производили для собственных нужд. То же относилось и к ракии.

Все предметы, предназначенные для поддержания церквей, ввозимые из-за границы, освобождались от пошлин. Оттуда клир и церковные учреждения могли получать вещи для собственных нужд — одежду, продукты и прочее в определенных пределах без прохождения таможни.

Австро-Венгрия пользовалась своим правом вмешательства всякий раз, когда этими привилегиями пренебрегали. По мнению Иппена, неудивительно, что подобное происходило столь часто. Подписание Карловицкого мирного договора заложило основы традиции, по которой во все последующие двусторонние соглашения включалось положение о праве представителя императора Австро-Венгрии обращаться к Порте с предложениями и жалобами по любым религиозным вопросам. Иппен подчеркивает важное последствие этого: в договорах говорилось о клире и католиках, которые все без исключения являлись турецкими подданными. Следовательно, эти правила относились и к туркам католического вероисповедания.

Консул рассматривает конкретные случаи, когда Австро-Венгрия обращалась к османскому правительству, и на основании этого заключает, что протекторат всё еще необходим и его отмена не будет иметь никакого морального оправдания.

Противоречия, последовавшие после подписания Берлинского договора

Иппен считал, что основное противоречие, которое могло бы привести к изменению юридических условий религиозного протектората, содержалось в статье LXII, 6: «Признается право дипломатических и консульских представителей великих держав осуществлять официальный протекторат над упомянутыми лицами (клир, паломники, монахи), а также над их религиозными, благотворительными и прочими организациями в Святых местах и католических анклавах»[1].

Консул поясняет, что это противоречие дает возможность трактовать его следующим образом: иностранные священнослужители в Турции находятся под дипломатическим покровительством своих представителей. Руководя религиозными организациями, они также подпадают под покровительство

[1] Текст Иппена переведен с немецкого языка Роберто Браво.

соответствующих стран. Потому нет необходимости осуществления протектората третьей стороной[1].

Иппен был согласен с подобной трактовкой и он обоснованно выдвигает следующие аргументы:

Во-первых, если Берлинский конгресс поставил цель отменить существующий протекторат, необходимо было сделать это категорично и точно. Столь старое право, зафиксированное и подтвержденное множеством соглашений и практиковавшееся столетиями, не может быть негласно отменено путем противоречивых толкований.

Во-вторых, когда некий дипломатический представитель, четко указанный в данном соглашении, получает некое право, считается, что оно предоставлено стране, которую он представляет.

В-третьих, католическая церковь сама хотела иметь своего представителя, который защищал бы ее интересы. Таким защитником могла быть страна, пользующаяся правом религиозного протектората. Подобное толкование всегда преобладало в практике, что доказали несколько случаев 1878 г., когда в Турции были ранены иностранные священники.

Наконец, консул обращает внимание на следующее: когда речь идет о религиозных институтах, очень сложно определить, к какому государству они относятся, — большинство из них были католическими в прямом смысле этого слова и объединяли людей из разных стран.

В качестве дополнительного аргумента консул подчеркивает, что лишь небольшая часть работы религиозного протектората связана с защитой отдельных лиц. В большинстве случаев речь идет о защите прав.

В заключение Иппен подчеркивает, что католическая церковь всегда признавала и одобряла в рамках своих полномочий существующие правовые связи между Турцией и Австро-

[1] Это было основным аргументом так называемых «новых великих держав» — Италии и Германии. Они желали обрести права, подобные правам Австро-Венгрии: защищать интересы католической церкви в Османской империи и таким образом получить новые зоны влияния. Это подробно объясняется в статье Анны Хедвиг Бенна, которая уже цитировалась выше.

Венгрией. До этого времени она никогда не оспаривала права, полученные в результате двусторонних соглашений и сложившейся традиции. Австро-венгерский религиозный протекторат часто становился объектом нападок, но они никогда не получали одобрение Рима. Напротив, Иппен подчеркивает, что существовали официальные заявления в пользу продолжения религиозного протектората, зафиксированные в циркулярном письме Папской конгрегации о распространении веры (*Propagandafide*) «*Asperarerumconditio*» от 22 мая 1888 г.

«Французский протекторат на Востоке существовал веками и был подтвержден межправительственными соглашениями. Поэтому мы должны воздерживаться от изменений в нем (во французском протекторате), он должен продолжать работать везде, где имеет силу. Миссионеры должны быть проинструктированы, что, если требуется помощь, они могут обращаться к консулу и другим дипломатическим представителям Франции. Подобным же образом необходимо поступать и там, где распространен австрийский протекторат».

Противоположное мнение представлено в очерке Кюфштайна, который уже упоминался в начале этой главы[1].

По мнению Кюфштайна, понятие и право религиозного протектората на Востоке, как они практиковались в то время (в конце XIX в.) различными государствами, на тот момент еще не установились окончательно и не получили всеобщего признания.

Основной аргумент Кюфштайна заключался в том, что вопрос о всеобщем религиозном протекторате поднимался на Венских конгрессах 1855 и 1856 гг. и на подготовительных переговорах перед Парижским договором. Там в статье 9 формально было исключено вмешательство других стран в отношения между султаном и его подданными. Эта единственная статья была недостаточно конкретна, чтобы послужить основанием для урегулирования и без того сложных взаимоотношений между заинтересованными странами. Она полностью

[1] HHStA. NL Szaparty. K. 3. Promemoria des Grafen Kuefstein vom 26. September 1892. Allgemeine. Das Kirchliche Schutzrecht im Oriente in seiner heutigen Gestaltung (Проект меморандума графа Кюфштайна от 26 сентября 1892 г. Общее право церковного протектората на Востоке в его нынешнем виде).

теряла свой смысл, поскольку суверенный турецкий декрет, который был подготовлен на базе договора, не смог вступить в силу, именно в той части, которая была самой важной для достижения основной цели.

По мнению Кюфштайна, первое и единственное оговоренное условие, которое в известной степени касалось этого вопроса, включала статья 62 Берлинского договора 1878 г. Она в определенной мере могла считаться изменением соответствующей статьи Парижского договора для адаптации к существующим условиям. Но, по мнению Кюфштайна, новая редакция по-прежнему не была ясна окончательно и позволяла толковать ее по-разному.

Право *официального покровительства*, предоставленное иностранным представителям в Османской империи, по мнению Кюфштайна было недостаточно дефинировано. По-прежнему оставалось неясным, касается ли оно только граждан иностранных государств. Кроме того, не пояснялось, что значит *droits acquis à la France,* и идет ли речь о лицах и институтах, которые находятся под французской протекцией, либо о французском протекторате в целом.

Специально или нет, но, как отмечает Кюфштайн, детального погружения в вопрос, которое вполне закономерно могло привести к большим сложностям, постарались избежать. В результате стороны были удовлетворены общей формулировкой, недостаточной для того, чтобы при глубоком анализе найти истинное решение проблемы. По его мнению, целью статьи 62 было сохранение существующего положения, хотя при столь расплывчатой формулировке она скорее была лишена содержания.

Кюфштайн настаивает, что никакой анализ соглашений с Турцией не поможет пролить на этот вопрос больше света. По примеру договоров с римскими императорами, договоры с австрийскими эрцгерцогами или с королями Венгрии, договоры между Турцией и Францией, Венецией или другими великими державами в первую очередь содержали формулировки, которые гарантировали христианам свободу вероисповедания и защиту. Согласно прежним договорам с римскими императорами или с королями Венгрии, у них также было

право вмешиваться ради помощи христианам и христианской вере в отдельных районах, организациях и орденах. Но, по мнению Кюфштайна, невозможно найти более конкретных уточнений права протектората. Оно было создано в практике *iusconsuetudinarium* (обычного права) и таким образом охватывало определенные сферы влияния, доступу в которые остальным каждая из иностранных держав пыталась препятствовать для сохранения собственного авторитета. Таким образом, поскольку общепринятой нормы не существовало, разные страны развивали различные, как по сути, так и по охвату, формы протектората. Кюфштайн утверждает, что Турция предоставила привилегии албанским епископам по просьбе Императорско-королевского посла в Константинополе. В то же время епископы, находившиеся под французским протекторатом, получили привилегии по негласной договоренности.

Говоря о праве на протекторат, Кюфштайн подчеркивает, что необходимо предварительно внести некоторые уточнения.

Россия первой установила права на протекторат не только над религиозными организациями и их членами, но и над всеми подданными султана и других иностранных держав, которые принадлежали к ее религиозной общности. Ныне, после подписания Парижского и Берлинского договоров, эта формулировка может считаться недействительной. Неизвестно, имеют ли другие страны подобные претензии.

Кроме того, необходимо уточнить, требуется ли включать в уже существующий протекторат лишь иностранных подданных в религиозной общности или всех верующих, независимо от их подданства.

Немецкий дипломат был убежден, что в существующих обстоятельствах церковные институты на территории Турции нуждаются в надежной защите. Необходимо было гарантировать им безопасность во всех аспектах, включая безопасность отдельных их членов в вопросах, связанных с религией. Поэтому он утверждает, что, когда бы иностранный гражданин ни обратился за дипломатической помощью, она может и должна быть ему оказана. Так на основе международных соглашений и особых условий Берлинского договора дипломатическое вмешательство может заменить действие протектората.

Вопрос, включает ли протекторат все церковные институты на данной территории, по мнению Кюфштайна, также может породить противоречия. В связи с этим он отмечает случаи, хотя и немногочисленные, когда одновременно с существующими национальными церковными институтами возникали новые, и по отношению к ним протекторат осуществляется с таким усердием и настойчивостью, что препятствовать ему было бы сложно.

По мнению Кюфштайна, всё это становится более понятным, если иметь в виду, что право протектората не сводится только к защите клира и церкви перед местными властями. Права церкви и религиозных институтов, а также и отдельных представителей клира, нередко приходилось защищать в частном порядке. В результате протекторат оказывал большое влияние на эти институты, что не могло оставаться незамеченным и нередко становилось поводом для недоразумений, подрывающих репутацию религиозных институтов.

Кюфштайн, как и Иппен, считал, что католическая церковь нуждается в протекторате, однако порой он выходит за рамки полномочий и необоснованно служит политическим целям. По мнению Кюфштайна, прямое обсуждение этого вопроса между великими державами, учитывая правовую ограниченность церковными интересами, географические условия и относительно небольшую численность католиков на Востоке, даже в самых общих чертах влекло серьезные риски.

По его мнению, решение этих проблем едва ли принесло бы положительный эффект. Основные аргументы, приведенные в Парижском и Берлинском договорах, по своей неясности и неконкретности лишь создавали дополнительное поле для разнонаправленных толкований. Они не касались деталей и были недостаточны, чтобы стать основанием для какого-либо решения и уточнения сложных аспектов протектората.

Кюфштайн отмечал, что существовала и другая причина, по которой упомянутая статья 62 не могла стать окончательным и верным решением. Причина эта, вероятно, была и самой значительной. Предварительные условия, изложенные в предыдущем тексте Парижского договора, в целом не были выполнены. К тому времени на Востоке католическая церковь

не могла воспользоваться правами на спокойствие и безопасность, которые ей гарантировались, а вынуждена была вести борьбу на нескольких фронтах с враждебностью и недоброжелательностью, которые делали невозможным ее свободное развитие. Очень часто это препятствовало даже регулярным богослужениям, поэтому немецкий дипломат считал, что само существование католической церкви в этих краях невозможно без иностранного протектората. Эта задача со всей очевидностью возлагалась на державы, которые традиционно ее выполняли и чье влияние в данном вопросе признавалось Высокой Портой.

Интересная информация о практическом функционировании австро-венгерского протектората содержится в исследовании, выполненном Каличе, посланником в Константинополе[1].

Он, как и Иппен, начал с изучения предыдущих договоров между Австро-Венгрией и Высокой Портой, где содержались предписания относительно католического клира в Турции, переведенных с турецкого на французский, за исключением последнего документа, который был переведен с немецкого языка[2]. Хотя различий с процитированными Иппеном на немецком языке предписаниями нет, мы всё же приведем данный текст в примечании[3].

---

[1] HHStA, LiasseTurquie/XIII B, Buyukdere, 18. Juli 1892, Studie über das katholische Schutzrecht in Albanien, 1 Beilage, Freiherrvon Calicean Seiner Excellenz Herrn Grafen Kálnoky, Wien (Изучение права протектората над албанскими католиками. Приложение 1 к докладу № 39 Е. Буюкдере, 18 июля 1892 г. Барон Каличе его превосходительству графу Калноки).

[2] Разумеется, прекрасный перевод сделан Роберто Браво.

[3] Пункт XIII Карловацкого договора от 1699 г. (перевод оригинального турецкого документа):

Les dispositions contenues dans les capitulations impériales délivrées sous les règnes glorieux des Sultans précédents et dans les firmans et commandements spéciaux à l'égard des religieux dépendants du Pape de Rome et professants la religion de Jésus, sont confirmées de Ma part, afin qu'elle soient dorénavant, aussi, considérées comme valables, ainsi qu'il suit : qu'il ne soit apporté aucune entrave à la réparation de leurs églises sur leurs anciens fondements, ni à l'exercice de leurs cérémonies religieuses usuelles ; que les dits religieux, à quelque catégorie qu'ils appartiennent, ne

Каличе настаивал на том, что, учитывая эти документы, невозможно оспорить существование правовых основ австро-венгерского религиозного протектората над католической церковью в границах Османской империи. Он в какой-то мере считал, что право протектората над католической церковью возникло в момент предоставления Высокой Портой прав католикам при подписании цитируемых договоров. Свобода вероисповедания и право строить и реконструировать церкви и храмы имели статус соглашения, подписанного между турец-

---

soient pas molestés par des prétentions d'argent, ni sous d'autres prétextes contrairement à la loi du Chéri et aux capitulations impériales ; qu'ils jouissent, au contraire, sous Ma protection impériale, d'une tranquillité parfaite et que l'Ambassadeur de l'Empereur Romain, en venant à ma Porte de félicité, fassent connaître leurs demandes relativement à leur culte et à leur lieux de pèlerinage à Jérusalem.

Статья IX Белградского договора от 1739 г. (перевод с турецкого):

Les concessions accordées antérieurement et postérieurement au traité de paix de Passarowitz à tous les religieux et spécialement à ceux appelés « padri trinitari » (qui dépendent de l'Empereur Romain et se vouent à 'affranchissement d'esclaves), lesquelles concessions se trouvent insérées dans les capitulations impériales délivrées sous les règnes glorieux des Sultans précédents et dans les firmans et commandements spéciaux émanés à l'égard de religieux dépendants du Pape de Rome et professants la religion de Jésus,- sont confirmées de Ma part, afin qu'elle soient, dorénavant aussi, considérées comme valables, ainsi qu'il suit : qu'il ne soit apporté aucun obstacle à la réparation de leurs églises d'après ce qui est admis par la loi du Chéri, ni à l'exercice de leurs cérémonies religieuses usuelles ; que ni les susdits religieux ne soient molestés par des prétentions d'argent ni sous d'autres prétextes, contrairement à la loi sacrée et aux capitulations impériales ; qu'ils jouissent, au contraire, sous Ma protection impériale d'une tranquillité parfaite, et que l'Ambassadeur de l'Empereur romain, en venant à Ma Porte de félicité, fasse connaître leurs demandes relativement à leur culte, à leurs lieux de pèlerinage à Jérusalem, et à leurs églises situées dans différents endroits.

Статья XII Свиштовского договора от 1791 г.:

«Что касается практикования христианской католической религии в Османской империи, ее священников, последователей, сохранения и строительства церквей, свободы вероисповедания и личной неприкосновенности, посещения и сохранения Святых мест в Иерусалиме и других святынь, Высокая Порта обновляет и подтверждает с учетом существующего статус-кво не только гарантированные привилегии пункта IX Белградского договора, но и все предоставленные позже в ферманах и других султанских распоряжениях права».

ким правительством и монархией Габсбургов. Из этого автоматически проистекало право Австро-Венгрии следить за его исполнением и вмешиваться, в случае жалоб и обращений со стороны католического клира. Каличе подчеркивал, что право протектората не является косвенным следствием двусторонних соглашений, а имеет четкую правовую основу, сформулированную в конце статьи XIII Карловицкого мирного договора, а также в пункте IX Белградского договора, которые мы уже цитировали. Там признано право императорского посланника выступать перед Высокой Портой в качестве представителя интересов римско-католического клира по церковным вопросам. Таким образом, защита интересов католиков практически оказалась прерогативой Австро-Венгрии. Необходимо подчеркнуть тот факт, что подобная недвусмысленная формулировка существовала лишь в договорах с империей Габсбургов, но не с Францией.

Каличе отмечает, что право защиты неизбежно вело к тесной связи католических структур в Турции с Австро-Венгрией, являющейся гарантом их безопасности. По его мнению, австро-венгерские дипломаты также имели право выполнять арбитражные функции перед местными властями по всем религиозным вопросам, а также когда речь шла об официальной защите австрийских подданных. Это означало право на покровительство и консульскую помощь, аналогичную той, которой располагали граждане Австро-Венгрии перед местными властями с учетом оговоренных в договорах исключений.

Это толкование положений полностью соответствовало существующему в то время протекторату над католической церковью в Турции. Австрийские дипломатические власти поручили консульским представительствам осуществлять защиту и покровительство над католическим клиром так, как они защищали бы собственных граждан. Каличе писал, что дипломатические представители регулярно информировали о наиболее важных случаях их участия и личного заступничества за католический клир перед местными властями при выдаче разрешений на строительство и ремонт церквей, монастырских построек, школ, больниц, кладбищ и проч. Они направляли действия властей и помогали в принятии решений, связанных

с интересами церквей, монастырей и образовательных институтов, со свободой вероисповедания и неприкосновенностью жилища католиков. Австрийские представители подавали местным властям прошения от имени монастырей и школ об освобождении от налогов и сборов, помогали им при обращении в суд. Каличе подтвердил, что австрийская сторона не оказывала прямого влияния на местную администрацию или на исполнительную власть, а лишь поручила консульским представительствам участвовать в урегулировании вопросов, находящихся в их компетенции.

Как отметил Каличе, Австро-Венгрия могла доказать существование религиозного протектората, подтвердив это большим количеством в архивах своих посольств и консульств дел о случаях своего участия в защите реальных прав католиков. Особенно значительна была помощь австрийских дипломатических служб при получении разрешений султана, называемых рекомендациями, о назначении на посты епископов и уверение его в том, что они находятся под официальным австро-венгерским покровительством. Епископам, находившимся под покровительством Франции, подобные рекомендации не выдавались. В рекомендациях для султана цитировался соответствующий параграф Белградского договора и, по мнению Каличе, они представляли собой еще одно доказательство активного функционирования протектората и его признания Высокой Портой.

Всем, кто знал, в каких условиях работали дипломатические представители в Османской империи, было ясно, что интересы католиков необходимо защищать, учитывая права, гарантируемые им законом. По мнению Каличе, без вмешательства Австро-Венгрии католическая церковь скорее всего не смогла бы сохранить собственность храмов и церковных построек и еще в меньшей степени смогла бы увеличить свою собственность. При видимой толерантности, проявляемой турецким правительством, многое зависело от личных связей, не было подкреплено ни доброй волей, ни желанием властей облегчить христианам условия существования, даже когда это было вполне посильно. Позиция властей, как отмечал Каличе, заключалась в установлении всевозможных препон — нередко они отказывали католикам в их неотъемлемых правах и настолько

затягивали рассмотрение вопросов, что делали бессмысленными попытки их решения.

Австро-венгерский посол подчеркивал, что без религиозного протектората особенно тяжелыми оказались бы условия существования католиков в отдаленных и глухих уголках страны, где население было преимущественно мусульманским, а в обществе, как на протяжении предыдущих веков, так и ныне, продолжали царить нетерпимость и ненависть к христианам. Непримиримость мусульман была еще более значительна на фоне очевидной слабости и неспособности правительства справиться с неожиданными вспышками исламского фанатизма. Каличе утверждал, что в подобных ситуациях исключительно сложно было вынудить Порту предпринять энергичные действия. Хотя правительство более всех нуждалось в поводе доказать собственный авторитет, без серьезного вмешательства и давления иностранного протектората не было бы сделано ничего для защиты интересов католической церкви.

Однако, по мнению Каличе, столь активной деятельности религиозного протектората не потребовалось бы, не будь католический клир в Турции представлен по большей части иностранными священнослужителями, за которыми стояла сила привилегий, которые полагались лично им как иностранным подданным. В противном случае не было бы возможности препятствовать действиям турецкой власти против собственных граждан, и действия австро-венгерского протектората были бы сведены к решению вопросов правового характера. Кроме того, в последнее время появлялись серьезные возражения относительно права венских дипломатов выступать в защиту католических священнослужителей, являвшихся подданными султана. По этому вопросу был ряд разногласий с Высокой Портой, что могло привести к серьезным спорам и даже задержке решений, ожидаемых Австро-Венгрией.

Сохранение протектората и «Ориентальных фондов». Изменения в их предназначении и использовании

Турецкие власти подвергали католическую церковь в османских границах серьезным лишениям и испытаниям. Для сохранения миссионерских общностей, которым всё больше грозил

распад, австрийская корона создала фонды помощи, получившие название «Ориентальные фонды»[1]. За десятилетие после 1790 г. денежная сумма в них значительно возросла и достигла 90000 форинтов в государственных облигациях, выпущенных специально для этих целей Государственной королевской и придворной канцеллярией, которое было уполномочено управлять фондом. Резолюцией кабинета министров от 30 декабря 1842 г. было принято решение о подготовке подробного доклада по вопросу, могут ли средства данных фондов использоваться в определенных целях.

Согласно этому докладу, верховный архиепископ Вены в документе от 14 мая 1843 г. высказался против капитализации годовых процентов и выступал за использование полученных сумм в пользу церквей на Востоке. Его предложение было поддержано и придворной канцеллярией.

Далее читаем: «Основной наш политический интерес заключается в сохранении и расширении своего влияния на Востоке таким образом, чтобы, если мы предпримем интервенцию, данный фонд мог использоваться как гарантия этих целей».

Там же указано, что право управления этими средствами, с учетом резолюции от 29 сентября 1843 г., указа придворной канцеллярии от 28 октября 1843 г (Z. 34.527/3783), а позже и указа от 14 октября 1843 г. (Z. 348) и от 25 октября 1843 г. (Z. 5653) возлагалось уже на Императорско-Королевское главное казначейство (а не на Государственную королевскую и придворную канцеллярию). С другой стороны, управление фондом, администрирование, ведение официальной бухгалтерии, обязанность контролировать денежные потоки с учетом действующих нормативов, подготовка в конце каждого трехмесячного периода балансовой отчетности для Придворной канцеллярии оговаривались в отдельном обобщающем указе от 22 ноября 1843 г. (Z. 34667/3798).

Общее Императорская и Королевская придворная канцеллярия резолюцией от 7 марта 1844 г (7.3.1844, Z. 7422/819, изх. № 15559/120 от 1847 г.) одобрила доклад 21 декабря 1842 г.

[1] HHStA. NLSzapary. K. 3. Следующая информация содержится в обобщающем докладе департамента «Ориентального фонда» и предназначена для сотрудников министерства.

(Z. 40070) об использовании средств «Ориентальных фондов» в пользу миссий.

Право просить помощи из этого фонда имели церкви, монастыри и миссионерские организации в Египте, кроме того католические организации на турецкой территории, граничащей с Австрией, а также францисканский монастырь Святой Богородицы Драперис в Пере.

В другом докладе, подготовленном с той же целью, что и предыдущие и посвященном «Ориентальным фондам»[1], а также в тайных докладах Государственного Королевского и придворного казначейства от 22 ноября 1841 г. и от 11 декабря 1842 г. подтверждается, что средства, собранные благодаря добровольным пожертвованиям в различных провинциях Австрийской империи в 1798 г., использовались для помощи католическим священникам и церквям на Востоке.

Согласно докладу придворной канцеллярии от 20 мая 1847 г., фонд для выкупа пленников был собран из средств закрытых монастырей Ордена Святой Троицы. Изначально доходы этого фонда предназначались для выкупа христиан из мусульманского плена, позже средства пошли на поддержку больниц в Константинополе, Александрии и Смирне.

В дальнейшем, когда больницы стали обеспечивать себя сами, благодаря доходам, полученным за выхаживание больных, средства, полученные из фонда на выкуп пленных, согласно докладу, начали использоваться для поддержки католического образования в приграничных провинциях Турции.

На основании доклада Министерства иностранных дел от 21 января 1864 г. (Zl. 417), австрийский император подписал резолюцию от 28 января 1864 г., где переложил ответственность за решение вопросов, связанных с фондом для выкупа пленных и фондом для миссий, с Государственного министерства на Министерство иностранных дел. На основании доклада Государственного министерства от 8 февраля 1864 г. (Zl. 7172/235, протокол Z. 2388 от 1864 г.) и на основании распоряжения Государственного министерства от 15 марта 1864 г. (Zl. 2532/U.M), все вопросы, связанные с фондами, находящимися

[1] HHStA. PAXII. K. 271.

в распоряжении Министерства иностранных дел, были переведены в ведение Общей счетной палаты. С этого момента Счетная палата должна была незамедлительно заняться рассмотрением всех обращений и докладов, связанных с этими фондами, в том числе относящихся к предыдущим годам или связанных с больницей в Галата[1].

На основании распоряжения Министерства иностранных дел от 25 июня 1866 г. (Zl. 7362/K) и распоряжения Министерства финансов от 16 июня 1866 г. (Zl. 8716 и 35961), управление фондами для миссий на Востоке, которым до сих пор занималось Общее государственное казначейство, с 1 июля 1866 г. переходило к казначейству Министерства иностранных дел.

Учитывая распоряжение Zl. 1350/III от 1869 г., казначейство МИД получило указание, вступавшее в силу с 1 января 1869 г., вести одну общую учетную книгу для фонда выкупа пленных и фонда поддержки миссий на Востоке.

Состояние средств двух фондов должно было регистрироваться отдельно, чтобы в случае необходимости их легко можно было разделить.

Распоряжением Zl. 16845/III от 1874 г. Общая счетная палата требовала в дальнейшем предоставлять ей копию годового финансового баланса средств из «Ориентальных фондов».

Резолюцией 6946.6.1880 от 11 апреля 1880 г. Министерству иностранных дел было дано право предоставлять помощь в рамках сферы своих полномочий за счет «Ориентального фонда» и резервного фонда в максимальном размере до 1000 форинтов и информировать об этом его величество докладами раз в три месяца.

Приложения:
HHStA. NLSzapary. K.3.

[1] Далее представляем еще два документа того же департамента, содержащих краткую информацию о фондах протектората и смене их предназначений, осуществленной империей Габсбургов.

Глава VII

МОНСЕНЬОР ПРИМО ДОКИ — ИДЕАЛИСТ, ГЕРОЙ ИЛИ АВАНТЮРИСТ?

Монсеньор Доки — аббат, глава епархии Святого Александра в Ороше, сторонник Вены, с помощью которого Министерство предполагало осуществить свои планы в Албании. Он поставлял информацию об албанцах, их настроениях и политических стремлениях, помогал установлению контактов между Австро-Венгрией и албанскими националистами, осуществлял проавстрийскую пропаганду среди населения, принимал активное участие в создании и распространении албанской письменности; в тесном сотрудничестве с Веной он создал Албанское литературное общество, писал в националистическом духе, работал над распространением албанской национальной идеи среди католического населения, пытался помирить албанские кланы и сплотить людей различных вероисповеданий.

По информации Вены[1], монсеньор Примо Доки, глава епархии Святого Александра, родился около 1849 г. в Ороше — болгарском селе недалеко от Алесио (Лежи). Окончил римский «Колегиум Урбанум» по направлению «католическая пропаганда». В 1875 г. стал приходским священником в Мирдите, где сблизился с Пренком Бибом Додой после его возвращения в 1876 г. Под предлогом стремления помочь Албании освободиться от турецкого владычества, он связался с Гарибальди

[1] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse V/1. Albanien V: Albanesische Patrioten I Allgemeines 1900–1909, Bericht Nr. 1. Scutari, den 31. Jänner 1901. Generalkonsul Ippen über die Notabilitäten der nationalen Partei in Albanien. I Beilage. Fol. 39–40 b. An Seiner ExcellenzGoluchowski (Албания V: Албанские патриоты. I. Общая информация 1900–1909. Генеральный консул Иппен информирует о наиболее именитых албанцах, сторонниках национального движения. Голуховскому, приложение I к докладу).

и Пьетро Кьяри, лидером итало-албанского комитета в Мессине, а также, через Черногорию — с Комитетом южных славян и Славянским обществом в России. В декабре 1876 г. он переехал в Цетинье с намерением склонить на свою сторону князя Николу, за что был отозван епископом Малджинским. Весной 1877 г. участвовал в восстании против турецкой власти в Мирдите, недалеко от Гусине, был схвачен турками при попытке бежать в Черногорию и экстрадирован в Константинополь. Там его передали апостолическому нунцию при условии, что в Албанию Доки никогда не вернется. После краткого пребывания в Риме Доки в качестве секретаря высшего духовного лица отправился в Канаду и провел там около шести лет. В декабре 1883 г. он проехал через Корфу (где завоевал симпатии греко-албанского комитета) и Антивари (Бар), направляясь в Афины, где должен был стать постоянным помощником архиепископа Маранго. В сентябре 1884 г. Доки сопровождал кардинала Антонио Алиарди в его путешествии в Бомбей, в качестве нунция в Восточной Индии, и оставался там до 1887 г.

После возвращения в Рим ему был предложен пост аббата в Мирдите, но лишь при условии, что турецкое правительство не будет против его возвращения и Австро-Венгрия одобрит его кандидатуру. Доки отправился в Константинополь, где при содействии армянского католического патриарха Азаряна получил разрешение Порты вернуться в Албанию. Оттуда вновь вернулся в Рим, посетив по пути Вену. Официально вступив в должность аббата Мирдиты в 1888 г., он отправился в Константинополь и, получив соответствующие документы, в ноябре 1888 г. прибыл в Албанию.

Почему Вена была заинтересована в Примо Доки, который уже был известен своими идеями о независимости Албании и близостью к Риму и Папе, а также давно вызывал пристальный интерес и недоверие турецких властей?

Вена запросила от своих консулов списки всех влиятельных албанцев, которые могли быть включены в так называемое албанское национальное движение в каждой из областей страны. Согласно докладу от 31 января 1901 г (см. приложение 257), полученному из Скутари, в списке от этой области было всего одно имя — аббата мирдитов, давнего сторонника Вены. Пред-

полагалось, что есть еще два человека –дервиша, но австро-венгерский представитель на тот момент не был с ними знаком и не мог предоставить о них никакой информации[1].

Интересно, почему в этой значимой албанской области, колыбели всех важных перемен в стране, насчитывалось так мало приверженцев патриотического движения и независимого будущего Албании? Австро-венгерский дипломат полагал, что причиной тому послужили географические и социальные условия Скутари, и привел их детальный анализ.

Большую часть местного населения составляли католики, жившие в горах. Объясняя, почему в подобных условиях национальная идея с трудом могла бы пустить глубокие корни, Иппен приводит историческую аналогию: швейцарские кантоны. Население кантонов, хотя и было германским, никогда не обладало ни национальным самосознанием, ни организованными национальными движениями. Швейцарские крестьяне лишь хотели освобождения от иностранного управления и свободной жизни по обычаям каждого кантона. Подобным образом крестьяне албанских гор стремились к одному — освободиться от оков османского правления и жить по традициям своего клана. Национальная идея была им полностью чужда. Поэтому албанские крестьяне всегда были готовы восстать против своих поработителей, даже если призыв к восстанию исходил от их злейших врагов — черногорцев. Но национальную идею они считали абсолютно непрактичной.

На втором месте по численности и значимости в Скутари было мусульманское население. Для них, как уже пояснялось в предыдущих докладах, национальная идея могла повлечь дополнительные социальные и экономические сложности. Поэтому мусульманам необходима была иная, отличная от других, мотивация, чтобы они включились в национальное движение и не отвергли бы идею априори. Лишь ничтожно малое количество мусульман не видело в ней угрозы своим экономическим интересам и присоединялось к албанским патриотам. Как

[1] Речь идет об одном дервише из ордена бекташи, главе дервишского монастыря Теке Фуша-Круя в селе Дервен недалеко от Круя, духовном лидере бекташей этого района. Второй жил в собственном доме в Круе и был в области вторым по статусу среди дервишей бекташи.

правило, их влияние, было слабым, и потому нельзя было сказать, начнет ли оно нарастать, или сойдет на нет.

Кроме того, католическое население в городах и духовенство предполагали, что патриотические идеи в целом имеют практическое значение, но такой патриотизм сводился лишь к пустым разговорам и высокопарным речам, которые меркли перед более убедительными аргументами, такими, как прибыль и интерес, которые всегда были на первом месте.

При таких малообещающих перспективах спонтанного и быстрого развития албанской национальной идеи, Вена решила возобновить контакты с аббатом Примо Доки и, несмотря на сомнения и возражения, посвятила его в свои планы.

На принятие этого решения наибольшее влияние оказало мнение барона Цвидинека, который встречался с монсеньором Доки во время его продолжительного пребывания в Вене в начале 1897 г.[1]. Спустя несколько месяцев Цвидинек писал, что монсеньор Доки — «патриот, лояльный к Австро-Венгрии и убежденный, что она — единственная сила, которая могла бы помочь Албании. Он образован и энергичен, лидер своего клана и обладает большим влиянием среди горных племен». С другой стороны, Цвидинек был убежден, что нет более подходящей кандидатуры для работы по объединению всех албанцев во имя национальной автономии[2].

Примо Доки завоевал благорасположение австрийского барона некоторыми общими идеями, своим рвением и планами, которые радовали слух барона. Аббат описывал положение дел в крае так, как это хотели услышать, а не как это было в действительности, и партнерство с ним казалось Вене многообещающим[3]. В то же время албанский священнослужитель демонстрировал хорошее понимание стратегических интересов Австро-Венгрии и полагал, что один из важнейших ее ин-

[1] См.: HHStA. PA I. K. 473. Wien, am 29. März 1897. доклад, написанный на следующий день после его отъезда из австрийской столицы. С. 716–722.

[2] HHStA. PA I. K. 473. Wien, 6. April 1897. Promemoria Freih. V. Zwiedineck über das MémoireDocchi's betr. Albanien, Fol. 688–689, (Меморандум барона Цвидинека по поводу доклада Примо Доки об Албании).

[3] HHStA. PA I. K. 473. Wien, 29. März 1897. Fol. 716–722.

тересов: рождение независимой Албании, достаточно сильной, чтобы вести собственную политику, отличную от славянской, греческой или итальянской. По словам монсеньора, слабая и раздробленная Албания может стать лишь игрушкой в руках соседних государств. Поэтому он считал, что Австро-Венгрия заинтересована в формировании албанского национального сознания не только среди мирдитского населения, но и среди всего народа[1].

Он также утверждал, что Италия, основной соперник Австро-Венгрии, не пользуется симпатией среди албанцев и вызывает у них недоверие. Это было не совсем верно, но нравилось австрийцам, которые стремились к осуществлению своих планов в Албании.

Монсеньор Доки выдвинул очень уместные предложения, о которых Вена уже думала и решила приступить к их исполнению. Наиболее важные из них были связаны со школами и публикацией книг. По мнению Доки, албанцы должны, в первую очередь, поверить тем, кто займется книжностью и образованием, таким образом завоевав их доверие. Если учебники смогут поднять национальный дух народа, это будет огромным шагом к становлению его самосознания.

Другая важная идея Доки, которую поддержали и включили в свои планы австрийцы, была связана с изданием албанской газеты. По его мнению, со временем подобная газета должна быть хорошо встречена в стране.

Еще одной точкой соприкосновения во мнениях Доки и Вены стало назначение католических епископов, благосклонных к намерениям Австро-Венгрии. Албанский священник считал, что присутствие среди мирдитов патриотично настроенных епископов могло бы оказать благоприятное влияние. До этого духовенство руководствовалось в основном личными интересами. Однако препятствия началу патриотической работы заключались в деятельности низшего духовенства, не способного направить богослужение на пользу национальным идеалам.

Интересно также мнение Доки относительно возможности найти людей, преданных албанской идее. К сожалению, ответ

[1] Ibid. S. 720b-721 b.

был отрицательным, поскольку под натиском турецких управленцев знатные роды смирились с существующим положением и замкнулись в своем ближайшем окружении. На тот момент албанцы не были способны выстроить политику будущего развития, они думали не о нем, а лишь о сиюминутных интересах.

Необходимо отметить позицию аббата по поводу мирдитского клана, к которому принадлежал он сам, и враждебных отношений между тремя этническими общностями в Албании. Самыми малочисленными были мирдиты. У них не хватило бы сил для образования политического ядра среди мусульман и православных. И те, и другие поглотили бы их. Иначе могло сложиться в случае объединения трех этих групп — мусульман, католиков и православных. Тогда мирдиты, выполняя функцию «балансира», стали бы играть более значительную роль для своих соплеменников, которые сейчас о них практически не знали. Тогда перевес был бы на стороне тех, кого поддержали мирдиты, — т.е. либо мусульман, либо православных.

Помимо множества докладов, где описаны конфиденциальные встречи между австро-венгерскими дипломатами и монсеньором Доки, его идеи изложены также в документе под названием «Меморандум о средствах, которые необходимо вложить в достижение независимости Албании» от 14 марта 1897 г., который был написан во время его пребывания в Вене[1].

Этот документ состоит из двух частей, каждая из которых, в свою очередь, также разделена на две части. Первая часть посвящена средствам, необходимым для достижения автономии Албании. Вторая излагает процесс формирования албанского государства. Каждая из этих идей сперва изложена в форме резюме, а затем раскрыта более подробно.

Первый шаг к автономии, по мнению монсеньора Доки, — распространение и развитие идеи автономии среди населения. Основное препятствие к этому он видит в разнородности внутренней администрации страны, что не позволяет и ему самому описать ее нынешнее состояние с какой-то определенной точки зрения. Вот его слова:

[1] HHStA. PA I. K. 473. Wien. 14. März 1897. Promemoria Primo Docchi's über die zur Entwicklung der Autonomie Albanien's anzuwendenden Mittel. Résumé desselbenI. Theil.

«Отличается, в городских и горных районах, положение мусульман и христиан. Есть отличия даже между мусульманами из различных областей, равно как и между христианами из разных областей. Некоторые общины располагают почти полной свободой, а другие — и христианские и мусульманские — не имеют почти никакой. В районах, где преобладает католическое население, имеют силу местные законы, а в мусульманских областях действуют законы Османской империи.

Есть несколько горных общин, как католических, так и мусульманских, которые не были покорены. О Скутари, Якове и Дибре также нельзя сказать, что они полностью были подчинены воле султана».

Монсеньор Доки не предполагал, что в данной ситуации возможна настоящая автономия, он понимал: это лишь приблизительная модель того, что необходимо развивать. Но он был убежден, что идея независимости и самоуправления уже заняла свое место в умах и сердцах многих албанцев. По его мнению, необходимо было способствовать распространению этой идеи и среди врагов Албании. Это вызвало бы отрицательную реакцию турецких властей, что, в свою очередь, сплотило бы албанские общины, и они в итоге объединились бы в единое государство.

После распространения идей автономии необходимо было сделать второй шаг — достичь всеобщего перемирия По мнению монсеньора Доки, перемирие абсолютно необходимо для прекращения вражды и кровной мести между различными племенами, и чтобы не позволять сторонним силам вмешиваться под предлогом стремления помирить албанцев.

Есть ли такая возможность? Монсеньор Доки считал, что да, поскольку подобные прецеденты уже встречались, и сами албанцы в прошлом так поступали[1]. Кроме того, после заключения перемирия, албанцы добросовестно его соблюдали, согласно своим традициям.

Как можно это осуществить? По мнению монсеньора Доки, это возможно, если наиболее влиятельные представители хрис-

[1] Речь идет о Призренской лиге 1878–1897 гг., целью которой было противодействие некоторым решениям Берлинского конгресса, связанным с передачей Черногории территорий, которые албанцы считали своими.

тианских и мусульманских общностей в городах и горах установят секретные контакты и достигнут соглашения о перемирии. Он считал, что мир должен наступить как между отдельными племенами, так и между враждующими районами по всей стране.

Аббат предполагал, что с помощью денег горских албанцев необходимо вынудить отказаться от кровной мести, также должна быть подкуплена часть турецкой администрации. В любом случае действовать следует внимательно и разумно, не вызывая подозрений у властей относительно истинной причины перемирия.

В качестве третьего шага Примо Доки рекомендовал подписание союза для национальной защиты против любых иностранцев, которые бы вторглись в страну, нарушив территориальную целостность Албании. Этот союз должен быть учрежден теми же людьми, которые работали над перемирием. В отличие от предыдущей лиги с 1878 по 1897 гг., против создания которой турки не возражали, на сей раз требовалось представить идею, как исходящую от самих албанцев, точнее от албанских мусульман, чтобы избежать противодействия властей. Аббат надеялся, что правительство признает необходимость новой лиги и объявит ее «положительно влияющей на их управление Албанией». Этому способствовало бы нынешнее положение Турции, которая испытывала угрозы со всех сторон и постоянный страх перед возможным вторжением соседних стран в албанские земли, при «вялой апатии самих албанцев». Монсеньор Доки полагал, что албанский союз обеспокоит, в первую очередь, Черногорию, Сербию и Грецию, чьи правительства сделают всё возможное, чтобы помешать его созданию, если усмотрят в нем предвестника албанской независимости.

Четвертый шаг, по мнению Доки, предполагал создание специальной комиссии, которая занялась бы разработкой и осуществлением программы конкретных действий. Эта комиссия должна была состоять из наиболее влиятельных и образованных людей страны, а в программу следовало включить следующие три пункта:

В первую очередь, необходимо было сохранить хорошие отношения с султаном, признав его верховным законным сувереном. Во-вторых, управление страной должно было перей-

ти от нынешних турецких властей к местным, но постепенно и осторожно, чтобы их не заподозрили в конспирации. Поэтому аббат предлагает первоначально не менять ничего в городах, где управление находилось в руках иностранцев, верных турецкому правительству и располагавших властью и войсками. Постепенно, с течением времени их следовало заменить на представителей местного населения различного вероисповедания. Также требовалось возродить влияние и права старых албанских родов для укрепления привилегий полуавтономных общин и распространения идеи независимости.

Наибольшую опасность для этого плана представляли внутренние распри в пограничных областях, где конфликты могли дать повод к иностранному вмешательству на албанской территории.

Третьим пунктом деятельности комиссии значилась необходимость верно определить и защитить подлинные интересы Албании перед иностранными государствами.

Согласно аббату, для мирдитов истинными противниками Албании были славяне, балканские страны и Италия, а с другой стороны — культурно-политические движения, панславизм и грекофильство. Тогда как соседние страны по очевидным причинам было легко определить как врагов Албании, Италия, на его взгляд, представляла наибольшую опасность, поскольку демонстрировала видимую симпатию к стране, а в сущности желала аннексировать ее территории. Как считал Примо Доки, Италия стремилась оккупировать Албанию, чтобы расширить свои земли и умножить численность населения, поскольку нуждалась в храбрых албанских воинах; а также чтобы воспрепятствовать торговле и влиянию Австро-Венгрии, и, наконец, компенсировать потерю средств и утрату престижа после неудач в Африке.

С другой стороны, Германия и Англия проявляли полное безразличие к Албании, а внимание французов не интересовало никого, и лишь усиливало ее изоляцию.

Австро-Венгрия была единственным другом Албании, который искренне был заинтересован в ее защите. Примо Доки считал, что страна не обладает ни богатствами, ни языковой близостью, которая могла бы заставить Габсбургскую корону

желать ее аннексировать. Более того, Албания представляла бы для Австро-Венгрии постоянную угрозу войны, поскольку в случае австрийской оккупации, Италия, балканские страны, Россия и даже сами албанские мусульмане и православные немедленно восстали бы против завоевателей. Поэтому требовалось постоянно и активно опровергать слухи о том, что Австро-Венгрия якобы планирует оккупацию Албании. Единственное, чего хотела Вена, это видеть Албанию независимым и сильным союзником. Поэтому сохранение добрых отношений должно было стать важной частью работы комиссии.

На втором месте по важности в этом документе Примо Доки указывает уже упомянутую нами идею становления албанских государственных структур. Начало этому процессу должно быть положено при основании в Северной Албании католического княжества: оно послужило бы центром, к которому постепенно могли присоединиться другие небольшие независимые албанские области. Монсеньор Доки не знал точного числа албанцев, которые могли бы стать подданными нового княжества, но верил, что это приблизительно два миллиона, в том числе чуть больше миллиона мусульман. Территориальный охват нового государства совпадал с четырьмя вилайетами: Скутари, Косово, Монастир и Янина, каждый из которых, по мнению аббата, должен был получить независимость, прежде чем присоединиться к Албанскому княжеству[1].

[1] Точные границы новых государств, по предположению монсеньора Доки, были следующими:

Область Скутари: После выхода из Бояны граничила бы с Черногорией, по побережью Адриатического моря граница шла до Гусине, оттуда через горы Мишкодра, Пулати, Пука и Мирдит спускалась к реке Мати и далее по ее течению продолжалась до мыса Родони. На противоположном берегу реки находилась область Круя.

Область Косово: На западе граница с государством Скутари проходила бы по горам, затем продолжалась по Баса Дибору в албано-македонской области. Затем направлялась к границе с Сербией и вдоль нее доходила до Гусине.

Область Круя: Река Мати отделяла бы ее от будущего государства Скутари. Круя должна была включать район Мати с городами Дуррес, Тирана и Кавая.

Область Тоскрия: К ней должны были относиться город Эльбасан и район Эпира с городом Янина.

Аббат предполагал, что создание четырех независимых государств в четырех вилайетах произойдет после создания независимого княжества в Северной Албании, и считал, что католики вместе с православными станут цивилизующим элементом нового государства и «привнесут исключительно много в создание объединенной Албании с единым правительством».

После этого монсеньор Доки переходит к подробному описанию объединенного католического государства, попутно предоставляя интересную информацию об албанском этническом элементе. Вот, что дословно он писал:

«За исключением католиков епархии Скопье и некоторых других в Дурресе Делбинисити на другом берегу реки Мати, остальные католики (160000) живут в вышеперечисленных границах области Скутари. Эта область не столь велика, но густо населена, в ней чередуются горы и долины, леса и реки. Недалеко друг от друга находятся епархии Скутари, Алесио, Сапа и Пулати, а восточнее от них — аббатство Святого Александра в Ороше, столице мирдитов. Связь с морем осуществляется через три реки — Бояна, Дрин и Мати.

В этой области, расположенной между Черногорией, вилайетом Косово и областью Круя, число мусульман едва достигало 50000, а славян — 10000. Мусульмане здесь не настолько храбры, как считается, поскольку в Скутари представляют большинство. Но их сила относительна, поскольку истинными хозяевами здесь являются католики ближайших гор. Католическое население этой области распределено по общинам: мирдиты из Козлы, Пуки, Пулати, Мишкодры (или скутарские мализоры), из трех скутарских епархий по течению рек Бояна и Дрин, епархия Сапа в долине Задримы на противоположном берегу Дрина и епархии у подножия гор Алесио между реками Мати, Дрин и морем. В западной части этой области находится пристань Медуа — в нескольких лье от Алесио и в 7 часах пути на лошади».

Все эти католики были прямо или косвенно подчинены генерал-губернатору (паше) Скутари, который управлял всем — и турками, и католиками, и селами по течению рек Бояна и Дрин, через своих наместников — каймакамов (избранных с одобрения Константинополя). Он управлял и всеми перечисленными выше общинами. Где того требовали расстояния

и условия, каймакамы, в свою очередь, также имели помощников — мудюров и бюлюкбаши.

В 1868 г., после смерти Биба Доды, католического принца мирдитов, Высокая Порта не признала наследственных прав династии Дода в Ороше, центре мирдитов. Благодаря давлению Австро-Венгрии и Франции на Берлинском конгрессе, турецкое правительство предоставило им право избирать католического губернатора из рода Дода, запретив при этом называть его «законным наследником» или «князем». Это способствовало смене правил и внутренним распрям внутри рода.

Согласно записке монсеньора Доки, летом 1896 г. турецкое правительство отправило в Скутари одного армянского католика на должность губернатора христиан. Но он не занимался решением их проблем — возможно, потому, что не знал языка и обычаев, или просто по той причине, что был направлен как официальный заместитель генерал-губернатора. Истина в том, что он не делал ничего. В последнее время специальные посланники османского правительства в Скутари вместо поддержания внутренней организации кланов, пытались ее разрушить. Это мешало местному самоуправлению отстаивать свои прежние привилегии, поэтому необходимо было принимать срочные меры. Наиболее подходящим решением было бы назначить Пренка Биба Доду губернатором христиан вилайета Скутари, вместо нынешнего армянского католика. Монсеньор Доки придерживался мнения, что в таком случае новый губернатор будет иметь возможность постепенно заменить турецких служителей христианами и спасти традиционные законы (Канкан), которые с древних времен определяли жизнь албанских католиков и укрепляли их моральные силы. Аббат считал, что новые служители должны быть приближенными Пренка Биба Доды, например, его родственниками. Такое решение представлялось оптимальным по четырем причинам. В первую очередь, новые чиновники будут принадлежать к наиболее благородному албанскому роду. Кроме того, они будут мирдитами, то есть представителями самого важного клана в стране. В-третьих, остальные роды через них породнятся с фамилией Дода. Четвертое преимущество заключалось бы в том, что, как родственники губернатора, новые чиновники

могли действовать решительно и без опасений. Но и это не всё. Прямым следствием такого управления стало бы прекращение вражды между католическими кланами (по мнению монсеньора Доки, разжигаемой турками). Все племена объединились бы в одно — мирдитское. И, наконец, в Северной Албании могло возникнуть католическое княжество с центром в Скутари, объединяющее 160000 католиков, живущих между Черногорией, вилайетом Косово, рекой Мати и Адриатическим морем. Доки был убежден, что под руководством Пренка Биба Доды с его энергией, смелостью и деньгами подобного благоприятного развития событий можно достигнуть быстро, без конфликта с Высокой Портой и кровопролития. Даже мусульмане приняли бы новый режим, учитывая большое количество христиан.

Стратегически наиболее важным было формирование албанской государственной структуры точно до границы с Сербией. Албанский аббат не оставил сомнений в том, до какой степени он понимает важность этого нового формирования для Австро-Венгрии и его значение как анклава империи в окружении сербов. В заключение он пишет:

«После создания княжества:

1. Черногория навсегда откажется от планов на территориальное расширение за счет Албании, поскольку у страны будет достаточно сил, чтобы этому противостоять.

2. Что касается Сербии, Косовский вилайет всегда будет союзником Северной Албании и не позволит Сербии захватить ни пяди албанской земли.

3. Негласно новое княжество будет австрийским, поскольку от Австро-Венгрии получит структуру, помощь и защиту.

Другим важным следствием создания княжества станет то, что вся Албания, наконец, добьется единого управления. Для этого необходимо развивать деятельность среди итальянских албанцев в Калабрии и Апулии. Они были православными, происходили из Эпира и говорили на том же языке, следовательно, могли бы распространять идеи независимости среди православных албанцев Эпира».

Документ завершался рекомендациями о пользе Пренка Биба Доды для реализации поставленных целей. Упоминался также интерес, проявленный Папой во время аудиенции с вы-

сшими сановниками албанского клира; 2 февраля 1897 г. они обновили свою предыдущую петицию в Ватикан. Примо Доки предполагал, что если Австро-Венгрия воспользуется своими отношениями со Святым отцом, он мог бы взять на себя переговоры с султаном, который не откажет ему в исполнении просьбы албанцев.

Барон Цвидинек перевел предложения монсеньора Доки на немецкий язык и представил их министерству иностранных дел, добавив некоторые комментарии об их содержании и личности автора, с которым провел немало бесед относительно его намерений и помощи, которую тот ожидал от Австро-Венгрии[1].

По мнению барона Цвидинека, план монсеньора Доки можно было свести к трем основным моментам. Первый и самый важный — скорейшее объединение католических кланов в горах при ведущей роли мирдитов. Второе, что следовало осуществлять в то же самое время, — привлечение к идее независимости мусульманской знати из Скутари, чтобы с ее помощью весь город смог включиться в намеченные действия. Третье, и совершенно необходимое, условие заключалось в содействии Императорского и Королевского правительства возвращению Пренка Биба Доды в качестве вице-губернатора вилайета.

На вопрос министра, что случится, если не будет исполнено абсолютное условие возвращения Пренка Биба Доды, Цвидинек ответил, что это препятствовало бы осуществлению всего плана, поскольку ни один другой албанец не пользуется таким авторитетом, как мирдитский лидер. Примо Доки хорошо знал стратегические интересы Австро-Венгрии и умело использовал их, чтобы убедить Вену в пользе своего плана. Согласно ему, после объединения католических кланов будет очень легко привлечь косовских мусульман к союзу для поддержания безопасности Албании. Осуществить задачи этого союза можно было значительно легче, если бы сербы и болгары продемонстрировали планы территориального расширения. После создания «Северного» союза объединительные процессы ускорятся, и албанские племена центральной части страны сами пожелают вступить в него. Так же поступят и беи Южной Алба-

[1] HHStA. PA I K. 473. Zwiedinek. Wien, am 6. April 1897.

нии, которые захотят присоединиться к остальным албанцам, если осознают опасность со стороны Греции[1].

По мнению аббата, албанские колонии в Апулии и Калабрии могли бы способствовать оформлению национального самосознания и достижению независимости[2]. Однако барон Цвидинек выразил обеспокоенность, что целью итало-албанского движения, упомянутого Доки, может быть создание итальянского протектората в центральной и южной части страны. Аббат ответил на это, что подобные опасения неосновательны и что «именно южные албанцы более прочих желают иметь объединенное государство, а федерация севера, центра и юга была бы гораздо полезней для них с точки зрения их автономного управления, нежели итальянский протекторат, который поставил бы Албанию в зависимость от иностранных держав»[3].

Эта благоприятная перспектива, хотя и была основана на словах одного- единственного человека, полностью совпадала с планами австро-венгерской дипломатии. Цвидинек, горячий сторонник этих планов, вручил министру записку монсеньора Доки и вновь подчеркнул, что Вена должна обеспечить сотрудничество с албанским аббатом. У барона не было сомнений, что Примо Доки желает воссоединения всех албанских племен, но для этого проекта необходима помощь Австро-Венгрии. Вместе с тем, Цвидинек считал действия подобного размаха маловероятными, отмечая при этом, что для Вены важнее прочего было создание структуры, которая «навсегда положила бы конец намерениям расширения Сербии и Черногории». Интересы монархии были бы достаточно защищены при создании албанского католического княжества на севере в союзе с кланами вилайета Косово.

Цвидинек информировал, что монсеньор Доки оставил за собой право не следовать строго определенным инструкциям; полная свобода действий была одним из его условий.

На основании разговоров с аббатом и упомянутых уточнений, Цвиденек считал, что в ближайшее время основной задачей австро-венгерских консулов в северной, центральной

[1] Ibid. S.691.

[2] HHStA. PA I K. 473. Zwiedinek. Wien, am 6. April 1897. S.691b.

[3] Ibid. S.692–692b.

и южной Албании будет установление связей с наиболее предусмотрительными албанцами[1] и выяснение, в какой степени они готовы к созданию союза для защиты страны.

Согласно последней информации барона, албанские мусульмане в приграничных с Санджаком и Сербией районах были склонны присоединиться к Австро-Венгрии. Венский дипломат опасался, что их истинный мотив был не в желании препятствовать расширению Сербии и Черногории за счет Албании. По его мнению, если албанцы ждут от Вены независимости, которая будет преподнесена в готовом виде, без необходимости самим создавать условия для нее, это в целом может навредить австрийским интересам. По мнению барона, крайне важно было, чтобы албанцы осознавали собственный долг защищать национальные интересы от иностранных посягательств. Лишь исполнив этот долг по мере своих возможностей, они смогут рассчитывать на помощь Вены. Австро-венгерские консулы в Призрене и Скопье вместе с монсеньором Доки должны были работать среди населения соответствующих областей именно в этом направлении.

У Цвидинека была информация, что в Дураццо и Валоне развернута итальянская пропаганда идеи независимости Албании под итальянским протекторатом среди именитых местных фамилий. Эта информация была особенно важна с учетом предстоящего назначения консулов в двух этих городах. Их задача состояла в работе против распространения подобных идей.

Написанный монсеньором Доки доклад был отправлен австро-венгерскому посланнику в Константинополе, чтобы он высказал свое мнение по поводу его политической составляющей. Барон Каличе дал подробный ответ 11 марта 1898 г[2]. Описание положения Албании показалось ему интересным, но заключения и практические предложения автора он нашел категорически неудовлетворительными[3]. В первую очередь, посланник считал, что у предполагаемого будущего государства «действительно выдающиеся размеры»; кроме того, он выразил сомне-

[1] Ibid. S.693b.

[2] HHStA. PA I. K. 473. Konstantinopel, den 11 März 1898. Baron Calice an Zwiedinek.

[3] Ibid. S. 408 b.

ние, что Пренк Биб Дода мог бы вернуться из заточения и исполнить ту решающую роль, которую Примо Доки отвел ему в создании княжества. Некоторые консультации, проведенные посланником, не внушали ему доверия в отношении характера и способностей предполагаемого будущего князя. В то же время, с учетом общего положения, задача освобождения Дода казалась ему абсолютно невыполнимой и лежавшей «в области химер»[1]. Кроме того, по мнению Каличе, аббат Доки рассчитывал достичь независимости страны, в первую очередь, усилиями христиан, как на севере, так и на юге. Однако это означает, что идея с самого начала будет обречена на неодобрение мусульман и недовольство турок. Также он подвергал сомнению утверждение Примо Доки, что остальные католические кланы присоединятся к мирдитам. Напротив, посланник располагал информацией о глубоком непонимании мирдитами и мализорами, которое выражалось в нерегулируемом насилии[2]. В отличие от планов монсеньора Доки относительно лиги, Каличе не ожидал «никакой реальной пользы, скорее волнений, которые приведут к недоверию со стороны Порты и мусульман...»[3]. В заключение посланник заявил, что первая часть документа, или, как он выразился, «подготовительная», которая относилась к созданию Северной Албании и ее автономии, «была плохо обоснована и осуществление этого плана было бы опасно»[4].

Каличе не поддерживал также и предложение Примо Доки начать переговоры с итало-албанцами в южной части страны, поскольку считал, что данная этническая группа подвержена другим иностранным влияниям. Итальянская пропаганда в этой среде имела значительное преимущество, и любое действие также пробудило бы подозрения Порты и мусульман. Каличе предупреждал, что в подобной авантюре кроется много опасностей. Недоверие мусульманского населения может помешать любым планам относительно будущего страны. Также подозрения турецкого правительства, с которыми сам Кали-

[1] Ibid. S. 411 b.

[2] См. главу VI этого труда.

[3] HHStA. PA I. K. 473. Konstantinopel, den 11 März 1898. Calice an Zwiedinek. S. 412.

[4] Ibidem.

че так долго боролся, могут возобновиться: «От этого не только пострадает политика на Балканах, отвечающая интересам Австро-Венгрии, но ситуация может дойти до крайности, если Турция, учитывая обстоятельства, решит действовать против наших прав и воспользуется враждебностью тех своих соседей, от которых мы должны защищать Албанию, то есть от Черногории и Сербии»[1].

Среди недостатков проекта Примо Доки Каличе указал и то, что в нем недостаточно учитывается мусульманский элемент, который для албанцев в действительности был определяющим.

Несмотря на то, что идеи монсеньора Примо Доки казались ему непрактичными и нежелательными, посланник Каличе посоветовал министру «не отнимать у него надежду на осуществление его амбиций и финансировать его достаточно, чтобы он не чувствовал себя незащищенным в случае, если доверие с него будет снято»[2]. Барон был уверен, что, если Примо Доки будет не на стороне Австро-Венгрии, он выступит против нее. В Министерстве иностранных дел к этому предупреждению отнеслись очень серьезно. Это доказывают заметка на полях «очень важно» и последующая выплата определенной суммы *монсеньору*.

Австро-венгерский посланник рекомендовал поддерживать связь с Доки и напомнить ему, чтобы он был очень благоразумен, поскольку распад Османской империи не так близок, как ему кажется. Требовалось отчетливо донести до него, что он должен быть спокоен, не спешить, избегать сложностей, которые могли бы скомпрометировать его дело.

Каличе выдвинул контрпредложение, обосновывая его последней информацией, — работать необходимо в первую очередь с мусульманским населением, используя его страх перед распадом Османской империи. В заключение он отметил поворот во мнении албанских мусульман относительно Австро-Венгрии. Теперь они воспринимали ее как единственную силу, способную обеспечить им защиту; именно ее справедливость и беспристрастность к оккупированным ею странам показали хорошие и впечатляющие результаты.

[1] Ibid. S. 413–414.

[2] Ibid. S. 414 b.

Посланник провел тайные встречи с албанцами, занимавшими высокие государственные посты в Константинополе; с влиятельными беями, которые поддерживали активные политические контакты в столице и со своими друзьями в Албании[1]. От них он получил подтверждение об улучшениях в сфере образования, в распространении албанской газеты (в Константинополе) и в создании новых коммуникационных связей.

Эти круги придерживались мнения, что если Австро-Венгрия сможет прямо и открыто защитить албанские интересы перед турецким правительством, ее авторитет среди всех кланов страны многократно возрастет. Кроме того, по сообщению Каличе, они думают, каким образом могут помочь Вене в ее усилиях развивать торговлю в Албании.

Посланник также подчеркнул, что в данный момент работать следует разумно, согласованно, с тактом и терпением.

28 апреля 1897 г. Примо Доки покинул австрийскую столицу. Прибыв в Скутари, он вышел на связь с австро-венгерским консулом Иппеном, которому Цвидинек в Вене[2] лично дал инструкции относительно монсеньора Доки. Один из первых вопросов, заданных ему аббатом, касался суммы, которая будет отпущена ему на осуществление предложенного плана. Консул, придерживаясь полученных из Вены указаний, не назвал конкретные цифры, подтвердив желание министерства работать с ним и готовность австрийского правительства потратить на это значительные средства.

Консул использовал эту встречу, чтобы задать аббату несколько конкретных вопросов относительно его намерений. Тогда монсеньор Доки ответил, что ожидал от Вены большого дома, наподобие маленького дворца, где он мог бы собрать свой небольшой двор из влиятельных и решительных лиц. Через них аббат надеялся содействовать идее независимости и убедить людей, которые ее разделят, распространять ее в родных местах. Таким же образом он предполагал привлечь

[1] По мнению Каличе, именно от этих кругов исходила мысль, что свое будущее процветание Албания должна связывать с Австро-Венгрией.

[2] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse V/2. Bericht Nr. 13. Scutari, den 14. Mai 1897. Ippen an Goluchowski.

мусульман Тираны и Мати; албанцев Призрена и Дякова; из горных областей на севере и юге от реки Дрин, а также из Скутари и основать партию поддержки планов и действий Вены.

Консул писал, что нельзя не согласиться с монсеньором Доки, и добавил, что его деятельность предполагает значительные расходы. Если албанский аббат желает располагать большим домом, всегда открытым для его гостей, проявлять гостеприимство, путешествовать и наносить визиты, представляя свои идеи в привлекательном свете, это будет стоить около 10000 форинтов в год.

Согласно докладу консула Иппена, в планы Доки входил и наем сотрудников, сперва — духовных лиц, а затем и некоторых влиятельных светских фигур, которым также требовалось платить. В крайнем случае необходимо было привлекать людей из его родной провинции и приближенных с помощью дорогих подарков и денежных вознаграждений. Для группы сотрудников, по подсчетам Доки, потребовались бы около 40000 форинтов, но он попросил консульство предоставлять ему 50000 форинтов ежегодно.

Иппен просил министра как можно скорее ответить на эти просьбы. Ожидая ответа, он предупредил Доки, что сможет предоставить ему информацию не раньше июня.

По мнению консула, в первый год достаточно было бы и 20000 форинтов для денежных вознаграждений, которыми Доки мог удовлетвориться, вместо запрошенных 40000. Относительно 10000, которые аббат потребовал для себя, консул счел, что не может высказывать по этому поводу свое мнение, поскольку вопрос деликатный, секретный и рискованный; министерство само должно оценить его. Аббат обещал действовать, но не гарантировал успех своей работы. Иппен полагал, что суммы слишком значительны для этих мест, но не решался предложить их снижения, чтобы маленькая экономия не помешала запланированному большому успеху. Иппен намекал, что скоро и он вынужден будет делать подарки населению на границе с Черногорией, а значит, и ему понадобятся несколько тысяч гульденов. По информации Иппена, Примо Доки настаивал на том, что работать будет самостоятельно и всё сосредоточит в своих руках, чтобы не создавалось впечатление, хотя

бы вначале, будто его деятельность инспирирована Императорским и Королевским правительством, а выглядело бы так, словно движение возникло спонтанно среди некоторых патриотов, в первую очередь по его инициативе.

Консул одобрял это предложение Доки, поскольку оно совпадало с желаниями министерства. Оставались, однако, некоторые сомнения относительно его предыдущих предложений, и консул их еще не проанализировал, поэтому не мог пока высказать определенное мнение. Поскольку еще не наступил момент для непосредственных действий, у него было время на раздумья. Он обрисовал проблемы лишь в общих чертах. Относительно желания Доки работать самостоятельно, Иппен считал, что сможет на него влиять, поддерживая тесные отношения и при этом контролируя. Также он придерживался мнения, что стремление аббата лично осуществлять всю деятельность довольно неестественно, и со стороны министерства было бы неразумно сосредоточить всю деятельность в руках одного человека.

Вена ответила консулу[1], в первую очередь, относительно запрошенных сумм, что в них не может быть отказано, поскольку они необходимы для осуществления намеченной программы. Поэтому было выражено согласие удовлетворить желания монсеньора Доки, особенно, когда речь идет о росте влияния и авторитета Австро-Венгрии среди членов его клана.

Вместе с тем, венская администрация выразила мнение, что жизнь в Албании довольно недорогая, и 8000 гульденов в год будет вполне достаточно, чтобы монсеньор Доки смог поддерживать свой роскошный дом. Поэтому именно эту сумму планировалось выделять ему равными выплатами раз в три месяца.

Министерство полагало, что в данный момент невозможно определить размер тех расходов, которые монсеньором Доки запросил на подарки, вознаграждения и прочие траты на развитие национальной пропаганды; реальные затраты станут ясны в ходе работы. Сам аббат Доки также, вероятно, в тот мо-

[1] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse Albanien, Erlass Nr. 780. Vertraulich, Wien, den 12. Juni 1897, an k.u.k. Konsul Ippen, Scutari. (Бюллетень «Албания», секретный приказ № 780. Вена, 12 июня 1897. Имперскому и Королевскому консулу в Скутари).

мент не мог определить, каков будет эффект от его деятельности в первый год.

Идея Вены заключалась в том, чтобы высылать монсеньору Доки необходимые суммы при условии его готовности предоставить удовлетворительный отчет о выполненной работе с неоспоримыми доказательствами. В качестве первоначальной выплаты, чтобы он смог приступить к своей деятельности и развернуть ее, министерство выслало аббату 6000 гульденов.

Вена полностью поддержала мнение монсеньора Доки, что все действия, направленные на рост национального самосознания, должны выглядеть как спонтанно возникшие в народе, пока Австро-Венгрия остается в тени. Но в то же время австровенгерский консул должен поддерживать тесную связь с аббатом, контролировать и направлять его. Согласно инструкциям из Вены консул обязан был периодически отчитываться о действиях и намерениях Доки, чтобы на него и его работу в случае необходимости можно было влиять, направляя с учетом политики империи.

Инструкции Вены относились к общему плану действий в Албании. Прежде всего, консулы должны были вступать в контакт с албанцами, точнее — с албанскими мусульманами, предпочтительно — представителями местной знати, которые в свою очередь могли бы повлиять на остальных. Затем необходимо было убедить их, что речь не идет ни о католической пропаганде, ни об оккупационных намерениях Австро-Венгрии. При необходимости аргументы можно было подкреплять подарками. Это средство допускалось лишь в крайнем случае и с единственной целью — пробудить албанцев, предостеречь их от внешнего влияния и внушить им, что лишь Австро-Венгрия может им помочь в трудной ситуации.

Как католик, монсеньор Доки не имел возможности контактировать с албанскими мусульманами. Это должны были делать консулы, через обучение и образование готовя их к национальному объединению. Обучившись, албанские мусульмане должны были присоединиться к католикам, подготовленным Доки, чтобы вместе осуществить планы Вены.

В то же время Министерство использовало своих доверенных лиц, чтобы наблюдать вблизи за итало-албанским движе-

нием, понимать, каковы его цели и масштабы[1]. Вена уже знала приемы и контакты итальянской пропаганды, и этому было решено противопоставить развитие албанского национального сознания, нацеленного на независимость страны. В данном направлении уже были предприняты важные шаги. Вена финансировала часть католического клира и школы, которыми он управлял, стараясь таким образом сохранять над ними прямой контроль. Кроме того, произошли перестановки среди сотрудников консульств для установления связей с самыми влиятельными фигурами, через которых представители Австро-Венгрии могли воздействовать в целом на весь народ.

В личном письме к фон Цвидинеку от 19 июня консул Иппен информирует, что, согласно последним сведениям, монсеньор Доки вступил в контакт с лидерами итало-албанского движения. Казалось, он поддерживает связи как с итальянским правительством, так и с колониальным департаментом итальянского Министерства иностранных дел. Для Вены было крайне важно знать, насколько тесны взаимоотношения Примо Доки с итало-албанской пропагандой и правительством Италии, и как именно это отразится на Албании. Поэтому министр поручил Цвидинеку изучить деятельность аббата и его связи с итальянскими консулами в Албании, со сторонниками итальянского влияния на юго-восточном адриатическом побережье и, если возможно, проследить за ними вблизи и проинформировать Министерство.

В то время Вена допускала, что монсеньор Доки не ожидает от итальянского правительства ничего, кроме бескорыстной помощи по национальному вопросу, и не намерен за вознаграждение поддерживать итальянские интересы. Поэтому в тот момент австрийцы не стали менять отношений с аббатом.

У Министерства всё еще оставались некоторые сомнения в возможности создания на практике конфедерации северных, центральных и южных албанских кланов, как предлагал это монсеньор Доки[2]. Именно в то время было решено выпол-

[1] HHStA. PAXIV. K. 7. LiasseV/2. Telegramm. Geheim. Nr. 785. Wien, den 16. Juni 1897. An Passeti, Roma.

[2] HHStA. PA XIV. K. 7. Erlass Nr. 791. Vertraulich. Wien, den 22 Juni 1897. An Baron Calice, Konstantinopel, Fol. 38 (Секретное письмо барону Каличе в Константинополь. Вена, 22 июня 1897 г. № 791. С. 38).

нить его настойчивое требование, которое подтвердил консул Иппен: вернуть в Скутари лидера мирдитов Пренка Биба Доду, который многие годы находился в заточении. У посланника в Константинополе была запрошена информация о личных качествах мирдитского лидера, а также о его жизни за последние несколько лет, и о том, насколько он мог бы в должности заместителя губернатора справиться с задачей защиты прав католиков в горных районах. Генеральному консулу Хикелю было поручено во время своей поездки в Константинополь изучить этот вопрос и информировать Каличе о полученных результатах. На основании полученной от Хикеля информации Вена просила своего посланника обосновать целесообразность возвращения Пренка Биба Доды и высказать мнение, действительно ли он справится со своими задачами, если Высокая Порта назначит его муавином вилайета Скутари.

В начале июля монсеньор Доки посетил австро-венгерское консульство, чтобы получить средства, выделенные для него отделом религиозной политики, и выплатить некоторые свои долги[1]. Он был задет тем фактом, что всё еще нет официального решения Министерства о ежегодных выплатах ему суммы в 80000 франков, по 20000 франков раз в три месяца. Консул пытался убедить его, что вполне естественно желание Цвидинека обосновать эти расходы положительными результатами и успешной работой аббата.

Согласно докладу консула Иппена, монсеньор Доки ответил, что работу его невозможно оценить, следовательно, нет способа измерить ее результаты. Его основная задача — создание подходящего «климата», который далеко не всегда имеет внешнее проявление. Поэтому его миссия — это вопрос доверия; необходимо предоставить ему право самому оценить, насколько удовлетворительна его работа.

Иппен не знал, на чем основывается это упорство Доки. С одной стороны, он, возможно, желал добиться значительных безотчетных выплат; с другой — консул всё еще не смел подозревать, что аббат пытается нажиться недостойным образом. Нельзя было, однако, исключать, что его поведение было продиктовано убеждениями и патриотизмом.

[1] Ibidem.

Чтобы не усугублять конфликт, он рекомендовал Доки приступить к активным действиям и без дальнейших объяснений работать, пока деньги не будут доставлены. Он лишь позволил себе напомнить, что ожидаемые средства нельзя считать неисчерпаемыми. Несмотря ни на что, ему казалось, что монсеньор Доки любит жить на широкую ногу.

Больше всего консула Иппена тревожило то, что во время разговора с Примо Доки он понял: с течением времени планы аббата и поставленная перед ним задача могут превратиться в албанский «национальный вопрос».

В тот момент положение находилось под контролем, монсеньор Доки убеждал консула, что еще не успел развернуть никакой деятельности, поскольку не получил обещанных средств. Он также говорил, что малейшее промедление может помешать его работе и нанести непоправимый ущерб делу.

Осознавая, что других возможностей нет, Вена приступила к выплатам монсеньору Доки. 8 июля того же 1897 года тайной почтой[1] Министерство сообщило консулу Иппену, что было отправлено 5000 франков в качестве первой трехмесячной выплаты, еще 5000 лично для аббата и 1000 франков в распоряжение консула Иппена на политические цели.

С обратной почтой 6 августа Иппен подтвердил получение 11000 франков и приложил расписку монсеньора Доки от 12 июля 1897 г., из которой следовало, что он получил положенную сумму.

К 15 сентября того же года консул Иппен попросил Вену выслать вторую трехмесячную выплату в 5000 франков для аббата Доки. Он информировал, что монсеньор уже истратил предыдущие 10000 франков и просит дополнительно еще 6000.

29 октября Иппен подтвердил Министерству, что получил 5000 франков для Доки. 6 декабря из Вены его уведомили, что отправили 5000 в качестве последнего трехмесячного взноса из 20 тысяч и последние 5000 из 15 тысяч, предусмотренных в качестве вознаграждения Доки за работу в пользу Австро-Венгрии. 25 января следующего 1898 г. Иппен подтвердил, что получил два перевода по 5000 франков.

[1] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse V/2.

Однако Министерство нуждалось в более детальной информации о деятельности Примо Доки. Оно поручило консулу Иппену, который должен был поддерживать связь с аббатом и передавать ему вознаграждения, потребовать с него отчет о проделанной работе и достигнутых результатах — соответственно целям Вены. Сомнения в целесообразности финансирования аббата всё еще оставались, и, чтобы развеять их, консул попросил Доки написать подробный доклад о своей деятельности и лично отправил его в Вену[1].

В сопроводительном письме консул отметил, что хотел бы видеть монсеньора Доки рядом в качестве помощника, пока занимает свой пост, но подчеркнул, что не в состоянии оценить, действительно ли его работа столь же полезна, сколь приятна. Иппен признавал, что его наблюдения за аббатом недостаточно полны: о работе аббата с третьими лицами из его окружения он не мог составить четкого мнения. Также он не смог пока полностью оценить ситуацию, понять местную атмосферу, а без этого трудно было сделать выводы по столь деликатному вопросу.

Иппен утверждал, что сможет дать оценку лишь видимым результатам работы аббата Доки. К сожалению, ему еще не удалось на тот момент достичь примирения между мирдитами и мализорами, — ограбления мирдитов продолжались, хотя и в меньшей степени. Относительно перемен в образе мышления мусульман, о которых говорил Доки, у консула было иное мнение. Несмотря на это, Иппен настаивал, что ему должны быть в третий раз высланы 5000 франков за следующие три месяца и 5000 франков как последнее вознаграждение аббату.

Весной 1898 г. Доки отправился в Вену, чтобы обсудить свою работу напрямую с Министерством иностранных дел. Там его очень тепло встретили и высоко оценили его патриотизм и приверженность интересам Австро-Венгрии[2]. При этом

---

[1] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse V/2. Bericht Nr. 66. Vertraulich. Scutari, den 14. Dezember 1897. Auszugsweise Übersetzung einer Eingabe Mgr. Primo Docchi's über Seine bisherige Thätigkeit, Ippen an Goluchowski (Доклад № 66, секретно. Частичный перевод просьбы монсеньора Доки на основании проделанной им на тот момент работы).

[2] HHStA. PA XIV. K. 7. Albanien. Liasse V/2. Wien, Geheim, Erlass Nr. 1032, den 19. April 1898.

Вена рекомендовала Доки уменьшить свой энтузиазм и быть более осторожным, распространяя национальные идеалы среди албанцев.

Министерство рассчитывало, немного изменив тактику и средства, получить бóльшие результаты. Австро-венгерский посланник в Константинополе пытался убедить султана, что в его же интересах сохранить контроль над албанцами, обращая больше внимания на их административные требования, национальные интересы, реформы образования и просвещение.

Для большей убедительности австро-венгерский посол со своей стороны должен был предоставить султану доказательства лояльности его албанских подданных и того, что они не борются за свою независимость, поскольку это противоречит националистическим настроениям. Учитывая эти обстоятельства, Вена постаралась ограничить описанную в отчете аббата за 1897 год деятельность среди мирдитов и приостановила его субсидирование. Однако, во время его пребывания в Вене, ему заявили, что выплаты будут возобновлены, если удастся повысить авторитет Австро-Венгрии среди его соплеменников.

В то же время министерство дало указание консулу Иппену продолжать выплачивать аббату по 5000 франков раз в три месяца, то есть 20000 франков в год, но лишь с учетом его деятельности. Окончательное решение вопроса монсеньора Доки было отложено.

18 июня 1898 г. вице-консул Скутари сообщил, что выплатил последнюю сумму из предусмотренных на этот год средств, к донесению была приложена расписка аббата Доки о получении денег.

19 октября консул Иппен информировал министра, что Доки поражен решением Вены временно прекратить его спонсирование и, по его утверждению, не в таком смысле понял разговоры в австрийской столице. Иппен добавил, что аббат, кажется, не уловил разницу в оттенках разговора, и поддержал решение Вены.

В начале следующего месяца Иппен вынужден был сообщить в Министерство, что монсеньор Доки настаивает на возобновлении своего содержания в размере 8000 гульденов или 20000 франков в год, согласно договоренности, состоявшейся

минувшим летом, и просит, чтобы деньги были переданы ему в золоте. Боясь потерять ценного агента, Вена решила возобновить содержание аббата — до июля 1899 г. была одобрена сумма в 20000 франков, разделенная на выплаты раз в три месяца[1].

Консул получил инструкции уведомить Примо Доки о решении Вены и вручить ему 10000 франков за два срока — с 1 июля до конца сентября и с 1 октября до конца декабря 1898 г., за которые его попросили дать расписку.

В то же время Иппен должен был напомнить аббату, что Вена ожидает от него выполнения обещаний примирить горные католические кланы, распространить среди них национальную идею, обеспечить их лояльность в отношении Австро-Венгрии и не допустить проникновения другого иностранного влияния в их среду. То есть, Вена хотела больше информации о его деятельности.

В письме от 24 ноября 1898 г. Иппен подтвердил, что получил 10000 франков, на основании приказа от 7 ноября, и приложил расписку в их получении, подписанную Примо Доки.

Монсеньор, однако, пытался надавить на Вену и поручил это своему доверенному лицу, другому албанскому католическому священнику из Скутари. Этот священник отправился в Вену и встретился там с Цвидинеком. Барон описал свои впечатления от встречи с товарищем монсеньора Доки в письме консулу Иппену от 23 ноября 1898 г.

Священник заявил Цвидинеку, что Доки сильно встревожен переменами в отношении Вены к нему и опасается, что уже не может рассчитывать на прежнюю поддержку. Цвидинек не понял, почему аббат мирдитов пришел к такому выводу; на его вопрос священник ответил, что речь идет о содержании, которое ему уже не выплачивается. Эти деньги необходимы для объединения католических кланов, а позже и для присоединения к ним албанских мусульман, что без денежных средств осуществить невозможно.

Цвидинек вынужден был сказать, что нет никаких перемен в отношении Вены ни к аббату, ни к выплачиваемым ему суммам, поскольку в ходе переговоров в Вене Доки подтвердил,

[1] HHStA. PA XIV. K. 7. Wien. Erlass Nr. 1247, Geheim, den 7. November 1898.

что намерен попытаться, благодаря личному авторитету, достичь примирения католических кланов, а также развивать интерес к культуре, чтобы сохранить албанское самосознание. Вене нужна была сильная Албания и воцарение мира между католическими общинами, что послужило бы примером для всех остальных албанцев.

На тот момент, однако, Цвидинек не видел ни одного из обещанных результатов. Представитель Доки возразил, что хотя мир еще не достигнут, отношения между кланами значительно улучшились, а для окончательного достижения цели необходимо возвращение Пренка Биба Доды Цвидинек на это возразил, что авторитета Доки и средств Вены должно быть достаточно, чтобы установить мир, и попросил священника передать Доки, что Австро-Венгрия не изменила своего отношения к нему и по-прежнему на него рассчитывает.

Тогда священник заявил, что итальянский колледж в Скутари получает щедрое финансирование со стороны итальянского правительства. Эти выплаты настолько впечатляющи, что не будет удивительным, если албанцы не только в Скутари, но и во всей стране покинут австрийские школы.

Консул Иппен отправился в путешествие по Албании, чтобы установить контакты со знатными албанскими мусульманами, которые могли бы способствовать формированию общественного мнения. Однако его ожидания не оправдались, о чем мы говорили в предыдущей главе.

Спустя шесть месяцев результаты, достигнутые католическим аббатом, всё еще не вселяли оптимизма и далеко не соответствовали его обещаниям[1].

От консула Иппена Доки узнал, что вместо запрошенных им 40000 на поддержку его роскошного дома-дворца Вена выделила ему 20000, а также 15000 на трехмесячные выплаты. Они предназначались для установления связей с различными албанскими кланами и организации среди них группы поддержки, а также для работы по их примирению и созданию внутренней албанской лиги.

[1] HHStA. PA XIV. K. 7. Liasse V/2. Konsul Ippen. Bericht vom 7. Dezember 1898.

Однако действия Доки не давали результата. Вину за это аббат возлагал на австрийское правительство, его алчность и скупость, а также на неуместные инициативы консула Иппена. Его путешествия по стране, по мнению священника, вызывали подозрения албанцев, а разговоры и щедрость консула по отношению к некоторым личностям убедили их в том, что он — австрийский агитатор.

Со своей стороны, Иппен был очень удивлен арестами тех лиц, с которыми он поддерживал контакты, и растущим страхом людей, с которыми он намеревался заводить знакомства и для которых всегда были открыты двери его дома. Поэтому консул решил уменьшить интенсивность своей деятельности.

Монсеньер Доки настаивал, что его работа вполне успешна, хотя ее результаты и сложно заметить, и продолжал получать финансирование из Вены. В тот же период у монсеньора Доки появилась еще одна идея, которая позже дала очень хорошие результаты для развития национального самосознания албанцев. Он предложил вместо того, чтобы учреждать новые газеты, использовать одну из уже существующих, которую издавали за границей, для привлечения внимания к австрийской программе участия в албанских делах.

В январе 1899 г. Министерство иностранных дел выразило свое беспокойство по поводу отсутствия достаточной информации о деятельности Доки[1]. Впервые там усомнились в лояльности монсеньора, но до определенного времени предпочитали придерживаться версии Иппена, что дело не в отсутствии лояльности, а в недоразумениях, причиной которых стали культурные различия между католическим аббатом и австрийскими дипломатами. Министерство настаивало, чтобы в следующий раз, когда Доки явится для получения своего содержания, ему ясно дали понять: хотя Вена предоставила ему полную свободу действий по собственному усмотрению, ей не может быть отказано в праве регулярно получать информацию о его работе и иметь возможность контролировать его.

[1] HHStA. PA XIV. Albanien. Liasse V/2. K. 7. Wien, den 18. Jänner 1899, an Konsul Ippen, Scutari. Fol. 102–104.

Вскоре последовали абсолютно невероятные истории о работе монсеньора Доки[1], проверить которые у австрийских дипломатов не было возможности. Они содержались в его письме министру иностранных дел, где были указаны достижения, расходящиеся с реальными условиями в стране (из чего следовало, что описанные результаты невозможны). Но аббат был очень убедителен и не оставлял сомнения в своей честности.

Монсеньор утверждал, что́ много раз, с целью улучшить свою работу, он просил консула Иппена объяснить, чего именно ожидает от него Вена. Из бесед с консулом он утвердился во мнении, что необходимо содействовать установлению мира в регионе, пробуждать патриотическое самосознание у священников, которые в то время симпатизировали Италии, и информировать консульство в Скутари о развитии албанского национального движения.

Доки уверял, что достиг своими действиями результатов по всем перечисленным направлениям. Согласно его утверждению, он настолько хорошо выполнил свою миссию, что в окрестностях уже нет ни одного католического священника, который симпатизировал бы Италии. Кроме того, наиболее значимые албанские духовные лидеры часто его посещали и позволяли ему руководить всеми их действиями.

Распоряжением № 532 от 5 ноября 1899 г. Вена выразила готовность финансировать лиц, рекомендованных Доки. Аббат имел в виду трех людей, занимающих высокое положение в албанском обществе, и предлагал каждому из них выплатить по 200 золотых наполеонов. Консул не знал, как поступить, и просил от Министерства конкретных указаний, поскольку монсеньор ожидал быстрого ответа.

В письме от 28 сентября 1899 г. из Вены проинформировали консульство в Скутари, что на основании распоряжения № 368 от 19 июля того же года высылают 5000 франков для Доки. 3 августа вице-консул Ранзи подтвердил получение 5000 франков на личные расходы Примо Доки в качестве первой

[1] HHStA. PA XIV. Albanien. Liasse V/2. Docchi an den Ministern des Aeussern, den 1. Juli 1899 (Письмо Доки министру иностранных дел Австро-Венгрии от 1 июля 1899 г.).

трехмесячной выплаты за период 1899–1900 гг. 9 ноября консульство в Скутари выслало другое письмо, которым подтверждало получение второй трехмесячной выплаты в 5000 франков для личных нужд с прилагающейся распиской.

Ответ из министерства пришел 8 января 1900 г. Из него следовало, что Вена считала необходимым сначала определить общую сумму, выделенную на политическую деятельность в Албании, и лишь тогда можно сказать, какая сумма будет определена для работы доверенных лиц в Скутари. Министерство в принципе не склонно было платить единовременно большие суммы кому бы то ни было, поскольку предпочитало работать с этими людьми длительное время, оказывая им частые, но небольшие знаки расположения.

Что касается общей суммы, которая могла быть отпущена на эти нужды, хоть и по частям, то Министерство не могло дать ее точную оценку и оставило решение данного вопроса консулу. При этом ему был указан точный критерий — оценка реального влияния, которого достиг монсеньор, и то, в какой мере можно рассчитывать на его политическую деятельность. Таким образом, вновь ставился вопрос о его лояльности Австро-Венгрии, который неоднократно возникал на протяжении всей истории их отношений.

Несмотря ни на что, деньги из Вены для албанского аббата продолжали регулярно поступать на протяжении всего 1900 года. По распоряжению № 368 от 7 января 1900 г. через консульство в Скутари ему была передана третья трехмесячная выплата, и 31 января монсеньор Доки подтвердил, что получил деньги. 12 апреля по тайному распоряжению поступила и четвертая выплата в 5000 франков, соответствующую расписку за которые консул Иппен 31 мая выслал из Скутари. 10 июня Доки направил в Министерство очередную просьбу о возобновлении субсидий по 20000 франков; 25 июля по распоряжению № 221 министерство ответило на эту просьбу положительно. 18 августа Иппен отправил подтверждение о получении 5000 франков для Доки на основании распоряжения № 221 от 24 июля 1900 г. 28 сентября из Вены было выслано 5000 франков за следующие три месяца; 1 ноября 1900 г. Ранзи выслал расписку Доки в получении этих денег.

Что касается сумм, которые Доки получил в 1901 г., из корреспонденции Министерства иностранных дел и консульства в Скутари[1] следует, что 4 января были высланы 5000 франков за третий трехмесячный период, а 2 апреля из консульства было получено подтверждение в получении денег и расписка Доки. 10 апреля Министерство выслало четвертую часть суммы, 25 апреля консульство подтвердило получение, а 21 мая аббат отправил расписку.

В том же отделе архива находится корреспонденция, свидетельствующая о регулярных выплатах значительных сумм монсеньору Доки до 1911 г., когда Министерством было принято решение приостановить его финансирование[2].

Приложение:
7 документов HHStA. PAXIV. LiV/1. K. 7.

[1] HHStA. PA XIV. Albanien. Liasse V/2. K. 7.

[2] С течением времени мнение Вены о монсеньоре Доки ухудшалось. Показательна оценка Крала, одного из самых активных деятелей по продвижению австрийской политики в Албании, относительно его работы по вопросу письменности — см. HHStA. PAXIV. Albanien. Liasse XIV. Bericht Nr. 30, Strengvertraulich, Scutari, den 23 März 1906. Konsul Kralan Goluchowski (Раздел Албания XIV, доклад № 3, совершенно секретно, Скутари, март 1906 г., консул Крал — Глуховскому): «...основные черты, определяющие его характер, это суетливость и амбициозность. Но это не единственные его качества. Он хорошо знает человеческую душу, знает, как использовать гордыню и алчность, которые присущи не только ему, но и большинству людей».

Глава VIII

ЯЗЫК — ВЕЛИКАЯ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНАЯ СИЛА

Прежде всего, Вена хотела решить вопрос с албанской азбукой, чтобы начать развивать албанскую письменность и литературу — ключевой фактор в политической программе формирования албанской нации. К тому времени существовало несколько транскрипций различных диалектов, что затрудняло националистическую пропаганду. В этих обстоятельствах основной целью министерства было ввести единую азбуку. Это можно было осуществить, приняв один из существующих вариантов или, путем компромисса, обобщив все варианты в единой графической системе. Если же это окажется невозможным, необходимо было создать новую азбуку, которая стала бы стандартной письменностью для всей страны. По особому распоряжению правительства, решением этой нелегкой задачи занимались выдающиеся австрийские исследователи Албании[1].

Для выбора между многочисленными вариантами, министерству необходима была объективная информация о различных системах письма и их распространении. Барон Цвидинек, тайный действующий советник императора, поручил австро-венгерскому вице-консулу в Призрене (в пределах Османской империи), Раппапорту, подготовить доклад по этому вопросу.

31 января 1898 г. Раппапорт[2] отправил из Призрена подробный доклад о результатах своего исследования с тремя

---

[1] Соответствующая переписка, например, между профессором Майером из университета Граца и Министерством иностранных дел содержится в HHStA, PAI, K. 473.

[2] HHStA, PAI, K. 473, Geheime Akten XXX / B. Второй экземпляр этого доклада, но в несколько ином варианте, находится в HHStA, PAXIV, K. 4., Liasse II.

приложениями — таблицами по вопросу албанской письменности[1].

Начнем анализ этого текста с приложений, точнее с Таблицы I, поскольку она содержит суть всего доклада и представляет реальное состояние албанской языковой проблемы.

В приложении описано 17 форм албанской письменности, но автор считает его неполным, поскольку, по его мнению, существует по крайней мере 20 систем письма, о некоторых из них он не располагает информацией. Кратко перечислим их, приведя в конце главы образец.

Самой распространенной в стране была старая эльбасанская азбука, происхождение которой австрийскому дипломату было неизвестно, а знаки ее не были похожи ни на один из существующих языков. Второй по распространению была старо-греческая азбука, введенная в конце XVII в. епископом Богданом и с тех пор использовавшаяся для издания религиозных книг католической пропагандой и иезуитами в Скутари. Третьей по популярности была реформированная и упрощенная греческая азбука. Четвертой в докладе упоминалась азбука, использовавшаяся в брюссельском журнале «Албания». Под номером пять в докладе следовала азбука, которую использовал исследователь Албании из университета в Граце профессор Майер. Шестой была графическая система, предложенная австро-венгерским консулом Писко в его труде *„Nordalbanische Grammatik"*. Под седьмым номером значилась греческая азбука, разработанная Христофориди в Константинополе в 1872 г. и опубликованная *Библейским обществом*. Затем следовала итало-албанская азбука (*„Caratterie Gram tica della Lengua Albanese"*, Corigliano Calabro 1848 г.). На девятом месте числилась азбука, разработанная Дозаном на основе языка тосков (*„Manuel de la langue chkipe vu albanaise"*, Париж, 1879 г.). Деся-

[1] Прокомментируем лишь первую таблицу, поскольку она содержит перечень всех форм письменности, актуальных на тот момент. Вторая таблица представляет собой развернутый вариант первой. Она охватывает 12 из существующих азбук и содержит графическое изображение албанских фонем. В третьей представлены транскрипции некоторых албанских народных песен из северных районов в трех наиболее распространенных графических системах.

той была азбука также на основе тоскского диалекта, разработанная Васа пашой (*"Grammaire albanaise"*, Лондон, 1887). Под одиннадцатым номером была указана азбука Юбани (*"Raccolta di lanti populari ecc."*, Триест 1871). Двенадцатая азбука представляла собой транскрипцию древних вариантов Библии, написанных греческими буквами, наряду со многими другими по ней служили Ксиландер (*"Die Sprache der Albanesen oder Schkipitaren"*, Франкфурт на Майне, 1835) и Хан (*"Albanesischen Studien"*, Йена 1854, Т. II, III). Тринадцатый вариант представлял транскрипцию греческих букв последних вариантов Евангелия. Четырнадцатый был аналогичен тринадцатому, но с некоторыми изменениями, и использовался албанцами в Италии, в том числе Камардой. Пятнадцатая — тоскская азбука «Дитурии» (Сами бей Фрашери) в Бухаресте. Шестнадцатая представляла собой адаптацию предыдущей к особенностям диалекта гегов и была создана Бенуси в 1890 г. также в Бухаресте. Семнадцатый вариант письменности предполагал использование турецко-арабской графики.

По мнению Раппапорта, сам факт существования стольких вариантов албанской азбуки, авторами которых были такие выдающиеся албанисты, как Ксиландер, Хан, Дозан, Майер, показывал, что было бы нехорошо преуменьшать их труды — притом довольно успешные, — создавая новую азбуку в Вене.

Вице-консул считал, что постоянное создание новых азбук не поможет, а добавит и без того сложной языковой ситуации лишнюю путаницу, поэтому продолжать этот процесс не следует.

Если необходимо сделать выбор между различными графическими системами, должны быть использованы различные критерии, но, по мнению Раппопорта, наиболее важным из них был научный критерий, или, как он его называл, «национально-теоретический».

С научной точки зрения, в азбуке каждая фонема должна обозначаться одним простым знаком. Это условие лучше всего было выполнено в азбуке профессора Майера (№ 5), наиболее далеки от этого были азбуки под номерами 7, 13, 15, 16. Однако, в албанском языке было больше фонем, чем знаков в латинском алфавите.

Вместе с тем известно, что почти ни один из современных европейских языков, например, английский, французский, немецкий, русский и другие — не отвечают этому требованию. В ходе развития соответствующих литератур сложились многочисленные несоответствия в правописании, например, в изданиях Чоссера, Рабле, в Библии Лютера и т.д. Поэтому вице-консул считал, что существование логичной и полностью упорядоченной азбуки вовсе не являлось самым важным условием создания албанской национальной письменности.

По его мнению, гораздо важнее национальный критерий, то есть азбука не должна была содержать элементы из иностранных языков. Но, дабы не впадать в крайний шовинизм, Раппапорт предупреждал, что латинские и арабские буквы в албанском языке не являются чуждыми и представляются общим наследием человечества, христианской и мусульманской культур.

Даже при таких условиях вице-консул осознавал, что будет невозможно применять национальный критерий, поскольку буквы в азбуках № 2–16 представляют полное или частичное сходство с греческим, итальянским и славянскими языками, что неблагоприятно и даже враждебно национальной идее.

В таком случае, утверждал Раппопорт, оставалась лишь первая азбука, которая, однако, не подходила в силу специфики своих знаков. Кроме того, ее происхождение и аутентичность не были вполне доказаны. Оставался также вариант с арабской графикой, но она подходила лишь албанским мусульманам, которые, в свою очередь, также ее отвергали, поскольку это была азбука турецких поработителей. На это Раппопорт возражал, что речь идет не о турецкой письменности, а о письменности всех мусульманских народов; ею пользовались арабы, персы, афганцы, индусы и малайцы.

В сфере школьного преподавания Раппопорт предлагал ввести единую азбуку, отвечающую двум условиям: не быть нелогичной и слишком трудной. Двум этим условиям отвечали азбука иезуитов (№ 2 в приложении) и ее упрощенный вариант (в приложении № 3). Вице-консул считал, что этот вариант Вена отвергла абсолютно необоснованно. Далее мы увидим,

что у Вены на этот счет были свои соображения, с которыми он еще не был знаком.

Раппопорт полагал, что было бы сложно, если не сказать — невозможно, ввести во всей Албании единую письменность изнутри или со стороны турецких властей. В случае, если кто-либо попробует ввести азбуку извне, существует риск пробудить албанский дух сопротивления, для которого нужен был лишь повод. Поэтому, с одной стороны, не следовало медлить с назначением учителей, а с другой — они должны были быть компетентными и ответственными лицами для работы над введением новой азбуки

По мнению вице-консула, существовал еще ряд причин не спешить с этой инициативой, и как показали дальнейшие события, мнение было небезосновательно. Путь от школы до развития литературного письменного языка, в лучшем случае, (что происходило редко) занимал минимум полтора года. Но даже этот фантастически краткий срок превышал время, которым располагала Австро-Венгрия для развития национального сознания албанских арнаутов.

По этой причине вице-консул придерживался мнения, что в первую очередь необходимо развивать национальную литературу, а со временем она сама обретет письменную форму, как это произошло с другими языками.

Имея это в виду, он предлагал предоставить каждому автору максимальную свободу использовать азбуку, которую он сам пожелает. Что касается печати и распространения произведений, по мнению Раппопорта, автор будет понят наибольшим числом читателей независимо от его личных предпочтений.

Затем Раппопорт останавливается на вопросе о грамотности населения Албании и о наиболее распространенных видах азбуки. Он приводит и комментирует результаты анкетирования, проведенного австро-венгерскими консульскими представительствами. Необходимо признать, результат был крайне удручающим и унижающим албанское достоинство.

Согласно исследованию, проведенному лично вице-консулом в областях Скутари и Призрен, преимущественно там были распространены две азбуки: № 2 и № 17.

Так называемая «иезуитская азбука» использовалась лишь католической пропагандой в глубине страны и католическими священниками в горах, а также сравнительно небольшими общностями в городах. Единственный город, где жили католики-миряне, число которых заслуживало упоминания, это Скутари. Однако, по мнению Раппопорта, даже среди них свободно читать и писать могло меньшинство**.** Поэтому сложно было ввести новую письменность, которая бы так мало отличалась от уже знакомой им.

Арабо-турецкой письменностью владели лишь ходжи (мусульманские религиозные вожди) в албанских селах, а в городах также еще некоторые люди, которые занимались торговлей.

При этом мусульмане Призрена были образованнее прочих в Северной Албании, а мусульмане в Скутари менее всего интересовались письменностью и чтением.

Албано-турецкая графика в то время использовалась только в турецком языке и крайне редко — в албанском. Однако эксперимент с газетой «Итифак», издававшейся в Софии и нередко использовавшей именно эту графику, был хорошо встречен албанскими читателями.

Следовательно, чтобы издать газету или брошюры, понятные всем грамотным северным албанцам, Раппопорт предлагал пользоваться двумя азбуками — № 2 и № 17. Так ее могли бы читать и тоски. Кроме того, предлагалось использовать азбуку № 15 для жителей Южной Албании.

Для распространения художественных произведений было очень важно учитывать местные диалекты, чтобы чередовать произведения гегов, тосков, христиан и мусульман, используя три соответствующих алфавита.

И мусульмане, и христиане, геги и тоски могли бы иметь возможность узнавать друг друга, обмениваться идеями и сближаться между собой.

Раппопорт предполагал, что для снижения расходов на издание столь разнообразных вариантов изначально следует использовать такие техники, как литография, ротатор (трафаретная печать) и прочее. Издавать можно было небольшие тиражи, учитывая низкую грамотность населения.

По мнению вице-консула, для Вены, однако, очень много значила готовность мусульман использовать азбуку, не предполагающую написание справа налево, что противоречило их религии. Поскольку надежды и тревоги мусульман были теми же, что и у всех албанских патриотов, их категоричное отрицание и неприятие других видов письменности было неправильным. Однако, если написанное будет иметь транскрипцию на турецком алфавите в боковой колонке, они почувствуют уважение к себе, к своей религии, к своему влиянию, ощутят свою значимость и охотно вольются в ряды национального движения.

Министерство ознакомилось и согласилось с рекомендациями своего вице-консула. Но путаница с азбуками не могла разрешиться сама собой, поэтому Вена предпринимала шаги в поисках оптимального варианта, который, если и не сплотил бы все этнические группы, по крайней мере не вызвал бы серьезных разногласий. В архивах сохранилась переписка Министерства с такими выдающимися исследователями Албании, как профессор Майер из университета в Граце или придворный советник доктор Талоши[1]. Письмо от 9 августа 1898 г. свидетельствует, что вопрос разработки новой азбуки был поручен консулу Иппену, а также некоторым представителям греческого клира. Проводились эксперименты с разными вариантами.

Согласно сохранившимся документам, в Вене готовилось издание Библии на албанском языке, где использовалась азбука, созданная консулом Иппеном и несколькими католическими священниками, подготовленная для обучения в первом классе боснийских школ. Но прежде чем приступить к печати тиражом более 1000 экземпляров, рукопись нужно было отредактировать с точки зрения правописания, поскольку возникала проблема, до определенного момента неизвестная, связанная с основными читателями за пределами Османской империи. Проблема состояла в том, что католическое население привыкло к итальянскому правописанию. Религиозные книги до сих пор издавались и печатались на итальянском. Албанских художественных произведений на этом языке было мало. Католические священники, а также родители, дети кото-

[1] HHStA, PA I, K. 473.

рых должны были читать Библию, хотели иметь ее только на итальянском, и ни на каком другом языке.

Помимо новой азбуки, по инициативе Вены возникали и планы других реформ правописания. Но у всех был один основной недостаток: они не возникали в стране спонтанно, а по прагматичным соображениям привносились извне. Трудностей, связанных с осуществлением этих планов, было две. Первая заключалась в том, что албанская пресса в то время использовала другие алфавиты, и введение нового шокировало бы читателей. Вторая проблема заключалась в том, что клир и грамотное население вне страны отрицательно относились к каким-либо реформам и противостояли введению новой азбуки.

В министерство поступали предупреждения, что проблема правописания не может быть решена печатью одной книги. Для этой цели необходимо множество популярных книг и длительное развитие литературы и просвещения. В противном случае хаос лишь увеличится.

Вот почему, хорошо зная клир, консул Иппен, также ответственный за создание новой письменности, считал, что самым верным было бы сохранить существующий до сих пор способ написания. Кроме того, было желательно, чтобы книга вышла как можно скорее, и ее можно было распространять в зимний сезон; это также склоняло консула к решению издать ее в принятой до сих пор системе написания.

Несмотря на все усилия Вены решить этот вопрос, положение не менялось. Австро-Венгрия проводила работу и с сотрудниками в Албании, и с иностранными лингвистами. В процессе переговоров со всеми сторонами Австро-Венгрия демонстрировала безупречный такт, добрую волю, терпение, а также большую финансовую щедрость.

В некоторых финансируемых Австро-Венгрией албанских школах, несмотря на отсутствие дидактических материалов по албанскому языку, учителя отказывались пользоваться книгами, выпущенными в Вене и написанными новой азбукой[1].

[1] HHStA, Adm. Reg., Fach 27, K. 35, Bericht Nr. 615/2, Scutari, am 29. November 1901, Vizekonsul Dr.C. Ranzi an Goluchowski.

Доки делал все возможное, чтобы убедить католических священников пользоваться этой азбукой, но напрасно[1]. 23 апреля 1902 г. он посетил в Делбиниште одного из главных ее противников, архиепископа монсеньора Бьянки, и пытался убедить ее принять — сначала любезностями, затем угрозами, что Вена не одобрит его сопротивление. Ответ монсеньора Бьянки был категоричен — он не примет азбуку, пока она не будет одобрена общей ассамблеей духовных лиц, преподающих в католических школах.

Тогда Доки начал работать над созывом такой ассамблеи, пытаясь включить в нее также общество «Башкими», которое поддерживало предлагаемый вариант азбуки. Также Доки стремился к тому, чтобы этот форум прошел под его руководством[2]. Ассамблея должна была раз и навсегда решить вопрос албанской письменности.

В министерстве считали, что Доки должен быть более открытым к оппозиции и искать средства для примирения двух архиепископов, чтобы положить конец этому положению, сложному для австрийской дипломатии[3].

В тот же период члены общества «Башкими» готовили меморандум, где своей главной целью называли унификацию албанского языка, а принятие новой азбуки рассматривали как одно из средств достижения этой цели. Они утверждали, что готовы и отвергнуть ее, если появится лучший вариант азбуки; предлагали создать нечто вроде академии наук Северной Албании, членами которой стали бы главы всех епархий. Эта академия научными методами могла бы решить проблему письменности.

В меморандуме, однако, был один пункт, согласно которому, если принятое решение будет некомпетентным, общество «Башкими» оставляет за собой право с ним не считаться.

---

[1] HHStA, Adm. Reg., Fach 27, K. 35, Bericht Nr.87/2, Durazzo, am 10. Mai, 1901, Vizekonsul Dr. von Kwiatkowskian Goluchowski.

[2] «Башкими» — литературное общество, созданное самим Доки по настоянию Вены. Оно находилось под руководством аббата и преследовало просветительские цели.

[3] HHStA, Adm. Reg., Fach 27, K. 35, Bericht Nr. 615/2, Scutari, am 29. November 1901, Vizekonsul Dr.C. Ranzian Goluchowski.

Вена не одобряла этот пункт и хотела, чтобы Доки выработал новый меморандум, составленный без условий и более мягким тоном.

Архиепископ Герини, глава католической миссии в Албании, также был готов участвовать в созыве ассамблеи. По поручению Вены он отправил основным противникам азбуки Доки: епископу Бьянки в Дуррес и епископу Трокси в Скопье — только второй вариант меморандума общества *«Башкими»,* с сопроводительным письмом каждому из получателей[1]. Вице-консул Ранзи счел содержание этих писем вполне подходящим. Письма были тактичны, любезны, полны комплиментов обоим епископам и содержали просьбу прийти к согласию и принять новую азбуку временно, до тех пор, пока не будет найдено окончательное решение. Основным же предложением посланий был созыв ассамблеи, но конкретных предложений по ее организации автор избегал. Он апеллировал к доброй воле албанских епископов и напоминал, насколько плохое впечатление они произведут если не смогут достичь единодушия в столь важном вопросе, как азбука.

Архиепископ предоставил Вене свою переписку с епископами так же, как и Доки — два уже упомянутых варианта меморандума. Австро-венгерские дипломаты пытались повлиять на обе стороны, чтобы добиться их взаимопонимания. Консулам рекомендовали посоветовать епископам принять отправленные им приглашения и присутствовать на ассамблее[2]. Также они старались употребить свое влияние, чтобы епископы приняли предложение общества «Башкими», которое со своей стороны требовало толерантно относиться к мнению обоих епископов.

Вена просила своих консулов сохранять нейтралитет, но негласно им было поручено поддерживать монсеньора Бьянки, который, как ожидалось, должен прибыть в Дуррес. Раз-

[1] Письмо монсеньору Герини известно нам по тексту доклада № 62/2 вице-консула фон Ранзи Голуховскому, оно отправлено из Скутари 7 декабря 1901 г., а также по декрету 80212/6, отправленному из Вены Квятковскому, где содержание этого письма передано в резюме. Оба документа находятся в HHStA, Adm. Reg., Fach 27, K. 35.

[2] HHStA, Adm. Reg., Fach 27, K. 35, Wien, Erlass Nr. 80212/6, den 18. Dezember 1901, an Kwiatkowski.

решено было намекнуть ему, что благосклонное поведение произведет лучшее впечатление и позволит получить б льшие результаты для страны, особенно для интересов местных католиков. Монсеньор Доки также был проинструктирован, ему советовали держаться непринужденно и дружески.

Однако обе противостоящих стороны оказались более непреклонными по отношению к рекомендациям Австро-Венгрии, чем предполагалось, что заставляло Вену испытывать неуверенность. Несмотря на это, министерство продолжало отправлять указания консулам и добиваться решения вопроса. Приказом 81326/6 от 30 декабря 1901 г. консулу Пара в Скопье и Мутсаму, управляющему в Призрене, предписывалось сделать все возможное, чтобы найти способ подтолкнуть епископов к отправке своих представителей на ассамблею.

Консулу Иппену министерство писало, что данный спор о двух азбуках не касается его лично, но его коллегам в Дурресе, Призрене и Скопье было рекомендовано повлиять на епископов Бьянки и Трокси в пользу ассамблеи[1].

В то же время Иппена просили проинформировать монсеньора Доки, что Вена поддерживает его на данном этапе решения проблемы с письменностью.

Австрийское правительство считало, что в ассамблее должны принять участие епископы Сулати и Алесио, которые на тот момент еще не были приглашены, поскольку в их епархиях не было школ. В Вене полагали, что более широкое представительство поможет достичь консенсуса среди албанского духовенства. Это предложение обсуждалось с представителями обеих сторон — с Доки и с архиепископом Скутари. Австровенгерская дипломатия выразила им свою полную и искреннюю поддержку в решении проблемы с азбукой и высказала уверенность, что эти инициативы, а также такт и упорство в их продвижении сделают решение всех вопросов возможным.

17 января 1902 г. Трокси посетил управляющего Мутсама[2] и дал ему прочитать письмо, полученное от Герини, а также

[1] HHStA, Adm. Reg., Fach 27, K. 35, Wien, Erlass Nr. 81330/6, den 4. Jänner 1902, an Ippen.

[2] HHStA, Adm. Reg., Fach 27, K. 35, Prizren, Bericht Nr. 3, den 19. Jänner 1902.

ответ на него. Там было сказано, что Герини очень доволен созывом ассамблеи, планирует присутствовать там лично и предлагает Скутари как наиболее подходящее место для ее проведения. В отношении даты высказывалась идея созыва вскоре после Пасхи.

На предложение Герини ввести новую азбуку в школах временно, до тех пор, пока вопрос не будет решен окончательно, Трокси ответил, что будет склонен к этому, если предложение одобрит ассамблея. Этот ответ, однако, рисовал не лучшую перспективу как для Вены, так и для унификации азбуки.

Квятковский, в свою очередь, побеседовал с Бьянки[1]. Как Трокси проинформировал Мутсама, так же и Бьянки сообщил австро-венгерскому представителю о своей переписке с архиепископом Герини. Она во многом повторяла сказанное Трокси — необходимо как можно скорее созвать ассамблею. Несмотря на это он не прекращал поиски выхода из положения, но не был склонен принимать предложенную новую азбуку, даже временно.

Квятковский, которому уже стали ясны игры местных епископов, был встревожен ответом Бьянки и фигурой делегата, избранного представлять его на ассамблее — ярого противника монсеньора Доки. Квятковский не мог сделать многое, но все же пытался повлиять на Бьянки относительно поведения его представителя на форуме.

Иппен проинформировал архиепископа Герини о содержании декрета от 4 января, в котором подчеркивалось, что должны быть приглашены епископы Пулати и Алесио. Герини пригласил их. Первый ответил, что будет, если и все остальные откликнутся, что явно не было признаком большого энтузиазма. Второй ответил, что написал в Рим и все еще ждет ответа оттуда. Сам Герини также ожидал указаний Рима относительно даты встречи.

Получив разрешение из Италии, Герини назначил ассамблею семи руководителей епархий Албании на 27 апреля того года и просил Императорское и Королевское правительство обеспечить ее финансирование, которое, предположительно, должно было достичь 400 франков. Иппен передал его просьбу

[1] HHStA, Adm. Reg., F. 27, K. 35, Durazzo, Bericht Nr.14/2, den 20. Jänner 1902, Kwiatkowski an Goluchowski.

в министерство[1] с пометкой об отсутствии каких-либо гарантий, что все пройдет успешно, а не сорвется из-за мелких недопониманий.

Вена, однако, одобрила просьбу Герини и через Маршала и Иппена ему была передана запрошенная сумма. Кроме того, Маршалу разрешалось израсходовать до 2500 франков из фонда средств для Албании, в случае, если поступят другие просьбы о финансировании ассамблеи.

Трокси также обратился за финансовой помощью к консулу Пара под тем предлогом, что для своего путешествия в Скутари он набрал долгов. Консул сразу же проинформировал Вену[2] об этой просьбе, но добавил, что Трокси везде путешествует со своим близким другом, а это производит на всех крайне неприятное впечатление. В министерстве приняли решение ему в этой просьбе отказать.

Ассамблея прошла не с 27, а с 30 апреля до 7 мая. Результат ее был отрицательным. Участники не достигли понимания относительно двух вариантов алфавита, они лишь подготовили письмо в Министерство иностранных дел с копией для консула Иппена, которую вручили ему для дальнейшей передачи в Вену[3]. Этот документ (Homagialschreiben) был подписан Паскале Герини, архиепископом Скутари; Паскале Трокси, архиепископом Скопье; Примо Бьянки, архиепископом Дурреса; Николо Маркони, епископом Пулати; Лазаро Миетия, епископом Сапа и Примо Доки, аббатом Мирдита.

Кроме того, Герини должен был подготовить подробный доклад об ассамблее, но для этого ему требовалось больше времени.

К началу июня Иппен располагал более подробной информацией о том, что произошло во время встречи[4]. Вопреки обе-

[1] HHStA, Adm. Reg., F. 27, K. 35, Scutari, Bericht Nr.123/2, den 13.März 1902, Ippen an Goluchowski.

[2] HHStA, Adm. Reg., F. 27, K. 35, Üsküb, Bericht Nr. 64 vom 11.April 1902, Konsul Para an Goluchowski.

[3] HHStA, Adm. Reg., F. 27, K. 35, Scutari, den 13. Mai 1902, Konsul Ippen an Goluchowski.

[4] HHStA, Adm. Reg., F. 27, K. 35, Scutari, Bericht Nr. 306/2, den2.Juni 1902, KonsulIppenanGoluchowski.

щаниям, данным Квятковскому, Бьянки был самым непреклонным из всех ее участников. Предположительно, его поведение объяснялось страхом перед священником Николой Каконом, от влияния которого он не мог освободиться. Так или иначе, участники ассамблеи в полной мере продемонстрировали неспособность преодолеть личную вражду и амбиции, чтобы определить, которая из двух азбук будет применяться в албанских католических школах.

Епископы Призрена, Дурреса, Пулати, Алесио и Сапа предпочитали азбуку Миедия. Герини разделял их мнение, но не позволял себе демонстрировать это открыто, поскольку половина духовных лиц его епархии предпочитали азбуку Доки.

Учитывая невозможность решить вопрос о письменности внутри страны, Герини предлагал иностранным албанистам с помощью Вены выбрать одну из двух этих азбук. Он лишь просил сохранить написание с диакритичными знаками для звуков, у которых не было соответствий в латинском алфавите. Иппен, как и его коллеги в министерстве иностранных дел, были единодушны, что эта идея неосуществима. В первую очередь, потому что албанские епископы не были склонны принимать решение иностранных экспертов. Во вторую, это оказалось невозможно на практике, хотя Вена уже предпринимала подобные попытки. Фаик бей Коница опубликовал в журнале «Албания» результаты проведенного анкетирования, но дальше этого процесс не пошел[1].

Вена не могла принять данную идею и по причинам политического характера[2]. Албанские епископы, хотя и находились под покровительством Австро-Венгрии, в первую очередь были подданными Османской империи. И, несмотря на то, что не все видные албанисты были подданными Австро-Венгрии, могло выглядеть странно, если бы Вена представляла перед ними интересы подданных султана. Турецкое правительство не было заинтересовано в развитии албанского языка, что вы-

[1] Согласно цитируемому докладу Иппена, речь идет о журнале «Албания» за 1898 г. С. 97, 98, 115–117, 162–163.

[2] HHStA, Adm. Reg., F. 27, K. 35, Wien, Erlass Nr. 39837/6 vom 12. Juli 1902 an 1) Baron Bornemisza, Scutari; 2) Konsul Pára, Üsküb; 3) Vizekonsul von Kwiatkowski, Durazzo; 4) Gerente Muthsam, Prizren.

нуждало Австро-Венгрию вести себя более осторожно на официальном и международном уровне. Открытая поддержка намерений албанцев не способствовала бы принятию решения, а, напротив, препятствовала бы этому начинанию.

Несмотря ни на что, Вена старалась не задевать самолюбие албанских священнослужителей, которое, как теперь стало ясно, было очень ранимо и требовало деликатности, и стремилась достичь с ними согласия, не вызывая конфронтации. Поэтому им было предложено напрямую вступить в контакт с албанистами без посредничества Министерства. Албанцев уверяли, что Вена будет заинтересованно наблюдать за развитием событий, и если будет принято какое-либо решение, поможет морально и экономически развитию новой письменности. До тех пор, пока не будет достигнуто долгожданное взаимопонимание — в чем Вена все более сомневалась, — она предпочитала сохранять нейтралитет, не демонстрируя поддержку той или иной стороны.

Чтобы помочь албанским клирикам, Иппен предлагал министерству отправить обе азбуки албанистам вместе с комментариями авторов — почему они выбрали ту, а не другую систему графики. Если бы оказалось, что эта инициатива полезна, результаты могли быть отправлены участникам ассамблеи.

В то же время Иппен полагал, что было бы правильно удовлетворить желания епископов Призрена, Дурреса, Алесио, Сапа и Пулати, отпечатав учебники для школ в их епархиях на азбуке Миедия. Переход от одной азбуки к другой и перепечатывание книг не представляли трудностей. По ним школьники, научившись читать, могли бы изучать счет, катехизис и литературу.

Почему консул Иппен выдвинул это предложение? Потому что в тот момент, несмотря на борьбу между двумя направлениями, как Доки, так и Миедия прилагали большие усилия для развития письменности. Если Вена хотела работать на перспективу, она должна была продемонстрировать объективность и поддерживать обе тенденции.

Однако у Министерства не было времени ждать, пока одна из двух азбук будет введена и получит одобрение всех албанцев. Для этого была одна очень важная причина — ни один из

двух вариантов не был безупречен и не мог без финансовой помощи из-за границы быть принят читателями[1].

По мнению Иппена, дальнейшее промедление могло положить конец надеждам на развитие албанской письменности. Иппен образно сравнил проблему алфавитов с деятельностью изобретателя. Изобретатель также должен испытывать свой новый аппарат, он также нуждается в деньгах для испытания новой модели, без экспериментов он не сможет проверить возможности своего изобретения.

Иппен выразил сожаление, что в данном случае эксперимент ставился бы непосредственно над албанскими учащимися, но речь идет о важном внутриалбанском вопросе, и решить его должны сами албанцы с помощью своих духовных лидеров — католиков. Однако, национальные лидеры погрязли в бесконечных спорах и совершенно не думают о молодом поколении.

Иппен предрекал, что борьба между двумя азбуками растянется на несколько лет и приведет к полному расколу среди албанских католиков. Но его это не пугало, поскольку лишь так можно было достичь объединения. Практически раскол уже произошел — существовало три основных группы: сторонники старой письменности, приверженцы Доки и Миедия. Консул надеялся, что, когда силы на противостояние будут исчерпаны, возобладает здравый смысл, албанцы примут азбуку тосков и объединятся вокруг нее.

Но он заблуждался в своих предположениях и надеждах. Священнослужители, поддерживавшие монсеньора Миедия, с одной стороны, и приверженцы монсеньора Доки, с другой, враждовали более и более ожесточенно, увлекая за собой весь католический клир[2]. Обе стороны стремились привлечь сторонников. Поскольку не было надежды на то, что австро-венгерское правительство напрямую введет одну из двух азбук, между католическими епископами разгорелась борьба за превосходство.

Позиции общества «Башкими» существенно укрепились после назначения Джакомо Середжи, председателя общества,

[1] HHStA. Adm. Reg., F. 27, K. 35, Ippen, Bericht Nr. 306/2.

[2] HHStA. Adm. Reg., F. 27, K. 35, Scutari, Bericht Nr. 122, Geheim, den 9. November 1908, Kral an Alois Freiherr von Aehrenthal.

епископом Сапы. Это вызвало беспокойство в лагере Миедия. С того момента при выборе кандидата на свободное место епископа на оценку его влияло лишь то, к какой фракции в вопросах языка тот принадлежит.

По оценкам нового представителя Австро-Венгрии в Скутари, Крала, аббат Доки нанес непоправимый ущерб интересам Вены. В 1905 г. он заключил с итальянским генеральным консулом соглашение об использовании книг, напечатанных в Италии на азбуке, поддержанной *«Башкими»*. Эти книги вытеснили профинансированные и выпущенные в Вене книги для итальянских школ Албании.

С этого момента разрыв между двумя вариантами письменности стал до такой степени велик, что одну начали называть «итальянской», а другую «австро-венгерской».

Любые действия Австро-Венгрии рассматривалось в Скутари особенно пристально и вызывали подозрения: не идут ли они на пользу одной из двух противостоящих сторон.

В таких обстоятельствах Вена практически потеряла возможность предпринимать какие-либо действия в атмосфере интриг и подозрений. При самом продуманном ее поведении всегда находились те, кто превратно толковал мотивы Вены, и независимо от того, о чем шла речь, ее действиям всегда сопротивлялись.

В спорах вокруг двух азбук стало появляться и множество посторонних мелких вопросов. Звучит парадоксально, но согласно информации Крала, в дискуссии возник вопрос о замене итальянских конгрегаций австрийскими, о финансировании клира, о католической капелле, о назначении учителей и проч. В общем, проблемы возникали по всем вопросам, важным как для Вены, так и для местного населения.

Образовательная политика Австро-Венгрии в Албании была обречена на провал, поскольку Вена располагала лишь примитивными книгами на албанском языке, в то время как Италия обладала языком древней культуры и различными дидактическими материалами на нем. В австро-венгерских школах, напротив, осуществлялось преподавание на албанском языке, но дальнейшее продвижение его было невозможно до тех пор, пока более старшие классы не будут обеспечены до-

статочным количеством усовершенствованых учебников. Однако их печать была затруднена бесконечными спорами об алфавите. Это мешало многим авторам издаваться, и одновременно не давало Вене возможности их публиковать, поскольку не было гарантий, что выбранная для этого азбука завтра не будет отвергнута.

К лагерю сторонников Австро-Венгрии принадлежало общество «Башкими» под руководством монсеньора Доки, которое располагало большими средствами, а также «Агими», возможности которого были достаточно ограничены, и оно использовало учебники из Вены. Общество «Агими», однако, враждовало с аббатом Доки и относилось к нему с большим недоверием, это вносило дополнительный раскол в ряды австро-венгерских сторонников.

Всех этих недоразумений и интриг можно было избежать лишь при полном согласии всех фракций и групп, связанных с проблемой азбуки.

Для достижения консенсуса в 1905 г. в Скутари прибыл Август Ритер фон Крал — человек, который многое сделал для унификации албанской письменности. Его успех был не случаен, но обусловлен длительной карьерой на Балканах и глубоким знанием албанцев и их языка. Этот наиболее значительный результат деятельности Австро-Венгрии в Албании пережил и саму империю, потому вполне уместно проследить профессиональный путь выдающегося австрийского дипломата, добившегося сохранения унифицированной албанской азбуки. Информация о нем содержится в докладе Министерства иностранных дел, хранящемся в императорско-королевском архиве[1]. Изложим эти сведения почти дословно.

Август Ритер фон Крал родился 20 июня 1869 г. Сначала он занимал должность атташе, затем был вице-консулом в генеральном консульстве Австро-Венгрии в Константинополе[2], в Шкодере[3] и Бейруте в период 1894–1897 гг. С 1898 по 1904 гг.

[1] HHStA, Archivbefehl XIX/84, NL Kral, K. 5.

[2] В то время столица Османской империи, теперь называется Стамбул и не является столицей Турции.

[3] Город в Османской империи, в настоящее время — территория Албании.

был главой консульства в Монастире[1]. В 1904–1905 гг. был консулом в Министерстве иностранных дел в Вене, занимался албанскими вопросами. В 1905–1909 гг. работал в Шкодере; в 1910–1913 гг. был генеральным консулом второго ранга в Смирне и Салониках.

Работая в Монастире, прилагал большие усилия, чтобы примирить враждующие стороны во время болгарских восстаний[2], глубоко исследуя положение в регионе. Главным образом, его внимание было сосредоточено на культурных и литературных проблемах албанцев, точнее — православных и мусульман в центральной и южной частях страны, которые входили в его консульскую область. В этот период он хорошо выучил албанский язык.

После землетрясения 1905 г. в Шкодере он организовал широкомасштабный сбор средств в пользу пострадавших, независимо от их вероисповедания. В то же время он неустанно работал над пробуждением солидарности и взаимопонимания между представителями трех основных вероисповеданий Албании, которые враждовали веками, над пробуждением их национального самосознания и стремления к объединению.

Деятельность Крала в Шкодере постепенно позволяла ему лучше узнавать местных жителей и понимать специфику отношений между албанскими католиками и мусульманами на севере с остальными племенами в стране. Таким образом он получил возможность значительно повлиять на организацию

[1] Город в Османской империи, в настоящее время — территория Республики Македония.

[2] Речь идет о двух восстаниях болгарского населения в этих местах. Первое вспыхнуло после оглашения решений Берлинского конгресса 1878 г., когда эта область была возвращена Османской империи, а мусульмане, униженные потерями в русско-турецкой войне, творили бесчинства и резню болгарского населения. Второе восстание вспыхнуло в 1902 г. и преследовало цель свержения османской власти и присоединение области к соотечественникам в Болгарии. Оба восстания были жестоко подавлены регулярной турецкой армией и фанатичными албанскими мусульманскими частями. Перебиты были сотни тысяч болгар, сотни сел сожжены. Уцелевшие эмигрировали в Болгарию, что коренным образом изменило демографический облик области, в которой прежде преобладало болгарское население.

в 1908 г. в Монастире конгресса для унификации албанской письменности. На этом конгрессе путем компромиссов был достигнут значительный прогресс в решении данного вопроса.

В 1914 г. Крал, в должности генерального консула первого ранга, выступал представителем Австро-Венгрии в Комиссии по международному контролю в Албании. Эту задачу он выполнял при тесном сотрудничестве с муфтием Либохова и с Фрашери беем; основным направлением их деятельности было достижение независимости страны. После краткой службы на должности директора департамента в Министерстве иностранных дел в 1915 г. в 1916 г. он в четвертый раз отправился в Албанию, на этот раз как австро-венгерский представитель в высшей военной и гражданской администрации страны. По его настоянию было сформировано три генеральных управления — нечто подобное министерствам: управление финансами, образованием и правосудием; возглавили их высшие албанские чиновники. Был учрежден независимый институт верховного муфтия — духовного лидера мусульман; созданы Албанская литературная комиссия и Управление статистики, которое, наряду с остальными задачами, осуществляло также подсчет населения и вело регистр фамилий.

По всей стране создавались региональные подразделения этих департаментов, куда назначали исключительно албанских служащих.

Крал смог добиться объявления албанского единственным официальным языком в оккупированной части Албании. Таким образом были созданы исключительные предпосылки для изучения албанского языка по монастирской азбуке и создания унифицированной албанской письменности. Основной задачей Албанской литературной комиссии было изучение и контроль всех национальных гражданских и иностранных военных распоряжений, а также всех официальных публикаций, учебников и прочего с точки зрения их издания на правильном унифицированном албанском языке.

Это было время небывалого расцвета преподавания на албанском языке — повсюду открывались национальные школы, для которых необходимо было подбирать квалифицированных учителей.

При активном и самоотверженном участии албанских чиновников была начата усиленная законодательная и организационная деятельность во всех областях гражданской администрации. В Албании, несмотря на военные конфликты, эта деятельность давала богатые результаты. Государственные чиновники, назначенные в тот период, демонстрировали исключительное усердие, которое сохранилось и в дальнейшем. Многие из них в эти годы смогли добиться самых высоких постов в стране. Административная система, создававшаяся в то время, просуществовав до межвоенного периода, стала основой и стержнем независимого албанского управления, а Крал считается ее основателем.

В начале 1917 г. Крал был избран членом Ордена австрийских потомственных рыцарей. Он успешно завершил свою административную деятельность в Албании и после войны (в 1918 г.) сначала занял в Австрийской республике пост генерального консула в Гамбурге (1919–1920 гг.), а затем стал чрезвычайным австрийским посланником на Востоке и полномочным министром в Болгарии (1921–1923 гг.). В 1924–1932 гг. был полномочным министром в Турции и одновременно, в 1928–1932 гг., занимал этот пост в Персии.

После выхода в отставку Крал опубликовал ряд книг, посвященных новой Турции. В 1935 г. вышла его книга «Страна Кемаля Ататюрка. Создание современной Турции», которая выдержала и второе расширенное издание.

Но вернемся в 1905 г. и посмотрим, какие действия предпринял Крал для установления албанской письменности после возвращения в Скутари. За время своих многочисленных путешествий, долговременного пребывания и обучения в Албании в 1870-х гг. он убедился, что развитие албанского национального чувства и объединение невозможны без унифицированной азбуки и создания албанского литературного языка[1]. Спустя три года в обширном докладе о своей деятельности в Монастире он признал, что приложил немало усилий для решения проблемы албанской азбуки[2].

[1] HHStA, ABXIX/84, NLKral (Наследие Крала), K. 4.

[2] HHStA. Adm. Reg., F. 27, K. 35, Scutari, Bericht Nr. 122, Geheim, den 9. November 1908, Kral an Alois Freiherr von Aehrenthal.

Прибыв в Скутари, он вновь оценил особенности албанского национального движения и внимательно наблюдал за представителями трех враждующих групп. Крал был убежден, что различные азбуки — основная причина раздоров и поляризации общества. Споры об азбуке в значительной степени были причиной культурной отсталости и медленного развития албанского языка.

С огорчением и с удивлением, как сам он пишет, Крал установил, что огромные усилия Австро-Венгрии по развитию албанской нации в северной католической части страны, а точнее в Скутари, остались абсолютно не замечены албанцами в силу отсутствия понимания между ними[1]. Поэтому он считал, что усилия его страны потерпели крах.

Крал установил несоответствия между литературными проектами в Северной и Южной Албании. Любая книга, отпечатанная на благотворительные средства или при каком-либо ином австрийском финансировании, использовалась лишь ограниченным числом людей, и оставалась абсолютно неизвестной широкому кругу читателей. То же можно было сказать и об узких кругах читателей газет, финансируемых Австро-Венгрией. В большинстве случаев эти издания представляли интересы определенной партии или частных лиц, а не пытались отразить общественное мнение.

По мнению Крала, разногласия в сфере языкового вопроса естественным образом перешли в политическое поле. Таким образом, литературные споры и пресса в большей степени способствовали расколу, нежели сближению и преодолению антагонизма и противоречий.

Само существование различных диалектов, особенно гегов и тосков, способствовало разделению, и потому общее развитие культуры или политики было невозможно, пока представители различных кланов не придут к согласию в вопросе использования единой системы письменности. Согласно консулу Кралу, национальное движение находилось в стадии застоя, поскольку на севере и на юге люди шли по разным путям развития, живя абсолютно замкнуто по отношению друг к другу.

[1] HHStA, там же.

Поэтому Вене было трудно найти эффективный способ воздействия в целом на общественное мнение Албании с учетом целей своей политики.

Крал был убежден, что язык — главная опора национального консенсуса, и согласие между враждующими религиями не может быть установлено до тех пор, пока азбуки негласно воспринимаются как достояние определенного вероисповедания, а письменность — как исключительно религиозный вопрос; поэтому любая попытка литературного развития воспринималась как братоубийственное клеймо Каина, что усугубляло раздоры. Любое достижение в этом направлении помогало одной из сторон чувствовать себя сильнее, но не приносило пользы обществу в целом.

По оценкам Крала, все это наносило ущерб планам Австро-Венгрии по развитию Албании, которые обходились очень дорого, но, несмотря на все прилагаемые усилия, не достигали поставленных целей. Некоторые даже приписывали Вене роль Макиавелли, поскольку она хотела разжечь вражду по принципу *«разделяй и властвуй»*.

Крал считал, что различие азбук только льет воду на мельницу внешних сил, которые борются за влияние в Албании. Они пытались вербовать сторонников в противоположных лагерях через своих издателей, а затем дергать за нити конфликта, всегда в ущерб австрийской стороне.

Поэтому Крал был твердо убежден, что для объединения страны и успеха венской политики, в первую очередь, необходимо направить все возможные усилия на решение деликатного вопроса письменности.

Оставив в стороне тосков, большая часть которых приняла азбуку Фрашери, Вена должна была сосредоточить свои усилия на Скутари. В этом городе с давних времен писали и издавали литературу на албанском языке. Здесь было создано большинство алфавитов, которые когда-либо возникали в Албании. По мнению консула, именно здесь достичь согласия было бы легче всего, приступив к налаживанию контактов между людьми, способными принимать решения: как с севера, так и с юга.

Весной 1905 г. Крал изложил свою концепцию перед министерством и получил разрешение и полномочия действо-

вать в своей области, Скутари, не нарушая, однако, принципы нейтралитета Австро-Венгрии и невмешательства во внутренние споры по поводу албанской письменности. В этот период в ходу были следующие албанские азбуки[1]:

1. Азбука Фрашери, именуемая также национальной или константинопольской;
2. Греческая азбука;
3. Древняя азбука Скутари, или иезуитская азбука;
4. Азбука «Башкими», или монсеньора Доки;
5. Азбука «Агими», или Миедия.

Информация Крала была более точной, чем та, которой располагал консул Раппопорт в 1897 г., когда Вена впервые начала интересоваться состоянием албанской письменности. Теперь наиболее значительной и самой распространенной в Центральной и Южной Албании была азбука Фрашери, поэтому на севере ее часто называли «тоскской азбукой». В западной части страны она распространялась до санджака Дуррес, а Тирана была ее истинным бастионом. На востоке эта азбука была распространена в Скопье вплоть до санджака Ипек.

Она была создана в 1880 г. на собрании известных албанских патриотов, среди которых были братья Абдул, Наим и Сами Фрашери, а также Васа паша, Йован Вретуа и другие. Она называлась «национальной», чтобы ее можно было отличать от используемой тогда в Южной Албании греческой азбуки. Распространение азбуки «Фрашери» объяснялось тем, что Библейское общество, отказавшись от греческих букв, которые раньше использовались в албанских текстах, переиздало книги на новой азбуке, таким образом значительно увеличив ее распространение.

Она основывалась на фонетическом принципе, при котором каждому звуку соответствует одна буква. По мере возможностей в ней использовались латинские буквы, а для звуков, не существующих в латыни, использовались знаки греческой азбуки или специально придуманные собственные знаки. Несомненно, эта азбука основывалась на абсолютно верных научных

[1] Информация консула Крала из упомянутого выше доклада от 9 ноября 1908 г.

принципах, но некоторые буквы, особенно заглавные, были довольно филигранны и сложны в написании. В таком виде они не встречались ни в какой другой европейской азбуке и не существовали в наборах печатных машин, поэтому их нужно было создавать специально.

Несмотря ни на что, в Албании эту азбуку хорошо приняли, и она оказала благоприятное влияние на развитие национальной культуры и албанского языка.

Албанское общество «*Дитурия*» в Бухаресте было наиболее пламенным сторонником этой азбуки, и, по информации Крала, распространяло ее как в печатных изданиях, так и в школьном образовании.

Несмотря на сложности типографского набора, все больше газет стало выходить на этом языке. Важнейшее место среди них занимала газета «*Дрита*», которая до этого выходила в Софии; несмотря на многие ограничения, она считалась лучшей газетой на албанском языке.

Азбука «Фрашери» смогла пустить глубокие корни в Албании, поскольку люди находили ее «подходящей» и «независимой». В ее разработке принимали участие многие известные патриоты, а это было особенно важно, чтобы объявить азбуку национальной в стране, где «иностранный» означало «неверный» и «предательский».

Сейчас установлено, что основными ее приверженцами были беи Корча (прежде всего Орхан Бей), а также Шахин бей Колония, Кристо П. Люараси, Георг Кириас, брат первого албанского проповедника и основателя школы в Корче, Герасимус Кириус, Наум Начи, члены Албанского общества в Бухаресте, а также известный писатель Мидхат бей Фрашери и Люмо Скендо, сын Абдула бея Фрашери, известный в стране по Албанской лиге.

Греческая азбука играла важную роль в тех частях Албании, которые граничили с Грецией. Некогда она была распространена не только среди православных греко-албанцев, но и на юге, во всем вилайете Янина среди мусульман, подверженных влиянию греческой культуры. В среду православных она проникала естественным путем через греческие школы и церкви. Но в последние 25 лет азбука Фрашери стала ее вытеснять. В ходе

развития национального движения греческая азбука начала терять свое значение и стала одним из основных объектов для нападок со стороны патриотически настроенных кругов.

Правительство в Афинах всеми возможными средствами пыталось сохранить использование греческой азбуки как наиболее важного инструмента греческой пропаганды. С этой целью оно даже пыталось содействовать развитию греко-албанской книжности. Албанские печатные издания финансировались в Греции независимо от их происхождения, но с единственным условием — они должны были печататься на греческой азбуке. Наибольшего успеха эта деятельность достигла в 1903 г., когда был издан Албанский словарь Константина Христофориди в Элбасане — этим жестом Греция продемонстрировала свою заинтересованность в албанском вопросе.

В то время многие тоски православного вероисповедания также использовали греческую азбуку. Их национальное сознание было более развито, но от греческого влияния они еще не освободились.

Представители этого течения были связаны с Корчей в вилайете Янина и с албанской православной колонией в Египте. Доктор Адамидис, врач из Корчи, живший в Каире, считался его лидером.

Одна из наиболее старых албанских азбук была создана священником Бланкусом и использовалась иезуитами в их типографии «Непорочное Зачатие».

Она представляла собой смесь латинских, греческих и других иностранных букв, которые свели вместе, не выработав какой-либо принцип их объединения, но несмотря на свои недостатки, к тому времени эта азбука была письменной системой не только у католиков, но и у большинства мусульман на севере страны. Иезуиты использовали ее для своей работы и изданий, среди которых необходимо отметить католический еженедельник „Elcijaezemers Jesu Krisctit" («Глашатай сердца Иисусова»).

Изначально, закладывая основы своей деятельности в Албании, в силу отсутствия лучших вариантов Вена пользовалась этой азбукой. Но позже появились азбуки Агими и Башкими,

а «католическая» азбука постепенно утратила свое первоначальное значение.

К середине 1890-х гг., после ожесточенных дебатов как в Северной, так и в Южной Албании (хотя там несколько медленнее) начало распространяться мнение, что для создания современной азбуки необходимо использовать латинские знаки. Это было необходимо в силу индоевропейского происхождения языка и необходимости включения страны в сферу западноевропейской культуры.

Противниками этой идеи, по данным Крала, в основном были члены албанской колонии в Бухаресте (такие, как Н. Начо и другие), а позже — Фаик бей Коница, Сотрудничавший в журнале «Албания», издававшемся в Брюсселе, и мирдитский аббат монсеньор Примо Доки, возглавлявший лигвистическое общество «Башкими» («Объединение»), основанное в Скутари.

Азбука «Башкими» была выработана на базе комбинации букв для звуков, не существовавших в латинской системе.

Основным преимуществом этой азбуки, которая использовалась и в австро-венгерских школах в Албании на протяжении нескольких лет, было то, что тексты на ней могли быть везде легко отпечатаны, а также служить для транскрипции телеграмм.

После некоторых колебаний Фаик бей адаптировал свою азбуку к «Башкими», таким образом получив важный аргумент для превосходства в пропагандистской войне.

Нельзя отрицать, что комбинации букв в этой системе письма напоминали английское правописание, но, по мнению Крала, это объяснялось тем, что Доки и Фаик бей — одни из немногих образованных людей своего времени — владели этим языком.

Благодаря простоте употребления азбуки «Башкими», многие известные албанские публицисты в различных странах Европы начали ее использовать. Среди них такие имена, как Ансельмо Лорекио из «Национе албанезе»; Сотир Пеци из «Комби»; Никола Иванай из «Шпнеса е шкипенииис»; Гаспар Якова, Г. Широ, Н. Асдрени, П. Георг Фища, Д. Нок Никай и др.

В Скутари сторонники аббата Доки и школы, финансируемые Австро-Венгрией, некоторое время способствовали

распространению азбуки «Башкими». Однако в других частях страны они не располагали таким влиянием, которое свело бы к минимуму употребление азбуки Фрашери.

Главное достоинство системы «Бакшими» — фонетическая комбинация букв — воспринималась ее противниками как основной дефект, поскольку, на их взгляд, противоречила сущности языка и затрудняла обучение в школах.

Однако эта азбука получила большую поддержку со стороны многих известных лингвистов и албанистов, которые утверждали, что фонетический принцип, использованный Фрашери — наиболее правильный для передачи звуков албанского языка.

Сторонники этого мнения, которые на протяжении предыдущих семи лет поддерживали общество «Башкими», разделились на два крыла. Во главе одного из них, получившего название «Агими» («Заря»), стоял доктор Андреа Миедия, который отстаивал новую азбуку. В ней использовались латинские буквы, а для обозначения некоторых албанских фонем — дополнительные диакритические знаки над некоторыми буквами.

Руководство новым лингвистическим обществом «Агими» вскоре перешло к брату доктора Андреа Миедия — епископу Сапы, монсеньору Лазаро Миедия. К нему массово присоединились все рядовые католики, что вынуждало Вену принять их азбуку для издания новых учебников в албанских школах. Единственным, кто выступал против этого, был монсеньор Доки.

До того момента албанские издатели не обращали особого внимания на систему Миедия, возможно, потому что многие ее буквы не встречались ни в одной другой азбуке. Это означало, что все типографии должны были отлить новые матрицы, а это предполагало дополнительные расходы. Речь шла о трех новых буквах.

У общества «Агими» долгое время не было своего печатного органа, но затем в Триесте было учреждено «Дасамири», и это повысило его исключительную популярность. К сожалению, как и в случае с «Башкими», эта популярность ограничивалась лишь Скутари, поскольку остальные части страны оставались в стороне от споров о письменности.

Многие азбуки, которыми тогда пользовались в стране, не могли называться албанскими. Такими были азбуки Густава Майера, Йохана Ярника, Георга Пекмези, а также турецко-арабская азбука, которую в последнее время поддерживали реакционные мусульманские круги Скутари и Призрена, а также Младотурецкий комитет.

Использование османо-турецкой графики, как и греческие знаки, нельзя было применить к албанскому языку. Турецкую графику правительство поддерживало не по языковым, а по политическим причинам, видя в этом последнюю возможность отделить албанских мусульман от движения за национальную письменность их соотечественников-христиан.

После недолгого пребывания в Скутари Крал убедился, что необходимо любой ценой, как можно быстрее решить вопрос письменности, тесно связанный с интересами Вены в сфере религиозного протектората в Албании.

Он прекрасно понимал сущность политических и культурных препятствий на пути к осуществлению его решения: разобщенность клира; нарастающее влияние Италии в религиозных вопросах; застой в действиях Австро-Венгрии по созданию национальных школ и т.д. Все эти сложности не могли быть преодолены, пока вопрос азбуки продолжал поляризовать общество, особенно католические его круги.

Сам Крал признавал, что достижение согласия между Миедия и Доки невозможно, поскольку они совершенно непримиримы; необходимо было попытаться воздействовать на них путем соглашения с тосками. Единая азбука во всей Албании сгладила бы их личные противоречия и амбиции.

В случае будущего примирения не было бы победителей и побежденных, и не осталась бы разочарованной ни одна из сторон. Поэтому Крал предложил вариант, при котором общая азбука должна была представлять компромиссный вариант соединения трех существующих систем.

Он начал предпринимать полностью конфиденциальные, незаметные внешне действия: проводил встречи с представителями Фрашери, которых знал лично, и со сторонниками других лагерей в Скутари.

Важную роль в его деятельности как посредника между различными сторонами дискуссии вокруг национальной письменности играло его знакомство с выдающимися личностями в среде издателей и в кругу албанских деятелей культуры в Монастире. Постепенно Крал расширял круг знакомств. Он считал жизненно важным завоевать доверие лидера лагеря Фрашери, поскольку, несмотря на большой, преимущественно необоснованный шум вокруг вопроса азбуки в Скутари, Крал ни на миг не сомневался, что решение вопроса последует не из Скутари, а со стороны приверженцев Фрашери.

Среди них на первый план выдвинулась фигура Шахина бея Колония, который через газету «Дрита» и через албанское издательство в Софии привлек на свою сторону значительную долю общественного мнения и завоевал уважение среди албанцев. Кроме того, под его влиянием находились видные представители албанской колонии в Румынии.

Крал информировал, что установил контакты с албанцами в Египте и поддерживал непрерывную связь с правящими кругами вилайета Монастир.

В первые годы казалось невозможным убедить всех преданных сторонников Фрашери, считавших свою систему письма единственно верной, что в сущности она является анахронизмом и никоим образом не может быть принята другими группами. Рискуя в очередной раз столкнуться с непреодолимыми сложностями из-за отсутствия единого мнения, Крал в личных беседах смог постепенно убедить эти группы пересмотреть свои позиции и прийти к согласию. Министерству было поручено выделить помощь другим албанским газетам, основанным после «Дриты», и сделать их равными ей по степени влияния. В связи с этим Крал добился более близкого знакомства с редакторами «Албании» в Брюсселе, «Шпнезы» в Триесте и с собственником «Комби» в Бостоне.

С издателем «Албании» в Лондоне Фаиком беем, который в последние годы был близок к Вене и лично знаком с Кралом, также продолжали работать, но консул писал, что не стоит возлагать на него большие надежды, поскольку знал его непримиримый характер.

Особенно сложно было заставить создателей двух этих азбук в Скутари осознать, что ни одна из них не может быть окончательной. Для решения вопроса им следовало обратиться к остальным фракциям, которые также могли многое привнести в решение проблемы.

С одной стороны, Крал прилагал усилия к убеждению тосков принять исключительно латинские буквы; с другой стороны, он пытался убедить членов «Агими» и «Башкими» прийти к компромиссу в пользу азбуки Фрашери.

Личные контакты между представителями различных фракций могли последовать лишь после определенного сближения их позиций. Так, в совместной работе, у них было больше возможностей достичь успеха.

В своих действиях Крал не только преодолевал объективные серьезные сложности, но и сталкивался с недоверием. Все понимали, что решение языковой проблемы оставит всех основных участников без основного орудия в борьбе за преимущество над остальными.

Крал утверждал, что за два с половиной года работы встретил лишь одного абсолютно непреклонного человека — это был монсеньор Примо Доки. Он воспринимал усилия консула по унификации азбуки как проявление личной неприязни и посягательство на свой авторитет.

Как и прежде, когда складывалась похожая ситуация, Доки публично и в кулуарах, развернул кампанию против консула. Поддерживаемый монсеньором Середжи, Доки не отступал даже перед генеральным консульством и делал все возможное, чтобы помешать Кралу и провалить его дипломатическую работу. По мнению аббата, отстранив Крала, он мог выиграть большую битву ради осуществления своих амбиций.

Однако монсеньор Доки ошибался. Работа Крала уже начинала давать свои плоды. Поддержанное прессой и отдельными выступлениями авторитетных людей, общественное мнение в Албании начало решительно склоняться к поиску компромиссного решения об унификации азбуки. Выходили все новые статьи в поддержку данного мнения, постепенно этот вопрос приобрел первостепенную важность в программе албанских патриотов.

Несколько раз аббат пытался утверждать, что именно его азбука не только положила начало албанской прессе, но и завоевала доверие мусульманской среды в Тиране, Элбасане и других городах. Однако, по мнению Крала, развитие событий доказало, что оснований для таких утверждений нет.

В вопросе скорейшего достижения согласия с тосками Вена рассчитывала на монсеньора Миедия, который был значительно более гибок, по сравнению с Примо Доки. Его гибкость объяснялась глубоким знанием внутренних принципов, заложенных в обеих азбуках — его и Фрашери; за исключением графики, во многом эти азбуки были сходны. Еще в предыдущем году стало ясно, что их слияние возможно, но Крал сознательно медлил с решающим шагом, надеясь, что будущая азбука будет результатом широкого компромисса. Поэтому он считал, что не стоит пренебрегать мнением «Бакшими», даже если она добровольно отстранится от участия в процессе.

Крал был тверд в своих позициях. Он не планировал достигать соглашения тайным подписанием некоего документа между уполномоченными представителями. Но полагал, что это может быть лишь первым этапом. Затем соглашение должно было получить одобрение общей ассамблеи и быть обнародованным как общенациональное.

В то же время было очевидно, что открытое осуществление этих целей в границах Османской империи нереально. Поэтому Крал предложил Бухарест как наиболее подходящее место для встреч.

Важным шагом к сближению позиций Фрашери и Агими стало присоединение иезуитов к дискуссии весной 1908 г. Они безоговорочно поддерживали создание общей азбуки для всей Албании и были готовы выступить на стороне большинства.

С начала 1908 г. стала проявляться готовность обоих лагерей к сближению позиций, и Крал уже не видел препятствий для начала прямых переговоров между ними.

Условия для обмена мнениями стали значительно менее трудными, после того как Шахин бей Колония по настоянию Крала полностью отказался от своих прежних позиций. Он даже готов был принять оба предложенных варианта, при условии, что «Башкими» будет в этом участвовать. Так монсеньор

Доки остался один; все его единомышленники приняли идею необходимости прийти к компромиссу.

Вероятность быть изолированным и остаться без какой-либо поддержки вынудило Доки летом 1908 г. публично объявить, что его лагерь также примет азбуку, которую выберет большинство. Несмотря на это, он не отказался полностью от своей точки зрения и напрямую не участвовал в разработке соглашения. Это решение обещало скорое прекращение раздоров и было принято в Скутари с большим воодушевлением.

Предварительную подготовку к унификации письменности значительно облегчила одна из конституционных поправок в Османской империи, согласно которой разрешался свободный обмен мнениями по общественным вопросам и, в частности, созыв ассамблеи в одном из албанских городов.

В результате этих событий патриоты из Монастира учредили союз, который был официально признан. Воспользовавшись случаем, они созвали ассамблею доверенных лиц — представителей наиболее влиятельных кругов как в Албании, так за ее пределами, чтобы принять единую албанскую азбуку.

Быстрота и энергия, с которыми недавно полученная свобода в первые же недели использовалась для решения вопроса письменности, демонстрировали, насколько наболевшим он был для национального сознания и какую важность приобрел для будущего развития албанского национального движения в языковом и политическом аспекте.

Идея созыва конгресса встретила в Скутари огромную поддержку, независимо от возможного исхода ситуации. Делегаты всех фракций поддерживали идею компромисса, что само по себе можно было считать большим успехом.

Как представители «Башкими», в Монастир прибыли П. Георг Фишта и Луиджи Гуракучи. Со стороны «Агими» в конгрессе участвовали доктор Андреа Миедия и Матео Логореци.

Тот факт, что католическая общность Скутари предоставила абсолютные полномочия Матео Логореци и Луиджи Гуракучи как своим депутатам и решила оплатить им дорожные расходы, демонстрирует, насколько большой интерес пробудило это событие у широких народных масс, и насколько велико было его значение.

Крал писал, что также отправил своего человека на ассамблею с особой миссией — тактично, не привлекая внимания, смягчить разногласия, которые могли возникнуть во время дебатов.

Все свидетельствовало о том, что форум пройдет успешно. Однако, нельзя было недооценивать возможную опасность, исходившую со стороны враждебно настроенных турецких властей. Усилия, приложенные к достижению национального взаимопонимания, привели в волнение турецкую прессу и фанатично настроенных мусульман, выступавших за введение турецко-арабской графики.

По мнению Крала, было бы весьма нежелательно, если бы Мидхат бей Фрашери, человек Младотурецкой партии в Салониковском комитете, продвигающий свое мнение через албанскую газету в Салониках «Лирия», явился на ассамблею и открыто высказал категорическое несогласие. От него и его сторонников можно было ожидать любых действий, которые были в их силах, чтобы провалить встречу в Монастире и сохранить раскол среди албанцев.

Относительно намерений остальных патриотов можно было надеяться, что наконец будет достигнуто положительное решение вопроса, столь важного для будущего страны и десятилетиями затруднявшего развитие албанской нации.

По настоянию Крала, но так, чтобы никто не заподозрил его прямого вмешательства, был учрежден Комитет по созыву конгресса, который рассылал приглашения всем делегатам форума в Монастире.

Самым сложным оказалось убедить ожесточенно враждующие стороны из Скутари прислать на конгресс своих представителей. В итоге Кралу пришлось лично оказать давление на тех, кто противился этому мероприятию. Особенно непреклонен был монсеньор Джакомо Среджи, католический архиепископ в Скутари.

В форуме принимали участие представители всех идеологических направлений, и он прошел без ожидаемого единства и взаимопонимания из-за поведения некоторых участников, их амбиций и тщеславия.

Самыми многочисленными были делегации сторонников азбуки Фрашери и комбинированной латинской азбуки[1]. Большинство склонялось к последней, но сопротивление некоторых видных сторонников азбуки Фрашери блокировало ее принятие. Самым непримиримым противником этой азбуки был сам Мидхат бей Фрашери. Его поведение выглядело загадочным, но дальнейшие события открыли его истинные мотивы — он был близок к Младотурецкой партии, поэтому поставил своей целью препятствовать объединению. Некоторые члены конгресса, например, Нузет бей Вриони и другие, содействовали ему из сугубо личных мотивов, рассчитывая на лучшие назначения в турецком правительстве.

Июльские события и упомянутые нововведения в Турции значительно сместили акценты в программе конгресса. Он был задуман как абсолютно независимый форум, но оказалось, что на позиции некоторых делегатов повлияло их присоединение к Младотурецкой партии.

Для Вены это было неблагоприятно. Многие из тех албанцев, кто до того времени поддерживал политику Австро-Венгрии, из-за бойкота всех австрийских намерений не смели высказываться, опасаясь быть заподозренными в том, что подкуплены Веной. Таких случаев было достаточно. Позиции противников Австро-Венгрии таким образом все более укреплялись.

Важно подчеркнуть, что идея введения турецкой азбуки после обнародования конституции младотурецким движением не имела ни одного сторонника на конгрессе, хотя и была всеми средствами распропагандирована властями в Скутари и во всей Албании.

Младотурецкой партии удалось, однако, нанести очень чувствительный удар. Ее представители в тот период объезжали Албанию и агитировали население в пользу турецко-арабской графики. Распространился слух, что они воспользуются случаем и появятся на конгрессе. Эти подозрения заставили участников торопиться с принятием решения. Хотя слухи не подтвердились, спешка привела к принятию двух официальных азбук. Не будь ее, по мнению Крала, дискуссии могли еще

[1] HHStA, Adm. Reg., Fach 27, K. 35, Scutari, den 20. September 1909, KralanAerenthal.

больше затянуться, и, возможно, не остановились бы на этом решении.

Консул Австро-Венгрии продолжал собирать информацию об этом событии и позициях его участников. По данным его источников, среди делегатов преобладала уверенность, что при выборе в пользу латинской азбуки, в скором времени она сможет вытеснить азбуку Фрашери. Консул был убежден, что результат мог оказаться другим, если бы у него была возможность поговорить лично с албанцами, получавшими не только моральную, но и материальную поддержку от младотурок. Их партия тайно поддерживала кружок «Лирия» — центр, продвигавший азбуку Фрашери, поскольку публикации на албанском языке осуществлялись только на ее основе.

Крал, однако, считал, что принятие латиницы крайне важно для Северной Албании и особенно для Скутари, поскольку среди населения там преобладали католики. Результатом этого могло стать прекращение старой вражды между сторонниками различных фракций при устранении одной из ключевых причин непонимания между клиром, епархией и консульством.

Спустя примерно год после проведения конгресса Крал отмечал, составив более объективное мнение по этому поводу, что, несмотря на неубедительность результатов, эта встреча заложила основы развития национального процесса в Албании. Такое же впечатление было и у людей, вовлеченных в решение албанского национального вопроса в области.

Консул информировал об интересной метаморфозе, которую претерпело поведение Примо Доки. Когда появились первые новости о том, что конгресс принял кроме азбуки Фрашери также латинскую азбуку, которую отстаивали «Бакшими», он ликовал и восхвалял работу делегатов, не потому, что было достигнуто согласие, а потому, что ощущал себя победителем над основным своим соперником — Миедия.

Однако поняв, что осталось хотя бы немного компромиссных договоренностей, Доки переменил свое отношения и воспротивился решениям, принятым в Монастире. Дошло до того, что он отказался от собственных кандидатов и отверг латинскую азбуку. Он пытался переубедить не только своих единомышленников, но и самого Крала и монсеньора Миедия.

Миедия со своей стороны ответил ему, что рад найденному наконец решению вопроса письменности. Для него данный вопрос был уже закрыт, с этого момента он готов был заниматься более важными проблемами.

Монсеньор Доки остался одинок в своей непреклонности. Даже наиболее близкие единомышленники открыто предупреждали его, что если бы конгресс не принял решений, это могло означать потерю национальной чести. Лишь тогда монсеньор Доки прекратил сопротивление и, поскольку вопрос азбуки больше не отнимал у него силы и время, он всецело сосредоточился на экономических проектах — единственном, что волновало его в дальнейшем.

Несмотря на все препоны, большинство делегатов приняли компромиссный вариант, а именно этого желал Крал. Такое решение бесспорно было большим успехом, поскольку его поддержали и использовали на практике наиболее влиятельные издательства в Албании. В последующие годы оно стало единственным допустимым вариантом, несмотря на все проблемы. Вопрос азбуки, который в прошлые годы поставил на край пропасти разобщенное и враждующее албанское общество, отныне был решен. В школах и общественных учреждениях независимой Албании больше не использовалась никакая другая азбука.

Но посмотрим, что происходило в период после конгресса в Монастире и до австрийской оккупации. 1909 год, у власти младотурецкое правительство. Эта политическая трансформация предоставила албанским националистам свободу действий, которой они никогда до сих пор не имели[1]. Остановимся на области Скутари, откуда австро-венгерское министерство черпало значительную часть информации.

Делегаты конгресса вернулись в свои дома с новостями о двух принятых азбуках. Это не полностью удовлетворило общество в Скутари, однако все были довольны, что многолетний спор наконец завершен. Все считали, что причиной разногласий, возникших на конгрессе, были младотурецкие представители.

[1] HHStA, Adm. Reg., Fach 27, K. 35, Scutari, den 20. September 1909, Kral an Aerenthal.

Иезуиты в Скутари с нетерпением ожидали решения форума, чтобы к нему присоединиться. Они сразу же начали печатать издававшийся много лет еженедельник «Элсия» на новой азбуке и отказались от азбуки Бьянки, использовавшейся веками. Епархия и клир также приняли решение перевести старые книги с «Агми» на новую азбуку. Однако, никто не был готов заниматься этим без специального поручения и гарантированного вознаграждения. Поэтому через год еще не было сделано ничего конкретного по этому вопросу. Вена не могла по той же причине ввести в школах Албании латиницу и учебники, подготовленные по системе Миедия. Как и предполагал Крал, это положение сохранялось еще не один год.

Вскоре после окончания конгресса монсеньор Миедия приступил к обобщению и претворению в жизнь его решений. Он пытался создать большое объединенное языковое общество, состоящее из сторонников «Агими» и «Башкими» в Скутари. Естественно, к нему могли присоединиться и любые желающие. Его задачей было начать издание газеты и книг на албанском языке, естественно на новой азбуке. Предполагалось, что это общество закажет типографскую машину за границей, а монсеньор Миедия возьмет на себя большую часть расходов. Общество должно было превратиться во что-то вроде интеллектуального центра католиков Северной Албании, на который особое влияние имело бы австро-венгерское Министерство иностранных дел.

Но монсеньор Миедия по состоянию здоровья вынужден был переехать из Скутари в Скопье. Это не могло не отразиться на культурной деятельности в целом, поскольку Вена считала его единственным прелатом Скутари, который действительно был заинтересован в развитии албанского языка и албанской литературы и занимался переизданием учебников всерьез. Говоря о его переезде, Крал предупреждал Вену, что если они не хотят очередной приостановки преподавания на албанском языке, нет иного выхода, кроме как самим австрийцам заняться перепечатыванием учебников.

Крал также информировал о поведении Доки, эгоизм и личные интересы которого привели к провалу проект, поддержанный Веной. Аббат никоим образом не желал содйствовать

учреждению этого общества. По его мнению, в Скутари уже существует общество «Башкими», членам которого не следует вступать в другую подобную организацию. Он не был принципиально против создания общества подчеркнуто религиозного характера, которое занималось бы публикацией богословских книг, но был не согласен с тем, что «Бакшими» сольется с другими организациями.

Для налаживания взаимоотношений проводились многочисленные встречи, во время которых монсеньор Миедия относился к монсеньору Доки крайне благосклонно. Ему даже предлагали пост председателя этого нового культурного объединения. Почти все было готово к его формированию, не хватало лишь одобрения со стороны покровительствующих сил. Это предложение разъярило Доки, он угрожал связаться с итальянским правительством, которое демонстрировало б льшую озабоченность албанскими вопросами во всех аспектах. Разразился горячий спор, который положил конец встрече, а сопротивление аббата через несколько дней привело к краху всего проекта.

Крал характеризовал сопротивление Доки как в определенной степени неоправданное. Монсеньор желал играть ведущую роль в новом формировании, тем более, что «Башкими», которое уже давно не издавало ничего нового на албанском языке, существовало только на бумаге.

После провала этого проекта монсеньора Миедия в Скутари других проектов по языковому и литературному развитию больше не появлялось, а годом позже в городе воцарилась полная апатия и бездействие.

Следующей задачей Крала стало создание системы албанского правописания и албанского литературного языка. Над этим он работал уже совсем в иных условиях, когда Османская империя больше не препятствовала развитию страны, находившейся под австро-венгерской оккупацией.

Во время австрийского военного управления в Албании Крал был в этой стране гражданским комиссаром, что предоставляло ему хорошую возможность работать над проблемой правописания и литературного языка путем реформ и нововведений. Сам он писал: «Национальная гордость албанцев, ко-

торую я хорошо знаю, которая не позволяет им терпеть вмешательства чужаков во внутренние дела, когда любая подобная попытка рассматривается как политическая интервенция, заставила меня приложить большие усилия, несмотря на мое влияние как организатора албанской гражданской администрации, для деликатного достижения перемен в правописании и литературном языке в соответствии с идеями и предложениями многих выдающихся деятелей культуры. С этой целью я созвал Албанскую литературную комиссию, в работе которой принимали участие уважаемые ученые, специалисты по албанской филологии. Их задачей было усовершенствование языка с точки зрения современных нужд, создание новых слов и общих норм правописания, постепенное введение единого литературного языка. В дальнейшем этот язык будет использоваться во всех школах, в администрации, на нем будут издаваться новые книги. После многочисленных дебатов, споров, препирательств, продолжавшихся на протяжении долгих месяцев, комиссия пришла к согласию, и было создано единое правописание как основа для издания учебников, книг и законов».

По информации Крала, в связи с проблемой единого литературного языка, помимо литературной комиссии, с одобрения военной администрации был также созван конгресс делегатов, который по ряду вопросов смог достичь сближения мнений, чем подготовил почву для дальнейшего согласия.

В заключение процитируем слова Крала по поводу успехов, которых добилась Вена в сфере албанского языка: «Успех в языковых вопросах, достигнутый во время военного управления Австро-Венгрии в Албании, можно считать одной из величайших побед, завещанных нам этой эпохой войн и бурных политических волнений, это было исключительно важно и плодотворно для интеллектуальной жизни страны и консолидации государства».

Глава IX

ШКОЛЫ — ТРУДНОЕ НАЧАЛО

Стратегическая цель Вены — надолго и окончательно предотвратить любую попытку славянской экспансии у своей юго-восточной границы — могла осуществляться, в том числе, и за счет албанцев, если использовать их как основополагающий элемент будущей албанской нации[1]. По мнению австро-венгерских консулов, занимавшихся политической деятельностью в Албании, достижение этой цели требовало одного исключительно важного условия, всегда игравшего решающую роль при формировании других наций — создания школ. Консулы были убеждены, что никогда не смогут иметь реальное влияние в стране, если активно не вмешаются в наиболее важную сферу — сферу образования.

Какова же была тогда ситуация в данной области? По данным консулов в Завардарской Македонии, греки имели 350 школ, болгары — 188, сербы — 101, даже малочисленные и разобщенные валахи обладали 35 учебными заведениями.

В католической части Северной Албании находилось 7 мужских и 2 женских школы: в Скутари — 2 мужских и 1 женская школа; в Дурресе — по одной каждого типа; в Широке, Призрене, Дьякове и Ипеке — по одной мужской школе. Они финансировались Австро-Венгрией, но преподавание во всех велось на итальянском языке. Консулы сообщали, что, вопреки вспомоществованию со стороны Вены, среди албанцев не наблюдается особой благодарности в адрес монархии Габсбургов. И если некоторые выпускники школ иногда все-таки испытывали подобное чувство, с годами оно значительно притуплялось. Оставались знания и идеи, приобретенные за школьными парта-

[1] HHStA. PA I. K. 473. Bericht Nr. 27. Konsul Ippen an Goluchowski. Scutari. am 9. Juni 1897.

ми, но, к сожалению, и они были ориентированы на Италию. Воспитанники всех финансируемых Австро-Венгрией школ говорили и писали на итальянском языке. Их учители, знавшие только Италию, говорили ученикам лишь о ней, а Австро-Венгрия представлялась далекой страной, начинавшейся где-то неподалеку от Триеста.

Если к этой картине прибавить тот факт, что по географическим причинам Албания тяготела больше всего к Италии, а образование создавало с ней дополнительную интеллектуальную связь, то становится ясно, почему консул Иппен полагал, что Вена своей деятельностью «льет воду на мельницу врагов».

Кроме того оказалось невозможным остановить выделение субсидий на школы или же сделать учебные заведения более проавстрийскими. Трудным делом стало бы даже замещение итальянских учителей преподавателями австрийского происхождения. Единственным выходом из этого «франц-иосифовского» положения, согласно Иппену, могло стать открытие новых албанских школ.

В Северной Албании было приблизительно 100 приходов. Иппен считал, что в качестве задела достаточно будет 10 школ, предполагающих расходы максимум в 20 000 франков. Для сравнения, только католическая школа в Скутари стоила итальянской казне 30 000 франков.

Однако, где же найти преподавателей? Вероятно, не трудно было отыскать 10 или 12 человек, поскольку требования к ним предъявлялись не бог весть какие — чтобы они закончили прогимназию или несколько гимназических классов, т.е. имели базовые знания и желание работать учителем. Позднее они должны были отправиться в Австрию на специализированную педагогическую подготовку и таким образом стать учителями начальной школы с учетом австрийских стандартов. Консулы не верили, что обучение может простираться далее начальной ступени. Самым подходящим для указанных целей казался католический институт подготовки учительских кадров в Зальцбурге. Там кандидаты могли жить на пансионе в близлежащем монастыре.

Еще одно предложение касалось подготовки албанских францисканских миссионеров за счет австро-венгерского правительства.

По мнению Иппена, можно было более плодотворно использовать расходы Вены на религиозные нужды в Албании, если подобную щедрость проявить и в отношении образования.

В конце октября того же года консул представил конкретное предложение о последовательном открытии албанских школ в следующих населенных пунктах[1]:

- *Калмети[2] (Алесио)*
- *Неншати в Задриме (Сапа)*
- *Дайчи на территории Бояны (Скутари)*
- *Киша Колай в Мал т'Рензите (Скутари)*
- *Киша Шенкол в Брегмати (Скутари)*
- *Байса к югу от Кастрари (Скутари)*
- *Селци в Клементи (Скутари)*
- *Абати в Шале (Пулати)*
- *Джоани в Пулати (Пулати)*
- *Епископский квартал Никай (Пулати)*
- *Залца в Мертури (Пулати)*
- *Орош в Мирдите (Мирдит)*

Консул предполагал, что в первые три года открытие школ потребует значительной суммы — вероятно, около 15 000 франков.

По его подсчетам, в последующие 20 лет текущие расходы будут увеличиваться приблизительно на 5 000 франков в год.

Всего за 23 года расходы составят:

Инвестиционные расходы	*360 000 фр.*
Ежегодные расходы	*144 000 фр.*

За эту цену, однако, Вена располагала бы 70 школами, охватывающими население в 100 000 человек.

Для их создания, напоминал Иппен, сначала необходимо получить одобрение инвестиционных средств и разрешение со стороны турецких властей.

---

[1] HHStA. PA I. K. 473. Bericht Nr. 51. Konsul Ippen an Goluchowski. Scutari. am 29. October 1897.

[2] Крест перед названием означает. что населенный пункт являлся центром прихода.

Консул возмущался несправедливостью Константинополя. Сербы, болгары, валахи и греки получили положительный ответ на множество своих прошений, в отличие от «местных подопечных Австро-Венгрии»[1].

Иппен был столь раздражен и так сильно желал решить проблему недостаточных государственных фондов, что даже поссорился с Его превосходительством графом Ревертерой. Он писал ему, что протекторат — это не только цифры, но также и упорство в отстаивании своей точки зрения перед Константинополем, Высокой Портой и казной. Добиваясь расположения Вены, Иппен добавил, что один ферман о разрешении строить церковь или школу приносит австрийской короне больше престижа и друзей, чем 10 000 франков субсидий.

Глава иезуитов в Албании также пришел к подобным выводам, хотя и на основании несколько иных фактов. Граф Ревертера, чрезвычайный посланник Австро-Венгрии при Святом престоле, просил его подготовить доклад с изложением собственного мнения относительно желания Вены повысить в Албании качество образования и увеличить количество местных школ. В ответ аббат писал[2]:

«На основании информации, которую я успел собрать, позволю себе сообщить, что в последние годы имеет место серьезная критика Императорского и Королевского правительства по поводу образования в Скутари (скрытых мотивов этой критики я не знаю). Она идет со стороны некоторых здравомыслящих личностей, положительно настроенных к Австрии и желающих самого лучшего этой стране.

Действительно, за последние годы Австрия утратила значительную часть своего престижа в Албании, точнее, в Скутари из-за итальянских школ, работающих в пользу Италии и в ущерб Австрии, а это нельзя недооценивать.

Когда были открыты первые итальянские школы, люди ожидали, что Вена сделает всё, что в ее силах, чтобы помешать им пустить корни и развиваться. Их существование

[1] Выражение самого консула Иппена.

[2] HHStA. PA I. K. 473. Rom. den 29. Juni 1897. Ludwig Martin. Jesuiten general. an den Grafen Revertera–Salandra.

противно религии, и с течением времени они превратились бы в угрозу (которая уже является фактом) вере и религиозным чувствам населения. Вот почему священники Ордена с особенным нетерпением ожидали, что Австрия применит эффективные меры против соблазна родителей отправлять своих детей в эти школы, несмотря на то, что они могли бы извлечь из этого не меньшую пользу для будущего своих потомков и в других местах.

Объясню конкретнее. Основная причина того, что родители отправляли и продолжают отправлять детей в итальянские школы, — материальный интерес. Там не требуется ни за что платить, получают всё бесплатно: учебники, тетрадки, ручки, а самые нуждающиеся — даже и одежду.

С самого начала священники Ордена делали всё возможное, чтобы помешать притоку детей в итальянские школы. Потому даже нарушили свой обычай и по категорическому и чрезвычайному распоряжению Верховного настоятеля открыли прогимназию в колледже «Сан-Франциско Хавьер»[1]*. В эту прогимназию принимают для обучения и бедных детей, отвергнутых колледжем. Но там не располагают необходимым пространством для размещения всех желающих. Из-за отсутствия средств для расширения зданий, школа, очевидно, вынуждена требовать с родителей маленькие ежемесячные взносы, хотя бы для покрытия расходов на учебные материалы. Это оказалось очень неприятным, поскольку суммы, хотя и маленькие, для некоторых семей оказались непосильны. Поэтому они предпочли отправлять своих детей в итальянские школы, где всё бесплатно.*

Ректор колледжа «Сан-Франциско» разговаривал с представителем австрийского правительства в консульстве Скутари. Вопрос его состоял в том, считает ли консул уместным обратиться к министерству иностранных дел с просьбой о финансовой поддержке для расширения школы и починки кровли. Таким образом, родители не будут вынуждены платить за обучение своих детей. Господин консул, тем не менее, тогда не посчитал уместным обратиться с подобной просьбой к министерству.

[1] Il Collegio commerciale.

А сейчас я бы хотел затронуть другой важный вопрос.

Чтобы способствовать развитию своих школ, итальянское правительство создало приют для детей, где они бесплатно получают всё необходимое. Естественно, священники хвалят это начинание, реализованное в условиях крайней нищеты города. Так они стали сторонниками этого столь милосердного правительства, а дети оценили жест своих благодетелей. После выпуска из приюта его питомцы, что логично, направляются в итальянские школы, поскольку было бы выражением неблагодарности годы подряд есть итальянский хлеб, а после предпочесть какую-то другую школу.

Вот почему мы тоже задумали открытие приюта. Ректор колледжа[1] *отправил через консульство соответствующую просьбу Императорскому и Королевскому правительству. Но на данный момент ничего не сделано. Если бы Австрия открыла приют под руководством Дочерей милосердия или Ордена ран Господних*[2] *сразу после открытия итальянского светского приюта, тогда, наверняка, множество людей бы предпочло австрийский религиозный приют итальянскому.*

Это мнение, однако, отражает минувшие события. Я не желаю здесь критиковать правительство, которое, вероятно, имело свои причины действовать именно таким образом. Я просто излагаю факты, которые успел собрать.

Если сегодня вновь существует необходимость в нейтрализации воздействия итальянских школ, лучшее и наиболее результативное средство — то, о котором я упомянул. Деятельность бесплатного итальянского приюта необходимо нейтрализовать бесплатным австрийским приютом, итальянским школам необходимо противопоставить австрийские школы. Это упростит жизнь и церковных властей, годами по религиозным и моральным причинам борющихся с итальянскими образовательными институтами в Скутари, даже применяя церковные наказания. Уже сделано достаточно против школ, но не против приюта. Он продолжает быть гнездом, в котором высиживаются питомцы для школ [министра] Криспи. На основании всего этого, и чтобы сделать

[1] Не ректор, а монсеньор Герини.

[2] *Hermanas Estigmatinas (прим. пер.).*

конкретное заключение относительно школ в Скутари, присоединяюсь к мнению работающих в них духовных лиц, которое состоит в том, что правительство Его Императорского Величества для устранения допущенных к этому моменту ошибок и для возвращения утерянного Австриею престижа в области должно предпринять следующие меры:

1. *Как можно скорее открыть детский приют, равный итальянскому или лучше, а заботу о питомцах доверить монахиням*[1].

2. *Поддержать школы, которые сейчас развиваются успешно: уважаемых Братьев-францисканцев и Сестер Ран Господни,.*

3. *Оказать финансовую помощь колледжу «Сан-Франциско Хавьер» (который уже получает от Австрии по другому поводу дотации), отпустив ему внеочередные средства для расширения и неотложного ремонта.*

4. *Отпустить этому же колледжу достаточную для поддержки прогимназии сумму, которая позволит сделать обучение бесплатным и освободить бедных детей от расходов на учебные материалы. Так они не будут подталкиваться к поступлению в итальянские школы. Это же относится и к обучению в Торговом колледже, которому угрожают намерения Италии открыть подобные бесплатные курсы».*

Положение в Скопье тоже не давало повода для оптимизма[2]. Поначалу посещаемость школ, которым австро-венгерское правительство оказывало помощь, была неудовлетворительной по следующим причинам.

Во-первых, иностранные школы (итальянские, греческие, болгарские, сербские, румынские) в крупных городах, как правило, лучше управлялись и были лучше обеспечены, чем австрийские. Во-вторых, бедность принуждала албанских католиков отпускать детей в очень раннем возрасте на самостоятельные поиски пропитания (в качестве пастухов или продавцов на базаре) и делать другую работу. В-третьих, небольшое количество австрийских школ и большое расстояние между ними не позволяли людям отправлять детей на учебу в те меся-

[1] Сестрам Ран Господних.

[2] HHStA. PA I. K. 473. Bericht Nr. 163. Vertraulich. Üsküb. den 12. August 1897. Konsul Pisko an Goluchowski.

цы, когда дороги становились непроходимыми. В-четвертых, школьные здания находились в плохом состоянии.

Каковыми были конкретные обстоятельства?

В зоне ответственности скопского консульства к этому времени существовало три школы. В двух из них — Янево и Летнице — преподавание велось на славянском языке, в одном — Скопье — на албанском и итальянском.

Ни в одной из этих школ, однако, не обучали девочек, хотя руководство Австро-Венгри считало крайне важной задачей повышение уровня образования среди женской части католического населения, поскольку воспитание детей до десятилетнего возраста находилось в женских руках.

В Янево и Летнице некоторые девушки ходили в школу, но только на уроки религиозного воспитания, хотя католическое население этих мест заявило консулу о своем желании постоянного обучения девушек. Согласно обычаям, в Албании оно должно осуществляться женщинами. Консул посчитал, что Дочерям милосердия из Призрена следует принять меры и отправить двух монахинь в местности, где уже имеются или будут открыты австро-венгерские католические школы. Одна из монахинь должна будет обязательно владеть албанским языком. На тот момент орден не располагал достаточным количеством подготовленных монахинь, но это препятствие могло быть преодолено привлечением монахинь албанского происхождения, желающих посвятить себя этой работе. Консул уверенно заявлял, что в вилайете таковых достаточно. Естественно, их подготовкой должно будет заняться подворье в Призрене.

Обучением детей в Янево и Скопье главным образом занимались духовные лица и лишь один светский учитель. В Летнице педагогами были исключительно священнослужители. Консул Писко объяснял это тем, что албанские священники не имели достаточного количества времени и спокойствия, чтобы взять на себя всю школьную подготовку детей. Непрерывно их вызывали из прихода для посещения какого-нибудь больного, находящегося на расстоянии нескольких часов пути. В свое свободное время они могли контролировать обучение, но не осуществлять его целиком. Доказательством того являются неудовлетворительные результаты школы в Дьякове, и желание местного населения, чтобы им предоставили светского учителя.

По словам консула, попытка Австро-Венгрии утолить крайнюю нужду в светских учителях наткнется на серьезные затруднения, поскольку албанцы не обладали достаточной педагогической подготовкой, а австрийские учителя — необходимыми познаниями в языке.

Возникла необходимость рассмотреть возможность обучения албанскому языку молодых австрийских учителей начального звена, чтобы подключить их к решению этой задачи.

Поскольку итальянские учителя из Анконы, Болоньи и других мест сумели выучить албанский язык за год, консул Писко верил, что и их австрийские коллеги могут справиться за тот же период.

Консул был убежден, что назначение австрийских учителей оживит обучение в албанских школах, сделает их конкурентоспособными относительно иностранных. Новое руководство достигнет успехов, немыслимых при нынешнем уровне преподавания местных педагогов.

Что же касается общего образования в школах, которым Вена оказывала помощь, то требовалось его тщательно регламентировать в сотрудничестве с австрийскими консульствами и привести в соответствие с учебными программами начального образования в Австро-Венгрии, учитывая специфические албанские условия.

По мнению консула, очень важно было, чтобы учителя рассеяли завесу тайны вокруг того, кто является благодетелем албанских католиков.

На ежегодных экзаменах в итальянских школах консулы и директоры произносили пламенные речи о связях Италии и Албании и о необходимости тесного союза между двумя странами. При этом, однако, в школах, которые содержало правительство Австро-Венгрии, албанские священники не желали даже упоминать, кто является их благодетелем.

Поэтому, по мнению Писко, в будущем было бы хорошо, чтобы во всех школах, поддерживаемых Веной, ежегодные экзамены завершались торжеством, где бы председательствовал австрийский консул или какой-либо его представитель. Также этому представителю следовало бы раздавать и несколько наград (предпочтительно, часы, золотые и серебряные медали, денежные поощрения), поскольку известно, что это может значительно повысить посещаемость школ на Востоке.

Консул предоставил подробную информацию о состоянии каждой школы и приложил рекомендации об улучшении условий. В реальности школ было три. Он начал со школы в Янево. Приходской священник в этом населенном пункте, отец Франческо Бркич, был тяжело болен уже три года, а его помощник Никола Гласинович обязан был беспокоиться обо всех делах в приходе и не имел возможности с желаемым постоянством преподавать в двух старших классах мальчиков (около 30 человек). Светский учитель обучал около 150 детей разных классов, что было нереальным для одного человека.

Предложение консула состояло в назначении второго светского учителя, какого-нибудь албанца, говорящего на славянском языке, и постепенном введении албанского в обучение. Это предложение основывалось на министерском постановлении № 29.690/6 от 23 июля того же года. Помимо того предлагалось назначить двух монахинь в школы для девочек. Монахини должны были разместиться в церковных помещениях, которые, однако, необходимо предварительно подготовить к этой цели. Для школьного здания была выделена сумма в 1000 франков постановлением № 29.690/6 от 23 июля того же года для расширения школы и обособления крыла для девочек.

Затем консул Писко представил анализ положения школы в Летнице. Приход Черногория включал помимо Летницы еще несколько больших сел. В некоторых их них население говорило только на албанском языке (например, в Стубле) и потому не могло посещать славянскую школу в Летнице.

Предложения консула были аналогичны предыдущим:

а) назначение светского учителя-албанца, говорящего на славянском языке, и постепенное введение албанского в обучение. Если же подходящего учителя не удастся найти, то необходимо назначить молодого албанского священника, который бы занимался только преподаванием;

б) назначение двух монахинь для обучения девочек. Это предложение поступило от приходского священника Летницы, монсеньора Фантелы, отправившего просьбу о разделении полов при обучении и предоставлении девочкам учителя-женщины. По информации консула, для монахинь было бы легко найти пристанище в прилежащих к церкви зданиях. Ожидалось, что монахини будут хорошо приняты населением, и из

соседних сел, вероятно, в школу запишется множество новых учениц.

Третья школа находилась в Скопье. Она, по данным консула, существовала только на бумаге. Место было настолько глухим, что местные католики зимой не пускали туда своих детей, опасаясь, что они замерзнут. Учитель был крайне молод, и потому ни один ребенок не посещал это учебное заведение.

Предложение консула включало назначение правомочного учителя, албанца по происхождению. Нынешний педагог мог быть оставлен в качестве помощника в Янево. Кроме того предлагалось назначить двух монахинь для обучения девочек. Но решающим фактором автор считал более щедрое финансирование.

В Скопье требовалось открыть мужскую гимназию. Из нее бы в будущем вышло множество молодых албанских учителей. Помимо этого, в ней могли быть собраны ученики, окончившие прогимназии в Янево, Летнице, Скопье, Веризовце и Стубле. В большинстве случаев они обладали только некоторыми навыками чтения, письма и счета, а в гимназии их смогли бы лучше подготовить к будущей профессии. Поскольку местное население считало наиболее желанной профессию торговца, то в гимназии требовалось ввести в учебный план соответствующие дисциплины: деловую переписку на французском, немецком и итальянском языках, товароведение, бухгалтерский учет и т.д. Так многие из воспитанников заведения получили бы возможность найти работу даже в Австро-Венгрии. Это, несомненно, представляло собой очень мощное средство для привлечения молодых и способных албанцев. Естественно, требовалось, чтобы при школе располагался интернат, потому что никакой албанский католик вилайета не решился бы взять на себя издержки такого обучения.

Директором названной школы следовало назначить правомочного австрийского учителя, который формально бы подчинялся приходскому священнику. В помощь ему нужно было отправить и албанского помощника, желательно — учителя из Призрена Матео Логореци. В качестве почина на первом году могли быть открыты 10 мест, при последующем их увеличении — до 20. Обучение же могло стать двухлетним.

Данная школа для будущих торговцев и преподавателей и уже упомянутая прогимназия нуждались в большом здании с отдельным крылом для преподающих там монахинь.

Сколько же стоил этот прекрасный проект? Консул Писко разделял единовременные (устройство здания, закупка учебных материалов, расходы на переезд учителей и другого персонала) и ежегодные расходы для поддержки школы и подготовил следующую смету:

а) Единовременные расходы:

	Золотые франки
Завершение ремонта в школе Янево	1 500
Размещение монахинь в Янево	1 500
Оборудование школы в Янево	1 000
Размещение монахинь в Летнице	1 000
Оборудование школы в Летнице	500
Расширение здания прихода в Веризовце и размещение монахинь	3 000[1]
Оборудование школы в Веризовце	500
Постройка здания прихода со школой и размещение монахинь в Стубле	9 000[2]
Оборудование школы в Стубле	500[3]
Постройка более просторного здания школы и размещение монахинь в Скопье	18 000
Оборудование прогимназии в Скопье	500
Оборудование торговой гимназии и интерната в Скопье	8 000
Расходы на переезд и размещение монахинь и нескольких светских учителей	5 000[4]
Итого:	**50 000**[5]

[1] Эта статья может быть сведена к 2 000, если дождаться назначения монахинь.

[2] Эта статья становится излишней, если не строить школу.

[3] Будет излишним с учетом предыдущего замечания.

[4] Сумма уменьшалась до 4 000, если туда не будут включены расходы на монахинь Веризовца и Стублы.

[5] Если отклонить дополнительные предложения консула Писко, то сумма может сократиться до 38 500 франков.

б) Ежегодные расходы:

	Золотые франки
Зарплата главного учителя в Янево	1 600
Учителя-ассистента в Янево	1 000
Двух монахинь в Янево	1 600
Учителя в Летнице	1 000
Двух монахинь в Летнице	1 600
Учителя прогимназии в Скопье	1 200
Двух монахинь в Скопье	1 800
Промежуточный итог	*9 800*
Учителя в Веризовце	1 000
Двух монахинь в Веризовце	1 600
Учителя в Стубле	1 000[1]
Двух монахинь в Стубле	1 600
Директора торговой гимназии в Скопье	3 000
Учителя-ассистента в этой же гимназии	1 800[2]
Школьного посыльного в Скопье	720
Поддержка 20 воспитанников в интернате Скопье	12 000[3]
Школьные принадлежности на все учебные заведения (бумага, перья, чернила и др.)	880
Школьные награды	3 600
Итого:	**37 000**[4]

[1] Эти три пункта, вероятно, могут отпасть.

[2] Консульский чиновник Мусани мог вместо помощника учителя в Скопье (1 800 франков) преподавать некоторые дисциплины за плату в 800 франков, что привело бы к экономии в 1 000 франков.

[3] Вместо 20 учеников можно было принять лишь 16, а в первый год — 8.

[4] Это означало, что из ежегодных расходов могли быть исключены следующие:

На монахинь в Веризовце	1 600 франков
В Стубле (всего)	2 600 франков
На учителя-ассистента в Скопье	800 франков
На 4 учеников в интернате	2 400 франков
Итого:	7 400 франков.

Следовательно, общая экономия могла достигнуть 30 000 франков в год.

Эта сумма не включала повышение зарплат и возмещение убытков приходским священникам, когда они перестают получать вознаграждение за обучение школьников. Эти расходы в целом должны были составить 2 000 франков ежегодно.

Вице-консул Раппопорт также отправил в Вену подсчет средств, необходимых Призрену в 1898 г.[1]. Смета включала следующие четыре школы:

I. Мужская католическая школа в Призрене. Местный католический архиепископ монсеньор Паскуале Трокси просил об утверждении нового финансирования трех школ в Призрене, Дьякове и Ипеке, находящихся под покровительством австро-венгерского консульства. Для первого из них Императорское и Королевское министерство утвердило следующие суммы:

1. Поддержка школы	840 фр.
2. Поддержка учителя Матео Логореци	660 фр.
3. Поддержка учителя-ассистента Лазаро Лумези	600 фр.
Итого:	**2 100 фр.**

Вице-консул Раппопорт писал в Вену, что отношение к школьному персоналу лояльное и корректное во всех смыслах. Также прилагались значительные усилия в поисках албанских помощников учителей для постепенного введения албанского языка в школах с учетом намерений Министерства. Учителя выказали полную готовность принять замечания, сделанные во время его многочисленных инспекций, относительно введения новых, более практичных методов обучения, что соответствовало желаниям родителей. По этой причине консул присоединялся к просьбе об одобрении отпускаемых ежегодно сумм.

К ним требовалось прибавить, как выразился Раппопорт, «одну маленькую статью дополнительных расходов», выглядевшую разумной с учетом усилий, которые школы прилагали к введению обучения на албанском языке. Это любопытная подробность, наглядно демонстрирующая человеческую на-

[1] HHStA. PA I. K. 375. Rappaport. Prizren. Bericht Nr. 147 vom 18. Oktober 1897.

туру, удивляющую во «всякой сфере деятельности». Вот, о чем шла речь:

На основании требований местных властей и нужд населения в этой школе три года работал учителем турецкого языка мусульманин Тахир-эфенди. Такая практика по настоянию местных властей имела место во всех христианских школах Призрена, как сербских, так и валашских.

Этим турецкие власти убивали двух зайцев — обучали детей турецкому языку и косвенно контролировали тенденции, имеющие место в христианских школах. И такое обучение действительно требовалось, поскольку владение турецким языком, особенно в Призрене, для христианских торговцев и ремесленников было совершенно необходимо. Тем не менее, Тахир-эфенди получал от архиепископа ощутимо меньшую сумму (только 300 франков в год), нежели его христианские коллеги. До этого он, то ли из чувства личного достоинства, то ли из сопричастности к албанскому национальному движению, не информировал турецкие власти о происходящем в школе — преподавании на албанском языке, разработке албанских дидактических материалов, следовании австрийским образовательным методикам и т.п. Тем самым Тахир-эфенди ограждал от многих неприятностей как Императорского и Королевского консула, так и руководство школы. Турецкий школьный инспектор неоднократно угрожал Тахир-эфенди, но тот всякий раз отвечал, что является преподавателем турецкого языка, а не шпионом.

Поскольку поведение этого турецкого учителя заслуживало признания, и в интересах школы было оставить его на работе, вице-консул предоставил в переводе просьбу Тахира-эфенди об увеличении ему годовой зарплаты с 200 до 240 франков.

II. Мужская католическая школа в Дьякове. Из-за неблагоприятных условий в этой местности вице-консул не мог туда отправиться лично. Но, по доходившей до него отрывочной информации, деятельность учителя Паскуале Логореци можно было считать удовлетворительной. К тому же в школе имелись условия для достижения албанских устремлений, и поэтому вице-консул осмелился попросить увеличения ежегодной поддержки на 600 франков.

III. Мужская католическая школа в Ипеке. Инспектирование этого учебного заведения стало еще более трудной задачей. Руководство школой находилось в руках священника-францисканца, получившего образование в Боснии. Раппопорт считал его благонадежным. Можно утверждать, что благодаря ему и назначению третьего священнослужителя в Ипеке, негативная реакция на религиозное образование исчезла, и потому ежегодное финансирование школы на сумму 420 франков могло быть возобновлено.

IV. *Женская школа Дочерей милосердия в Призрене.* К тому моменту в ней преподавала всего одна учительница, вознаграждение которой входило в общую сумму ежегодной поддержки школы — 1800 франков. Но персонал был увеличен еще на одну преподавательницу, сестру Сесилию Бриски, и настоятельница Симеона Херман была вынуждена отправить министру просьбу об увеличении субсидии на 400 франков в 1898 г. для выплаты зарплаты новой монахине. Таким образом, школа нуждалась в 2 200 франков ежегодно. Помимо этого настоятельница просила о возмещении 140 франков, потраченных на поддержку сестры Бриски в прошедшем году.

«К сегодняшней дате я вновь в состоянии подтвердить все позитивные наблюдения, приведенные в моем докладе № 77 от 27 июня этого года в связи с женской школой. Работа новой учительницы, сестры Сесилии Бриски, во всех отношениях полностью удовлетворительна, особенно в том, что касается преподавания албанского языка. Поэтому позволяю себе передать просьбу уважаемой настоятельницы, матери Симеоны Херман, и присоединиться к ней в вопросе финансовых нужд школы».

Императорский и королевский архив в Вене хранит составленное в форме резюме приложение № 3 к меморандуму Цвидинека о албанских школах: «Предложение генерального консульства в Скутари, вице-консульства в Дурресе, консульства в Скопье и вице- консульства в Призрене» об отпуске новых субсидий школам. Прилагаем дословный перевод этого документа[1]:

[1] HHStA. PA I. K. 473.

«А. Генеральное консульство в Скутари

I. Постоянные расходы

1. Открытие начальной школы в Скутари 3600 франков.

По предложению архиепископа Герини и игумена иезуитов.

2. Здание Дочерей милосердия из Аграма в Калмети для лечебницы и женской школы. Взрослые жители города подали консулу Иппену просьбу об этом.

Жители Калмети окажут помощь в возведении здания и размещении монахинь. Консул Иппен настоятельно рекомендует удовлетворить эту просьбу.

Первоначальные вложения: возведение здания, максимум 6000 франков.
Ежегодные расходы: по 400 франков на 2–4 монахини.

3. Создание профессионального училища, связанного с прогимназией в Скутари (консул Иппен не уточнил расходы –*Т.Т.*)

Подобная школа есть у францисканцев в Иерусалиме. Кроме того, там существуют аналогичные учебные заведения, поддерживаемые английской миссией и Израильским альянсом[1].

4. Открытие школ с преподаванием на албанском языке в течение следующих трех лет в 1) Калмети, 2) Неншати (и две в Задриме), 3) Дайчи в Бояне, 4) Кише Колае в Мал т'Рензите, 5) Кише Шенколе в Брегмати, 6) Байзе в Долно Кастрари, 7) Селци в Клементи, 8) Абати в Шале, 9) Джоани в Пулати, 10) Кирхенвиртеле в Никае, 11) Зальце в Мертури, 12) Ороше в Мирдите. Во всех остальных школах, кроме школы в Кише Шенколе, имеются католические приходы.
Первоначальные вложения:

12 стипендий для обучения учителей в Австрии	12000 фр.
Возведение 12 школ по 4000 франков	48000 фр.
Итого:	60000 фр.

Ежегодные расходы после постройки 12 школ:

Зарплата 12 учителей по 1200–1800 франков	4400–21600 фр.
Поддержка 12 школ по 400 франков	4800 фр.
Итого:	19200–26400 фр.

[1] Не очень понятно, что автор имела в виду. Можно предположить, что это либо Всемирный евангелический альянс, либо Христианский и миссионерский альянс (*прим. пер.).*

5. Открытие школ в последующие 20 лет (после первых трех — по три школы ежегодно). Следовательно, расходы на каждый год по три здания и зарплаты трех учителей.
   Первоначальные (ежегодные) инвестиции:

3 стипендии для обучения учителей в Австрии	3 000 фр.
3 школьных здания	12 000 фр.
Итого:	15 000 фр.

6. Бюджет включает увеличение зарплат трех учителей в пределах 1 200–1 800 франков и поддержку трех школ по 400 франков, т.е. 4 800–6 600 франков, что за 23 года составило бы 115 200–158 400 франков.
   Распределение расходов:

1. Ежегодная поддержка первых 12 школ без ее увеличения	19 000–26 400 фр.
2. Зарплаты 3 учителей и поддержка 3 школ 4 800–6 600 франков на 20 лет	96 000–132 000 фр.
Итого:	115 200–158 400 фр.»

Общий объем вложений за 23 года составит 360 000 франков. К тому моменту будет 72 школы для населения численностью около 100 000 жителей.

Первоначально (в докладе № 5 от 9 июля 1897 г.) консул Иппен предлагал начать с открытия 10 школ (в Северной Албании имелось около 100 приходов). Ежегодные расходы достигли бы максимум 20 000 франков. Правительству Италии одна итальянская школа в Скутари стоила 30 000 франков в год.

Иппен предлагал назначить преподавателями в прогимназии 10–12 кандидатов из Скутари. Не составляло труда найти таковых и дополнительно обучить их в Австрии преподаванию светских дисциплин. Рекомендовалось провести их обучение в каком-либо католическом институте, предпочтительно в семинарии, где бы им предоставили полный пансион (насколько Иппен знал, такой институт существовал в Веринге, а не в Зальцбурге).

II. Внеочередные расходы

7. Расширение классных комнат в колледже реформированных францисканцев в Скутари (о расходах Иппен не желал и за-

икаться, поскольку просьба не была бы одобрена в принципе — *Т.Т.*).

Предложение вновь исходило от игумена иезуитов.

Б. Вице-консульство в Дурресе.

Постоянные расходы:

8. Открытие приходской католической школы в Тиране, центре влиятельных беев, с преподаванием на албанском языке и назначением туда одного албанского учителя (Ашуку из Скутари был бы подходящим кандидатом). Видные жители Тираны будут исключительно благодарны за открытие такой школы, в которой преподавание бы велось исключительно на албанском языке. Несомненно, туда запишутся и дети мусульман, что поможет сближению католиков и мусульман, преобладающего населения в санджаке Дуррес. Архиепископ города также согласен открыть школу и предложил ее временно разместить в доме епархии: 900 франков ежегодно. Позже эти расходы могут увеличиться.

Требуется отпустить 900 франков на зарплату учителя в течение однолетнего испытательного периода. После можно подписать с ним договор на срок больше года и с бо́льшим размером вознаграждения.

9. Создание закрытой мужской школы в Дурресе. Уже предприняты необходимые меры и учителем назначен Йозеф Фекекс, прежде работавший в Пашмане, Задаре: 1 200 франков годовой зарплаты.

Позднее можно увеличить его зарплату. Ему выплачено 100 франков на переезд.

В. Консульство в Скопье.

10. Школа в Янево нуждается в:

1. Втором светском учителе (албанце, говорящем на славянском языке);
2. Двух монахинях для преподавания девочкам.
3. Ремонте здания школы.

Приходской священник Янево Бркич находится на лечении. Его помощник Ник Глазнович принял приход и преподает вместе со светским учителем.

1. Единовременные расходы:
а) размещение монахинь 1 500 фр.
б) ремонт школы 1 000 фр.
в) оборудование школы 1 500 фр.
Итого: 4 000 фр.

2. Ежегодные расходы:
а) зарплата главного учителя 1 600 фр.
б) зарплата второго учителя 1 000 фр.
в) зарплата двух монахинь 1 600 фр.
Итого: 4 200 фр.

11. Школа в Летнице. Сейчас она славянская. Путь к введению обучения на албанском языке можно проложить, назначив албанского учителя, говорящего на славянском языке (им может являться какой-либо молодой клирик). В окрестностях Летницы расположены несколько сел, дети из которых в указанном случае записались бы в школу. Необходимы: 1. Один учитель; 2. Две монахини для преподавания девочкам.

1. Единовременные расходы:
а) размещение монахинь 1 000 фр.
б) ремонт школы 500 фр.
Итого: 1 500 фр.

2. Ежегодные расходы:
а) поддержка монахинь 1 600 фр.
б) зарплата учителя 1 000 фр.
Итого: 2 600 фр.

12. Школа в Скопье. Ее здание полностью разрушено. Учитель совсем молод. Нужны: 1. Назначение правомочного учителя. Нынешний может быть перемещен в Янево в качестве учителя-ассистента; 2. Второй правомочный учитель; 3. Две монахини для преподавания девочкам; 4. Постройка более просторного здания школы.

1. Единовременные расходы:
а) постройка здания и размещение монахинь 18 000 фр.
б) ремонт прогимназии 500 фр.
Итого: 18 500 фр.

2. Ежегодные расходы:
а) зарплата второго учителя 1 200 фр.
б) поддержка двух монахинь 1 800 фр.
Итого: 3 000 фр.

13. Открытие мужской гимназии в Скопье для подготовки детей из образованных албанских семейств, в случае, если они по завершении прогимназии пожелают продолжить свое обучение.

На уроках преподаются, главным образом, торговое дело и языки (французский, немецкий и итальянский). Необходим интернат. Директором должен стать австриец, правомочный учитель. Рассыльный Мусани, второй учитель — фигура, не особенно подходящая для этого поста. Продолжительность обучения: 2 года. В первый год будут приняты 8 учащихся. Гимназия может размещаться в здании, упомянутом в пункте 11.

Расходы:

1. Единовременные расходы:	
а) оборудование школы и интерната	8000 фр.
Итого:	8000 фр.
2.. Ежегодные расходы:	
а) зарплата директора	3000 фр.
б) зарплата второго учителя	800 фр.
в) зарплата помощника учителя	1200 фр.
г) поддержка 16 учащихся	9600 фр. *)
Итого:	14600 фр.

*) В первый год эти расходы будут вдвое меньше, поскольку учащихся будет 8.

14. Открытие общей школы в Веризовце.

Необходимо: 1. Назначение албанского преподавателя или помощника с почасовой оплатой труда. 2. При строительстве нового приходского здания могут быть учтены и нужды школы (По первой статье в мае уже было отпущено 4000 франков).

Расходы:

1. Единовременные расходы:	
а) новое приходское здание со школой	2000 фр.
б) оборудование школы	500 фр.
Итого:	2500 фр.
2. Ежегодные расходы:	
а) зарплата преподавателей	1000 фр.

15. Первоначальные расходы на переезд и размещение монахинь и другого школьного персонала в связи с предложенными преобразованиями 4 000 фр.
На учебные пособия, ежегодно 880 фр.
На школьные награды, ежегодно 3 600 фр.
Общие ежегодные расходы: 4 480 фр.

Общая сумма ежегодных расходов, предложенных консулом Писко, достигает 29 400 франков*. Общая сумма единовременных расходов — 38 500 франков.

*) Кроме того необходимо учитывать около 2 000 франков на увеличение зарплат персонала, а также возмещение расходов духовным лицам, до этого не получавшим доплат за свою работу в школах.

Г. Вице-консульство в Призрене

Постоянные расходы:

16. Тахир-эфенди, учитель турецкого языка в мужской школе в Призрене (работает там три года) 200–240 фр.

Кроме преподавания турецкого языка, подобно своим коллегам в валашских или сербских школах Призрена, Тахир-эфенди обязан следить за настроениями в школе. От монсеньора Трокси получает только 300 франков, т.е. значительно меньше, чем другие преподаватели турецкого языка. Но он всегда держался почтенно и уклонялся от отправления доносов властям о преподавании на албанском языке или использовании иностранных учебных пособий. Сейчас он просит о вознаграждении за это.

17. Вице-консульство просит о предоставлении ему небольших портретов императора и медалей (по 50 штук) для школьных наград.

Эскиз медали содержится в докладе из Призрена 52022/1897.

Консул Писко высказал на словах свое мнение, что в будущем, вероятно, станет необходимостью открытие школ в Ипеке и Зумби».

Консулам, занятым осуществлением австрийских планов в Албании, было ясно, что программа, связанная со школами и преподаванием на албанском языке, не может привести

к скорому успеху[1]. Однако все единодушно утверждали, что если Австро-Венгрия и достигнет каких-либо политических успехов, то они будут связаны со школами[2]. Может быть, под влиянием ожиданий начальства, все категорично заявляли, что даже их политическая работа, постоянно подверженная риску, не всегда плодотворна, а вложенные деньги и труд непременно принесут хорошие результаты в культурном отношении и не обманут возложенных на них надежд.

На основании всех полученных докладов Цвидинек выработал общую точку зрения Вены на этот вопрос. Необходимо было улучшить условия в школах, которым Австро-Венгрия уже оказывает помощь, и строить новые.

С учетом предложений консулов Министерство дало инструкции посланнику, графу Ревертере, связаться с верховным аббатом иезуитов отцом Людвигом Мартином (май 1897 г.) и поговорить с ним об Албанском папском колледже, вверенном его ордену, где получают образование будущие клирики. Целью разговора являлось информирование Мартина о новшествах, которые Вены намеревается ввести в Албании. Со своей стороны, Верховный аббат предложил обеим сторонам подписать об этом официальное соглашение[3].

В начале 1898 г. Цвидинек вынужден был признать, что «в докладах австро-венгерских консулов о поведении иезуитов в Албании даже не упоминается, ни слова не говорится об их лояльности или проявлении какой-либо благодарности империи». Чиновники Министерства иностранных дел любили вы-

[1] См. упомянутый Bericht Nr. 27 (доклад № 27), Konsul Ippen an Grafen Goluchowski. Scutari. den 9. Juli 1897. HHStA. PA I. K. 473.

[2] HHStA. PA I. K. 473. Zwiedineck. Wien. am 1. Jänner 1898.

[3] Одновременно с этой инициативой Вена предложила францисканской миссии в Албании получить статус автономной провинции. Идея заключалась в том, чтобы предоставить бо льшую свободу иезуитам, более успешно развивать их деятельность и наладить более тесное сотрудничество с австро-венгерскими консульствами. Вена как всегда избрала самый трудный путь. В то время, вопреки папской булле от 4 октября 1897 г. об объединении трех ветвей (Меньших братьев, Меньших братьев конвентуальных и Меньших братьев капуцинов), раздоры между францисканцами продолжались. См.: HHStA, Liasse Türkei XXX.

давать проблемы за успехи. Их стремление чувствовать себя представителями великой державы оказалось столь сильно, что Цвидинек был не совсем уверен, действительно ли жалобы имели под собой основания. Вследствие этого правительство приняло решение начать переговоры относительно предложения Генерала ордена иезуитов с целью «достижения разумного и деликатного изменения работы иезуитов, что принесло бы значительную пользу Австро-Венгрии».

Каковы были основы будущего соглашения? И главное — насколько на Бальхаусплатц были готовы начать переговоры касательно инициативы отца Мартина, а именно:

1. Временно отказаться от присоединения Албании (в принципе, желательного) в качестве иезуитской провинции Австро-Венгрии, чтобы не возбуждать подозрений и избежать последствий, опасных для политических намерений государства;

2. Назначить австрийского иезуита ректором Папского колледжа;

3. Оказать экономическую помощь ордену во всем, что касается школ;

4. Иезуиты должны будут регулярно предоставлять информацию Министерству иностранных дел в Вене. Оно со своей стороны обязуется информировать Верховного настоятеля обо всем, что касается действий австрийских дипломатических представителей;

5. Высоким сановникам ордена будут даны указания информировать австрийских консульских представителей по всем значимым вопросам. Тем самым установится двойной контроль Императорских и Королевских консулов над отношением иезуитов к стране-покровительнице. Кроме того, любой член ордена, не получивший одобрения Вены, будет отстранен от работы в Албании;

6. В ответ на всё это Австро-Венгрия обязуется отправить консулам инструкции об оказании содействия иезуитским священникам в пределах возможного. С единственным условием: если какой-либо член ордена будет нуждаться в помощи, он должен обратиться только к австро-венгерским представителям.

По пункту 3 принималось во внимание[1] предложение графа Ревертеры — осуществление сотрудничества с орденом в школьных вопросах таким образом, чтобы руководство вновь учрежденными учебными заведениями находилось в руках иезуитов. В будущем Вена планировала, что в руках иезуитов окажется и руководство теми школами, которые уже существовали ранее.

Однако орден в очередной раз отверг предложения Вены, поскольку исключительная компетенция по управлению государственными школами на территории всех католических миссий и надзору над ними принадлежала епископам.

С учетом этого, орден предложил Австро-Венгрии сотрудничество по следующим трем направлениям:

1. Создание педагогического центра при торговом колледже в Скутари, где бы проходили подготовку учителя по прибытии их в Албанию;

2. Информирование иезуитскими священниками обо всех своих наблюдениях, сделанных во время миссионерских поездок, и замечаний относительно учителей и школ;

3. Прямой и эффективный контроль над иезуитскими священниками.

Как писал Цвидинек, Верховный настоятель ордена выразил Ревертере надежду, что австрийская сторона одобрит осуществление этих инициатив, и в результате будет подписано соглашение. Такой исход событий полностью совпадал с планами Министерства.

Во время переговоров представители Дуалистической монархии приняли на себя обязательство ясно и четко сформулировать один за другим все пункты соглашения, чтобы избежать различных недоразумений в будущем. Для Вены самой важной была статья, связанная с полной гарантией того, что руководство Албанским папским колледжем будет вверено иезуиту-австрийцу, а не итальянцу.

«Cultus referat» в принципе не предполагал возможности реального обмена докладами, потому что лишь политическим путем можно было установить, насколько это полезно и безо-

[1] Вновь на основе уже упомянутого меморандума Цвидинека о школах, который мы еще процитируем в дальнейшем, HHStA. PA I. K. 473.

пасно. Цвидинек утверждал: «Соглашение такого рода — предполагающее отказ от контроля иезуитских братьев австрийскими представителями на территории Албании, как и их несменяемость — должно осуществляться с учетом наших уже выраженных интересов. Предлагаемый надзор над клиром несет сомнительную пользу ввиду традиционной вражды между иезуитами и францисканцами. Это приводит к выводу, что информация о францисканцах, полученная от иезуитов, не будет полностью беспристрастной».

Обсуждалась возможность создания под руководством иезуитов педагогического центра при Торговом колледже. Но консул Иппен, поддержавший школьную реформу, которую предлагал орден, считая ее подходящей и своевременной, категорически возражал против открытия центра, ссылаясь на злополучный опыт Вены с Папским колледжем.

Как Иппен, так и скопский консул соглашались с назначением светских преподавателей, но по иным причинам, нежели иезуиты. Они считали, что лишь таким образом можно избежать подозрений турецких властей.

Иппен поддерживал подготовку светских учителей только в том случае, если она будет осуществляться в австрийском педагогическом центре.

В Вене же сомневались, действительно ли это предложение столь практично, как кажется. Причина состояла в том, что, если молодые преподаватели будут возвращаться из Австрии, нелегко будет убедить турецкие власти, что это не агенты Габсбургов. В результате учителя не получат никакой поддержки при осуществлении своей педагогической деятельности. В Министерстве занялись изучением вопроса, насколько уместным станет назначение австрийских граждан на должности учителей в Албании, при том, что ранее всегда говорилось о назначении албанцев, прошедших обучение в Австрии. Кроме всего прочего, это оставалось достаточно затратным мероприятием. Другая негативная сторона данной идеи состояла в том, что первые педагогические кадры будут подготовлены лишь спустя годы, не имея при этом ни опыта, ни гарантий успеха.

Все консулы считали обязательным введение австрийских образовательных планов и албанского языка в качестве язы-

ка преподавания. Рекомендовалось, чтобы классные комнаты были уютны и отремонтированны, в хорошем состоянии, для привлечения большего числа учеников. Известно, что люди предпочитают обращать внимание на внешнюю сторону процесса, нежели на уровень самого образования.

Консулы советовали проводить торжественные ежегодные экзамены с раздачей наград, как в итальянских школах. Это произвело бы впечатление и на родителей, и на учеников.

Предлагалось создание детских садов и профессиональных училищ, что несомненно вызвало бы всеобщее одобрение. Рекомендовалось открыть детсад в Скутари.

Изучалась возможность открытия новой женской школы. Верховный аббат иезуитов советовал сосредоточить внимание именно на этом типе образовательных учреждений, поскольку турецкие власти намного меньше следили за обучением девочек, нежели мальчиков.

В этом отношении можно было безоговорочно рассчитывать на Дочерей милосердия из Аграма (Загреба), показавших отличные результаты в предыдущем году в Призрене.

У всех австро-венгерских консулов в Албании сложилось единое мнение, что эти предложения могут осуществиться лишь в том случае, если правительство в Вене отпустит необходимые средства, а Высокая Порта даст соответствующие разрешения. Но у Министерства не было абсолютной уверенности относительного того, как требуется действовать, чтобы получить согласие турецких властей.

Другим абсолютно необходимым условием являлась возможность определять сроки осуществления всех этих планов соответственно ходу событий.

Дипломатия империи Габсбургов планировала пожать плоды своей стратегии за период не меньше 20 лет. Чтобы 23-летняя деятельность в вопросах образования дала свои первые результаты, необходимо было гарантировать, что она на своем пути не встретит никаких препятствий: ни временных, ни постоянных, которые бы могли помешать ее развитию или полноценности достижений.

Планы и прогнозы формировались параллельно с наблюдением за некоторыми конкретными школами. Например,

мужская католическая школа реформированных францисканцев в Скутари не сумела достичь удовлетворительного уровня реализации собственных целей. Итальянские и сербские православные школы располагали лучшими учебными классами, а итальянская школа даже имела детский сад.

Консул Иппен продолжал настаивать на особенной важности уюта в учебных помещениях. Кроме того, он считал, что хотя бы часть расходов по поддержке образовательных учреждений должны принять на себя религиозные общины в Вене. Ожидалось значительное улучшение уровня образования после утверждения австрийских учебных планов. Учебники и дидактические материалы должны были соответствовать тем, которыми пользовались и в австрийских школах.

В то время не было возможности сделать официальное обучение в мужской школе Скутари идентичным его австрийским образцам. Вопреки предложению Иппена провести инспекцию католических школ силами инспекторов из Южного Тироля, значительно лучше подготовленных профессионально, этого еще не осуществили.

Консул Иппен также предлагал назначать директорами школ лишь тех, кто был лоялен австрийской короне, а они бы в свой черед осуществляли необходимый контроль над введением австрийских образовательных программ.

Сам Иппен решительно поддержал желание епископа Герини отпускать годовое содержание в 3600 фр. на нужды детского сада в Скутари. Оба были убеждены в его огромной пользе. Заботу о воспитанниках планировали доверить монахиням. В их распоряжении уже было два просторных дома и большой сад. Сестры стали бы получать в качестве вознаграждения полную сумму субсидии — 3600 фр.

Частичный успех был отмечен в женской школе, где некоторые учебные дисциплины по плану уже преподавались на албанском языке.

В начале декабря того же года старейшины Калмети вручили Иппену петицию австро-венгерскому правительству о создании центра, где предоставляли бы уход больным, а Дочери милосердия из Аграма обучали бы местных девочек. Расположенный между горами Мирдит и равнинами Задрима, Калме-

ти процветал, люди жили хорошо, в городе была и резиденция епископа. Расходы на постройку центра предполагались в размере около 6000 фр., зарплаты монахиням — в пределах 200–400 фр. каждой. Земельный участок и строительные материалы обещали предоставить местные жители. Верховный аббат согласен был направить туда монахинь, если это не увеличит расходы конгрегации. Консул Иппен очень благосклонно отнесся к проекту. Из его доклада следовало, что если решение будет принято до начала марта, то центр может быть построен и открыт весной 1899 г.

Вице-консул Винтер обратился к Министерству с просьбой о создании закрытой школы в Дурресе и приходской школы в Тиране.

Дуррес был очень подходящим местом для развития школ согласно австрийским программам, по мнению вице-консула: он просил Вену назначить учителя, который примет на себя заботы об этом. Тогда Министерство образования организовало публичный конкурс и выбрало кандидата, знающего албанский язык и готового работать за 1 200 фр. в год.

В Дурресе четыре года существовала греческая школа, но ситуация с ней была далеко не благополучна: и так очень низкая зарплата учителей выплачивалась нерегулярно. Австрийские дипломаты считали, что это положение можно использовать для привлечения греческих учеников. С другой стороны, валахи в Дурресе намеревались открыть школу с преподаванием на румынском языке, которая бы финансировалась румынскими структурами в Монастире. Проект выглядел осуществимым: свою первую месячную зарплату уже получил один из его участников. Но валашское население, в принципе настроенное грекофильски, не проявило интереса.

Что же касается новой приходской школы в Тиране, австрийская дипломатия считала, что туда должен быть назначен албанский преподаватель, и такой кандидат имелся. Представители города не соглашались с преподаванием на итальянском языке в школах, финансируемых Веной, и ожидали открытия новых образовательных центров с обучением на албанском языке.

На Бальхаусплатц предполагали, что значительную часть учащихся составят мусульмане, и это предоставит неплохую

возможность наладить связи, уменьшив пропасть между между ними и католиками. Дуресский митрополит полностью одобрял этот проект.

По прогнозам Вены, расходы на преподавателей должны были составить около 900 франков ежегодно, а если их эффективность будет доказана, то плату можно повысить. Рассматривалась возможность размещения начальной школы в здании прихода.

Результаты работы в женской школе в Дурресе за 1896–1897 гг., по мнению Вены, никак нельзя было счесть удовлетворительными. Учителей заменили на более лояльных императору, был подготовлен новый учебный план, по которому три дня в неделю уроки проводились на албанском языке, а в остальное время — на итальянском. Там обучалось 10 девушек.

В области Скопье, Янево и Летницы[1] находилось три школы, финансируемые Австро-Венгрией. Из них только в одной, скопской, преподавание велось на албанском языке, в двух других — на славянском. Ни в одной из них не учились девочки. Они посещали в школе лишь уроки религиозного воспитания. Католическое население, однако, настаивало на том, чтобы и девушки получили образование. Из Министерства посоветовали поручить это монахиням.

В Янево и Скопье преподавали как священники, так и светские лица, в Летнице — только представители духовенства. По мнению консула Писко, обучение не стоило бы оставлять исключительно в руках клира, поскольку у него и так достаточно обязанностей по отношению к мирянам, что не оставляет времени, необходимого для школьной работы.

Писко был приятно удивлен школой в Янево. Ее посещали 200 детей: 130 мальчиков в возрасте от 6 до 14 лет и 70 девочек — от 8 до 13 лет. Преподавание велось отдельно для мальчиков и для девочек. Консул увидел, что уроки проходят на албанском языке. Но здание школы располагало только тремя маленькими классными комнатами. Девочки сидели прямо на земле, которую не покрывали даже доски. Поэтому в июне 1897 г. консул просил о 80 золотых наполеонах на ремонт школы. В июле ему было отпущено и отправлено лишь 50. Тог-

[1] В консульской области Скопье.

да же школа получила и значительное количество дидактических пособий. Во время своего последнего пребывания в Вене консул настаивал на том, чтобы ему отпустили и оставшиеся 30 наполеонов в 1898 г.

Бытовало убеждение, что открытие в Летнице новой школы привело бы к албанизации многих детей из католических семейств. Неподалеку находилось село Сасари, где жили славяне-католики. Они бы массово стали записывать своих детей в школу в Летнице, заниматься которой планировали поручить монахиням.

Консул Писко провел переговоры с монсеньором Трокси относительно реформирования и увеличения количества школ, финансируемых Австро-Венгрией. По мнению Трокси, обучением детей должны заниматься лишь священники, подготовленные и имеющие тягу к учительской деятельности. В таком случае их необходимо освобождать от церковных обязанностей. Но монсеньор не располагал подготовленными клириками, к тому же их число было недостаточным и для приходов.

В призренской консульской области австро-венгерский представитель не отправил заявки на открытие новых учебных заведений. Предлагалось лишь продолжить финансирование существующих, а также предоставить хоть и маленькую, но ежегодную зарплату местному учителю турецкого языка Тахиру-эфенди и, кроме того, значительно повысить сумму, отпускаемую Дочерям милосердия из Аграма, ввиду увеличения количества монахинь.

Вена выказала значительное удовлетворение работой мужской школы в Призрене, хотя ее успехи при всем старании, приложенном учителями, могли быть заметнее, если бы ученики посещали занятия регулярно. Вина за низкую посещаемость лежала на родителях.

Вице-консул Раппапорт и монсеньор Трокси решили награждать каждого ученика, не отсутствовавшего в школе. Раппапорт предложил, советуя не скупиться на это, чтобы в будущем самые прилежные дети получали маленькие портреты его императорского величества или медали с его изображением. Вице-консул желал располагать такими портретами и медаля-

ми, хотя существовали известные опасения относительно их раздачи. До него доходили слухи, что по области раздают медали с изображением русского императора, а в итальянских школах вручают свои, с изображением короля Умберто.

Мужская школа в Дьякове не создавала никаких проблем, поскольку учитель там был полностью лоялен австро-венгерскому правительству, к тому же преподавал на албанском языке. Учебное заведение посещал 21 ребенок. В Вене считали, что необходимо отпустить дополнительные средства, поскольку здание школы пришло в ненадлежащее состояние. Ремонт можно было легко осуществить, если включить его в запланированные расходы на строительство новой церкви.

Специального внимания заслуживало введение преподавания на албанском языке в Скопской епархии.

Монсеньор Трокси заявил Вене, что намеревается еще в текущем учебном году ввести албанский как единственный язык преподавания во всех католических школах епархии. Но вице-консул Раппапорт опасался, что подобное начинание послужит поводом для атаки иностранных газет на Австро-Венгрию. Он советовал вводить албанский язык постепенно и под предлогом того, что это упрощает работу торговцев.

По просьбе австро-венгерского вице-консула в июле 1897 г. Вена отправила один ротатор для школы в Призрене. Там преподаватели и Дочери милосердия самостоятельно разработали такие разнообразные вспомогательные средства, как азбуки и таблицы умножения, и отправили их экземпляры в Дуррес, Дьяково и Ипек.

Деятельность Дочерей милосердия в Призрене дала монархии Габсбургов повод для большого оптимизма. Верховный аббат, д-р Ягатич, полностью исполнил свое обещание подобрать самых подходящих монахинь для Призрена и научить их всех албанскому. Он успел так их подготовить и мотивировать, что все возможные обвинения в распространении ими хорватской пропаганды остались необоснованными.

Между собой монахини говорили на хорватском языке, но благодаря их разумному и примерному поведению подозрения местного населения к ним рассеялись. Даже монсеньор Трокси начал им симпатизировать. Одна из Дочерей милосердия в со-

вершенстве выучила албанский язык и, кроме того, издавала прекрасные пособия по чтению с текстами на этом языке.

До августа 1897 г. в Призрене было три монахини. С 19 августа их стало четверо. Настоятельница уже думала об открытии детского сада, чтобы привлечь больше детей.

Увеличение школьного персонала естественным образом привело и к увеличению финансирования с 729 до 891 золотого форинта.

До того времени монахини преподавали «на частных началах», т.е. без возобновленного разрешения на осуществление образовательной деятельности. Их присутствие в Призрене объяснялось просьбой австро-венгерского правительства в середине 1892 г. заменить французских Дочерей милосердия. Императорский и Королевский посланник в Константинополе сумел достать им разрешение на временное пребывание, но считал, что лучше отложить просьбу о преподавании. В тот период Высокая Порта вела переговоры с французскими и американскими представителями относительно системы образования. Причиной стали закоснелые условия открытия и управления иностранными школами, которые выдвигали власти Турции.

В декабре 1892 г. барон Каличе указывал, что не обязательно предпринимать какие-либо шаги, поскольку считал, что, условия, указанные в уже цитированном докладе, существенно не изменились. Монахиням для начала необходимо было разместиться в Призрене и завоевать симпатии населения. Вена присоединялась к этому мнению.

В 1893 г. консул в Скопье Шмукер надеялся получить, благодаря доброй воле мютесарифа[1] и вали Призрена, разрешение на образовательную деятельность или хотя бы преподавание девочкам рукоделия. Однако его мнение о турецких властях оказалось ошибочным. Наоборот, они проинформировали Константинополь, что австрийцы желают надолго закрепиться в Албании. Попытка оказалась вредной для политики Австро-Венгрии и пробудила подозрения Высокой Порты.

[1] Мютесариф — окружной начальник, управляющий санджаком. Выше по званию — бейлербей, ниже — каймакам. (*Прим. пер.)*

В конце 1894 г. барон Каличе вновь придерживался отрицательного мнения по вопросу о получении разрешения на школу. По этой причине Министерство рекомендовало ему оставить эту тему. В тот момент произошло перемещение центра архиепископства из Скопье в Призрен, что вновь поставило на повестку дня вопрос о постройке дома для монахинь.

С того момента тема разрешения на школу была забыта. Казалось, барон Каличе не имел особого желания решить этот вопрос, и лишь советовал архиепископу обратиться к общине и добыть для монахинь разрешение на строительство. По его мнению, просьба о лицензии на образовательную деятельность могла затруднить получение разрешения на строительство. Помимо того, над школой может быть установлен неприемлемый контроль, от чего она пострадает.

Нужды австро-венгерского протектората в Албании непрерывно нарастали. В 1896 г. годовые расходы составили 30 958 форинтов и 49 крон золотом и 12 090 форинтов и 90 золотых крон (В.Б.), на следующий год затраты поднялись до 54 426 форинтов и 4 золотых крон и 11 776 форинтов и 34 крон (В.Б.). В эти суммы включены некоторые очень щедрые субсидии, как, например, 11 000 золотых форинтов для монсеньора Примо Доки. Это привело к необходимости поиска дополнительных источников финансирования, помимо государственных фондов, на удовлетворение потребностей протекторатов на Востоке.

Для этой цели существовало одно действенное средство, которое, кажется, всегда давало хорошие результаты, — сбор пожертвований в церквях Австро-Венгрии. Министр-председатель представил кардиналам Груше и Важари петицию о добровольном сборе средств.

Оба кардинала сперва дали положительный ответ, но он не был окончательным. Кардинал Важари передал Императорскому и Королевскому министру иностранных дел личное пожертвование в 1 000 форинтов (В.Б.) в пользу протекторатов на Востоке.

Затем Министерство сосредоточило свое внимание на «Фонде помощи католическим миссиям в Северной Америке им. Леопольда», основанном в 1829 г. под патронажем архи-

епископа Вены, чьи фонды давно не могли использоваться по своему первоначальному назначению.

Министр запросил у кардинала Груши разрешения использовать часть денег фонда на пользу австро-венгерским протекторатам.

Эти действия были одобрены архиепископом, но он всё не давал своего официального разрешения.

Другим очень важным аспектом стала задача направить по желаемому пути обучение в школах, финансируемых Австро-Венгрией, с помощью подходящего содержания учебников.

Одной из первых мер было введение в финансируемых школах тех же учебных программ, которые использовались в Австрии, добавив отрывки для чтения на албанском языке с националистическим содержанием[1]. Те же планы, с некоторыми изменениями, были успешно введены для мусульманских учеников Боснии и Герцеговины. Министерство хотело их применить и в школах католических епархий в албанских вилайетах, после того, как с епископами будет достигнута соответствующая договоренность.

Для осуществления этого проекта внешнеполитическое ведомство просило министра финансов обязать какого-нибудь францисканца, знающего албанский язык, перевести учебники для младших классов и заплатить ему за труд. Кроме того, уточнялось, что перевод должен быть готов как можно скорее и сразу же представлен на Бальхаусплатц для принятия решения об учебнике для старших классов.

Министр финансов взял на себя обязательство заняться этим вопросом и отправить учебник в Министерство иностранных дел, как только он будет готов[2].

Перевод был поручен отцу Михачевичу. Надворный советник фон Талоши изучил переведенный текст и одобрил его в качестве подходящего для педагогических целей Вены[3].

---

[1] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. Vertraulich. den 12. März 1898. Goluchowski an Kallay.

[2] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. am 15. April 1898. Kallay an Goluchowski.

[3] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. den 9. August 1898. Talloshy an Kallay.

Но всё еще не был решен вопрос: какой системой письма будет отпечатан албанский вариант. Клирики использовали итальянский язык, когда речь шла о религиозной литературе. Многочисленные попытки реформы привели к настоящему хаосу. Хорошо задуманные, они все страдали одним существенным недостатком — являлись не результатом естественного процесса развития народа, а были навязаны извне, хоть и для практической пользы. Но системы были неприменимы по двум главным причинам. Во-первых, уже использовалось несколько азбук, во-вторых, клир и грамотные албанцы враждебно относились к любой новой азбуке, отменяющей предыдущие.

К тому же практика показала, что одна книга не решает проблемы. Поэтому была необходима череда книг, написанных самими албанцами, и непрерывное развитие литературы.

Вот почему дворцовый советник фон Талоши хотел встретиться с консулом Иппеном и услышать его мнение. Чтобы не обидеть католический клир, он отдавал предпочтение итальянскому письму и, таким образом, транскрибировал перевод отца Михачевича.

На следующий день прибыло предложение договора на печать 1000 экземпляров в придворной типографии совместно с университетом Хольцхаузена[1]. Предлагалась цена в 350 форинтов, а сроки издания — три, максимум — четыре недели. Из описания следует, судя по всему, что издание должно было стать весьма качественным.

3 октября Министерство отправило консулу в Скутари Иппену данный перевод с распоряжением тщательно его изучить и представить свое мнение, пригоден ли он к введению в австрийских школах[2].

Кроме того, ему посоветовали конфиденциально поговорить с духовными лицами и о других книгах, не привлекая особого внимания. Нужно было привлечь клириков на свою сторону по вопросу нового учебника, чтобы они не противодействовали его дальнейшему использованию. Вена планировала, если Иппен сумеет добиться одобрения священников,

[1] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. am 10. August 1898.

[2] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. am 3. Oktober 1898. an Ippen. Scutari.

сразу же отпечатать 1 000 экземпляров книги; однако предпочитала осуществить это в католической типографии Скутари, поскольку, наряду с другими преимуществами, там имелись матрицы со всеми необходимыми буквами.

Из совершенно секретного доклада Фукса министру финансов Калаю[1] стало ясно, что архиепископ Скутари, монсеньор Герини, с некоторыми незначительными замечаниями одобрял перевод. Фукс просил министра распорядиться о печати 1 000 экземпляров в венском издательстве «Хольцхаузен», чье предложение было уже рассмотрено.

Министерство финансов на основании указа № 1272 от 22 ноября распорядилось о незамедлительной печати 1 000 экземпляров учебника, переведенного на албанский язык, с учетом соответствующих поправок[2].

Таким образом, от начала поисков переводчика учебника для австрийских школ до издания прошло лишь шесть месяцев.

Однако, начинание, столь хорошо развивавшееся, поджидали и неприятности. Монсеньор Доки вместе с другими членами своего литературного общества начал работу над созданием новой албанской азбуки, не предупредив об этом австро-венгерского представителя в этой сфере[3]. Когда вышла первая часть учебника, переведенного на албанский язык и транскрибированного при помощи итальянской азбуки, а затем и вторая часть, Доки подошел к завершению своей работы. Лишь тогда он сообщил о своем начинании австрийскому представителю. Консул не желал обижать своих сотрудников, но не хотел также злить и францисканцев, навязывая им новую азбуку, чья практическая значимость еще не была доказана, но сама она могла расколоть католический клир. Вена дала указание дипломатам проявлять максимальную деликатность и такт, пока это обстоятельство изучается. Если будет доказано,

[1] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. am 22. November 1898. Streng vertraulich (совершенно секретный доклад).

[2] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Bericht Nr. 30. Streng vertraulich. Wien. den 30. November 1898 (совершенно секретный доклад № 30 от 30 ноября 1898 г.).

[3] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. Erlass Nr. 278. den 24. Mai 1899. Fucks an Vizekonsul Ranzi. Scutari.

что разработанная Доки азбука удобна и не угрожает единству албанского духовенства, Австро-Венгрия была готова вновь издать как первую, так и вторую части учебника.

В начале июня было получено заключение издателя журнала «Албания» относительно новой азбуки Доки и сотрудников. Он считал, что принятие этой системы письма в районе Скутари будет представлять собой значительный языковой прогресс, поскольку позволит значительно большему количеству албанцев из центральной и южной части страны начать читать[1].

Узнав это компетентное мнение, Вена продолжала настаивать перед своими представителями на их встрече с архиепископом Гранини и ректором Папского колледжа, а также с представителями типографии францисканцев, чтобы выяснить, насколько увеличатся расходы при изготовлении 1000 новых экземпляров учебника.

Возможно, Вена несколько поспешно посчитала вопрос решенным и начала уточнять технические детали издания второй части учебника на новой азбуке. Она, однако, отказалась переиздавать первую часть, как и другие книги, уже пущенные в оборот. Руководство Австро-Венгрии предпочло дождаться реакции, чтобы убедиться в успехе новой азбуки и заодно избежать упреков в пропаганде предложенной редактором журнала «Албания» графической системы Примо Доки[2]. Требовалась большая аккуратность при введении учебников на албанском языке из-за всё более подозрительного отношения турецких властей к деятельности школ, финансируемых Австро-Венгрией. Турция могла наложить еще больше ограничительных мер в области образования. По этой причине Вена решила ввести учебники на албанском языке изначально лишь на уроках религиозного воспитания и чтения, а когда их использование утвердится, распространить эту практику и на грамматику, арифметику и географию. Вопрос о том, на какой азбуке

[1] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. Erlass Nr. 496. den 7. Juni 1899. Fucks an Ranzi. Scutari.

[2] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. den 5 Oktober 1899. an Konsul Ippen. Scutari; Ibidem. Fucks an Konsul Ippen. Streng vertraulich. Wien. am 6. Dezember 1898.

будут издаваться учебники по этим дисциплинам, откладывался на будущее. Другой заботой Вены стало убедить монсеньора Доки также действовать очень предусмотрительно.

Годом позже Вена одобрила систему письма мирдитского аббата для издания второй части упомянутого учебника[1]. Было принято решение доверить Доки и его сотрудникам перевод третьей части пособия. Оригинал учебника, который использовался в Боснии и Герцеговине, был отправлен консулу Иппену для сверки перевода[2].

Тем не менее, в марте 1900 г. Вене стало ясно, что слияние двух азбук не будет задачей простой, или быстро решаемой, или обходящейся, согласно албанским обычаям, без войны[3]. Терпение, такт и добрые намерения оказались полностью бессильными перед отсутствием согласия среди албанского клира. Раздоры между сторонниками различных азбук приняли ожесточенный характер. Монсеньор Доки представил четыре новых учебника для школ, финансируемых Австро-Венгрией, еще до того, как Вена поняла, что он конкретно делает[4]. Из Министерства его вновь просили быть предусмотрительным, поскольку всё чаще турецкие власти выказывали недоверие к деятельности школ, а это могло спутать все планы Австро-Венгрии.

Указанные препоны могли быть выражены в отказе на открытие школы или в обязанности следовать уже отжившим образовательным программам.

Знатоки турецкой системы понимали, сколь трудно бывает убедить местные власти в том, что какие-то методы устарели. Высокая Порта с давних пор отрицательно относилась к введению албанского языка в сферу образования, расценивая это как подогревание националистических настроений. Примером тому служат слова вали Янины в 1889 г. проживавшим в Бе-

[1] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. den 11. November 1899. an Konsul Ippen. Scutari.

[2] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. den 29. Dezember 1899. an Konsul Ippen. Scutari.

[3] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. den 19. März 1900. Privatschreiben Zwiedineck's an Konsul Ippen. Scutari.

[4] HHStA. PA XIV. K. 4. Liasse II. Wien. den 11. April 1900. an Konsul Ippen. Scutari.

рате албанским мусульманам, что он не позволит преподавать в школах на албанском языке. Вопреки этому в большинстве школ, финансируемых Австро-Венгрией, с младших классов преподавание велось на албанском языке без особых препятствий к тому, поскольку, с учетом малого возраста детей, говорящих еще лишь на родном языке, это была единственная возможность осуществлять обучение. Данный казус — очередной пример распоряжений в Османской империи, которые издавали без труда, а после за их исполнением никто уже не следил.

Именно поэтому для австро-венгерских консулов одной из самых важных стала задача поддерживать добрые отношения с местными властями и в особенности со школьными инспекторами, поскольку лишь таким образом могли быть реализованы венские инициативы. До того момента рекомендуемыми языками преподавания были итальянский или славянский, но учителя общались с учениками во внеклассное время на родном им албанском. Пример подобной системы — школа в Призрене.

Но препятствия образовательной политике Вены исходили не столько от турецких властей, сколько со стороны самих учителей и клириков с их непрестанной враждой и открытым отказом от учебников на албанском языке, доставленных из Австро-Венгрии, поскольку те были изданы на основе азбуки Доки.

Звучит парадоксально, но по сути единственные албанские школы, одна мужская и одна женская, находились в Корче и не были включены в австро-венгерский протекторат; их создали в 90-е годы XIX в. на средства, пожертвованные, по выражению самих албанцев, «расположенными к ним друзьями из-за границы».

Женская школа имела два подразделения: первое — подготовительное (наподобие детского сада с пятью возрастными группами); второе включало четыре отделения согласно действующей учебной программе[1].

Кроме предусмотренных для каждого отделения учебных предметов, девушки обучались шитью, вышивке и другим видам рукоделия, о чем по завершении четвертого отделения получали соответствующий сертификат.

[1] HHStA. Liasse Albanien XVI/4. Monastir. den 14. Jänner 1902.

При школе также располагался интернат. Цена обучения одного ребенка при полном пансионе составляла 8 турецких лир в год. Половину стоимости требовалось внести в начале года, оставшуюся часть — спустя четыре месяца. Семейства, не имевшие необходимых средств, могли претендовать на уменьшение размера платы.

Школа принимала девочек со всех частей Албании. Родители могли не беспокоиться об их здоровье, поскольку Корча тогда представляла собой красивый и цивилизованный город со здоровым климатом и чистой водой. Учебный год начинался с сентября и заканчивался в середине июня, во время летних каникул родители должны были сами заботиться о своих дочерях.

Все, желающие записать дочь или сестру в эту школу, могли обратиться напрямую к директору, госпоже Севасти Д. Кириас, в Корчу (или во время летних каникул — в Монастир), и она с удовольствием предоставляла всю дополнительную информацию.

В начале учебного 1900/1901 года мужская школа насчитывала 65 учеников, в состав учителей входили:

1) Наум Начи

(Получил образование в греческом институте в Корче)

Главный учитель начальной школы и директор колледжа.

2) Г. Атанаси

(Получил образование в греческом институте в Корче)

Внештатный преподаватель в младших классах и уроков греческого языка.

3) Христо Карагёзи

Учитель-ассистент, преподающий основы предметов.

4) Али-ефенди

(Учитель из турецкой школы «Рушдие»)

Преподаватель турецкого языка.

С 1900 г. Вена регулярно отправляла значительные субсидии двум школам[1]. В этом она соперничала с американской

[1] HHStA. Liasse Albanien XVI/4. Wien. Erlass Nr. 52. vom 14. Februar 1900: перевод в 1 500 фр.; Erlass Nr. 70 vom 5. Februar 1901: Вена отправила 1 600 фр. 14 марта 1902 г. вновь отправила 2 000 фр. через банк «Thessaloniki». 3 апреля 1903 г. отправила 2 000 фр. 8 мая 1904 г. отправила 2 000 фр.

протестантской миссией, но чаще они всё же сотрудничали, стараясь спасти школу от закрытия турецкими властями. Албанцы с благодарностью принимали помощь обеих сторон, но их искренние симпатии клонились на сторону Австро-Венгрии. Чтобы отличиться от остальных благодетелей, не раня гордость и чувства местного населения, консул Крал предпочитал раздавать подарки, поскольку, по его личным наблюдениям, такие жесты дружбы принимаются с благодарностью[1].

По замыслу Вены, школа за краткое время должна была превратиться в могущественный институт пропаганды. Одной из первых задач стала расчистка пути для распространения албанского языка, введение единой азбуки и развитие национальной письменности. Затем школы должны были превратиться в центры распространения национального самосознания, места подготовки будущих приверженцев албанской нации, учителей и просветителей новых албанцев. Образовательная же деятельность велась привлекательным способом и поддерживала национальную гордость местных жителей. Жесты внимания со стороны покровителей были многочисленны, постоянны и недвусмысленны. В Вене изучали все мелочи, связанные со школами: от количества учеников, их происхождения, настроений — до мотивации их родителей, отзывов и слухов относительно школьного вопроса. В Министерстве получали подробные доклады о каждом учителе: о его биографии до учебы в Корче, уровне образования, друзьях и нуждах. Присутствие австро-венгерских представителей здесь более осязаемо, нежели в религиозных школах. Они даже фотографировались с учителями и учениками. Вплоть до закрытия обеих школ, они гордились ими и считали важной победой, одержанной на пути к формированию албанского национального самосознания.

[1] HHStA. PA I. K. 473. Monastir. Bericht Nr. 19. den 6. April 1900.

Глава X

ПРЕССА, ИЛИ КАК ВЕНА НАЧАЛА ПИСАТЬ ПО-АЛБАНСКИ

Пресса служила особо значимым направлением в программе политических действий Австро-Венгрии в Албании[1]. Она должна была превратиться в надежный, эффективный и динамичный фактор формирования национального самосознания среди разнородных частей албанского населения. Для достижения этой цели Министерство попыталось основать издания, которые могли стать проводниками австрийского влияния, учитывая складывающееся национальное самосознание у албанцев различных кланов.

Идеи и первоначальный план создания австро-албанской прессы

Первоначальной идеей было создание ежемесячного журнала на албанском языке[2] со следующими характеристиками: жизнеспособность и устойчивость, что отличало бы его от существовавших ранее изданий на этом языке. Поэтому требовалось начать ярко и добиться известности у широких читательских кругов, чтобы максимально повлиять на массы[3]. Первый номер журнала содержал обзор политических событий, но не политические статьи. Сначала информация, а затем уже — анализ.

---

[1] См.: Die Mémoire über Albanien, (Меморандум об Албании), прокомментированный во второй главе настоящей работы, HHStA. PA I. K. 473.

[2] См.: HHStA. PA XIV. K. 18. Alb. XII / 2. 1 Theil. Bericht Nr. 16. Vertraulich. Scutari. den 18 Mai 1897. Konzul Ippen.

[3] См.: HHStA. PA XIV. K. 18. Alb. XII / 2. 1 Theil. Erlass Nr. 781. Geheim. Wien. den 12. Juni 1897. an Ippen (Тайное письмо от 12 июня, № 781 от 1897 г., Иппену).

С ясным осознанием трудностей, которые предполагает подобное издание, инициаторы проекта начали работать с немецким упорством и методичностью. Их план предусматривал привлечение сотрудников всеми консульскими представительствами, т.е. в Скутари, Призрене, Дурресе, Валоне, и, наконец, в Скопье и Монастире. Поначалу таими сотрудниками должны были стать представители духовенства — наиболее культурной и близкой Австро-Венгрии по образованию, мировоззрению и т.д. части населения. На более позднем этапе предполагалось и привлечение мирян, предпочтительно, мусульман.

Для повышения читаемости статей в них включали историю различных областей, традиции самых знатных фамилий. Необходимо было освещать этнографические, фольклорные, географические и национально-экономические вопросы, а также находить и публиковать образцы народной поэзии. Первое время авторство материалов не указывалось. Нападок на турецкое правительство, ислам и мусульман, как и любых других религиознх высказываний, стремились избегать.

Относительно места издания обсуждалось две возможности. Первая, которую отстаивал ряд консулов, предполагала размещение редакции журнала в Вене, где бы осуществлялся художественный и политический надзор за материалами. Редакции всех других албанских газет и всех публикаций на этом языке должны были отправлять в Вену информацию о литературных тенденциях и новых авторских проектах.

В тот момент инициатива нуждалась в серьезной поддержке, прежде всего, в помощи Министерства финансов. Тот факт, что Министерство иностранных дел отказалось от обычных своих силовых методов в отношении албанской программы, не создавал особых затруднений, поскольку высокопоставленные чиновники из финансового ведомства заявили о своей полной сопричастности к начинанию и о готовности сотрудничать с коллегами с Бальхаусплатц[1].

Второй вариант, предложенный самим Министерством иностранных дел, — издание журнала не в Вене, поскольку

[1] См. вторую главу, где речь идет о выработке политической стратегии в отношении Албании и подчеркивается огромное значение тайных конференций с министром финансов.

это привлекло бы внимание к планируемым Австро-Венгрией действиям в Албании[1].

Из-за этой предосторожности Министерство приняло решение не создавать новое албанское издание, а щедрыми субсидиями привлечь какое-либо из уже существующих, где стали бы публиковаться статьи, написанные агентами Вены[2].

Пока продолжался поиск издания, наиболее соответствующего этим политическим целям, в Министерстве дали указание консулу Иппену собирать материалы, подходящие для публикации. Консул подготовил книгу об албанской истории. Кроме того[3], он собрал, по его выражению, пять «интеллигентных» молодых людей из албанских клириков, сформировавших местный редакционный совет. Он считал, что к ним можно присоединить и мирян, и даже мусульман. Консул Раппапорт также занялся сбором и подготовкой материалов для будущего австро-албанского органа печати.

Какие албанские издания существовали к середине 1897 г., каково было их состояние, когда Вена решила вмешаться в жизнь СМИ с учетом собственных политических целей?

Вся существующая пресса публиковалась албанскими диаспорами за рубежом[4] и не могла порадовать австро-венгерских чиновников своей жизнеспособностью[5].

В Италии имели место три попытки организации периодических изданий: «Фиамури Арбрит» («Fiamuri Arbrit», «Албан-

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Alb. XII / 2. 1 Theil. Weisung Nr. 781. Geheim. Wien. den 12. Juni 1897.

[2] Ibidem. Erlass Nr. 781. Wien. den 12. Juni 1897. an Ippen (Письмо № 781 от 12 июня 1897 г. Иппену).

[3] HHStA. PA XIV. K. 18. Alb. XII / 2. 1 Theil. Bericht Nr. 24. Scutari. den 29. Juni 1897. Ippen an Goluchowski.

[4] В сущности, в пределах Османской империи существовало только одно издание, орган печати иезуитов, ордена под иностранной юрисдикцией. Оно было скромно, выходило ежемесячно, носило религиозный характер и называется «Эльсия-и-земерс Ль'Йезу Кристит» («Elcija i zemers L´Jezu Kristit», «Глашатай Святого сердца». См. примечание 378.

[5] HHStA. PA XIV. K. 18. Alb. XII / 2, 1 Theil. Bericht Nr. 24. Scutari. den 29. Juni 1897. Ippen an Goluchowski. Информация о печатных изданиях исходит и из того доклада, который консул подготовил по поручению Вены 12 июня 1897 г.

ское знамя»); «Арбру-и-ру» («Arbru i ru», «Молодая Албания») и «Юли-и-Арберсвет» (« li i Arbresvet», «Албанская звезда»), однако, не просуществовавших достаточно долго.

В Бухаресте ранее выходила влашско-албанская газета «Шкиперия» («Skiperia», «Албания»), орган общества «Дитурия» («Dituria»).

В Брюсселе в то время выходил албанский журнал на французском языке. Однако Вене не был известен его издатель, по этой причине консул Иппен отправил запрос в австро-венгерское консульство в столице Бельгии. Оттуда пришел ответ, что интересующий его журнал на полках книжных магазинов не был найден, и нет возможности установить издателя. К тому же сообщалось, что незадолго до запроса Иппена турецкое посольство также проявило интерес к указанному печатному органу, но попытки найти хоть один его выпуск оказались напрасными.

Таким образом, в сложившейся ситуации единственную возможность для Вены внедриться в какое-либо албанское издание представляла «Шкиперия» из Бухареста. Но когда было собрано достаточно информации, австрийцы отвергли эту идею, поскольку газета оказалась органом грекофильской партии.

Наиболее важным для Австро-Венгрии оставался вопрос о читательском круге «Албании» среди албанцев Османской империи и о том, насколько этот круг может быть расширен с учетом политических целей правительства.

Первой прибыла информация из Скутари, где австро-венгерский консул работал энергично, с энтузиазмом и желанием подняться по ступеням дипломатической иерархии, чему вполне соответствовали его профессиональные качества.

Согласно докладу, в этой области Вена могла рассчитывать на читателей, прежде всего, среди католического духовенства, рассеянного по всей провинции, и среди католиков-мирян в Скутари. Однако среди них газету можно было распространять исключительно при условии бесплатного доступа[1].

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Alb. XII / 2. 1 Theil. Bericht Nr. 24. Scutari. den 29. Juni 1897. Ippen an Goluchowski.

К тому же, с учетом местных нравов, успех издания был наиболее велик, если бы известие о нем распространялось из уст в уста среди мирдитов и малисоров. Албанцы, впрочем, как и все другие балканские народы, имели особенную склонность к политическим новостям. В то время они осведомлялись об этой сфере жизни общества у беев и аги, которые, как можно предположить, отстаивали турецкую точку зрения. Зачастую она была антиавстрийской, что, согласно Иппену, проявлялось в искажении информации.

Священники не получали никаких газет, поэтому не могли информировать свою паству. Ожидания консула были связаны с использованием этого вакуума новостей и отправкой духовенству газет, издаваемых с учетом позиции Вены.

По достоверным данным, среди населения равнин и гор, с которых племена спускались летом, не более двух или трех человек умели читать. Однако, согласно австро-венгерскому консулу, при создании школ в этой местности возможно было расширить круг читателей в разы.

Иные методы воздействия, как, например, личное участие в создании благоприятной атмосферы, казались неприменимыми и весьма рискованными.

Положение не выглядело особенно благоприятным для разворачивания пропаганды в СМИ. Но и Вена не располагала большим количеством времени для развития национального самосознания у албанцев. Приходилось действовать методами, уже доказавшими свою эффективность во многих других случаях. Поэтому, хотя одна газета и не могла достичь результата, ее существование всё равно оправдало бы расходы. Для албанцев она могла стать символом нации и ее жизнеспособности. А это уже была сама по себе причина для гордости, которой Вена не могла пренебрегать, с учетом ее цели привлечь албанцев на свою сторону[1].

По мнению чиновников из Министерства, расходы не казались такими уж высокими. Для покрытия нужд области Скутари, предполагали они, не потребуется более 3000 форинтов в год.

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Alb. XII / 2. 1 Theil. Bericht Nr. 24. Scutari. den 29. Juni 1897. Ippen an Goluchowski. Fol. 27b.

Налаживание контактов или принцип старой дружбы Вены с издателем журнала «Албания»

Вена подробно изучила информацию об издателе «Албании», печатавшейся в Брюсселе, и связалась с ним через своего дипломатического представителя графа Кевенхюллера.

В результате этого первого контакта 4 августа 1897 г. редактор журнала отправил письмо министру иностранных дел Австро-Венгрии[1]. Прилагался и один выпуск журнала. Адресата просили о личной встрече, поскольку тема, которую требовалось обсудить, была очень важна, затрагивала албанский вопрос и роль Австро-Венгрии в нем. В письме также было сказано, что характер разговора обязывает к устной беседе, и, если всё же потребуется изложить соображения письменно, нельзя ни в коем случае отправлять их по почте. Затем редактор выражал готовность прибыть, если это необходимо, в Вену и просил указать наиболее удобный способ связи с министерством.

17 августа 1897 г. Вена отправила ответ по дипломатической почте[2] в австро-венгерское посольство с просьбой передать его редактору журнала «Албания», которому рекомендовалось обратиться к дипломатическому представителю Австро-Венгрии в Брюсселе графу Кевенхюллеру, предупрежденному о визите и уполномоченному получать разнообразную информацию по албанскому вопросу.

С той же почтой прибыли и указания графу Кевенхюллеру[3]. В них говорилось, что Транк Спиро-бей — самый молодой представитель пропаганды албанского движения. Его деятельность была охарактеризована Веной как «энергичная», хотя и недостаточная. Поскольку встал вопрос о движении, способном повлиять на будущее земель, граничащих с Австро-Венгрией и представляющих большой интерес, то обязательно требовалось выяснить намерения Транка Спиро-бея и его группы, чтобы пополнить имеющуюся информацию по албанскому

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Alb. XII / 2. 1 Theil. Faïk bey Konitza (Транк Спиро-бей). Bruxelles. le 4 août 1897. Fol. 36–37.

[2] HHStA. PA XIV. K. 18. Alb. XII / 2. 1 Theil. Vienne. le 17 août 1897. Privatbrief an Trank Spiro bey. directeur de l' «Albania» a Bruselles. Fol. 38–38b.

[3] HHStA. PA XIV. K. 18. Alb. XII / 2, 1 Theil. Wien. 17–08–1897. Weisung Nr. 841 an Grafen Khevenhüller in Brüssel. Fol. 39–39b.

вопросу. Для этого, согласно инструкции, надо было с ним встретиться, выслушать и сразу же сообщить Вене впечатления о нем как о личности и суть содержания разговора.

Транк Спиро-бей посетил графа Кевенхюллера 20 августа 1897 г. Встреча длилась около двух часов. Стало ясно, что настоящее имя Спиро — Фаик-бей Коница. По словам австро-венгерского представителя, это был «типичный албанец», мусульманин, вопреки обычаям получавший образование в университетах Тулузы и Лиона. И хотя независимая Албания была его идеалом, сам он не верил в осуществимость этого, учитывая геополитические факторы в стране; поэтому искал помощи у великих европейских держав. Посредством своего журнала он хотел пропагандировать идею албанской автономии под австро-венгерским протекторатом. В дополнение к этому он предлагал создать комитет для работы среди «братских кланов»[1] в пользу унификации литературного языка. Также, по его мнению, было необходимо противостоять итальянской пропаганде.

В отношении своего издания он заявил, что оно стоит ему 300 франков за каждый выпуск, а финансирование предоставляют разделяющие его идеалы люди из Константинополя и Бухареста. Однако, если профиль издания будет изменен, то эти источники будут утеряны, и тогда понадобится помощь монархии Габсбургов. Также он выразил готовность отправиться в Вену и представить свои идеи там.

По личным впечатления графа Кевенхюллера, Фаик-бей был фанатичен в своих убеждениях, но достаточно хорошо образован, чтобы понять: полная независимость Албании в существующих условиях немыслима из-за географических особенностей страны и разделения ее жителей на кланы.

По мнению австро-венгерского дипломата, его собеседник быстро осознал, что имперские амбиции Габсбургов в Боснии и Герцеговине подразумевают естественное расширение на юг. Настоящей причиной, по которой он обратился в австрийское министерство, была необходимость в финансировании, почему тот и занялся рискованным и дорогим предприятием — изданием журнала. Консул считал, что нужда вынудит Фаик-бея изменить свою позицию и больше прислушиваться к советам Вены.

[1] Выражение Кевенхюллера из этого доклада.

Дипломат писал, что за 10 лет работы на Балканах встречал всяких людей, которые преследовали грандиозные цели, обладая незначительнми финансовыми средствами, поэтому в принципе не очень доверял посетителям своего офиса[1].

Однако он не мог предвидеть, в какой степени Фаик-бей окажется способен повлиять на общественное мнение. Он даже не мог сказать, будет ли польза от поддержки подобных начинаний, поскольку консул считал, что Турция значительно сильнее, чем предполагает редактор журнала «Албания». Но итальянские планы были не плодом воображения, и, может быть, стоило пожертвовать 1 000 франков, даже если идея провалится.

Двумя неделями позже Иппен отправил свой ответ[2] на вопрос, что он думает относительно намерений Вены раздобыть проводника албанской националистической политики, склонного прислушиваться к внушениям дунайской монархии. Он советовал Министерству, дабы избежать риска возможного провала, внедриться в какое-либо уже существующее издание, вместо основания нового. На эту роль рекомендовался журнал «Албания», издаваемый в Брюсселе.

Тем не менее, по мнению консула, редактор должен внести некоторые значительные изменения в облик издания. Вопрос встал не больше, не меньше, как о программе. Иппен называл издание «органом революционной партии независимости» и считал, что Фаик-бей должен отбросить слово «революционная» и прекратить критику османских властей. Кроме того, в каждом номере должно оставаться место для статей, написанных австрийскими дипломатами, и печататься эти статьи будут той системой письма, которую Вена сочтет подходящей.

В это же время Иппен сообщал, что собрал, с учетом поставленной Министерством задачи, достаточно материала для публикации в будущем националистическом издании. Небольшой круг сотрудников из католического клира, сформированный для этой цели, уже с нетерпением ожидал увидеть свои статьи опубликованными.

---

[1] Речь шла об Информационном бюро, занятом сбором секретной информации за границей.

[2] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Bericht Nr. 41. Scutari. den 3. September 1897. Konsul Ippen. Politischer Gegenstand. Über Herausgabe einer albanische Zeitung.

Во второй половине октября того же года консул отправил в Министерство весь собранный материал с примечанием, гласившим, что авторы предпочитают не видеть свои имена опубликованными[1]. Темами статей стали история и право, но их научная значимость была невелика, хотя авторство большинства из них принадлежало самому Иппену, кого в дальнейшем можно без преувеличения именовать соиздателем журнала. Вдобавок материал включал стихи и поговорки.

Цвидинек уже обладал всеми материалами для первого выпуска австро-албанского издания. Сотрудники жаждали увидеть свои статьи напечатанными. Иппен не мог их успокоить и отправил запрос о причинах задержки. Проект получил одобрение на тайных заседаниях, и честь требовала, чтобы он был исполнен. Вот почему барон пригласил Фаик-бея[2] на разговор в Вену.

В ноябре Фаик-бей прибыл в австрийскую столицу, где провел секретные встречи в Министерстве. Впечатления, оставшиеся у дипломатов от его публицистической деятельности и лично как от человека, привели их к мысли, что сто ит использовать его опыт и связи по всей Албании.

Цвидинек согласился финансировать журнал на следующих условиях: во-первых, ни под каким предлогом издание не должно служить рупором пропаганды против турецкого правительства; во-вторых, необходимо пробуждать у соотечественников из разных кланов сознание общих национальных интересов независимо от вероисповедания; в-третьих, журнал должен содержать статьи на двух основных диалектах, чтобы бы его могли читать и геги, и тоски; в-четвертых, издатель должен принять обязательство публиковать на страницах «Албании» те статьи, которые Вена сочтет необходимыми.

Дипломаты дали ясно понять, что не желают видеть в издании политическую агитацию, не инспирируемую ими самими. Министерство поддержало бы все усилия, направленные на

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Ippen. Bericht Nr. 49. Scutari. den 19. Oktober 1897.

[2] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Erlass Nr. 966. Vertraulich (Приказ № 966. секретно). Wien. den 7. Dezember 1897. an Grafen Khevenhüller. Brüssel.

независимое развитие Албании, если они соответствуют установленным рамкам и не ведут по греховному пути революции. Вена желала, чтобы албанцы сами собрались с силами для защиты своей национальной идентичности от экспансионистских устремлений их славянских соседей.

Фаик-бей выразил свое исключительное удовлетворение позицией Вены и негативно высказался о «псевдоалбанском» комитете[1] в Южной Италии, что понравилось его собеседнику Цвидинеку. Редактор добавил, что упомянутый комитет не стремится к защите национальных интересов своего народа, а осуществляет пропаганду присоединения к Италии. Фаик-бей считал своим патриотическим долгом бороться против этих интриг, опасных для будущего его страны[2].

После достижения соглашения между Министерством и редактором «Албании», он подготовил письменный проект договора, в меру своего понимания[3]. Перескажем подробно содержание документа, поскольку он представлял собой программу развития издания на следующие 10 лет.

Фаик-бей считал, что определение будущих задач должно учитывать три различных аспекта — преследуемые цели, средства для их достижения и возможные препятствия и способы их преодоления.

Редактор утверждал, что на встрече с Цвидинеком были сформулированы следующие цели: развитие албанского национального самосознания и понимание собственных отличий, как народа, от турок; концентрация всех сил вокруг единого центра, откуда бы ни предпринимались действия, какими бы

[1] Выражение Фаик-бея.

[2] В письме Кевенхюллеру Цвидинек сообщил о разговоре с албанским издателем. В конце он добавил, что после своего возвращения в Брюссель Фаик-бей отправится в посольство, и Кевенхюллер должен ему вручить сумму в 500 франков за надлежащую расписку. Цвидинек просил, чтобы дипломат подтвердил, отвечает ли в действительности журнал ожиданиям Вены. Если оно сумеет проложить дорогу к более широким читательским массам в Албании, в будущем можно будет вновь рассчитывать на помощь Министерства.

[3] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Faïk Béu i Konitzes. Vienne. le 26 novembre 1897.

они ни были; осознание албанцами, куда им следует направить свои экономические и культурные устремления, если внезапные события ускорят решение Восточного вопроса, но только в рамках закона и с уважением к официальным властям; другими словами, понимание, что они должны делать, если Османская империя распадется и ее европейские территории будут распределяться между балканскими странами и великими державами.

По мнению Фаик-бея, из намеченных средств его журнал занимал главенствующее место и должен был публиковать на языках тосков, гегов и французском народные песни, исторические хроники, патриотическую поэзию, заметки на тему экономики и политики в формате новостей, не вызывая подозрений у турецких властей враждебными к ним комментариями или восхвалением австрийского правительства. В выпусках необходимо размещать корреспонденцию со всей Албании, чтобы установить постоянные и крепкие связи между областями страны. Также должны быть размещены новости из Сербии, Болгарии, Греции, Боснии, дабы указать на необходимость очередных реформ. В каждом номере следует публиковать доброжелательно написанные хроники, касающиеся всех существующих в стране религий для преодоления традиционного албанского предрассудка, что религия запрещает обсуждать вопрос о национальном языке.

Среди задуманных средств вторым значилась публикация два или три раза в год брошюр тысячными тиражами на двух основных диалектах, где в формате вопросов и ответов поднимались бы темы, развивающие чувство национальной идентичности, а политика не присутствовала напрямую.

Третьим пунктом планировалось общество с уставом, который был одобрен Цвидинеком; основная цель общества была уже определена — осуществлять то же самое, что и журнал, но посредством устной речи[1].

[1] Мы располагаем уставом, но так как общество не достигло значимых успехов, всё осталось на бумаге, и мы не считаем необходимым уделять ему большее внимание. Оно служит еще одним примером детальной и тщательной работы, которая не привела к практическим результатам.

Далее предполагалась поддержка корреспонденции со всеми албанцами, имеющими на соплеменников какое-либо влияние в желаемом направлении.

В Сербию должен был периодически отправляться компетентный сотрудник для организации филиалов общества везде, где проживают албанцы, чтобы раздавать им брошюры, учить их читать на родном языке, и, если необходимо, проводить беседы.

Шестым направлением, очень важным, были названы школы. Необходимо было уделять постоянное внимание этому вопросу, поскольку они отсутствовали. Албанцы хотели создания школ, но у них не было ни нужной инициативы, ни подготовленных учителей. Во всех районах страны, где испытывали нужду в образовательных учреждениях, требовалось подготовить соответствующие петиции турецкому правительству, посредством которых необходимо было настаивать на изучении албанского языка, но при этом, чтобы усыпить подозрительность властей, проявлять желание обучаться турецкому, а также французскому и немецкому языкам. Это бы воодушевило самих албанцев. Руководство школами следовало закрепить за упомянутым обществом, что защитило бы их от чуждых влияний, способных легко распространиться от учителей на учеников, а следом — и на их семьи.

Седьмое место отводилось налаживанию прочных связей с религиозными лидерами, главное — с бекташами[1], чье влияние могло быть полезно как на тот момент, так и в будущем. Их следовало поддерживать тайно, поскольку соответствующие религиозные идеи тяготели к автономии.

Редактор «Албании» считал, что самым серьезным препятствием является традиционное и нарастающее недоверие турецкого правительства. Но албанский бей знал средство против него — избегать критики властей, выказывать дружелюбие и всеми средствами заверять, что речь идет лишь о миролюбивом интеллектуальном течении без политических целей.

Другим важным препятствием была ненависть между самими албанцами, порожденная их религиозными убеждениями.

[1] Из доклада на немецком языке, где упоминается, что, по всей вероятности, Фаик-бей принадлежит к той же секте, что и братья Фрашери.

Редактор, однако, проявлял оптимизм и утверждал, что если привлечь на свою сторону религиозных лидеров, то их паства легко пойдет на примирение.

Третье препятствие составляла пропаганда других стран. По мнению Фаик-бея, противостояние ей не должно стать сложной задачей. Достаточно лишь раскрыть интриги этих государств и ясно показать, к чему могут привести их намерения.

Следующим препятствием были названы албанские диаспоры за границей, например, в Италии или Румынии. Важно низвергнуть их моральный авторитет, доказав, что они действуют по поручению иностранных правительств. Это привело бы и к увеличению доверия со стороны турецких властей.

Частью той же проблемы было и то обстоятельство, что зарубежная пресса привыкла воспринимать православную и католическую общины как единственных представителей албанцев. В то же время огромная часть народа, мусульмане, не были представлены никем.

В заключение подчеркивалось, что все намеченные требования должны быть подчинены двум основным идеям: не создавать партию, а работать над объединением всех албанцев вокруг одной цели; и все — журнал, общество, школы, органы пропаганды — должны создавать впечатление спонтанно возникшего движения, не давая ни малейшего повода подозревать протекцию, симпатию или дружеские отношения с внешней политической силой.

Наконец Фаик-бей подчеркнул, что всё перечисленное — резюме его разговоров с Цвидинеком, кому и был адресован этот документ. Он утверждал, что поразмыслил над всеми вопросами, обдумал все подробности и обещал письменно информировать барона обо всех своих будущих действиях.

Литературное сотрудничество и денежное вознаграждение

После таких сердечных и плодотворных переговоров, как можно было ожидать, прибыли первые гонорары, которые превратили албанского бея в одного из самых хорошо оплачиваемых светил публицистики. 14 декабря редактор отправился в австро-венгерское посольство в Брюсселе, где граф Кевен-

хюллер на основании приказа № 966 вручил ему 500 франков[1], а Фаик-бей подписал соответствующую расписку, которая на следующий день была отправлена в Вену.

Одновременно Министерство сообщало[2] консулу Иппену в Скутари, что редактор «Албании» предложил посредством своего журнала содействовать намеченным Австро-Венгрией целям по созданию албанского национального движения. У консула вновь спрашивали мнение о материалах, уже полученных Веной, и сообщали, что если эти материалы будут одобрены для публикации, то выйдут из печати самое раннее — в январе.

Шифрованной телеграммой 23 декабря Иппен[3] подтвердил свое одобрение статей для следующего номера журнала, но просил не указывать имен авторов.

29 декабря Вена почтой отправила Фаик-бею через графа Кевенхюллера подготовленные и одобренные Иппеном материалы для выпуска издания[4]. В личном письме редактору, как всегда сопровождавшем посылку, было сказано, что надо письменно уведомить, если к каким-то статьям появятся замечания, чтобы ознакомить с ними и авторов.

С этого момента начинается регулярная отправка материалов для журнала Веной и редактором в Министерство. Материалы содержали полный и подробный перевод на французский всего, что планировали опубликовать на албанском языке в следующем номере, а также около 20 экземпляров предыдущего выпуска. Потом Вена обеспечивала их нелегальную доставку в Османскую империю, за что отвечал Фаик-бей.

---

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Brüssel. am 15. Dezember 1897. Graf Khevenhüller an Goluchowski.

[2] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Wien. Vertraulich. den 16. Dezember 1897. Ippen.

[3] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Konsul Ippen. Scutari. Chifre Telegramm Nr. 2816.

[4] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Wien am 29. Dezember 1897 Privatschreiben Zwiedinecks an 1) Trank Spiro Bey. dir. der L' «Albania»; 2) Grafen Khevenhüller. Bruxelles; в подтверждение отправленным Фаикбеем материалам см.: Bericht Nr. 1. Brüssel. am 4. Jänner 1898. Khevenhüller an Goluchowski

Редактор «Албании» был исключительно внимателен к предложениям Вены, и если допускал что-либо неприятное для австрийцев, просил об извинении, с большим энтузиазмом выказывал желание исправить ошибку и благодарил, что ему на нее указали[1].

Однако, что касается материалов для первого выпуска, Фаик-бей, всегда очень внимательный и благодарный, позволил себе ради успеха общего дела сделать статьи более краткими и четкими по содержанию, поскольку журнал не мог содержать длинные тексты. Кроме того читатели, большинство из которых стали грамотными, будучи уже взрослыми, читали вслух, из-за чего быстро уставали и теряли концентрацию[2]. К сожалению, австро-венгерская сторона, чьи основные сотрудники происходили из католического клира и получили образование в Риме, привыкла выражать свои идеи достаточно трудными фразами, иногда занимающими несколько страниц. В результате читатели забывали под конец, что было в начале; тонули в содержании, и статья в целом не приносила ожидаемой пользы. По той же причине, и поскольку ожидание продолжения в следующем месяце обессмысливало весь труд, журналу следовало публиковать краткие новости, более легко запоминаемые читателями[3]. Предложение редактора журнала, хоть и разумное и, в принципе, принятое Веной, оказалось трудно реализуемым из-за существенных культурных различий между людьми, готовившими публицистические материалы и читавшими их. В поиске разумного компромисса был создан оригинальный гибрид, с несимметричными частями, полный тематических и стилистических контрастов, но с богатым содержанием и разнообразными формами: невероятная смесь мифологии и политологии на фольклорной основе; албанских легенд; народных песен, явно отредактированных австрийскими эрудитами и статей, посвященных правовым вопросам, которые люди с приобретенной в горах культурой не понимали.

---

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Bruxelles. Le 1 Janvier 1898. Faïk Bey Konitza a Zwiedineck

[2] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Bruxelles. Le 3 Janvier 1898. Faïk Bey Konitza a Zwiedineck.

[3] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Ibidem.

Различия в интеллектуальном уровне между авторами статей и предполагаемыми их читателями были значительными, но еще одной большой проблемой стала доставка издания населению. После своего возвращения из Брюсселя Фаик-бей незамедлительно связался с доверенным единомышленником в Константинополе, чтобы проконсультироваться относительно успеха печатной пропаганды, пробуждающей у албанцев национальное самосознание.

Этот человек отправил ему список важных и влиятельных особ, которые были бы рады регулярно получать журнал. Список, однако, не отличался длиной, а возможности отправлять «Албанию» турецкой почтой, по мнению приятеля Фаик-бея, выглядили химерой, пусть даже весь журнал будет прославлять султана. Собеседник полагал: если получатели не будут важными лицами, их бросят в тюрьму до тех пор, пока издание не отправится в Константинополь, где его прочтут и сочтут безобидным, что предполагает минимум 6 месяцев заключения, учитывая турецкие порядки. Таким образом, движение, которое необходимо создать, предварительно потеряет своих сторонников. Если же получателями журнала окажутся богатые и знатные люди, они не отправятся в тюрьму, но выпуски будут задержаны областным руководителем.

Редактор «Албании» был вынужден признать перед своими новыми друзьями, что для организации доставки журнала в страну ему необходим человек, который одновременно владеет языками тосков и гегов, ловок, разумен и патриотески настроен, но с таким человеком он не знаком.

Пока шел поиск решения проблемы, продолжалось издание совместных публицистических материалов Фаик-бея и Вены и, соответственно, не прекращалось обещанное финансирование. 19 января 1898 г. Цвидинек отправил через австро-венгерское посольство следующие 500 золотых франков редактору журнала с личным письмом для него[1].

Цвидинек подтвердил, что получил 25 экземпляров последнего номера «Албании», в сущности — восьмого выпуска журнала, вместе с переводом на французский язык албанских

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Wien. am 19. Jänner 1898. an 1) Graf Khevenhüller. Brüssel; 2) Trank Spiro, Director der «Albania», Brüssel.

материалов. Этот номер был «переходным», поскольку в нем публиковалась программа издания с учетом указаний Вены. Цвидинек остался доволен способом, которым Фаик-бей вышел из деликатного положения и продолжил свою работу. Он даже написал редактору, что в будущем нет нужды отправлять ему полный перевод статей, а можно ограничиться лишь их резюме. Позднее перевод ляжет на плечи австро-венгерских консулов.

Другой приятной новостью для Фаик-бея стало то, что из Министерства ему отправили еще 500 франков, надлежащую расписку за которые его просили передать[1].

Вена придавала большое значение секретности своей связи с журналом «Албания», чтобы не подвергать риску его успех среди широких читательских масс. Поэтому Цвидинек настаивал на том, что распространение издания в пределах Турции должно остаться обязанностью редактора, и лишь просил отправлять в Вену по десятку экземпляров каждого номера для австро-венгерских консулов в Турции. Но когда от Фаик-бея начали прибывать плохие новости, Цвидинек обратился к австрийским представителям с просьбой указать ему выход из затрудненного положения издателя.

Он отправил всем консулам совершенно секретные частные письма[2], в которых объяснял, что Вена крайне заинтересована в успехе журнала «Албания», поскольку его редактор под псевдонимом Транк Спиро-бей придерживается верной политической программы и во всех отношениях поддерживает точку зрения Австро-Венгрии.

К письмам прилагалось и по одному экземпляру «переходного» номера, чтобы его рассмотреть и составить наблюдения и замечания по форме и содержанию журнала. Консулов просили проследить, легко ли примут издание в албанских кругах, и какой вид публикаций наиболее предпочтителен для населения.

---

[1] Их получение подтверждено Кевенхюллером в докладе № 2. Брюссель. 27 января 1898 г., к которому прилагалась расписка Фаик-бея. См.: HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. 1 Theil. Mai 1897 bis Ende 1900.

[2] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Wien. den 11. Februar 1898. Zwiedineck an 1) Konsul Ippen. Scutari; 2) Konsul Pisco. Üsküb; 3) Konsul Winter. Durazzo; 4) Konsul Rappaport. Prizren; 5) Konsul Petrovic. Valona

Пока консулы реализовывали задачи, поставленные Министерством, Цвидинек решил еще больше усложнить работу своего друга в Брюсселе и поручил ему напечатать журнал на албанском языке, но при помощи турецкой азбуки, чтобы с ним могло познакомиться больше читателей в северной и восточной частях страны.

На это нелегко было сказать «нет», и потому Фаик-бей решил удовлетворить желание барона[1], вопреки жалобам на то, что некоторые албанские звуки не имеют графических аналогов в турецкой азбуке. Это дополнительно затруднило бы неопытных албанских читателей, и, вероятно, стоило вместо целых статей, печатать таким образом лишь краткие сообщения.

Консул в Скутари Иппен, продолжая исполнять обязанности соиздателя, отправлял материалы. На сей раз их автором был сын одного из переводчиков генерального консульства[2].

Цвидинек не скрывал своего удовлетворения тем, что его друг Фаик вопреки затруднениям, как выразился барон, начал постепенно вводить турецкую азбуку в своем издании[3]. Для упрощения задачи редактору отправили уже упомянутый доклад Раппапорта о разных албанских системах письма с пояснением, что документ выработан «известным знатоком албанского языка». Ему рекомендовали обратить особое внимание на турецкую азбуку, уже бывшую в употреблении, и выразили надежду, что она рассеет сомнения относительно технических вопросов печати.

Упорство Цвидинека объясняется его желанием привлечь в качестве читателей население северо-восточной Албании, которое, как он слышал, охотно примет этот способ письма. Чтобы проверить, какой эффект возымеет его начинание, Цвидинек дал указания Раппапорту следить в следующих номерах

---

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Bericht Nr. 3. Brüssel. Graf Khevenhüller. с приложенным письмом от Фаик-бея из Брюсселя 1 февраля Цвидинеку.

[2] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Scutari. den 4. Februar 1898.

[3] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Wien. den 15. Februar 1898. Privatschreiben Zwiedineck's an Trank Spiro Bey. Brüssel (частное письмо Цвидинека Транк Спиро-бею в Брюссель).

журнала «Албания» за определенными статьями и предоставлять точный отчет о читательских отзывах[1].

Шестью днями позже он отправил редактору журнала оговоренные 500 франков месячной помощи за февраль 1898 г., а также просил Кевенхюллера взять у Фаик-бея расписку в получении и переслать ему[2].

Одновременно по настоянию Фаик-бея Цвидинек поручил консулу Иппену[3] следить за тем, чтобы статьи для «Албании» были кратки и четки, поскольку читателям сложно воспринимать сложные тексты, они быстро устают, и с учетом их культурного уровня лучше не обременять статьи чрезмерно высоким стилем. Он вернул предыдущие материалы, чтобы они были переработаны согласно требованиям Фаик-бея, и ему было поручено на будущее подбирать статьи, имеющие прямое отношение к конкретным целям Вены. В заключение консула просили, когда он лично пишет какой-либо материал для публикации, отправлять резюме в Министерство, чтобы там имели возможность следить за общей тенденцией. Кроме того, авторам более длинных статей предлагалось обращаться прямо к редакции журнала «Албания»[4].

Прием австро-албанского издания албанцами Османской империи или неприятный культурологический шок

Вопреки усердию координатора Цвидинека и его сотрудников, Фаик-бея, консула Иппена и католических священников, судьба издания была очень далека от ожиданий и стремлений его издателей.

---

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Wien. den 15. Februar 1898. Privatschreiben Zwiedineck's an Vizekonsul Rappaport.

[2] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Wien. den 21. Februar 1898. Vertraulich.

[3] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Wien. den 22. Februar 1898. Privatschreiben Seiner Excellenz baron Zwiedineck's an Konsul Ippen. Scutari.

[4] Цвидинек подчеркивал инструкции еще более настойчиво в частном письме консулу Иппену 5 марта 1898 г. К нему же были приложены экземпляры «Албании», и отмечалось, что с этого момента ему будет отправляться столько экземпляров, сколько он пожелает. HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2.

Сначала не оправдались крайне наивные ожидания, что с изменением политического облика журнала турецкое правительство будет вынуждено взглянуть на него благосклонно и разрешит ввозить его в страну. Как можно было ожидать, ввоз издания в Турцию по-прежнему запрещался, что изначально обрекало его на минимальное количество читателей.

Турецкие власти изменили свое мнение, но не так, как того хотели на Балхаусплатц. Они посчитали, что издание переметнулось на сторону Австро-Венгрии, поскольку от их взгляда не укрылась резкая перемена настроений журнала. Из антиавстрийских и проитальянских они целиком превратились в проавстрийские и антиитальянские[1].

Другой переменой, которая произвела самое сильное впечатление, особенно в области Влеры, было использование турецких письменных знаков. Этот факт был хорошо и с удовлетворением воспринят албанцами. По мнению местного австро-венгерского представителя, зорко наблюдавшего за реакцией людей, говорившего с ними лично, именно это могло бы открыть журналу путь к будущему, способствуя отмене запрета на его ввоз турецким правительством.

Для достижения этой важной цели австро-венгерские консулы в Албании поручили журналу прекратить непрерывные публикации об Австро-Венгрии, раздражающие и турецкое правительство, и читателей, убежденных, что Вена купила издание, дабы использовать его в своих целях. В противном случае, считали консулы, произойдет то же, что и с «Национе албанезе» — изданием, финансируемым Италией, скомпрометированным настолько, что его уже никто не воспринимал всерьез.

Но журнал ни в коем случае не должен был перестать защищать албанские интересы, противопоставляя их устремлениям Греции, Болгарии и Черногории.

Также нельзя было впадать в другую крайность — усердно восхвалять султана. Это бы шло вразрез с подлинными чувствами албанцев.

В художественном отношении австрийские консульства предлагали отдавать предпочтение материалам, написанным

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Konsul Petrovic. Valona. den 27. Februar 1898.

авторами, живущими в стране, а не за рубежом, поскольку те явно не вызывали у албанцев особых симпатий. Произведения, созданные в Албании, в будущем могли поддержать интерес населения к чтению, что ободрило бы и окрылило авторов.

Но признавалась и заслуга Фаик-бея в том, что он писал на очень красивом албанском языке.

С февраля до июня всё шло старым рутинным путем. Цвидинек координировал издание каждого номера, применяя меры «просвещенной» цензуры. Фаик-бей проявлял себя как работящий и восприимчивый к рекомендациям редактор. Иппен был старателен и методичен, что и ожидалось от австро-венгерского дипломата, а его сотрудники — амбициозны и суетны, что было типично для местного клира, лишенного той ведущей роли, о которой мечтали в Ватикане.

Как и во всяком издании, которое решило проделать свой путь к читателю, наступили некоторые небольшие перемены[1]. Было принято решение, чтобы журнал выходил два раза в месяц, а не один; утвердили также публикацию небольших статей на албанском языке, написанных турецкой азбукой. В содержательном плане, предположительно — с учетом того, что соавторами в большинстве были австрийцы, рекомендовалось уделять особое внимание литературным и фольклорным аспектам, которые преподносились как проявления возрождающегося народного духа.

Очень внимательно следили за тем, как принимают журнал албанские читатели, и по этому поводу консулов специально проинструктировали. Они должны были информировать обо всем, что производит на них впечатление в брюссельском издании, как и обо всех отзывах и замечаниях его читателей[2].

Однако Вена получила «холодный душ» с докладом консула в Призрене Раппапорта, отправленным 22 сентября 1898 г.[3]

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Streng vertraulich. Wien. den 11. Juni 1898. Zwiedineck.

[2] Ibidem.

[3] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Prizren. den 22 September 1898. an Seiner Excellenz den hochwolgebornen Herrn Julius Freiherrn Zwiedineck von Südenhörst. Seiner K. u. K. Ap. Maj. Wirk. Geh. Ratte. Grosskreuz.a.o. Gesandten u. bev. Minister, etc. etc. etc.

в ответ на упомянутый приказ от 11 июня. В нем консул подробно информировал о том, как албанская публика воспринимает журнал. Документ начинался с того, что издание практически неизвестно в его консульской области. Единственным человеком, знающим о журнале, оказался учитель колледжа в Призрене, да и то лишь потому, что состоял в дружеских отношениях с консулом Писко. За месяц до этого он обратился в издательство с просьбой сделать его подписчиком «Албании», но за прошедшее время не получил ни одного выпуска. Данный факт Раппапорт объяснял вероятностью того, что журнал задержан турецкими властями. Однако статья, написанная этим учителем, была опубликована, и Раппапорт лично гарантировал автору получение одного экземпляра.

В действительности не только «Албания», но и все остальные издания на албанском языке не были известны в этой области. Иначе дело обстояло с итальянскими «Национе албанезе» и «Нуова Албаниа», отчетливо демонстрировавшими свою антиавстро-венгерскую направленность. Они прибывали в Скутари достаточно редко, и то, главным образом, когда выходили статьи против Австро-Венгрии. Издания распространялись среди духовенства в Призрене, которое, по мнению консула, было связано с Итало-албанским комитетом в Неаполе. Эта связь, по всей видимости, осуществлялась самим Трокси — автором многих тенденциозных статей.

Католики, проживавшие в области, не представляли собой показательную часть населения и не проявляли особого интереса к развитию албанской национальной литературы. Напротив, считали они, нет необходимости изучать в школах албанский язык, а полезно и желательно обучать языкам, употребляемым в торговых делах.

Мусульмане со своей стороны также не обнаруживали интереса к развитию албанского языка по трем основным причинам: религиозного фанатизма, недоверия ко всему албанскому и гордости за многообразную турецко-арабскую смесь культур, сформированную ценой значительных усилий.

Более того, в этой области слова «арнаут» и «шкиптар» не ассоциировались с какими-либо национальными понятиями, а означали вооруженных мусульман, не подчиняющихся ника-

ким общественным порядкам, не платящих налоги, не служащих в армии и ненавидящих православных славян по обе стороны границы.

Небольшое количество людей, родившихся или воспитанных за границей, родственников знаменитых братьев Фрашери или членов секты бекташей, занимавших высокие административные должности, знали или интересовались движением за албанскую национальную литературу, но они боялись местного населения и не стремились публиковать свои тексты.

Указанные факторы, равно как и неизвестность журнала, и отсутствие интереса к подобной тематике, не позволяли консулу составить какие бы то ни было впечатления о его распространении и оценке среди албанцев. Австро-венгерский консул также не мог оценить, оправдан ли ожидаемым успехом риск нелегального распространения издания в Османской империи, поскольку, по его предположениям, возможный круг читателей не превышал трех, или в самом лучшем случае пятерых наиболее представительных и уважаемых албанцев.

Так или иначе, для развития языка и формирования читательских навыков среди населения в других частях страны Раппапорт советовал заменить современными типографскими машинами старую литографскую технику, которая сама по себе уже становилась препятствием для чтения.

После 15 месяцев, проведенных в области Призрена, Раппапорт не испытывал оптимизма и считал, что Вена, к сожалению, не может больше ничего поделать с безразличием арнаутов к развитию их собственного языка. Нельзя было ожидать эффективности от пропаганды через газеты, журналы и т.д., поскольку отсутствовала основа для этого — читательская аудитория. Развитие католических школ с преподаванием на албанском языке и увеличение их количества не привлекало даже самих католиков. Более того, опасался консул, это может вызвать отрицательный эффект в среде мусульман и породить ревность и предрассудки по отношению к албанскому языку и литературному развитию, в которых видели исключительно христианскую, т.е. антиисламскую тенденцию, для предотвращения которой они могли в будущем мобилизоваться.

Вопреки этим обескураживающим фактам, консул считал, что было бы полезно продолжить работу по пробуждению национального самосознания арнаутов. Это создало бы в будущем более здоровую почву для установления ими собственного доминирования, учитывая, что воинственность и жестокость являлись главными столпами их тогдашней жизни. По мнению консула, большинство албанцев в вилайете будут рано или поздно ассимилированы или славянами, или турками, если не отбросят оружие и не займутся культурным и торговым развитием — главными факторами межэтнического противоборства в регионе.

Средство борьбы против такого положения дел находилось в руках турецкого правительства, которое могло ввести официальное изучение албанского языка и увеличить количество национальных школ, а также поставить эффективные преграды славянской экспансии в вилайете.

Уже пять лет Раппапорт усердно содействовал развитию албанского языка и культуры, но в своей консульской области встречал крайне малый интерес к данной проблематике. Он подготовил набор кратких статей, которые могли служить моделью для журнала «Албания», но не отправил их, поскольку считал, что лучше публиковать материалы из тех районов, где больше и читателей, и интереса к изданию.

В начале 1901 г. журналу «Албания» исполнилось почти четыре года. По этому поводу Цвидинек предложил учредить новое издание, преимущественно литературного характера, которое могло бы восполнить лакуны параллельно с уже существующим журналом, носившим, прежде всего, политический облик[1]. Поскольку к тому моменту большинство статей были написаны сотрудниками из Скутари, барон предлагал расширить круг авторов за счет представителей интеллигенции из других областей Албании. Он отправил обещанные 1700 фр. на поддержку издания Фаик-бею и пригласил его в Вену, чтобы обсудить подробности проекта.

В то же время из Скутари консул Иппен сообщал[2], что албанцы, приверженные национальной идее, проявляют серь-

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Zwiedineck an Khevenhüller. Wien. am 2. Jänner 1901.

[2] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Konsul Ippen. Scutari. den 12. Dezember 1901.

езное неодобрение в отношении журнала «Албания» и его редактора Фаик-бея. Согласно Иппену, причиной тому стала итальянская пропаганда. Это серьезно встревожило Вену, и она пожелала получить больше подробностей относительно противников издания[1].

Со своей стороны, редактор «Албании» продолжал работу над популяризацией журнала среди дервишей в северной части страны и над введением албанского языка в их религиозные книги, написанные турецкой азбукой[2].

В начале апреля Фаик-бей получил через австро-венгерское посольство в Брюсселе очередной платеж в 1 700 фр. для поддержки его издания[3] и, согласно приказу № 317 от 1 июля, еще 1 700 фр.[4].

В середине июня Фаик-бей с тревогой сообщил Цвидинеку, что турецкое правительство приступило к конфискации его недвижимого имущества в Турции[5].

Вена пыталась повлиять на албанцев путем создания албанского культурного общества в Борго Ерицо и рекомендовала Фаик-бею морально поддержать своих соотечественников, занятых реализацией этой инициативы[6]. Ему отправили совершенно секретную информацию, гласившую, что расположенность Задара исключительно важна для австрийских интересов, поскольку в этом городе албанцы из Далмации также смогут получить возможность учить албанский язык, если проект будет реализован. Однако немного позже Вена была встревожена[7]. Вопреки тому, что албанцы будут иметь новую школу,

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. an Graf Khevenhüller. den 10. April 1901.

[2] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Faïk bey. Brüssel. an Zwiedineck. den 24 März 1901.

[3] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Wien. an Graf Khevenhüller. den 10. April 1901.

[4] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Weisung 317. Geheim (секретно). den 1. Juli 1901. Wien. an Graf Khevenhüller.

[5] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Brüssel. den 15. Juni 1901. Faïk Bey an Zwiedineck.

[6] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Vienne. le 8 mai 1901. très confidentielle.

[7] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Vienne. le 1 Juilet 1901.

где их дети станут изучать родной язык, она может послужить проводником итальянских революционных идей. Поэтому Фаик-бею советовали предупредить соотечественников об этой опасности.

Тогда Фаик-бей решил лично отправиться в Борго Ерицо. Он сообщил о своем решении в Вену, но оттуда получил отрицательный ответ[1], поскольку момент сочли совершенно неподходящим. Положение в Турции становилось всё опаснее, а дебаты в итальянском парламенте — всё жарче. Редактора журнала вновь пригласили в Вену, указав на сей раз и конкретные даты — между 20 и 31 октября 1901 г.

Тревога Австро-Венгрии относительно положения Турции подтверждалась массовыми арестами влиятельных албанцев, предпринятыми правительством в Константинополе всего через несколько дней после депеши[2].

Тогда же Вена вновь отправила редактору журнала сумму в 2 200 фр.[3], но выразила обеспокоенность дурной славой «Албании» среди албанцев Османской империи.

Фаик-бей объяснял это положение вещей, неприятное для Вены, тем, что, если не все, то большинство из тех албанцев, кто связан с распространением «Албании» в Турции, алчны, корыстны и ненадежны[4]. Редактор журнала утверждал, что всегда подозревал это, имел даже некоторые доказательства, но до нынешнего момента не был уверен в таком ужасающем факте. Более того. Нормальный человек никогда бы не стал им доверять, поскольку они способны на всё. Большинство представителей народа по своей натуре — хорошие люди, но их трудно найти. Легко установить контакт лишь с самыми коррумпированными элементами. Они воспользовались добрым именем

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Vienne. le 25 Juilet 1901. Zwiedineck à Faïk Bey.

[2] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Vienne. le 25 Juilet 1901. Bruxelles. le 31. Juilet 1901. Faïk Bey à Zwiedineck.

[3] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Bericht Nr. 25 vom 9. Oktober 1901. Брюссель. Это служит подтверждением получения 2 200 франков, отправленным вместе с частным письмом Цвидинеку.

[4] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Bruxelles. le 16 décembre 1901. Faïk Bey Konitza a Zwiedineck.

народа и первоначальным доверием к ним, но были плохими людьми, и ни благодеяния, ни разум не могли им воспрепятствовать в их подлом деле.

Эти прямые, объективные и обоснованные объяснения не могли успокоить Вену, но она не знала, как можно исправить существующее положение, и потому продолжала посылать помощь Фаик-бею Конице на протяжении всего 1902 года[1]. Его постоянно предупреждали, советовали быть очень внимательным при распространении журнала в Турции, поскольку османские власти усилили контроль на границе из-за болгарских восстаний в Македонии[2], окончившихся истреблением сотен тысяч болгар и вынужденной эмиграцией такого же количества населения.

Тут нам необходимо остановиться, чтобы пояснить: Фаик-бей в своем желании получать и далее субсидии из Вены, собирал всяческую информацию, более или менее связанную с албанским вопросом, и пытался убедить Министерство в том, что он — самый важный и надежный источник новостей.

В этом отношении любопытен случай с вооруженным восстанием в районе Янины, вспыхнувшим из-за типично албанской причины — вендетты, но впоследствии принявшим иной характер, как часто случалось в тех местах[3]. Этот эпизод красноречиво характеризует людей, участвовавших в албанском движении, и различия в ожиданиях одного из его лидеров, Вены и самого народа.

Фаик писал Цвидинеку с абсолютной убежденностью, что албанский бей, участвовавший в местных волнениях, способен был собрать несколько тысяч душ; внезапно за ночь занять Янину без кровопролития и беспорядков, а потом телеграммой отправить султану свое требование: свобода образования и пе-

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Wien. 7. Jänner 1902. Geheim. an Khevenhüller. Речь идет о переводе 1 700 франков для Фаик-бея и о письме Цвидинека ему; Wien. 30 Oktober 1902. an Khevenhüller. перевод Фаик-бею 2 200 франков и письмо ему от Цвидинека.

[2] Речь идет об Илинденском восстании в Македонии 1903 г. *(прим. пер.)*.

[3] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Bruxelles. le 13 janvier 1902. très confidentiel. Faïk Bey Konitza a Zwiedineck.

чати на албанском и других языках. Согласно редактору «Албании», по его сигналу упомянутый бей в любой момент был готов осуществить это, но не имел боеприпасов и лишь потому воздерживался от активных действий.

Когда его друг не взял Янину, Фаик-бей связался с маркизом де Аладро, который обещал обеспечить прибытие корабля, груженного боеприпасами, к месту, указанному беем из Янины. Решили, что таким местом станет порт Бриндизи. Но в этот момент ход событий усложнился еще больше, может быть, из-за неумения маркиза держать всё в тайне и его больших амбиций, и эта филигранная операция провалилась.

«Я сообщил новость маркизу Аладро в полной тайне; он познакомил с ней трех или четырех албанцев, которых я ему отрекомендовал как достойных интереса, а не достойных доверия, что имеет совсем разное значение. Кроме того, он хотел лишь оповестить через Малика, что албанцы желают видеть маркиза Аладро своим «принцем»! Я говорил лишь о более серьезной постановке вопроса, принуждении султана к предоставлению некоторых свобод» (фр.).

Это письмо редактора «Албании», как можно предположить, привело в ужас барона Цвидинека, который сразу же ответил[1], что Фаик-бей никоим образом не может поддерживать проекты, идущие вразрез с тем, что Вена от него требует. Поскольку албанское движение располагало крайне небольшим количеством сторонников, оставшееся население будет полностью безразличным к данному начинанию. Цвидинек уточнял, что при всей своей отваге, албанские патриоты вряд ли готовы рисковать жизнью ради нескольких достижений на поприще развития культуры.

Кроме всего прочего, Фаик-бей занимался также составлением, редактированием, изданием и распространением албанских книг, что осуществлял, разумеется, под руководством Вены. Он написал Голуховскому письмо, которое на самом деле было передано Цвидинеку[2], где информировал, что кни-

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Vienne. le 25 janvier 1902. Zwiedineck a Faïk Bey.

[2] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Bruxelles. le 18 mars 1902. Faïk Bey a Goluchowski.

га об истории Албании, а конкретно — «История Скандербега», готова, и просил Вену ее одобрить, чтобы определить цену и издать, если нет никаких замечаний.

Пока шли эти консультации, старания Фаик-бея были вознаграждены Веной еще 1700 франками[1].

Цвидинек ответил[2], что «История Албании» и «Географическая карта» одобрены к публикации, и поздравил с этим албанское книгоиздание в Брюсселе. Также он попросил после выхода книги из печати отправить ему 10 экземпляров, а позднее — и несколько штук «Географической карты».

С той же почтой Фаик-бею вернули другую предварительно полученную рукопись, которую редактор «Албании» хотел издать,— «Историю Турции». Цвидинек одобрил содержание книги и обещал взять на себя расходы, если редактор после разговора с издательством будет в состоянии определить сумму. Рекомендовалось, однако, сделать шрифт крупнее, чем в «Истории Албании», чтобы плохо читающим людям было проще справиться с чтением книги.

Намерение Вены состояло в том, чтобы, помимо журнала, выпустить и небольшой ряд книг на албанском языке. Поэтому Фаик-бею было отправлено одно произведение греческого автора, написанное по-гречески, для подготовки его к изданию на албанском, чтобы тем самым поставить преграду распространению греческого влияния среди албанцев.

28 июня 1902 г. Министерство отправило Фаик-бею 2 120 франков и письмо, где Цвидинек подтвердил получение испрошенных 10 экземпляров «Истории Албании» и просил еще 3 и 10 «Географических карт»[3].

К тому же барон поделился мыслями, что, согласно отзывам читателей, журнал «Албания» занимался, прежде всего, проблемами католиков. Поэтому редактора просили обратить внимание на все вероисповедания, поскольку религиозный вопрос

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Wien. Erlass Nr. 247 vom 10. April 1902.

[2] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Wien. den 30. April 1902. Zwiedineck an Faïk.

[3] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Wien. den 30. April 1902. Bericht Nr. 477; Wien. den 28. Juni 1902.

представлял собой исключительную важность для албанцев. Такое направление издания было вполне объяснимо: большинство опубликованных статей служили проявлением дружеского отношения к Вене со стороны католических священников Скутари.

В 1902 г. произошло крайне важное событие в отношениях между Министерством иностранных дел и главным редактором «Албании». Он переехал в Лондон, поскольку, как он сам утверждал, в Брюсселе чувствовал угрозу турецких интриг[1]. Известно, что Фаик-бей переехал в английскую столицу между 28 июня и 25 августа, и в этот период журнал стал выходить в Лондоне[2].

Так Фаик-бей продолжил свою издательскую деятельность. Тем временем из печати вышла упомянутая «История Турции», 50 экземпляров которой запросила Вена[3].

Австро-венгерское руководство дало своему представителю в Лондоне, графу Менсдорфу, инструкции о том, как относиться к редактору «Албании», поскольку с тех пор связь с ним осуществлялась через австро-венгерское посольство в британской столице[4]. В инструкциях говорилось, что Фаик-бей важен для албанского национального движения; что он — влиятельный мусульманин и знаком почти со всеми видными мусульманскими деятелями в Константинополе, имеющими независимые взгляды; что его журнал лоялен султану и турецкому правительству.

Также сообщалось, что Вена ему отпускала 6800 франков ежегодной субсидии на издание его журнала, и далее посольство в Лондоне будет заботиться о регулярной выплате той же суммы. Поэтому граф требовал передать Фаик-бею 1700 франков, как платеж за октябрь. Корреспонденцию между Веной

[1] Возможно, это не единственная причина его переезда. Вена, однако, не могла ничего поделать. Она была вынуждена сделать вид, что верит его словам, и продолжить отправлять субсидии и указания.

[2] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Wien. den 25. August 1902.

[3] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Vienne. le 1er octobre 1902. a Faïk Bey. Londres.

[4] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Erlass Nr. 679. Wien. am 20. Oktober 1902. an Grafen Mensdorff in London.

и редактором журнала тоже планировали осуществлять через посольство при строгой секретности, а оговорить подробности этого вопроса следовало лично.

Граф Менсдорф встретился с Фаик-беем Коницей и передал ему деньги[1]. Редактор «Албании» продолжал оправдывать свой переезд неприятностями, которые ему чинили турецкие шпионы, и документами, которые обнаружил в Британском музее и хочет основательно изучить. В ходе беседы была достигнута договоренность, что каждый раз Фаик-бей будет приходить в посольство, чтобы получить деньги и корреспонденцию.

В письме от 27 августа того же года редактор «Албании» дал туманные объяснения относительно документов, которые он нашел в Британском музее и хотел исследовать. Эффект от подобного объяснения переезда из Брюсселя в Лондон был не большим, чем от истории о турецких шпионах[2].

Согласно распоряжению № 923 от 24 декабря, Вена отправила через графа Дейма, сотрудника австро-венгерского посольства в Лондоне, сумму в 1900 франков для Фаик-бея. Из них 1700 были регулярным платежом, а 200 — вознаграждением за публикацию поэзии. Имелось и письмо барона Цвидинека для него[3].

В письме Цвидинек поздравлял редактора журнала с шестилетием со дня основания издания и с тем, что к тому времени сложился круг постоянных читателей «Албании».

Однако журнал по-прежнему не располагал корреспондентами и поклонниками в центральной и южной части страны. А они были самыми значимыми областями Албании, и поэтому Цвидинек поручил Фаик-бею попытаться заполнить эти лакуны. Сотрудниками издания оставались преимущественно представители католического духовенства Северной Албании, но они, хотя и писали хорошо, были не в состоянии придать

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Bericht Nr. 33. Geheim. London. den 10. Oktober. 1902. Graf Mensdorff.

[2] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Faïk Bey. Londres. le 27 août 1902.

[3] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Erlass Nr. 923. Geheim. Wien. am 24. Dezember 1902. an Deym. London.

журналу тот облик, который вызвал бы интерес во всех областях и среди всех вероисповеданий.

Затруднения Вены, связанные с новым местопребыванием Фаик-бея, продолжались. Цвидинек настойчиво утверждал, что, возможно, проблемы журнала объясняются большим расстоянием, разделяющим редактора и его аудиторию. Из Лондона было нелегко поддерживать связь и с другими албанскими центрами за рубежом, а это условие было крайне необходимым для изданий подобного рода.

По поводу шестой годовщины выхода журнала в свет Фаик-бей Коница отправил Цвидинеку полный отчет о своей работе на посту главного редактора «Албании»[1]. Начал он с целей издания на протяжении всех минувших лет:

«Программа, которую я наметил, чтобы ей следовать, вкратце следующая: превратить язык албанцев, чья культура до того считалась бесполезной и интересной лишь для немногих иностранцев, в настоящий живой организм, способный занять достойное место и повлиять на жизнь каждого представителя албанского народа».

В своем ответе Цвидинек[2] утверждал, что Фаик-бей провел замечательную работу, служа своему народу; до такой степени усовершенствовал албанский язык, что на нем можно уже свободно выражать высокие и полезные идеи, подобно тем, что существуют в литературах других развитых наций.

Барон добавил, что в настоящее время его работа должна ограничиться информированием и образованием албанцев, чтобы они могли достойно встать в ряд с другими балканскими народами. Возможно, после македонского очередь дойдет и до албанского вопроса. Тогда возникнет необходимость ускорить процессы, протекающие в албанском национальном движении, а «Албания» сможет оказать в этом неоценимое содействие.

В 1903 г. турецкое правительство предприняло более серьезные меры в отношении участников албанского националь-

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. a Zwiedineck. Londres. le 17 janvier 1903.

[2] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Vienne. le 5 fevrier 1902. Zwiedineck a Konitza.

ного движения. Была закрыта школа в Корче, а ее учитель взят под арест (Лондон, 12 марта 1903 г., Фаик-бей — Цвидинеку).

Приказом № 339 Вена отправила Фаик-бею через графа Дейма сумму в 1700 франков. Секретным письмом № 18 от 9 апреля граф подтвердил, что получил деньги и передал их редактору «Албании». Прилагалась расписка.

Но в конце того же месяца Вена открыто выразила свое недовольство содержанием публикаций последнего выпуска. Редактору напомнили, что единственное условие для продолжения финансирования — выполнение программы, которую он сам изложил в письме 26 ноября 1897 г. Так начался явный кризис в отношениях между Веной и Фаик-беем, что не сулило хороших перспектив австро-албанской прессе.

Фаик-бей не испугался, он предпочел разорвать связи с Австро-Венгрией, но не отступить от своей точки зрения[1].

Очевидно, что был достигнут обратный эффект, Министерство решило смягчить свой угрожающий тон. Оно разъяснило свою позицию, подтвердило желание работать во благо албанского народа с учетом обособления его как нации и пригласило Фаик-бея в Вену[2], но он по личным причинам, которые не объяснил, отклонил приглашение, утверждая, что не может покинуть Лондон[3].

Как это часто случалось, Вена не могла ничего с ним поделать. Она не знала, как действовать дальше, и пока решила продолжить финансирование журнала, чтобы полностью не утратить с ним связь. 18 июня через графа Дейма было отправлено 1700 франков для непокорного редактора[4], а тот, к всеобщей радости, принял их без всяких проблем[5].

---

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Londres. Faïk Bey Konitza a Zwiedineck. le 3 mai 1903.

[2] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Wien. am 15. Mai 1903. Zwiedineck an Faïk Bey Konitza.

[3] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Londres. Faïk Bey Konitza a Zwiedineck. le 21 mai 1903.

[4] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Wien. Erlass Nr. 646. am 18. Juni 1903.

[5] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Bericht Nr. 39. Geheim. den 17. Juli 1903. London: подтверждается, что Фаик-бей получил деньги, и прилагается его расписка.

То же самое произошло и в начале октября[1], когда через австро-венгерское посольство ему отправили 1 700 франков[2] и столько же — в декабре[3]. На этот раз, однако, албанский издатель не сразу пришел за деньгами[4], что само по себе стало для Вены тревожным сигналом. Однако там продолжили делать вид, что ничего не замечают, и решили отправлять деньги[5], пока не придумают, как можно изменить свою линию поведения относительно Фаик-бея[6].

---

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Bericht Nr. 61. Geheim. den 9. Oktober 1903. London. прилагается расписка от Фаик-бея от 7 октября 1903 г.

[2] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Wien. Erlass Nr. 868. am 29. September 1903.

[3] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Wien. Erlass Nr. 1087. an Grafen Mensdorff.

[4] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. London. den 12. Jänner 1904; London. Bericht Nr. 2. Geheim. den 15. Jänner 1904.

[5] О финансировании до конца 1904 г. см.: HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. В соответствии с приказами, отправлены суммы в 1 700 франков, доклады с подтверждениями получения со стороны австро-венгерского посольства и расписки самого получателя: Wien. Erlass Nr. 315. den 26. März 1904. an Grafen Mensdorff in London. с указанием передать 1 700 франков Фаик-бею; Bericht Nr. 23. Geheim. London. am 8. April: подтверждение полученной суммы; Wien. Erlass Nr. 683. vom 19. Juli 1904. an Grafen Mensdorff in London. с указанием передать 1 700 франков Фаик-бею; Bericht Nr. 41. London. am 29. Juli 1904: подтверждение полученной суммы; Wien. Erlass vom 21. September 1904; подтверждено получение: Bericht Nr. 53. Geheim. London. den 5. Oktober 1904. Wien. Erlass Nr. 1221. den 21. Dezember 1904; подтверждение получения 1 700 франков: Bericht Nr. 2. Geheim. London. am 13. Jänner 1905 с приложенной распиской от издателя, датированной 11 числом того же месяца.

[6] Венские субсидии регулярно продолжались весь 1905 год, и, как мы смогли доказать, до 1908 г., даже, возможно, и позднее, но документы после 1908 г. мы не рассматривали. Распоряжение о выплате сумм и соответствующие доклады об их подтверждении можно посмотреть в: HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2.

Достигнутые журналом «Албания» результаты или час истины[1]

Критика Вены в адрес Фаик-бея становилась всё острее, а указания, которые также по сути можно считать критикой, — всё более частыми, но он упорно настаивал, что достиг целей издания, согласованных с Министерством иностранных дел еще в 1897 г.: развить албанское национальное сознание через язык; создать впечатление, что у Вены и Албании существуют общие интересы; пробудить чувство благодарности к Австро-Венгрии.

Однако австрийская дипломатия близко наблюдала особенности распространения журнала «Албания» и испытывала известные сомнения в его успехе, в отличие от мнения Фаик-бея. В 1905 г. во все консульства в Албании был отправлен запрос, и его результаты показали, что у издания было небольшое количество читателей, а влияние его — крайне ограничено.

Австрийские представители видели некоторые достижения «Албании» лишь в сфере языка — его развитии, расширении лексического состава и возможности говорить на более возвышенные темы.

Однако, не было оказано необходимого влияния на национальное самосознание; журнал не прекращал едких нападок на всех, кто не разделял его взгляды. Все темы: от вопроса азбуки до языкового развития — обсуждались через призму субъективной критики вместо объективного и конкретного подхода. Личность редактора проявилась очень отчетливо, и он высказывал свое властное мнение даже по обычным повседневным темам. Если он не был согласен с каким-то утверждением, если кто-то в чем-то ошибся или даже допустил орфографическую ошибку, сразу же попадал под атаку острого на язык редактора.

Его нападки на Италию выглядели настоящим гротеском, а не спокойной и объективной критикой, поскольку он оказался неспособен взглянуть на ситуацию с позиции противника и найти общий язык для общения. Это было заметно не только в его журналистской работе, но и в жизни — оно мешала ему

[1] HHStA. PA XIV. K. 19. Albanien. Liasse XII/2. Scutari. Jänner 1906. Konsul Kral.

найти друзей на протяжении многих лет. Все влиятельные албанцы за рубежом первоначально поддерживали дружбу с Фаик-беем, но затем один за другим находили предлоги положить конец этим контактам.

Его бесконечные словесные препирания со всевозможными противниками на страницах журнала не позволяли ему найти интересные и актуальные политические темы; он терял симпатии читателей, а последние горячие дискуссии окончательно исчерпали их терпение.

Консул Крал объяснял этот факт тем, что публицист такого калибра не мог быть понят широкой публикой, а потому не приобрел сторонников и обладал лишь ограниченным влиянием.

Соотечественники смотрели на него с возмущением и недоверием. Ощущая себя в глубокой изоляции, Фаик-бей решил изменить свое местопребывание. Он переехал в Лондон, но там получил еще меньше возможностей общаться со своими соплеменниками.

В результате всего этого журнал «Албания» не смог ни приобрести широкого влияния на общественное мнение, ни завоевать симпатии к новым политическим настроениям.

Но вопреки всему, и логике в том числе, Вена продолжала годами финансировать Фаик-бея.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подробно изучив архивные источники, мы можем утверждать, что в конце XIX–начале XX вв. албанское население еще не представляло собой сформировавшейся нации.

Этнические группы в Албании жили изолированно и почти не вступали в контакты между собой, за исключением тех случаев, когда воевали. Возможности для их общения и сближения были ничтожны, а убийства из мести являлись обычным делом даже для представителей одного и того же клана.

В стране существовало два основных диалекта, но они были столь различны, что говорившие на них люди практически не понимали друг друга.

Не было и единого литературного языка, лишь более 20 различных способов написания местных диалектов. Уровень грамотности не достигал даже 2%.

Население принадлежало к трем различным вероисповеданиям — исламу, православию и католицизму.

Албанцы не имели национального самосознания, общих интересов, не испытывали чувства солидарности; их развитие не продвигалось в сторону пробуждения национального чувства.

Следовательно, в начале XX в. албанская нация не существовала. Так называемое «Албанское национальное движение» являлось переходной и небольшой группой, действующей вне «национального контекста», в условиях отсутствия нации и преимущественно за границей, сотрудничая с великими державами.

Изученный материал доказывает, что формирование албанской нации стало сложным процессом, зависящим от различных факторов и, более всего, от их взаимного сочетания.

Факторы были налицо, но их благоприятное сочетание не складывалось.

В заключение можно сказать, что цель процесса представляла собой не формирование нации, а достижение той точки невозврата, после которой развитие невозможно обратить вспять, и оно продолжится, даже если поддержка извне прекратится.

Австро-Венгрия играла важную роль в формировании албанской нации. Ее вмешательство стало решающим фактором в приближении к точке невозврата после 1908 г., когда благоприятные обстоятельства появились не без помощи монархии Габсбургов.

С другой стороны, необходимо признать, что без имевшихся объективных условий Австро-Венгрия не смогла бы развить свою деятельность по достижению преследуемых целей. По нашему мнению, это имеет особо важное значение.

По этой причине нельзя пройти мимо факторов, мешавших развитию албанской нации. Большинство из них возникло благодаря противникам Австро-Венгрии. Когда это стало очевидно, они были нейтрализованы, и усилия их стали *безрезультатными.*

Неблагоприятные факторы

Условно их можно классифицировать следующим образом: реальные — те, которые уже оказывали воздействие; и потенциальные — те, которые могли возникнуть, но на практике этого не происходило.

Реальные факторы проистекали из действительности в границах Османской империи и наличия двух больших конфессиональных групп — мусульманской и православно-христианской.

Турецкое правительство воздействовало через свои административные группы, но это зависело и от европейских держав. Поскольку Порта не могла нейтрализовать деятельность иностранных консулов, предпринимаемые ею меры оказывались слабы, *безрезультатны* и выглядели глупо.

Другой неблагоприятный для формирования албанской нации фактор — наличие двух мощных религий (мусульманской и православной) — препятствовал национальным процессам

из-за своего влияния на этническое самосознание, менталитет населения, культурную атмосферу, традиции, образ жизни и т.д.

Потенциальные факторы, которые не проявились, но вопреки этому создавали препоны формированию албанской нации, заключались, главным образом, в наличии на Балканах славянских соседей и их стремлении присоединить своих соплеменников, живших в то время на землях Османской империи бок о бок с албанцами и деливших с ними территории. Славянское население Албании было солидарно с желаниями соседних государств, но ни те, ни другие не располагали достаточными силами и средствами для объединения, учитывая, что в балканские противоречия были замешаны и европейские колониальные устремления.

Россия также могла бы превратиться в решающий фактор, остановивший процесс формирования албанской нации, если бы не представляла угрозы, вследствие чего другие великие державы ее нейтрализовали. Тем самым она потеряла возможность принять участие в упомянутом процессе.

Благоприятные факторы

На территории Албании сложился комплекс условий, благоприятствующих образованию нации, значение которого, кроме этого, усиливалось наличием существенных экономических и структурных средств. Хотя эти условия и не были решающими, они усиливали воздействие друг друга, и их значение постепенно увеличивалось, следовательно, имелись все необходимые предпосылки для успеха.

Первым благоприятным фактором стало содействие Австро-Венгрии с ее сетью дипломатических представительств и рядом организаций, занимавшихся печатью и распространением националистической литературы на албанском языке. С другой стороны, на собственные аналогичные структуры рассчитывала Италия. К этому необходимо прибавить и тот факт, что обе страны располагали возможностью влиять на католическое население посредством права протектората. В полномочия протектора входили забота о школах и попытки создания единого албанского языка, что представляло собой сложную задачу, которую, однако, удалось решить.

Не будем забывать, что вопреки взаимному недоброжелательному отношению, и Австро-Венгрия, и Италия действовали в одном и том же направлении — пробуждали национальное самосознание среди албанцев. Потому их инициативы были аналогичными и синхронными. Однако их взаимное соперничество в национальном вопросе оказало отрицательное влияние, поскольку в значительной степени сводило все усилия к нулю. Но предпринятые обоими государствами действия с целью формирования албанского национального самосознания имели свои последствия, и спустя некоторое время они непременно должны были проявиться.

Англия сохраняла дружеский нейтралитет и с одобрением смотрела на происходящие процессы. Когда появились непреодолимые трудности, она предоставила свои консульские представительства для помощи развитию страны. То же самое сделали и американские протестантские миссии.

Германия не приняла почти никакого участия, но также была благорасположена к албанскому вопросу.

Общими усилиями эти великие державы добились изоляции России, что сделало невозможным ее вмешательство в процесс формирования албанской нации в пользу соседних балканских государств.

Такое международное «сотрудничество» обеспечило Австро-Венгрии спокойствие и время для успешной реализации планировавшихся действий.

Однако существовали и другие факторы, благоприятные для национального пробуждения албанцев. Это — младотурецкое движение, хотя исключительно в рамках рассматриваемого периода. К нему присоединилась значительное количество самостоятельных бекташей-одиночек, представителей албанских мусульман, и большая часть католического клира.

На наш взгляд, огромную роль в том, что объединительные процессы среди албанского населения начались, сыграла привлекательность самой идеи формирования нации.

Первоначально великие державы занялись распространением этой идеи, отправившись к албанцам в их захолустные горные села, куда никто не ездил. Они изучали местные диалекты, чтобы иметь возможность разговаривать с людьми, вну-

шали им важность принадлежности к народу и делали заманчивые предложения. У албанцев представление о социальных связях сильно отличалось от представлений австро-венгерских консулов. Жители страны были способны поверить всему, что казалось им достаточно привлекательным.

Каково же было главное послание, которое австро-венгерские консулы доносили до этих закаленных горских воинов? То же самое, что и любая националистическая пропаганда, — принадлежность к данной нации дает человеку дополнительные, почти фантастические силы. Человек автоматически переходит на качественно новый уровень, более высокий, поскольку начинает принадлежать к общности с б льшими возможностями, нежели дают обычные человеческие силы. К тому же этого было легко достичь. Достаточно поверить.

Таким образом, национальное объединение становилось в один ряд с религиями, традиционными для региона — православием и исламом. С социальной и психологической точки зрения, религия предлагала индивиду возможность принадлежать к большой международной общности. Тем самым человек сохранял свою личную ответственность, но мог быть и объектом критики, чего не происходило в случае с национальной идентичностью[1].

Идея формирования нации получила распространение среди албанских общин благодаря и другому важному психологическому фактору. Идея словно обещала сбросить все оковы, решить все нерешенные и кажущиеся нерешаемыми проблемы, другими словами, принять под покровительство.

Албанцев больше всего тревожил — и Австро-Венгрия умело этим пользовалась — распад Османской империи, а также возможное присоединение в результате их земель к соседним государствам. Другими словами, они боялись невозможности воздействовать на свое будущее, полное сомнений и тревог. Поэтому обещание, которое сопутствовало идее нации, пред-

[1] Встает вопрос о способе, которым член нации воспринимает свою национальную роль, а не как это выглядит со стороны. С другой стороны, индивид также может стать объектом критики внутри нации, но из-за своих личных действий, а не по причине национальной принадлежности.

полагало устранение всех угроз и наличие заступника в лице Австро-Венгрии. К этому прибавлялась и надежда на улучшение административного и, конечно, экономического положения, поскольку Османская империя была к тому моменту лишь колонией великих держав и «агонизирующим больным».

В то же время этот факт влиял на весь Балканский полуостров, который переживал ту же националистическую лихорадку. Балканские народы были в схожем положении, а это создавало благодатную почву для развития данной идеи среди албанцев.

Не только консулы пропагандировали национальное самосознание во время своих осторожных встреч с народом. Это же осуществляли и католические клирики через школы, и албанская неофициальная пресса, издававшаяся за рубежом и запрещенная в границах Османской империи. Великие державы также проводили мероприятия, где восхвалялся албанский народ, его происхождение и героизм; содействовали развитию албанского языка как защиты от незаметно подкрадывавшихся угроз для существования нации.

Суммируя, можно утверждать, что деятельность Австро-Венгрии была трудной, комплексной и успешной, но отчасти и парадоксальной.

Трудной эту деятельность монархии Габсбургов можно считать потому, что приходилось объединять разбросанные албанские племена, не имевшие между собой связей в силу рельефа местности, тяжелых климатических условий и отсутствия инфраструктуры. Более того, племена враждовали друг с другом и практиковали кровную месть. Их объединение требовалось осуществлять в условиях конспирации, под угрозой строгих мер наказания со стороны властей. С учетом того, что первоначальные контакты уже установились, было необходимо поддерживать полное доверие и манипулировать интересами и надеждами местных лидеров. Если таких интересов и надежд не имелось, их стремились пробудить, если же они существовали — распалить их или успокоить, по необходимости, но главной задачей оставалось направление и руководство.

Деятельность Австро-Венгрии была комплексной, поскольку включала многочисленные аспекты: социальные, религиозные, психологические, политические и, не в последнюю

очередь, экономические. С учетом своих политических целей Вена развила впечатляющую литературную, публицистическую, образовательную и издательскую активность, принеся за свою юго-восточную, православно-мусульманскую границу настоящий «ренессанс». Объединение предусматривало преодоление боязни официальных властей, ненависти, религиозных предрассудков и личных интересов, которые следовало заменить более значимыми и глобальными.

Не будет преувеличением утверждать, что вся эта деятельность была успешной, хотя и встречавшей многочисленные трудности. Создавался единый литературный язык, пробуждались новые интересы, изменялось мировоззрение албанцев, которые, однако, сохраняли свои внутренние отличия. Происходила коренная перемена в их способе мышления. Вена приняла на себя «историческую ответственность» за пробуждение Албании. Другие европейские, и не только европейские, державы, хотя и с многочисленными трудностями в силу своего большого географического отдаления, также исполнили эту роль. Но при существовавших условиях, независимо от достигнутого, энтузиазм и энергия, с которыми Австро-Венгрия взялась за выполнение своих задач, не имели себе равных. При этом Вена всегда действовала в обстановке строжайшей секретности, чтобы не помешать достижению результатов.

В то же время парадоксально, что эта много- и наднациональная империя, которая мирилась с существованием национализма, и боялась его, помогала национальному движению близ самых своих границ, не переживая, что главные участники процесса — мусульмане. Более того, Австро-Венгрия, кажется, предпочитала, чтобы будущая новая держава носила преобладающе мусульманский характер, нежели имела что-то общее с маленькими, слабыми, закрытыми и управляемыми извне славянскими государствами. Удивительно, что ради этой будущей, преимущественно мусульманской страны, Вена решительно и энергично рисковала даже отношениями со своим союзником — Россией.

Нельзя не задаться вопросом: почему? Возможно, имелись две основные причины. Первая заключалась в объективном положении империи, переживавшей длительный период кри-

зиса. Вторая — личный выбор пути развития Австро-Венгрии, сделанный ее монархом Францем Иосифом.

С одной стороны, империя Габсбургов в конце XIX — начале XX вв. имела международный статус великой державы, ее признавали одним из самых могущественных государств мира. По своему географическому положению, территории, населению и численности армии она отвечала критериям великой державы[1], могла с успехом влиять на судьбы соседних стран и играла важную роль в международных союзах с участием других могущественных империй.

В то же время, однако, Австро-Венгрия была не в состоянии играть роль великой державы по экономическим характеристикам, из-за своей инфраструктуры, мировой конъюнктуры и, как это ни парадоксально, в силу своего географического положения. Габсбургская империя была богата традиционными источниками энергии (водой и лесом), но с трудом переориентировалась на новые, поскольку отсутствовали внутренняя инфраструктура и внутренний спрос, стимулирующие движение к реформам[2]. Ее участие в международной торговле, одном из основных источников богатства того времени, было недостаточным. Страна располагалась далеко от международных торговых путей, не могла достичь их, и тем более — контролировать. Не имея ни колоний, ни возможности их приобрести, она была империей, обреченной утратить свое место великой державы, но тогда признаки этого не были заметны.

Не будет ошибкой утверждение, что, если Австро-Венгрия и участвовала в «европейском концерте», то не в силу своих заслуг, а поскольку остальные державы это позволяли; главным образом — из-за союза с Россией и доброжелательности со стороны Англии. Даже и сейчас нет единодушия в ответе на вопрос: какие решающие факторы среди многочисленных внутренних и внешних причин привели к распаду империи. Но одно точно — Австро-Венгрия оставалась великой держа-

[1] См.: *Diószegi I.* Die Aussenpolitik der Österreichisch-Ungarischen Monarchie 1871–1877. Wien, 1985.

[2] См.: *Gross N. Th.* Die Stellung der Habsburgermonarchie in der Weltwirtschaft; *Matis H., Bachinger K.* Österreichs industrielle Entwicklung // Die Habsburgmonarchie 1848–1918. Band I. Wien, 1997.

вой благодаря своей дипломатии, конкретнее — из-за союза с Россией и хороших отношений с Англией[1]. Без их поддержки монархия была бы беззащитна перед внешней угрозой.

Без Священной Римской империи[2], исключенной из Германского вопроса (Die Deutsche Frage) окончательно и большой кровью, монархии Габсбургов пришлось отказаться от одного из самых продолжительных, традиционных и важных направлений политики, связанных с ее исторической миссией. И будто этого было не достаточно, позднее она потеряла и итальянские земли, вынужденная покинуть район Адриатики, один из наиболее значимых для ее развития. Потеря стала тяжкой, болезненной и привела к негативным последствиям для самоуважения и мировоззрения, столь важных в жизни австрийцев и Габсбургской монархии — с учетом предначертанной ей исторической и цивилизационной миссии.

Но в тот момент империя была еще жива, считалась великой державой, хотя и осознавала свой упадок и желала его предотвратить. С назначением Дьюлы Андраши министром иностранных дел в политике государства стала преобладать антирусская направленность[3]. Вопреки небольшой своей популярности среди высшего аристократического и военного сословия, к которому принадлежал и сам Франц Фердинанд[4], вопреки ошибочному убеждению, что Россия нападет на своего союзника[5], Франц Иосиф без поддержки Англии не был

[1] См.: *Bridge F.*R. The Foreign Policy of the Monarchy 1908–1918 // The Last Years of Austria-Hungary, Essays in Political end Military History 1908–1918 / Cornwall M. (Ed.). University of Exeter Press, 1990.

[2] По словам одного известного историка англо-саксонского происхождения, не Империя, не Священная и совсем не Римская исчезла с политической карты, будучи стерта Наполеоном.

[3] *Lutz H.* Politik und militärische Planung in Österreich-Ungarn zu Beginn der Ära Andrássy. Das Protocoll der Wiener Geheimkonferenzen vom 17. bis 19. Februar 1872 // Geschichte und Gesellschaft, Festschrift für Karl R. Stadtler. Wien, 1974.

[4] *Jerábek R.* The Eastern Front 1914–1918 // The Last Years of Austria-Hungary, Essays in Political end Military History 1908–1918...

[5] *Taylor A.J.P.* The Struggle for Master in Europe 1848–1918. Oxford University Press, 1954.

в состоянии устоять перед красноречием своего министра иностранных дел и решил поставить под удар союз с Россией. Одновременно он хотел и связать руки России ее самой большой слабостью, на которую она не могла не реагировать, — защитой угнетенных балканских народов, часто становившихся жертвами массовой резни. Это Россия считала своей исторической миссией.

Габсбургская империя нуждалась в колониях, такова была мода. Тогда бы она имела выход на Адриатическое море и доступ к мировой торговле. Создание нового албанского государства, хотя и слабого, и зависимого, принесло бы ей огромную пользу. Какую цену требовалось заплатить, чтобы достичь этого? Много важнее, однако, было сохранение дружбы и поддержки со стороны союзников, прежде всего, России и Англии, без чего потенциальные колонии и выход к Средиземноморью ничего не значили.

В условиях объективного упадка из-за важных потерь, в сложной международной обстановке Франц Иосиф проявил бы большую политическую дальновидность, признав, вопреки личным симпатиям и предрассудкам, кто его настоящие союзники. Он поступил бы лучше для своей страны, изучив подлинные тревоги и проблемы этих союзников, вместо действия ради действия и провоцирования вооруженных конфликтов без обеспеченной поддержки Англии. Он сделал обратное. Когда Франц Иосиф пустился в авантюры на востоке, его вели больше личные убеждения, нежели интересы. Он толкал к катастрофе единственную и очень тонко настроенную современную политическую машину, существовавшую в Европе в конце XIX — начале XX вв. Император не сумел ее защитить надлежащим образом и тем самым привел к краху.

Приложение I

МЕМОРАНДУМ ИППЕНА, АПРЕЛЬ 1897 г.[1]

Ведущая роль в достижении национального единства и преодолении раздробленности, а также в осуществлении относительно Албании политической программы, одобренной и принятой Императорским и Королевским правительством, принадлежит генеральному консульству в Скутари. Как от руководителя данного консульства, от меня требуется подготовить декларацию о планируемых и уже осуществленных мероприятиях в связи с программой. В этом плане я должен высказать свои замечания, но поскольку я больше 10 лет далек от Албании, то мои наблюдения уже крайне устарели. Поэтому считаю уместным воздержаться от некоторых заключений. С другой стороны, на Востоке перемены происходят медленно, деятельность сосредоточена главным образом на отдаленных территориях, и в Албании даже небольшие изменения происходят за продолжительные периоды времени. В связи с этим, возможно, мои наблюдения за событиями десятилетней давности всё еще не потеряли своей актуальности. Независимо от того, однако, я сохраняю свое право вносить изменения во всё, о чем сказано в настоящем меморандуме.

Логично, что мое мнение касается исключительно событий, связанных с программой действий, с учетом намеченных целей, и с некоторыми ее конкретными аспектами.

Программа нацелена на достижение интеллектуального развития и улучшение благосостояния албанцев, чтобы у них могло сформироваться национальное чувство и было достигнуто национальное объединение. Эта программа достаточно

[1] HHStA. PA I. K. 473. Mémoire Ippen's. April 1897.

сложна, продолжительна и предполагает неясные результаты. Другие нации смогли достичь символического возрождения, а позднее — национального подъема, но этот процесс всегда протекал на протяжении жизни одного или двух поколений и был сосредоточен в центре, а не на периферии соответствующих стран. Программа нацелена на такое же развитие и у албанцев. Предполагается оказание помощи с учетом достигнутого на пути к этой цели, но существуют сомнения, предоставят ли планируемые действия достаточно времени для этого, имеется ли необходимое количество единомышленников и национального элемента для возникновения Албании.

Люди на Востоке, и в особенности население юго-восточного европейского полуострова, значительно более чувствительны к политике, ее целям и пропаганде, чем к идеям, нацеленным на интеллектуальное человеческое развитие языка, литературы и национальности. Примером в этом отношении является Албанская лига, тот «албанский национальный союз», существовавший в 1878–1882 гг., который объединял все разнородные патриотические элементы. Поэтому одобренная и принятая Императорским и Королевским правительством программа по Албании ставит своей целью возрождение этого старого союза для противодействия внешним противникам, т.е. грекам и славянам; и внутренним, защищающим султана и правительство в Константинополе и держащим его в курсе всех событий. Этот план, хотя и краткий, столь же сложен и смутен относительно будущего, сколь и вся программа действий. Но скоро станет ясно, осуществится он или провалится. Программа прежней лиги включала защиту территориальной целостности Албании в рамках Турции и противодействие ее противникам. Она защищала все существующие свободы и боролась за национальную автономию от османской власти посредством собственной анархии.

Вопреки тому, что в Константинополе были склонны поддержать программу Лиги в отношении первого пункта, в конечном счете она была отвергнута из-за опасности для целостности империи, которую несла ее вторая часть. Опасение заключалось в том, что вслед за Албанией арабы в Сирии, а после и курды, предъявят федералистские и сепаратистские тре-

бования. Тем самым Османская династия сведет свое господство в Анатолии лишь до Коньи и Анкары.

Для восстановления Лиги необходимо, помимо действий на местах, предпринять активные дипломатические шаги в Константинополе. Они должны быть направлены на воздействие на круги, приближенные к Высокой Порте, способные понять, что Лига не представляет угрозы территориальной целостности Турции, и возможная автономия Албании лишь сделала бы империю устойчивее перед лицом славянских и греческих притязаний.

Славянская пропаганда оказалась сильным оружием в достижении этой цели. Она осуществляется главным образом одним человеком — Апостолом Маргаритом, непрерывно скитающимся между Константинополем, Салониками, Монастиром и Яниной. Очевидно, он находится в тесной связи с Бухарестом. Однако он, вероятно, понимает, что необходимо демонстрировать мнимую лояльность Константинополю. Апостол Маргарит проявил себя как хороший защитник албанских автономистских амбиций и почти сумел склонить турецких политиков к их принятию. Славянская пропаганда располагает сильными связями в южной и центральной части Албании. К ее сети относится и общество «Дрита» в Бухаресте. У него также есть план собственной деятельности в Албании.

В Константинополе, вероятно, уже провели переговоры относительно требований Маргарита и «Дриты», на которых влияет румынское правительство, а впоследствии — и с делегатами славянской пропаганды в Албании.

Выработанная программа с грекофильскими нюансами полностью совпадает с первой частью программы достопочтенного аббата Мирдита монсеньора Примо Доки. Поэтому я раскритикую ее вторую часть.

Выдающийся священник всегда выказывал большое уважение к Мирдиту и православию, следовательно, является противником мусульман и мог бы превратиться в политического врага. Он мечтает о католическом княжестве в Северной Албании и православном — в Южной: «Невежественные и ленивые турки не смогут устоять перед своими образованными и энергичными соседями с севера и юга». Меня соблазняет идея про-

тивопоставить этому политическому рецепту создание объединенной Албании, но этот призыв должен быть адресован ко всем.

Монсеньор Доки обосновывает свою позицию следующими неверными предпосылками: согласно его данным, княжество в Северной Албании (сейчас в регионе Санджака) включило бы 160 000 католиков и 50 000 мусульман. Официальные исследования этого вопроса более надежны и указывают, что мусульманское население составляет 84 000 человек, а католическое — 81 000.

Кроме того, по планам монсеньора Доки, все католические кланы должны быть подчинены *мирдитам*и, ассимилированы ими. Даже мусульмане в будущем станут зависимыми от *мирдитов*. Боюсь, вместо того, чтобы мыслить логически, Примо Доки пытается осуществить свои юношеские мечты, а это, вместо превращения его в «серого кардинала» княжества Албания, приведет монсеньора под арест так же, как папского нунция в Бомбее.

Мои наблюдения показывают, что всякий мирдитский род считает себя более знатным, нежели другие. Со своей стороны беи не могут забыть, что 60 лет назад Северная Албания была во владении рода Бушати, происходящего из центральной части страны.

Тут я хочу провести аналогию с ливанцами. В каждой области там первоначально был поставлен эмир-маронит, а позднее — друз. После перешли к назначению начальника уезда–маронита и одновременно с ним друза. Этот эксперимент привел к резне между маронитами и друзами в 1860–1861 гг. Потом уже был назначен губернатор, не происходивший из Ливана, иностранец, и являвшийся не эмиром, а государственным чиновником. Такой способ организации сохранялся на протяжении 36 лет.

Монсеньор Доки предлагал назначить муавином (помощником вали) Скутари мирдита, находящегося в изгнании, — Пренк-пашу, в качестве переходного этапа к строительству католического княжества в Северной Албании.

Может быть, я ошибаюсь, высказываясь против уважаемой многими компетентными личностями институции, узловой во

всех проектах реформ турецкой власти. Имеются в виду христианские помощники генерал-губернаторов провинций. Но я отдаю себе отчет в том, что все, кто знаком с турецкими провинциями, поскольку продолжительно проживал там, думают аналогично. Даже если христианскими помощниками назначить самых уважаемых людей, всяческая их деятельность будет провалена самим вали или его окружением.

Однако на практике христианские помощники обычно упрямы, алчны до больших приобретений и помогают вали только в эксплуатации христианского населения. Положение было бы таким же и в случае отсутствия подобных помощников. Всяческие жалобы в их докладах утаивались под предлогом того, что не доказаны или продиктованы бунтовщическими намерениями. Другими словами, поведение помощников не представляло собой никакой преграды жестокому административному управлению.

Наряду со всеми этими доводами против объективной роли, которую монсеньор Доки отводит Пренк-паше, имеются большие сомнения в соответствии его личных качеств планируемой должности.

Сам Примо Доки признавал, что не видел своего протеже с тех пор, как тому было 18 лет. Я не знаю Пренк-пашу, но исходя из того, что я о нем слышал, не думаю, что он является человеком особенно умным, энергичным и надежным. Ему явно навредили 15 лет, проведенные в Кастамону (вилайет в 16 часах от Инеболу, находится на берегу Черного моря). Кроме того, в действительности, мирдиты остаются верными своим потомственным лидерам.

Будучи в Албании, Пренк-паша лишь провоцировал беспорядки. Находясь вне Албании, он делал то же самое, поскольку мешал мирдитам получить законно признанного лидера из рода Марки Джонита.

Если мы хорошенько всмотримся в программу Лиги, то увидим, что она предполагает федеративную организацию, чьими субъектами будут отдельные племена, провинции и области, на которые делится Албания. Их представители будут образовывать правящую ассамблею, выбирающую председателя, управляющего или кого-то подобного. Мне известны недостат-

ки свободной организации такого рода и опасности, которые она предполагает. Но это единственное, что можно сделать, не прибегая к силе, и что отвечает нравам народа, его истории и современным обычаям.

Имеются сложные вопросы относительно политической конъюнктуры. Например: возможно ли создать твердую централизованную организацию в каждой области страны; можно ли научить албанцев жить под управлением иностранного князя, возведенного на престол по праву наследования, а не выбранного голосованием?

В заключение я бы хотел предупредить о другой опасности, весьма реальной, которой нам необходимо избежать при планировании политических действий, — переоценке католического элемента и недооценке мусульманского при анализе ситуации в Албании. Противники нашей страны и ее политики на Балканском полуострове сумели пробудить настоящий страх перед католическими тенденциями. Желательно вернуть Албанию в лоно Святой церкви. Но если указанное желание будет выражено явно, то это навсегда поставит крест на его осуществлении. Наши действия, следовательно, не должны ни значительно опережать развитие католического вопроса, ни чрезмерно опираться на него. Они должны просто вписываться в существующую реальность.

Хочу напомнить о секретности, которую сохраняет правительство Боснии и Герцеговины в вопросе о тамошних католиках и их взаимоотношениях с представителями других вероисповеданий.

В данный момент не хочу входить в излишние подробности, поскольку они возникнут в процессе реализации планов.

Приложен 1 документ
HHStA. PA I. K. 473.

Приложение II

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АЛБАНСКОМ НАЦИОНАЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ. БРЮССЕЛЬ, ЯНВАРЬ 1899 г.[1]

(С. 359)

Эти воспоминания разделены на пять частей. Первая рассматривает события до 1877 г., вторая — с 1877 до 1884 гг., третья — 1885–1895 гг. и четвертая — с 1895 до 1899 гг. Пятая и последняя глава включает алфавитный список всех албанцев, прямо или косвенно связанных с движением, выступивших «за» или «против» него, а также несколько слов о них.

Первая часть (до 1877 г.)

I.

До 1877 г. очень небольшое количество албанцев имело представление, что на их языке можно и нужно писать. Действительно, в Северной Албании, конкретнее — в Скутари, некоторые торговцы использовали албанский язык для переписки друг с другом (359b), а римская пропаганда опубликовала несколько религиозных книг на албанском языке. Но эти попытки не выходили за свою ограниченную зону и не были связаны ни с какой национальной идеей.

В Южной Албании подобные действия возымели бы больший успех. В 1827 г. на Корфу появилось Четвероевангелие на албанском языке, набранное греческими буквами, и эта книга

[1] HHStA. PA XIV. K. 18. Albanien XII/2. Воспоминания об албанском национальном движении. Брюссель, январь 1899 г., Фаик-бей Коница. С. 358. Воспоминания, как становится ясно еще из первого абзаца, состоят из пяти частей. Мы приводим первые четыре, опуская пятую, поскольку считаем, что она не представляет собой значимости для целей настоящего труда.

на короткое время нашла себе место в домах христиан. Хотя тираж первого издания и насчитывал несколько тысяч экземпляров, в 1858 г. в Афинах было выпущено и второе.

II.

В то же самое время албанец из Бутуки, близ Корчи (360), по имени Наум Векил-хаджи, опубликовал в Бухаресте албанскую азбуку и по возвращении намеревался продолжить свои действия в этом направлении. Он основал несколько школ и распространял интерес к национальному языку, но был предан церковным властям и, по общему мнению всех албанцев того времени, отравлен по приказу Константинопольского патриарха.

III.

Другое событие было более удачным для албанского языка. В середине века Г. фон Хан, консул Австрии в Янине, желающий выучить албанский язык, нанял двух учителей: одного — хирурга по имени Апостол, другого звали Христофориди. После он начал ездить по стране для собирания народных песен и (360b) сказок. И интерес, проявленный иностранцем к их национальному языку, оказал воздействие на некоторых албанцев, поставивших себе задачу развития языка.

IV.

Впрочем, один из двух преподавателей Хана, Христофориди, уже начал сбор всех албанских слов для составления большого словаря. В 1871 г. он был приглашен Библейским обществом в Лондоне, а в следующем году опубликовал азбуку, грамматику и краткий курс истории христианства.

Греческая патриархия искала подходящий повод, чтобы навсегда выкорчевать албанский язык из сердец православных албанцев, и нашла его. Она распорядилась каждое воскресенье во всех церквях на проповедях говорить, что (361) албанский язык является языком протестантов, католиков, франкмасонов и атеистов (поскольку для православных эти термины были эквивалентны), и что вследствие этого нужно беречь себя и не прикасаться к албанским книгам, распространяемым в последнее время. Этим временем датируется и тайная, неискоренимая ненависть, которую православные албанцы (безусловно, быв-

шие самой фанатичной, самой упрямой и наименее образованной частью населения Албании) испытывали к национальному языку.

С этой точки зрения, книги Христофориди причиняли вред. Но, с другой стороны, многие албанские мусульмане с удовольствием покупали эти книги, которые можно было увидеть во многих домах Южной Албании. Впрочем, если бы не этот повод, то Патриархия нашла бы (361b) другой.

V.

Подобное Хану влияние оказал и А. Дозон, консул Франции. Ничто не могло столь удивить албанцев и заставить их задуматься, как тот факт, что иностранец пишет на их родном языке.

VI.

В общем, до 1877 г. влечение к албанскому языку существовало лишь в зародыше и, прежде всего, среди людей с достаточно высоким положением. Так было, поскольку вопреки многому, бунты и, конкретнее, бунт 1830 г. против Танзимата, а также бунты 1854 и 1863 гг. против продолжительной воинской службы являлись в некотором смысле восстаниями тех, кто стремился, а вопрос о национальном языке всерьез не поднимался. Необходимо было наступить 1880 году, чтобы поднять его.

Часть вторая (с 1877 до 1884 гг.)

I.

В это время в Янине жил албанец по имени Тахсин. Он был очень эрудированным человеком, долгое время в Париже пребывал среди ученых и начитанных людей. Тахсин притворялся, что всегда носит тюрбан. В 1877 г. он находился в Янине, где напечатал албанскую азбуку с использованием турецких символов и начал ее распространять по всей Албании. Его некоторое время не трогали, затем все же арестовали и отправили в Константинополь.

II.

Опыт Тахсина важен. Его заслуга, прежде всего, состоит в распространении чувства тревоги, которое все (362b) албанцы стали испытывать. Говорили об уступке Южной Албании Греции, и этот постоянный слух в конце концов заставлял каж-

дого образованного албанца прийти к мысли, что у него есть язык и национальные интересы, которые сто ит защищать.

В Константинополе было проведено собрание видных и уважаемых албанцев, на котором они решили отправить в Албанию несколько делегатов, чтобы подготовить почву для вероятного восстания. Один из этих делегатов, Абдул-бей, получил сведения, что приобретет поддержку большинства албанцев юга, если заполучит на свою сторону «баба»[1] или «духовных отцов бекташей», чья религия или секта доминировала в Юскерии. Необходимо указать, что эти «баба», некогда преследуемые турецким правительством, даже сейчас располагают достаточно (363) ограниченной свободой и всегда искали повод ее расширить. Абдул-бей присутствовал на всех общих собраниях и (благодаря помощи главного «баба», Алуша Фрашери, игравшего среди них роль кого-то вроде архиепископа) легко убедил участников повлиять на самых уважаемых представителей своей паствы с учетом близкого восстания, ставящего целью приобретение статуса автономии.

III.

Ход событий постоянно увеличивал темп. Албанцы приходили в движение и продолжали организовывать собрания в Константинополе. Султан, изначально недоверчиво относившийся к этому, в итоге облагодетельствовал албанцев, поскольку дела в империи приняли плохой оборот. Таким образом, Абдул-бей был вновь отправлен в Албанию, на этот раз по поручению султана, чтобы поддержать зарождающуюся Лигу, чьей душой были Пренк Биб Дода и Ходо-бей (а также, как некоторые говорят, следить за ее действиями) (363b).

IV.

Я думаю, что нет необходимости описывать эти события, поскольку они известны и рассказаны во многих книгах. Но я бы сказал несколько слов о двух или трех неизвестных, но важных фактах:

1/ Лига в Южной Албании под председательством Абдул-бея и Мехмед Али-бея Вриони (как и Биба Доды и Ходо-бея в Северной Албании) отправила всем южным беям приказ воору-

[1] Баба — лидер общины бекташей. — *прим. пер.*

жить своих людей и быть готовыми выступить при малейшем сигнале. Если же они откажутся, их дома будут сожжены, имущество — конфисковано, а они сами и члены их семейств — казнены. Если же полная секретность этого приказа не будет сохранена, то Лига, повсюду имевшая своих тайных членов, будет проинформирована о предательстве. Этот факт полностью (364) доказан, поскольку я помню, как мой тогда еще живой отец, собрал отовсюду большое количество албанцев и приготовился к выступлению, которое бы началось после того, как он в указанный день получил приказ, требовавший арестовать турецкого вице-губернатора, взять Коницу и укрепиться в городе, посетить все дома грекофилов, отобрать у них оружие, провозгласить новое правительство, после чего оставить в городе достаточно людей для поддержки новой власти и отправиться со своими людьми в указанное ему место, чтобы присоединиться к другим беям, исполнившим аналогичный приказ в соответствующих местах. Обычные частные лица без официального распоряжения так безнаказанно не отдают приказы людям (364b), большая часть которых не понимает или не разделяет их мнение. Таким образом, эта Лига вызвала крайнее раздражение среди большей части албанцев.

2/ Абдул-бей с каждым днем становился всё более авторитарным и резким. Он попросил у Малика-паши 100 тысяч турецких лир для Лиги и, поскольку Малик-паша пообещал ему лишь 10 тысяч, Абдул-бей его запугал, сказав, перед тем, как уйти, что когда вспыхнет революция, он вернется, убьет Малика и конфискует всё его имущество. Тогда албанцы, будучи самым недоверчивым народом в мире, задались вопросом, не имеет ли Абдул-бей королевских амбиций. Это комичное подозрение вскоре превратилось в уверенность: «Да он хочет стать королем». Раздражение росло. «И кто хочет стать (365) нашим королем? Бей и более того, бей-санкюлот[1], Абдул Дюма-

[1] Мы извиняемся за употребление этого выражения, но оно часто используется в Албании, прежде всего, на Юге. Называют beys-odzak (или бей без дома) тех, кто до реформы Танзимата имели тимары или села; beys-pa-bréke (бей без штанов) называют тех, кто стал беем по своему усмотрению и в силу обычая. — *прим. авт.* Санкюлот (от фр. *sans-culottes — «без кюлот»)* — бедняк, простолюдин — *прим. пер.*

Керози!». Таким образом, видные албанцы поняли, что необходимо сорвать все планы Абдул-бея, и потому все проекты Лиги, откровенно говоря, провалились. Надо отметить, что подозрения относительно Абдул-бея впоследствии подтвердились. В действительности позже нашелся другой претендент на этот воображаемый престол — Мурад-бей Топтан. Дабы избежать конкуренции, (как говорят) Абдул-бей отдал свою племянницу в жены Мураду. Так союз и мир воцарились между двумя враждующими родами.

(365b) V.

Так, пока в Албании события шли своим чередом, албанцы Константинополя, чтобы придать больше единства и значимости своим собраниям, основали в 1879 г. общество, которое назвали «Дрита» («Свет»). Они незамедлительно издали устав общества в брошюре и книге, напечатанной той системой письма, которую приняли.

Все эти публикации тогда были разрешены турецким правительством. Общество «Дрита» предвидело конец Албанской лиги и намеревалось уцелеть и продолжить ее дело.

VI.

Одновременно с константинопольским обществом «Дрита» в Афинах было основано и другое общество (366) — «Голос Албании» под руководством Кулуриоти. Кулуриоти занимал одно из важнейших мест в албанском движении. Рожденный в Греции, рано оставшийся сиротой, он был отправлен греческой протестантской миссией в Америку, где блестяще окончил свое обучение в колледже. После он стал заниматься торговлей и за короткий срок приобрел большое состояние. По возвращении в Грецию Кулуриоти основал комитет, затем — албанско-греческую газету «Голос Албании» (1879–1880 гг.), полностью враждебную Греции. За это его начали преследовать повсюду — в ресторанах, кафе, в магазинах ему отказывались что-либо продавать, на улицах его оскорбляли и преследовали с камнями. В 1882 г. этот албанский патриот вернулся в Албанию, чтобы предложить национальные книги, которые издал (366b), но греческий консул его арестовал в Аргирокастро

и сопроводил как заключенного в Афины. Кулуриоти, вопреки этому, в течение еще нескольких лет продолжал свою пропаганду, но умер, будучи отравленным.

Влияние, оказанное Кулуриоти, огромно: он вдохновлял великие идеи и пробуждал национальное сознание, дал первый пример албанской газеты.

VII.

Этому примеру успешно последовали и другие. В 1884 г. «Дрита» в Константинополе получила султанский ферман, разрешавший издание албанской газеты, которая появилась под тем же названием, что и общество; и ее публикация продолжалась до 1885 г. (12 выпусков). Тогда, увидев, что газета пользуется популярностью, турецкое правительство стало относиться к ней с недоверием и начало создавать ей трудности. Управляющие газетой думали перенести и газету, и резиденцию общества за границу. Они выбрали Бухарест, отправили туда от имени албанцев Константинополя человека по имени Врета.

VIII.

Одно обстоятельство поспособствовало развитию этого общества.

30 лет в Египте жил Никола Начо, очень богатый албанский торговец. У Начо был племянник 15-ти лет, которого он однажды оставил на время своего краткого отсутствия в консульстве Греции в Александрии, где консулом служил его приятель Крокидас, но, оказалось, он не придерживался норм морали. В итоге племянник Начо убил консула (368) из револьвера. Начо, привлеченный к процессу в качестве соучастника, был отправлен в Грецию вместе со своим племянником, чтобы там предстать перед судом, поскольку являлся натурализованным греческим подданным в Египте. Нам это необходимо знать, чтобы понять следующие факты.

В Афинах Начо познакомился с Кулуриоти, который его убедил действовать на пользу пробуждения албанского национального самосознания. Судьи его оправдали, и тогда Начо через Албанию отправился в Бухарест, где стал пропагандировать национальную идею.

IX.

В Бухаресте Начо обнаружил недавно созданное общество «Дрита» в состоянии полного распада. Внутри него уже образовалось несколько партий. Один или два автора отправили рукописи (368) для публикации. Вопреки уставу общества, албанцы в Бухаресте отказались их издавать. Заявили, что «рукописи необходимо отправить в Германию, где есть *албанисты*, чтобы они посмотрели, сто ит ли книги печатать». В итоге пришли к следующему мнению: должно создаваться впечатление, что они сохраняют комитет, поскольку в противном случае патриоты образуют другой комитет из серьезных людей. Православные, даже говорящие на албанском языке, не должны никогда предпринимать реальных действий, вредящих интересам Греции и России. Албанские турки (т.е. мусульмане) являются фальшивыми братьями, желающими национального союза лишь для того, чтобы превратить православных в рабов (368b). И, наконец, если потребуется открыто выступить против албанцев, им нельзя упускать ни единой возможности работать на благо своей веры и во вред национальному движению.

Всё это было сказано несколько раз на частных и даже публичных собраниях. Это полностью отвечало общему чувству, таким образом, было принято единодушное решение объявить о публичной продаже типографских прессов и машин, которые общество до этого купило, чтобы печатать книги любого вида при минимуме средств.

X.

После произошло множество кажущихся незначительными фактов, которые доказывают (369) явное недоброжелательное отношение православных христиан к албанской нации. При таких настроениях в 1885 г. было проведено общее собрание, созванное по совету Начо, который уже приобрел некоторых сторонников. Во время этого собрания один человек по имени Константин Ефтими, очень богатый и влиятельный албанец и председатель общества, так пламенно выступал против национального движения и в пользу России, что Начо стрелял при каждом его ответе.

3 часть (с 1885 г. до 1895 г.)

I.

Как мы видим, до этого момента не было предпринято никаких серьезных попыток (369b) распространения национальной идеи в Албании, совершались лишь отдельные, изолированные, недолго продолжавшиеся действия, не имевшие впоследствии никакого значения, а самым важным из них стало создание общества, организовавшего албанцев, публиковавшего книги, распространявшего их и будившего нацию. Но вот едва набравшись сил, зародившееся дело в один момент с треском провалилось!

Начо, оправданный большинством румынских судебных заседателей, настроенных патриотично и враждебно к русскому влиянию, вновь принялся за дело. Но он встречал лишь противников и крайне редко — сторонников пропаганды. Во время (370) процесса славянофильская партия начала реформироваться, консолидироваться, объединяться и укреплять позиции. Руководителем ее был албанец Эркюл Дюро, очень богатый и влиятельный среди соплеменников. Другая — грекофильская — партия образовалась под руководством еще одного албанского богача — Гаврила Пемы. Но необходимо отметить, что это всё, как мы увидим позже, были скорее фракции, а сходились они в главном: Албания должна находиться под управлением православной державы, большой или малой — не имеет значения. Всю пропаганду следовало направить на эту цель.

Во многих местах начали (370b) организовывать собрания. Прежде всего, греко-славянскую партию раздражало то, что Начо показывал благосклонность по отношению к Турции, и в годовщину рождения султана с двумя сотнями албанцев отправился продемонстрировать верность ему перед турецкой миссией.

II.

Общество «Дрита», восстановленное Начо, начало печатать и распространять албанские книги. Также в пропагандистских целях была создана школа, где молодые люди, приехавшие из Албании, получали быстрое и достойное образование и возвращались на родину.

Но одно, однако, помогало греко-славянской партии и вредило Начо — он был очень (371) интеллигентен, опытен, владел шестью языками, но выучил их, лишь слушая и наблюдая, поскольку не имел даже основного образования, а читать и писать умел только более-менее правильно. Однако его противники, кстати, образованные в той же мере, не упускали случая публично указать на этот факт, а ничто не охлаждало албанцев больше, чем перспектива иметь дело с невежественными людьми.

Это обстоятельство, тем не менее, не помешало ему публиковать албанскую газету «Шкипетари» («Shqipetari»), выходившую больше года и нападавшую на позиции греческой и славянской партий.

Греко-славянская партия на (371b) частном собрании решила отправить посланнику России в Бухаресте декларацию, где, помимо многого другого, говорилось, что албанцы (т.е. православные) не солидаризируются с Начо, невеждой и авантюристом; что испытывают большое уважение к России, от которой ждут своего спасения. Они просили посланника передать это выражение верности его правительству, использовать и опубликовать, если он посчитает это необходимым. Декларация была подписана тремя десятками видных и уважаемых албанцев.

III.

В то же время, т.е. в 1887 г., Сами-бей Фрашери (372), брат Абдул-бея и в настоящий момент член государственного совета, получил ферман, который разрешал ему открыть албанскую школу в Корче. Издержки взяла на себя «Дрита».

Поначалу школа вызвала энтузиазм. Ее посещало более 150 человек, как христиан, так и мусульман. Но вскоре она пришла в упадок. С одной стороны, под воздействием турецкого правительства некоторые албанцы начали активную пропаганду, направленную против учебного заведения. Говорили, что мусульмане не должны отдавать детей в школу неверных. Греческий владыка, с другой стороны, начал отлучать всех родителей, водивших туда детей.

По тем же причинам несколько других национальных школ, открытых немногим позднее в Поградце, Старово и (372b)

Люарасе, были закрыты спустя несколько месяцев работы. Вопреки этому школа в Корче, благодаря усердию Орхан-бея, устояла. В настоящее время ее посещают приблизительно 80 учеников, но все они из бедных семей и большинство из них — христиане.

IV.

У албанцев Корчи тоже есть свое общество. Поскольку правительство хотело его запретить, то они избрали своим председателем Ало-бея, и, благодаря этому, турецкий губернатор уступил. Любопытно, что албанское общество просуществовало один или два года и проводило свои заседания в пределах Турции.

V.

В 1892 г. в Корче была с целью пропаганды протестантизма основана женская школа. Это учебное заведение имело большой успех. Все влиятельные люди, прежде всего, мусульмане, отправили туда своих детей. На ежегодных экзаменах (август 1898 г.) присутствовали губернатор, кадий, служащие, беи и многие другие. Для юных мусульманских девиц существовал отдельный экзамен, на котором присутствовало множество дам, исповедовавших ту же веру. Библейское общество намеревалось открыть подобные школы и в других местах. Уверен, что эта пропаганда преследует не только религиозные цели. Не ошибусь, если скажу, что она направлена против наступления славянства.

VI.

Но вернемся к албанцам в Бухарест. Они продолжили свои споры и пропаганду без серьезной организации, но из-за этого — ценой многих усилий.

В 1890 г. в Бухарест из Санкт-Петербурга прибыл албанец по имени Кошоф (373b), родом из Корчи. Его целью была организация албанских славян. Он им предложил: 1/ получать от русского правительства ежегодное содержание на пропаганду; 2/ писать на албанском языке русскими буквами; 3/ слова, отсутствующие в албанском языке или забытые, вместо заимствования из латинского языка или создания новых, взять из русс-

кого языка; 4/ печатать книги в таком виде. Другими словами, предлагал албанский язык превратить в нечто, подобное славянскому диалекту.

Всё это было принято с готовностью, но ни к чему не привело. Когда мы говорим об албанских партиях, у которых не существовало никакой организации, не надо забывать, что их составляли невежественные торговцы (374), работавшие ремесленниками с 15 до 25–30-летнего возраста прежде, чем открыли свои магазинчики и разбогатели. Для них политика означала собрания и разговоры о своих желаниях как о реальности. Впрочем, очень трудно заставить эти мозги понять необходимость пропаганды. Они говорят, что России и Греции пропаганда не нужна, и когда час наступит, они без колебания сделают всё, что необходимо. Это — их настроения в общих чертах.

Представители русского правительства в Бухаресте с подозрением отнеслись к своим неопытным сторонникам. Тогда Кошоф задумался о подобной идее для албанцев в Бухаресте, но проект не имел никакого практического продолжения. Он ограничился распространением текстов с примерами албанского революционного движения (374b), изданными в России, а сам автор их вскоре покинул Бухарест.

VII.

Однако необходимо подчеркнуть, что эти партии не имели настоящей организации, не вели пропаганды и корреспонденции. Вот как они обыкновенно действовали:

Каждую неделю албанские торговцы, погонщики мулов и т.п., возвращались в Албанию. Греко-славянский комитет им говорил: «Вы уезжаете, счастливого пути! В вашем родном городе есть такой-то и такой-то видный человек. Вы найдите его и скажите ему, чтобы высказался против проекта албанской школы, которую намереваются открыть. Скажите ему, что это — новый инструмент угнетения, который турецкие албанцы создали против нас. Православие в опасности. Вы поедете и в (375) другой город. Счастливого пути! Скажете другому видному лицу, что узнали, будто он завещал имущество в пользу албанских школ. Но он не в курсе? Не знает, что все православные сейчас отошли от этого дела, потому что поняли: это

уловка. Вы, когда увидите кого-то, велите ему прекратить дружбу с этими мусульманами, мнимыми патриотами, поскольку он закончит в тюрьме. Все турецкие албанцы такие. Называют себя патриотами, чтобы вывести вас на разговор, а после всё доносят губернатору, и вас сажают под арест».

Основываясь на сотнях примеров, я сформировал свое мнение об этой примитивной, но коварной пропаганде фальшивых патриотов, которых газеты величают пламенными приверженцами албанской нации.

В 1888 г. Аврамиди Лекше, албанец и миллионер, отправил жителям Корчи выписку из своего завещания (375b), согласно которой он оставлял албанским школам несколько сотен тысяч франков, около полумиллиона. Душеприказчиками являлись несколько христиан и один мусульманин, Орхан-бей. Д-р Манси, другой душеприказчик, которому была отправлена копия завещания, созвал остальных христианских наследников, указанных в завещании, и сказал им следующее: «Аврамиди нам завещал 20 000 турецких лир для школ. Но он хочет сделать нас мусульманами, поскольку связал нас с Орхан-беем. Сейчас я вас спрашиваю: “Хотите остаться христианами, но бедными, или же отречься от своей веры, но обогатить свой город”?» «Не хотим становиться мусульманами!» — ответили все и вернули завещание Аврамиди, заявив (376), что не могут его принять.

Это примитивное толкование завещания, которое никоим образом не касалось вопроса религии, характерно. Оно показывает настроения православных албанцев и то, сколь трудно от них чего-либо ожидать. Они действительно неуступчивы, и необходимы постоянные и энергичные усилия, чтобы в их головы вложить что-то и, прежде всего, какую-то национальную идею.

4 часть (с 1895 г. до 1899 г.)

I.

В 1895 г. в Париже я впервые узнал о существовании албанской пропаганды и издании албанских книг в Бухаресте. С 1890 г. занялся развитием языка и составил (376b) небольшую библиотеку со всеми книгами, изданными албанцами за рубежом! Даже написал несколько статей об албанской наци-

ональности в одной парижской газете. Это доказывает, что албанская пропаганда имеет нулевой результат. Я — из меньшинства, которое по собственной инициативе занимается этим вопросом, и многократно проводил отпуск от 2 до 3 месяцев в Албании. Повсюду, однако, встречал холодный прием от одних, непонимание от других и, при всей моей заинтересованности этим вопросом, никто из тех, с кем я знаком, не знал о существовании албанского движения. Я непрерывно наблюдаю, и многие факты доказывают, что для албанцев в Бухаресте и даже в Константинополе национальный вопрос не существует. Есть только местные вопросы. Для них все патриотические усилия имеют одну цель, и ею является будущее города Корчи.

II.

Я обратился к «Дрите» с просьбой выслать книги и, получив их, начал переписку с Начо. Таким образом, мы обменялись мнениями о будущем страны. Спустя несколько месяцев мы решили создать албанскую газету и договорились отправиться в Бухарест. Но поскольку запланированный фонд на расходы не (377b) был отпущен (вероятно, румынское правительство считало, что эти расходы слишком велики, поскольку Начо, может быть, подавал прошение; или же строительство большой государственной дороги, на которой трудился Начо и от которой ожидал большого дохода, не оправдало себя), мы отложили исполнение нашего проекта на более поздний период.

Вопреки этому я решил, пока жду, самостоятельно начать публикацию периодического издания, которое, по моим представлениям, должно содержать лишь рассказы, поэмы и исторические документы. В сентябре 1896 г. я напечатал программу-призыв и распространил ее повсюду. Она произвела большое впечатление, и (378) я приобрел сотни заинтересованных сторонников. Несмотря на это, у меня есть причины считать, что эти избалованные албанцы из городов были заинтересованы на словах, а не на деле. Не хочу предпринимать эту публикацию без уверенности, что она приведет к чему-то хорошему. У меня есть серьезные сомнения в ее успехе.

Я получил письмо от Пандела Евангели, председателя «Дриты», уверявшего меня, что он обязуется набрать 400 под-

писчиков в Бухаресте и 300 — в остальной Румынии. Из Константинополя мне обещали 200 подписчиков, из Монастира — субсидию в 20 турецких лир в месяц. У меня есть письма, доказывающие это. Если им верить, то надо создавать иллюстрированный журнал, который выходил бы каждую неделю. Сложно (378b) им не доверять, поскольку они — серьезные люди, большая часть из них — чиновники. Должно быть, ими движет сильный патриотизм, если они рискуют скомпрометировать себя таким начинанием.

Но как стало ясно, это был притворный энтузиазм. Извините меня, что рассматриваю подробно историю фонда «Албания», но лишь так могу показать на примерах подлинные настроения албанцев.

III.

В 1895 г. я получил письмо от группы албанцев из Бухареста: они были счастливы узнать, что я занимаюсь албанским вопросом. Поскольку я еще находился в Париже, мне писали, что не надо себя компрометировать общением с Начо, «авантюристом и невеждой», а надо быть с ними, намеревающимися основать (379) новое общество «Дитуриа»[1]. Это общество, подчеркиваю, является начинанием греко-славянской партии. Пандел Евангели, самый ловкий и активный член партии, был избран председателем. Это тот же человек, который обязался, как я уже говорил, набрать 700 подписчиков в Румынии.

IV.

Уже после выхода первого номера журнала руководители греко-славянской партии собрались, чтобы обсудить его. Они были исключительно раздражены антигреческим направлением издания. Сразу же созвали заседание, на котором заявили: 1) этот журнал является попыткой тирании и угнетения, поскольку его издатель — мусульманин; 2) нужно помешать утвердиться мысли, что пропаганда развернута по инициа-

[1] Примечание: «Дрита» («Свет») — название общества Начо. Иногда, однако, он ставил на книгах, изданных «Дритой», слово «Дитуриа» — «образование». Вот почему существуют книги, изданные до 1895 г. с грифом «Дитуриа». Но настоящее общество «Дитуриа» было основано в 1895 г.

тиве «турецких» албанцев; 3) когда начнется греко-турецкая война, такое издание может повредить греческим интересам; 4) к тому же на греческую и славянскую национальности идут атаки, которые ничто не может оправдать.

Наконец, некоторые полагали, что газета субсидируется султаном с целью нападок на греков. Другие утверждали, что это не албанское, а младотурецкое издание, поскольку в нем предпринимаются нападки и на султана. Эти же страстные сторонники султана меня несколько месяцев упрекают в том, что я выступаю против него.

В конце встречи они решили: 1) не подписываться на «Албанию»; 2) создать албанскую газету в Бухаресте, чтобы (381) противопоставить ее моему изданию и показать миру, что православные тоже что-то делают. Впоследствии из 700 обещанных в Румынии подписок я получил лишь 34 от сторонников партии, не желающих выказать свою явную враждебность. В результате этой встречи появилась греческая газета «Патрис», выходившая в Бухаресте.

V.

Как я сказал в начале, албанцы из Константинополя — ревностные патриоты. Они вели и ведут активную пропаганду в Албании. Но она охватывает достаточно ограниченную категорию людей, обслуживающую интересы албанцев-тосков. Помимо того, их пропаганда ничтожна.

Албанцев Константинополя (381b) не волнует политика. Они к ней безразличны. Для них всё сводится к вопросу об азбуке. В 1879 г. они приняли одну систему письма, придуманную Сами и Наим-беем (очень непрактичную, поскольку ее нельзя печатать из-за некоторых специфичных символов). Авторы вложили в ее распространение любовную настырность. Они считали хорошим всё, что издано при помощи их азбуки. Во всем, что отпечатано иным способом они видели зло и посягательство на их личную славу.

Они с большим энтузиазмом приняли появление «Албании», поскольку я заявил, что впоследствии, когда будет достаточно средств, чтобы выгравировать (381b) буквы, я стану печатать их азбукой. Наим-бей, важная фигура в турецкой цен-

зуре и албанском комитете в Константинополе, числится моим сотрудником, и стихи, опубликованные под инициалами Н.Ф. и Н.Х.Ф., принадлежат ему.

Но когда они увидели, что журнал продолжает издаваться на той же азбуке, что и ранее, они переменили свое отношение; не переходя к враждебности, заняли позицию безразличия.

В 1897 г. в Константинополе жил один интеллигентный студент, Мехди-бей, который вел активную пропаганду журнала и стал распространителем (1905 г., каймакам в Охриде). Он встречался с Исмаил-беем Влерой и другими видными турками в Константинополе и доказывал им пользу этой зарождающейся пропаганды. Он вручал (382b) выпуски тем, кто нанимал пассажирские корабли в Албанию. Но после того, как его назначили сотрудником генерал-губернаторства островов архипелага албанца Абедин-паши, он был вынужден покинуть Константинополь. Другим пропагандистом был сын Абдул-бея Фрашери Мидхат. Однажды (в июне 1897 г.) на выходе из Австрийской почты, куда он принес объемистый пакет с «Албанией», его остановили тайные агенты службы безопасности. Его задержали на три дня в полиции, и он был освобожден лишь благодаря активным усилиям его дяди Сами, члена Государственного совета. Спустя несколько дней его назначили чиновником в Высокой Порте. С тех пор он принимал скромное участие в албанской пропаганде.

(383) Я вспоминаю об этих двух фактах, чтобы показать одну из самых слабых точек этой пропаганды — она хаотична. Сильная где-либо сегодня, она слаба или ничтожна завтра, поскольку один или два патриота уехали. В то же время славянская пропаганда осуществляется лицами, которые занимаются ею, и только ею.

Сегодня албанская пропаганда в Константинополе оставлена на попечение нескольким студентам и трем или четырем албанцам из земель, аннексированных в 1879 г. Черногорией, нескольким скутарийцам и двум или трем мелким служащим.

VI.

Таким образом, оболганный Бухарестом и разочарованный Константинополем, я обратился к Монастиру.

(383b) Люди в этом городе сдержали свое слово. Они учредили общество для сбора средств на организацию пропаганды. Собрания проводились в доме подполковника Халида-бея, военного фармацевта, пламенного патриота. Несколько раз я получал суммы, собранные этим комитетом. Журналы отправляли консулу Англии, который их передавал заинтересованным лицам. Я отправил их открыто по почте, и они дошли. Консул, который сейчас находится в Анкаре, понимал по-албански и с интересом читал журнал. К несчастью, из-за вспышки насилия над турками в тот момент, у него пропал интерес к получению журнала. Так, с известного момента журнал не приходит в Монастир. С другой стороны, несколько упорных патриотов покинули Монастир (384) — прежде всего, преподаватель школы «Идади» Шеркет, которого назначили директором подобного учебного заведения в Скопье. По этой причине Библейское общество в Монастире заинтересовано в получении нескольких номеров, чтобы раздавать их читателям.

VII.

Таким был старт этого начинания. Что стало после, и каково современное состояние албанской пропаганды?

Газета, основанная в Бухаресте в противовес «Албании» под названием «Шкиперия», поначалу была полностью враждебной. Но после смены директора (вследствие обстоятельств, о которых я рассказал в № 9 «Албании», А. 159), газета попала в руки В. Додани, честного человека и патриота, не служившего славянской (384b), греческой или итальянской пропаганде, хотя и не понимавшего их ловушек. Он часто публиковал статьи, которые были заказаны, не понимая их направленности. Для этого нужно быть немного более умным.

VIII.

Поначалу он добровольно согласился участвовать в тайном собрании, на котором присутствовал десяток видных людей и консул Сербии в Бухаресте. Оно проходило в мае 1898 г. Сербский консул первым предложил фонд из 40 000 франков для начала пропаганды восстания в Албании и создания автономного правительства в политическом союзе с Сербией. Но один из присутствовавших, Гаврил Пема, бескомпромиссный

грекофил, выступил против, говоря, что если вопрос стоит лишь о деньгах, то логичнее обратиться к Греции. На другой день он повсюду опубликовал все тайны собрания.

IX.

Кроме газеты «Шкиперия», другая газета, «Ил'и Шкиперизе» («Звезда Албании»), появилась, наконец, в Бухаресте. Я оказал немалую поддержку издателям этой газеты и думал, что ее ждет хорошее будущее. Лицо, преимущественно отвечавшее за публикацию, мне казалось весьма патриотично настроеннымм и достаточно интеллигентным. К несчастью, в работу газеты включились и другие люди, а именно Георг Мексис (о котором я писал в «Албании», A. 159), и газета внезапно приняла исключительно славянофильский вид. Согласно письму, которое я вскоре получил из Бухареста, редакторы этой газеты поддерживают связи с консульством России.

X.

Атаки, которые «Ил» (385b) предпринял против «Шкиперии», дали надежду, что обе газеты в известной степени нейтрализуют друг друга. Кроме того, «Шкиперия», и так уже поддерживавшая с нами достаточно хорошие отношения, стала еще ближе в связи с этими нападками. По крайней мере, так я понял письмо ее директора В. Додани.

XI.

Вопреки этому, пропаганда, которую греко-славянская партия развернула против Австрии, не сразу прекратилась. В связи с этим интересно отметить, как ведется указанная пропаганда.

Албанцы в Бухаресте поняли слабость своих православных соплеменников и применяют следующую тактику: распространяют слух, что цель (386) Австрии — превратить их в католиков. Это смехотворное утверждение — их единственное оружие, но оно сильно и для невежественных умов достаточно. С другой стороны, они говорят албанским мусульманам: «Мы — христиане, у нас есть интерес быть с Австрией, христианской державой. Но вы — мусульмане, вы станете рабами этой христианской державы. Именно поэтому мы оставляем в стороне наш частный интерес, чтобы ориентироваться лишь на общий интерес, и говорим вам: “Берегитесь, берегитесь!”».

Такова эта коварная и непрестанная пропаганда, независимо от того, что она непоследовательна. Необходимо сказать, что на мусульман она оказывает слабый эффект. Сторонники движения целиком симпатизируют Австрии. Но ее влияние велико и среди православных.

(386b) XII.

В связи с этим я сделал любопытные наблюдения во время своей последней поездки в Бухарест. Нас встретили чудесно и с энтузиазмом, будто мы — спасители родины. Более того, встреча могла бы иметь еще больший масштаб, если бы я не охладил людей и немного не раздразнил, отправив с вокзала Вены депешу о нашем прибытии не греко-славянскому комитету, а «Дрите» Начо.

Когда я приехал в Бухарест и увидел этот энтузиазм, то сказал себе: «Вот то странное, что меня удивляет в этих вульгарных и безразличных торговцах. Должно быть что-то...» и в действительности не лгал себе. Несколько дней спустя мне предложили продолжить издание «Албании» в Бухаресте. «Шкиперия» перестанет выходить, чтобы (387) оставить мне всех читателей, а редакционный комитет обеспечит для газеты 10 000 франков ежегодно. Так мне предложили продолжить выпуск газеты под опекой православной партии. Ловушка была коварной и опасной. Я попросил время на раздумье и не поднимал больше эту тему.

Во время одной из наших многочисленных встреч Мурад Топтан познакомил меня с проектом общей пропаганды. Он включал определенные оговорки по отношению к возможному восстанию. Четники его поддержали бы, но при условии, что будут нападать лишь на турецких служащих и не тронут болгар и греков, вопреки предложению Мурада. При такой договоренности, они создадут фонд от 150 до 250 тысяч франков. Но когда Мурад-бей поднял вопрос о месте, откуда будет вестись пропаганда, и сказал, что (387b) Далмация и Босния ему кажутся подходящими, внезапно наступило ледяное молчание. В конце концов П. Евангели сказал: в том, что касается них, он не видит препятствий, но есть риск, что фонд не образуется при этих условиях, «поскольку другие албанцы в Бухаресте — фанатики и не примут размещение центра пропаган-

ды в католической стране». Я сохранил молчание, поскольку понял, что всё это не нужно, и фонд не будет учрежден никогда. И я оказался прав. Таким образом, обещаниями они обманывали Мурада Топтана четыре месяца, а его планы никогда не будут осуществлены. Единственное, чего я достиг, — подписание официальным собранием депеши, текст которой я подготовил и отправил султану.

(388) XIII.

Естественно, с такими настроениями албанцы из Бухареста и те, кто называл себя такими в Италии, должны были с легкостью прийти к соглашению. Оно еще более важно с учетом того, что итальянские албанцы — католики, но с греческими обрядами и приемлющие таинство церковного брака (что их сближает с православными). А еще более важно, поскольку они, вероятно, — сторонники Черногории в Албании, по причине слабости Италии. Мое мнение по этому вопросу полностью разделяет Мурад Топтан.

Через албанцев в Бухаресте итальянцы ведут пропаганду в Южной Албании, а через итальянские консульства — в Северной. Их албанский колледж и семинарии в Сан-Деметрио Короне (388b) и на Сицилии, где, впрочем, не изучают ни единого слова на албанском[1], привлекают известное количество молодых людей; и сейчас в Албании налицо благоприятное мнение об албано-итальянской колонии.

Среди прочего необходимо отметить, что: 1) вопреки очевидным фактам, между всеми итальянскими албанцами существует полное согласие, что видно по идентичным знакам их азбук; 2) они не говорят на албанском (Мурад-бей мне это подтвердил).

XIV.

Для расширения своего соглашения итальянцы и албанцы в Бухаресте стали искать поддержку со стороны албанцев в Египте (389).

Албанцы в Египте, достаточно многочисленные, являются самыми богатыми албанскими торговцами. Они под-

[1] В школе в Макии (в Калабрии) есть лишь один курс албанского языка, преподаваемый Г. де Радой.

держивают постоянную связь с родной страной и интересуются национальным движением. Они создали общество «Албанское братство» и даже намеревались издавать албанскую газету.

Один из них, Ефтим Митко, опубликовал в 1878 г. «Албанскую пчелу» — сборник народных сказок и песен, лучшую книгу, до сих пор изданную на албанском языке.

В далекой от православия среде, в ежедневном контакте с южными жителями, они не столь ограничены в своем духе, как другие албанские православные. Вопреки усилиям некоего Адамиди, каирского врача, агента греко-славянской пропаганды в Египте, никакого соглашения между ними и албанцами (389b) Бухареста не было достигнуто. Однако прием «Албании» в Египте очень теплый.

XV.

Албанцы в Бухаресте счастливее, чем их соплеменники в Софии. Верно, что они — в большей своей части рабочие и могут заниматься пропагандой лишь ограниченное время. Впрочем, в Софии есть две другие партии, а именно:

1) Общество «Дешира» («Желание») под председательством албанского священника Димитри Спиро, изгнанного из Албании греческим владыкой за проведение литургии на албанском языке. Это общество — славянофильское, его печать завершается крестом, что отвергает любой чисто национальный союз и делает албанский вопрос исключительно религиозным. Общество поддерживает связь с «Дитурией» в Бухаресте (390).

2) Общество «Башкими» («Союз»), руководимое Христо П. Стефаном, каждый год издающим альманах с письмами из Константинополя. Этот альманах составляет Мидхат, сын Абдул-бея Фрашери. Общество «Башкими» патриотично, ему покровительствуют албанцы из Константинополя (Христо П. Стефан, таким образом, также — один из корреспондентов в Софии).

3) Турецкая газета «Итифак», которую редактирует Юсуф Али-бей. Юсуф Али происходит из Керчова, где говорят на албанском и болгарском языках. То есть, он говорит на обоих

языках и сумел приобрести двойное доверие — султана и болгар. Кроме предоставления ему субсидии, болгарское правительство через полицию осуществляет давление на болгарских мусульман, чтобы их принудить подписаться на «Итифак», поскольку они должны учиться и выйти из своего грубого (390b) невежества. Этот неслыханный факт я узнал из литературы в Болгарии и из уст близкого приятеля Ю. Али, живущего в Бухаресте. Отметим, что Ю. Али каждый раз, когда отправляется в Бухарест, гостит у Дюро. «Итифак» очень распространена в северо-восточной Албании.

XVI.

История различных примеров попыток пропагандистского влияния дает нам возможность говорить о различии настроений албанцев. Сейчас в нескольких словах скажем о настроениях в самой Албании.

В целом албанские чиновники там настроены хорошо. Многие из них умеют писать и читать на своем языке. В областях Корчи, Колонии, Берата почти все беи занимаются его развитием. Много таких в Эльбасане (391), Монастире и других городах. Необходимо упомянуть, прежде всего, молодежь в школах, занимающуюся исключительно национальным вопросом. Люди из народа и главное — заптии[1] в вилайете Монастир почти все умели читать.

В Северной Албании национальное движение развито слабее. Я говорю, прежде всего, о мусульманах. Среди них никто даже не знал, что на их языке уже начали писать. Потому среди мусульман Дибры, Мати, Тираны и городов побережья представление о национальном движении расплывчатое.

Но почти везде албанские школы принимаются доброжелательно. Среди городов, где они были действительно востребованы, можно указать: Эльбасан, Колонию, Авлону, Пермет, Теплан, Верчу, Дибру, Охрид, Тирану, Мати и много небольших городков. Впрочем, на первых порах население принимает школы (391b) с безразличием, скоро превращающимся в симпатию.

[1] Заптие — турецкий жандарм, стражник. — *прим. пер.*

XVII.

Заключение.

В целом, во всех албанских головах идея присутствует в зародыше, но она ни достаточно отлежавшаяся, ни достаточно сильная, чтобы дать плоды. Почему? Потому что никто никогда не занимался развитием этого зародыша. Попытки, предпринятые ранее, доказывают, что у образованных албанцев есть добрая воля, но это лишь попытки в сравнении с упорными, мощными и организованными усилиями славян и греков.

Количество образованных и мыслящих людей, обладающих каким-то влиянием, в Албании ограничено. Могу утверждать, что все так или иначе читали «Албанию», но после достижения (392) определенного момента трудно найти новых читателей, поскольку больше не остается умеющих читать обыкновенный журнал. Если публиковать статьи на турецком, количество читателей увеличится, прежде всего, в Северной Албании.

Албанский народ достаточно открыт для знаний и умен, но необходимо осознать, что ничто не сделано для его взросления.

Оказавшийся между албанцами с Севера, не умеющими читать, и албанцами с Юга, недоверчивыми и везде видящими западню, пропагандист может преуспеть лишь преодолев тысячи трудностей.

Прежде всего, нет сотрудников. А причина этого — в отсутствии школ. Там же, где есть школа, действительно появляется очаг пропаганды, и сотрудники (392b) занимаются распространением публикаций. В Корче давно читают в кафе «Албанию», поскольку с момента основания албанской школы турецкое правительство не может препятствовать чтению на албанском языке.

При создании школы одна из самых больших трудностей коренится в поиске способных учителей. Школа в Корче была долгое время дискредитирована, поскольку на протяжении известного времени учителем был портной, едва умевший читать и писать.

Требовалось создать колледж в Заре или в Сараево, или в самой Албании (в Ороше, например) с двойной целью — быст-

ро дать достойное образование будущим учителям албанского языка и привлечь молодых людей из более-менее влиятельных семей, чтобы дать им полное образование по примеру Итальянского колледжа в (393) Албании.

Наконец, это элементарная идея. Но прежде всего я хочу сказать, что Австрия день ото дня приобретает всё больше сторонников среди образованных албанцев, и если найти средство направить их симпатии, это сможет привести к созданию мощного движения.

Следует 1 документ
HHStA, PA XIV, Li XII/2, K. 19.

Приложение III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИМПЕРАТОРСКОГО И КОРОЛЕВСКОГО МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ В 1897 ГОДУ В АЛБАНИИ[1]

Совещания, проведенные в Министерстве иностранных дел по вопросам, связанным с Албанией, и о мерах, которые необходимо предпринять для обеспечения там наших интересов, стали причиной выработки программы действий, которую можно обобщить в четырех основных пунктах.

1. Более полное политическое использование австро-венгерского протектората над церковными учреждениями в Албании и усиление влияния на руководство духовными семинариями и школами, которые мы субсидируем;

2. Установление более тесных связей между нашими консульскими представительствами и местными народными лидерами для пробуждения, стимулирования и развития общенациональных интересов;

3. Помощь национальным устремлениям албанцев и поощрение их до тех пор, пока они будут направлены на материальное и духовное развитие народа;

4. Наблюдение, изучение и противостояние агитации и пропаганде других стран в Албании.

Религиозный протекторат

По первому пункту герр Хофрат фон Фукс докладывал о действиях Министерства иностранных дел на территории католического протектората в 1897 г. и дал более подробные пояснения.

---

[1] HHStA. PA I. K. 473. Wien. 11 Jänner 1898. Die albanesische Aktion des k. und k. Ministeriums des Aeussern im Jahre 1897. Fol. 569–578b.

Деятельность консульских представителей

Напомню, что во время предварительного заседания были запланированы реорганизация и перегруппировка консульских постов, принято решение о сборе более подробной информации о вспомогательных точках, выбранных для нашей деятельности, и с учетом открытия новых консульских представительств.

На места руководителей консульств в Албании (569b) привлечены и назначены молодые люди, говорящие на местном языке и подробно знакомые с положением в регионе.

Всем отправлен подготовленный Министерством иностранных дел Меморандум об Албании, чтобы они лично ознакомились с ним. Им даны письменные и устные указания при всяком подходящем случае и не привлекая внимания предпринимать поездки по своим консульским районам для сбора максимально точных сведений об административном и экономическом состоянии региона. Одновременно необходимо входить в контакт с влиятельными местными жителями, независимо от их вероисповедания, и прилагать все возможные усилия для изучения сути основных тенденций в стране и того, к чему стремятся влиятельные круги. Впоследствии их задача — информировать эти влиятельные круги о намерении Императорского и Королевского правительства достичь устойчивого процветания Албании и таким способом стать влиятельным фактором в определении путей будущего развития региона. (Всё еще нет конкретных намерений создания нации, это предстоит в будущем. В то же время красноречие наших консулов не должно оставлять никакого сомнения, что Императорское и Королевское правительство готово поддержать любое подобное намерение, если оно нацелено на достижение албанских национальных интересов. Но если намерения противоречат установленному правовому и государственному порядку, наше правительство их не поддержит. Чтобы собрать как можно более полную и точную информацию обо всем, что может представлять интерес с политической точки зрения, консулы должны организовать сеть испытанных доверенных лиц. Для этой цели им будут предоставлены достаточные средства, о которых в конце доклада прилагается расчет.)

Многочисленные доклады консула Иппена из Скутари, консула Писко из Скопье, вице-консула Раппапорта из Призрена, вице-консула Винтера из Дурреса и вице-консула Петровича из Валоны — свидетельство энтузиазма, с которым наши представители решают поставленные перед ними задачи (570), но в то же время подчеркивают и трудности, с которыми они вынуждены ежедневно сталкиваться в своей миссии.

На первом месте среди них — всё еще твердая уверенность турецкого правительства, что оккупация Боснии и Герцеговины — лишь первый этап тщательно спланированного наступления Австро-Венгрии на Балканский полуостров. Эти опасения влияют на отношение турецких чиновников в Албании к нашим консулам и заставляют зорко следить за каждым их шагом.

К этому надо прибавить «лихорадку», развившуюся в регионе из-за начала греко-турецкой войны, в которой участвуют все албанцы, способные носить оружие. Некоторые местные беи воспользовались случаем, чтобы спровоцировать восстание против турецких властей. Поэтому наши консулы должны быть крайне аккуратны в своих контактах с населением, чтобы их не заподозрили в тайном заговоре с мятежными албанцами.

По этой причине австро-венгерские консулы вынуждены оставаться в своих офисах и отказаться на время от более длительных путешествий по своим областям. Несмотря на это, мы располагаем докладом консула Иппена, в августе прошлого года сумевшего добраться до турецко-черногорской границы и объехать малисорские кланы в Кастрати, Хоти, Груде, Клименти и Скрели. Это путешествие дало ему возможность ознакомиться с недовольством католического населения турецкой властью и с намерением черногорского правительства использовать это недовольство против наших интересов. Цитирую этот доклад: «Не утверждаю, что малисоры имеют договоренность с Черногорией, но готовится что-то подобное. Поэтому нам необходимо воздержаться от действий, которые могли бы улучшить их ситуацию. Основное желание местных жителей — сохранить гарантии против беев из Гаса в Скутари, чтобы жить в порядке и спокойствии». И далее: «Судя по всему, положение в Скутари будет развиваться как на Крите. Горстка нахальных

и наглых мусульман (571), поддерживаемых Константинополем, произволом и тиранией толкает к бунту христианское население, способное носить оружие. Внешнее влияние усиливает недовольство, а в таком положении планы автономии рождаются крайне быстро, и, таким образом, страна окончательно потеряна».

В октябре 1897 г. консул Иппен предпринял новое путешествие по внутренним областям Албании, во время которого связался с влиятельными беями в Тиране и Эльбасане. От них он узнал о деятельности одной очень хорошо организованной албанской национальной партии. Ее цель — через совершенствование родного языка и создание албанских школ достичь культурного развития представителей кланов на основе национального чувства.

Турецкое правительство приказало задержать обоих лидеров этой партии, Мурада и Дервиш-бея, сразу после посещения области консулом Иппеном, поскольку он останавливался в их домах. Чтобы избежать в будущем подобного компрометирования, наши консулы должны предпринять еще более строгие меры бдительности на время своих поездок.

Не будем, однако, экономить силы на сборе информации о местах, где предполагается возможное открытие новых консульств для осуществления запланированного в Меморандуме об Албании. Речь идет о городах Тиране, Эльбасане и Берате, о которых можно сказать следующее.

Три упомянутых города важны с учетом наших политических целей, поскольку там живут видные албанские роды, знатные и проявляющие большой интерес к национальному вопросу. Посольку мы не сможем легко получить разрешение турецких властей на открытие постов, офисов и консульств, постоянным представителям из Дурреса и Валоны рекомендуется провести хотя бы самые трудные месяцы в Тиране и Берате под предлогом, что они ожидают конца лета. Это не вызовет сомнений и предоставит хорошую возможность для консулов установить контакты с видными албанцами. Специально об Эльбасане мы располагаем дополнительным докладом консула Иппена (571), где разъясняется большое торговое значение города вследствие строительства железнодорожной линии меж-

ду Монастиром и Дурресом. Поэтому консул считает, что сто ит приложить усилия для открытия эффективного консульского офиса (или хотя бы подготовить условия для его открытия).

Вице-консул Раппапорт также настаивает на открытии эффективного офиса в Ипеке.

Деятельность монсеньора Примо Доки

Наши консулы вынуждены быть очень внимательными при контактах с албанским населением и значительно ограничивать себя... Вследствие этого круг людей, на которых они могли бы прямо воздействовать, невелик. Мы вынуждены наблюдать за теми, кто на словах или на деле засвидетельствовал интерес к национальному вопросу. Кроме того, необходимо отделить их от тех, кто действительно заслуживает доверия. Наши планы должны осуществляться с непосредственной целью объединения и укрепления албанских племен. В связи с этим и на основе доклада графа Ревертеры от 30 января 1897 г. наше внимание привлек монсеньор Примо Доки, архиепископ Мирдита.

Данное албанское духовное лицо в 1877 г., являясь всё еще приходским священником в Мирдите, было арестовано и отправлено по приказу турецкого правительства в Константинополь. Там его обвинили в том, что, в соучастии в Итало-албанским комитетом и черногорским князем, он подбивал соплеменников из своего клана на неподчинение турецкой власти. После заступничества австрийского посланника и архиепископа Азаряна Примо Доки был освобожден. Тогда он отправился в Рим, завоевал доверие католической пропаганды и в 1888 г. (571b) по поручению Папы был назначен пастырем мирдитов в Ороше и признан турецким правительством. С тех пор Императорское и Королевское правительство отпускает ему ежегодные субсидии и внеочередные суммы на покрытие его личных расходов и нужды епархии.

В апреле прошлого года монсеньор Доки прибыл в Вену по приглашению графа Ревертера и барона Пасети, чтобы просить Императорское и Королевское правительство о более значительных суммах на постройку церкви в Ороше и описать угнетенное положение католиков Мирдита из-за попрания местными турецкими властями некоторых их привилегий. На

встрече мы проинформировали Примо Доки о желании австрийского правительства помочь, сколь это возможно, развитию албанской нации. Тогда он письменно изложил и передал Министерству иностранных дел свою программу действий по объединению всех албанских племен в защиту национальной независимости. Эта программа построена в основе своей на идее объединения албанских католических горских кланов под руководством мирдитов и одновременно преследует цель присоединения самых влиятельных мусульман Скутари. Согласно Примо Доки, когда установится единство католиков в горах, мусульмане Центральной и Южной Албании сами объединятся с ними и совместно выступят на защиту своих национальных прав.

Аббат Мирдита взял на себя обязательство активно пропагандировать национальную идею среди албанцев и заявил, что будет в этом полностью рассчитывать на помощь Австро-Венгрии. В то же время, однако, он подчеркнул, что нуждается в регулярной финансовой помощи. Он поставил предварительно условие — вернуть из заточения в Малой Азии Пренка Биба Доду, чье появление в Мирдите, по словам аббата, очень скоро приведет к объединению католических кланов.

Мы не утверждаем, что все пункты программы Примо Доки осуществимы (572). Но в общих чертах и, главное, с учетом большого уважения к нему среди албанских католических кланов, кажется полезным сделать попытку сохранить его на нашей стороне и обеспечить финансовую помощь его деятельности по албанскому вопросу хотя бы на год.

В отношении возвращения Пренка Биба Доды, на чем настаивал и наш консул Иппен, мы спросили мнение барона Каличе в связи с возможностями заступиться перед турецким правительством, но до сих пор не получили ответ.

В конце декабря прошлого года консула Иппен отправил Его превосходительству графу Голуховскому письмо Примо Доки, в котором рассказывал, как надо действовать, чтобы объединить албанцев на основе программы, уже известной Вене. Но аббат говорил лишь о попытках и подготовке, описывал трудности, чинимые турецким правительством в виде ареста

Мурад-бея и Дервиш-бея, но не упоминал о реальных действиях по объединению горных католических кланов, о прекращении кровной мести или умиротворении региона.

Установление контактов с албанскими мусульманами

Когда встает вопрос о защите албанских земель от славянского наступления, мусульмане в пограничных районах с Сербией и Южной Боснией не менее важны, нежели католики в горных областях Скутари. Наши консулы в Скопье и Призрене информируют, что сделали попытки сблизиться с албанскими беями, живущими близ границы и утверждающими, что Австро-Венгрия приобрела добрую славу (572b) среди мусульманского населения оккупированной зоны и становится всё более притягательной для мусульман. Так, например, Хаджи Молих Зеку, очень влиятельный в Ипеке и Дьякове, в очередной раз предложил работать над аннексией Албании Австро-Венгрией. В данный момент мы считаем, что сотрудничество с ним для нас не подходит из-за его слишком тесных связей с турецким правительством и неблагонадежного характера.

Образование, язык, школы, книги

Это третий пункт программы действий. Он предполагает помощь национальным устремлениям Албании до тех пор, пока они нацелены на материальное и духовное развитие всего албанского народа (термины, примененные с учетом конечной цели, а не проистекающие из актуальных условий).

Информация по данному вопросу не только получена от наших консулов и албанского католического священника, но извлечена также из пожеланий албанских комитетов за рубежом. Они просят нас более настойчиво заняться созданием албанского литературного языка и введением его в школах страны.

В Албании есть лишь одна мусульманская школа, где занятия ведутся на албанском языке. Она находится в Корче. Открыта группой местных патриотов, и они значительными усилиями смогли ее поддерживать на протяжении уже 12 лет. В ней числится 80–100 учеников. Нет никакого сомнения, что изучение родного языка — лучшее средство достижения здорового союза между всеми албанцами, вопреки их различному вероиспо-

веданию и принадлежности к разным кланам. Поэтому Императорское и Королевское правительство делает всё возможное, чтобы реализовать эти устремления народа в католических школах под австрийским протекторатом, назначая учителей, владеющих языком и вводя учебники на албанском.

В докладе дворцового советника фон Фукса содержится информация о сделанном в этом направлении и указаны меры, которые еще требуется предпринять (573).

В мусульманских частях Албании также наблюдается большой интерес к преподаванию на албанском языке. Турецкое правительство полностью безразлично к этой инициативе, поэтому несколько албанских патриотов за границей занимается публикацией книг на родном языке. Такие издания вышли в Бухаресте по инициативе местного комитета. Некоторые сторонники национального движения, наконец, спросили наших консулов в Центральной Албании, как они могут их снабдить большим числом книг: либо через покупку, либо через подготовку нового тиража.

Эту просьбу, возможно, стоит принять во внимание наряду с решением вопроса о новой азбуке, применимой к обоим албанским диалектам, и с переводом на албанский язык учебников, которые используются в Боснии и Герцеговине. Мы отправили запрос в Бухарест, можно ли найти книги в магазинах, но ответ был отрицательным.

Самую важную роль в нарастающем интересе к албанскому вопросу играют албанские комитеты в Южной Италии, Константинополе, Бухаресте и Софии, которые через просьбы к соответствующим правительствам ищут средства помочь соплеменникам в Албании регулярными изданиями.

Албанские публикации

Важнее всего издаваемый на итальянском языке журнал «Национе албанезе» («Nazione Albanese»), не из-за своего содержания, а из-за связи с албано-итальянскими комитетами (573b). Он является их глашатаем, но об этом поговорим позднее.

Кроме того, необходимо упомянуть журнал «Шкипетар» («Skipetar» «Албанец»), издаваемый на диалекте тосков в Буха-

ресте; газету «Итифак» («Ittifak»), издаваемую в Софии на турецком языке одним албанцем из Дибры; ежемесячный журнал «Албания», издаваемый на албанском и французском языке в Брюсселе Фаик-беем из Коницы, скрывающимся под псевдонимом «Транк Спиро-бей».

«Национе албанезе» категорически выступает на стороне итало-албанской пропаганды. «Шкипетар» главным образом посвящен албанцам Македонии и ратует за соглашение между Албанией и Румынией. «Итифак» в Софии находится под влиянием албанского комитета в Константинополе и через некоторых своих членов связан с самим султаном. Все эти издания в той или иной степени являются противниками Австро-Венгрии и обвиняют ее в том, что она желает расширить свои пределы за счет албанцев. Только журнал «Албания» с первого выпуска воздерживается от проявления враждебности к нам.

Ни одно из изданий не имеет многочисленной аудитории в Албании, отчасти из-за небольшого числа грамотных албанцев, отчасти из-за барьеров, создаваемых турецкими властями перед распространением подобной литературы в границах Османской империи.

Еще в декабре 1896 г., во время совещания, посвященного положению в Албании, Министерство иностранных дел обсуждало возможность создания албанского журнала и другого ежемесячного издания, которое бы разъясняло албанцам, каковы их национальные интересы, и попыталось привлечь сторонников нашего государства. Поэтому еще в прошлом году мы провели предварительные исследования и располагаем (574) предложением надворного советника фон Таллоши, который рекомендовал основать в Заре албанское издание, которое должно стать проводником интересов жителей области.

Присоединение к журналу «Албания»

Одновременно мы готовы использовать для наших целей какое-либо из уже существующих изданий, известных албанцам.

Реальная возможность нам представилась, когда издатель журнала «Албания», выходившего в Брюсселе, пожелал изложить Министерству иностранных дел свои литературные и политические намерения. К его желанию отнеслись с уваже-

нием, и Транк Спиро-бей прибыл в Вену. Выслушав его и подробно обсудив цели и средства, которыми он предполагает их достичь, мы установили удовлетворительное совпадение между его и нашими интересами. Можно сказать, что в лице Транк Спиро-бея мы нашли верный инструмент для выполнения программы и думаем, что если его поведение оправдает наши ожидания, то мы обеспечим ему регулярное финансирование. Таким образом, редактор журнала на практике предоставил свое издание в наше распоряжение. Кроме литературных, исторических и экономических статей, журнал публикует и материалы, благоприятные для наших планов. Сам Транк принял обязательство печатать все материалы, которые мы ему отправим. Помимо того, он берет на себя и распространение журнала в Албании. И это не всё. Он считает что вся планируемая деятельность осуществляется во имя идеи национального объединения албанцев и перспективы будущей автономии Албании, а роль Австро-Венгрии в этом можно подготовить, организовать и развить следующими средствами:

а) Публикация и распространение популярных изданий с националистическим содержанием, но без явного политического характера. Для этого Транк Спиро-бей обещает не клеветать на султана и не очернять ни его, ни турецкое правительство; избегать всего, что может привести к обвинению в существовании заговора в среде национального движения (574b);

б) Создание патриотически настроенного общества;

в) Регулярная корреспонденция с влиятельными албанцами;

г) Отправка агентов в албанские центры за рубежом;

д) Непрерывная пропаганда через национальные школы;

е) Привлечение мусульманских религиозных лидеров (сам Транк — мусульманин);

ж) Борьба с иностранной пропагандой, поддерживаемой некоторыми албанцами, живущими за пределами страны, и планирующей использовать и эксплуатировать албанский народ. Поэтому людям необходимо объяснять ее эгоистические цели. Пример в этом отношении — итало-албанское движение, которое, по мнению Транка, по сути итальянское.

После разговора с Транком вышел декабрьский номер жур-

нала, в котором провозглашалась крайне благоприятная для нашей албанской программы стратегия — борьба изо всех сил во имя национальных интересов без различий по религиозной принадлежности и вопреки вражде между кланами. С большим пылом обсуждались вопросы обучения на албанском языке, приведения в порядок улиц и железнодорожных линий как обязательного условия экономического развития страны. Сейчас мы ждем момента, когда наши консулы передадут информацию, смог ли Фаик-бей распространить журнал среди широких читательских масс в Албании, и какой оказалась реакция публики.

Популярные «Истории Албании»

На совещании в Министерстве иностранных дел было принято решение работать над пробуждением национального чувства албанцев через распространение исторических книг, написанных легким и понятным языком. Для осуществления этой задачи мы начинаем подготовку к изданию популярных рассказов на языке гегов, которое будет профинансировано Министерством иностранных дел. Книга скоро выйдет из печати, и мы намереваемся совершенно секретно распространить ее среди народа через наших доверенных агентов.

Внешняя итало-албанская пропаганда (575)

В прошлом году Министерство иностранных дел приложило большие усилия к сбору материалов для пропаганды, ведущейся в Албании из-за границы. Первым делом мы обратили внимание на итальянскую пропаганду, поскольку она наиболее активно и разрушительно действует против наших интересов. В качестве отправной точки используются албанские колонии в Калабрии и на Сицилии. Численность албанцев, живущих там, составляет около 150 000–200 000. Они в общих чертах сохранили свой язык, но внесли в него много итальянских и греческих слов. В соответствии с идеей Криспи, в конце 70-х годов были налажены активные связи этих колоний с родиной, и они продолжают активно развиваться из-за интенсивной торговли между двумя берегами Адриатического моря. Таким способом осуществляется политическое влияние на албанцев

восточного побережья. Так, в 70-е годы в Калабрии возникло литературное движение, которое в 1895 и 1897 гг. развилось до организации албанских языковых конгрессов в Лунгро.

На этих конгрессах было учреждено Албанское национальное общество, чей нынешний председатель — адвокат Ансельмо Лорекио, значительно более энергичный и радикальный, нежели предыдущие председатели, профессор Де Рада и монсеньор Камодека.

Одновременно с этим обществом в Неаполе сформировался другой итало-албанский комитет, возглавленный маркизом Аулетой, который представлялся прямым наследником Скандербега, и за которым итальянское правительство признало право носить этот титул и оружие албанского национального героя.

Благодаря нашему посланнику в Риме, мы хорошо информированы (575b) о движении, руководимом Албанским национальным обществом. Наш тайный агент внимательно за ним наблюдает. Согласно первоначальному уставу, общество должно носить сугубо научный и языковой характер, быть направленным на усовершенствование албанского языка и духовное и интеллектуальное развитие албанцев по обе стороны Адриатики. Поэтому исключается любая политическая деятельность. Однако на втором лингвистическом конгрессе изначальные положения устава были отвергнуты, а чисто научные цели замещены националистическими, направленными на создание независимой Албании под руководством Италии.

Нынешнее итальянское правительство проявляет сдержанное отношение к этой запутанной программе, у которой немного сторонников в турецкой Албании, вопреки тому, что многие католические священники, конкретнее — албанский клир, поддерживают связи с Албанским национальным обществом, а движение привлекло на свою сторону даже некоторых албанских беев центральной части страны.

Вопреки всему, мы должны очень внимательно следить за их пропагандой, поскольку, если она не встретит препятствий и будет усиливаться, а на Балканах вновь возникнут политические конфликты, то она может стать опасным инструментом в руках итальянского правительства и проитальянских сил и сыграть решающую роль в развитии событий.

Итальянские школы в Албании и школы для албанцев в Италии

Благодаря инициативе Криспи в Албании, были открыты так называемые «итальянские королевские школы», которые обеспечивают большую популярность католическим школам под австро-венгерским протекторатом и вызывают симпатии к Италии у некоторых албанцев. Помимо того, итальянское правительство поддерживает в Скутари три государственные школы и финансирует шесть религиозных. В ноябре для воспитанников итальянских школ в Скутари были обеспечены и места в колледже «Сан-Адриано» в Косенце.

Этот колледж главным образом основан для албанских колоний в Италии, связан с одной объединенной греческой семинарией и финансируется за счет пожертвований. Кажется, что его основанием итальянское правительство спровоцировало созыв второго лингвистического конгресса в Лунгро, на котором хотели сконцентрировать в «Сан-Адриано» гимназическое образование всех воспитанников итальянских основных школ за рубежом. Специально для этой цели было основано подворье для преподавателей албанского языка и открыты вакансии учителей.

Идея состоит в том, что если увеличится количество мест в высшей ступени образования, привлекательность итальянских школ возрастет.

Однако не будем пренебрегать тем фактом, что хотя итальянское правительство и поддерживает корректное отношение к Австро-Венгрии, итальянские консулы работают против австрийского протектората, как и директоры некоторых школ в Албании.

Другие албанские комитеты — в Софии и Бухаресте

Информация о них поступила от наших представителей в Софии и Бухаресте. Однако они считают их маловажными, с учетом членов комитетов и средств, которыми они располагают. Итало-албанские комитеты делали попытки установить с ними связи, но безрезультатно.

Обобщение и результаты, заключения

Всё, сказанное до этого, описывает положение, с которым столкнулись австро-венгерские представители при исполнении принятой в декабре 1896 г. программы по созданию национальной идентичности и пробуждению национального чувства у албанцев Османской империи. Кроме того, мы упомянули средства (576b), которыми располагает Австро-Венгрия для повышения своего влияния среди них.

В данный момент, однако, налицо три значимых результата. Территория действий трудна и недостаточно хорошо изучена. Необходимо работать аккуратно. В 1897 г. консулы сумели исследовать условия, в которых им требуется осуществлять свою деятельность, получили информацию о настроениях людей в различных областях, изучили иное иностранное влияние и на основании этих наблюдений сумели переосмыслить тактику, средства и методы, чтобы инфильтрироваться в страну и выполнить поставленные задачи.

Были подготовлены реформы, которые позволят лучше использовать возможности, предоставляемые протекторатом над католическими церквями и учебными заведениями. Если образование в албанских католических общностях улучшится до такой степени, что молодежь почувствует свою принадлежность к одной общей нации с единым национальным духом, то нейтрализуется конкуренция в Северной Албании со стороны итальянских школ и Италии в целом.

Значительно более серьезные трудности имеются там, где требуется повлиять на мусульманское население. Ясно, что мы крайне затруднены в реализации программы 1896 г. и применении средств, намеченных в ней. Свобода передвижения наших консулов ограничена бдительным наблюдением со стороны местных турецких властей. Наш посланник в Константинополе многократно предупреждал, что консулы должны действовать исключительно предусмотрительно в интересах глобальных целей в Османской империи (577).

Разрастание национальных устремлений в соседних странах заставляет албанцев чувствовать себя менее защищенными. Но лишь меньшинство молодежи, поддерживающее

контакты с албанцами за рубежом, осознает необходимость пробуждения чувства национальной идентичности. Народ очень далек от этой идеи. Возможности имеются, прежде всего, в Центральной Албании и в меньшей степени — в северной и северо-восточной частях страны.

Консул Иппен нас информирует о борьбе между кланами малисоров. В Ипеке и Дьякове враждуют сторонники Раза-бея и люди Зурая. Эти локальные войны поглощают всю энергию народа, и ему не остается возможности осознать, что могут существовать общенациональные интересы.

Видные и уважаемые мусульмане в Скутари притесняют католические племена в горах на границе с Черногорией, а это заставляет их лидеров симпатизировать князю Николе.

Отовсюду сыплются жалобы на плохое турецкое управление, но недовольные не имеют внутренней организации. Турецкое правительство со своей стороны делает все возможное, чтобы это разъединение продолжалось, и подогревает конфликты между католиками, православными и мусульманами, а также между гегами и тосками, поскольку, пока они раздроблены, ими легко управлять.

Именно поэтому турецкое правительство отказывается выполнять просьбы комитетов за рубежом об открытии албанских школ, улучшении коммуникаций (дорог) и, вопреки турецкому сопротивлению, об улучшении ситуации с албанским национальным вопросом. Нам также трудно (577b) работать в этом направлении вне рамок религиозного протектората.

Мы не можем ожидать ни эффективной деятельности со стороны наших консулов, ни увеличения их числа, если не походатайствуем перед Высокой Портой об улучшении положения албанцев. Как показывает нынешний наш опыт, мотор, основной движущий механизм всей албанской программы находится в Константинополе. Как соседняя страна мы вправе указывать Порте, что, поскольку Албания раздроблена и неспокойна, то она остается открытой для любых иностранных интриг и является потенциальной площадкой для опасных волнений, способных перерасти в более серьезные конфликты. Напротив, если Албания будет объединена и культурно раз-

вита, то это упрочит турецкую власть и послужит преградой сербской и черногорской экспансии. Это поможет сохранению статус-кво на Балканах, продолжение которого как можно дольше желательно как туркам, так и нам. Может быть, прямые действия перед турецким правительством уменьшат его недоверие к нам, и мы сумеем его убедить проявить уважение к албанскому вопросу, как оно поступает по отношению к другим народам в своих пределах.

Но главное — то, что прямое заступничество перед турецким правительством обеспечит нам симпатии албанцев, повысит престиж Австро-Венгрии среди них, и, вследствие этого, они начнут более активно искать с нами контакты, поскольку даже самые горячие сторонники национальной независимости отдают себе отчет в том, что у них нет достаточных сил для достижения целей, и они нуждаются в иностранной поддержке. Они ищут ее и будут довольны, если мы открыто поддержим их дело. Таким образом, мы (578) навсегда покончим и с любой другой иностранной пропагандой в Албании.

Но при нынешнем положении нет гарантий, что мы сможем достичь своих целей, а именно — побудить албанцев объединиться и встать на защиту национальной независимости, несмотря на отношения, которые мы установили с монсеньором Примо Доки, и старания наших консулов связаться с другими лицами, имеющими влияние в Скутари, Скопье, Призрене, Валоне и Дурресе. Нет гарантий, что и в будущем цели оправдают наши финансовые затраты.

Монсеньор Доки в своем декабрьском докладе министру иностранных дел утверждал, что вынужден приостановить свою деятельность из-за нарастающих подозрений как со стороны турецких властей, так и самих албанцев. Нельзя рассчитывать на эффективные связи между нашими консулами и албанскими беями, симпатизирующими национальным идеям, пока не будут развеяны негативные впечатления от ареста Дервиша и Мурада бея вследствие поездки консула Иппена по Центральной Албании.

Не будем пренебрегать мерами, указанными в программе действий от декабря 1896 г. Их следует переосмыслить на ос-

нове комплексного осуществления наших целей и предложений, поступивших от наших консулов, а именно:

— Ходатайствовать перед Высокой Портой об освобождении Пренка Биба Доды и о предоставлении горным католическим кланам на границе с Черногорией гарантий защиты от притеснений со стороны мусульманских беев Скутари;

— Рекомендовать и поддержать новое административное деление турецких провинций в пользу албанского населения. В этом вопросе, вероятно, нам следует принять во внимание предложение, сделанное в 1880 г. (578b) относительно албанских горских племен;

— Открыть школы с преподаванием на албанском языке и в мусульманских частях Албании;

— Снабдить эти школы учебниками и книгами на албанском языке;

— Открыть австро-венгерские консульства в Эльбасане, Тиране, Берате и Ипеке.

— Очевидно, что для осуществления всех этих мероприятий необходимо ясно заявить перед Высокой Портой, какова наша позиция по албанскому вопросу.

Вот почему надо вновь подчеркнуть необходимость в следующем:

— Создание частой и регулярной транспортной связи между Скутари и австро-венгерскими портами;

— Установление более тесных торговых отношений с Албанией за счет предоставления разрешений на проезд албанских торговцев и более благоприятного торгового налогообложения;

— Требование к управляющему совету турецкого общества эксплуатации железнодорожных линий о проявлении со стороны технических и медицинских служб участка Митровица–Салоники большего внимания, чем сейчас;

— Предоставление образования албанской молодежи в австрийских гимназиях и торговых колледжах, а также создание рабочих мест для них;

— Создание корпуса преподавателей албанского языка в Торговой академии или Национальной академии восточных языков в Вене.

Кроме того, необходимо внимательно изучить предложение из доклада дворцового советника Таллоши Императорскому и Королевскому управлению Зары относительно возможности и способов использования в наших политических целях албанской колонии в Борго Эрицо и эффекта, который оказало бы создание албанского журнала в Заре.

Вена, 11 января 1898 г.,

Цвидинек.

Приложение IV

СОСТОЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В АЛБАНИИ В КОНЦЕ 1901 г. И СВЯЗИ ИМПЕРАТОРСКОГО И КОРОЛЕВСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА С НИМ[1]

В меморандуме о действиях, нацеленных на гарантирование политических интересов Австро-Венгрии в Албании, который я представил Вашему превосходительству 11 января 1898 г., я имел возможность изложить реальные ограничения влияния, которое Императорское и Королевское правительство планирует проводить в этой стране. Турецкая власть видит в распространении албанского национального самосознания потенциальную угрозу своему собственному правлению, и потому пытается пресечь усилия, направленные к объединению всех албанских кланов.

В этом плане Высокая Порта (Турция) никак не изменила своего отношения за все минувшие годы. Действительно, тем временем были проведены ассамблеи видных албанцев в Ипеке и Дибре с предварительного одобрения центральной власти. По турецкой инициативе созываются и конференции, на которых должны обсудить вопрос об общих интересах различных кланов. Но при этих действиях правительство султана имеет в виду лишь объединение мусульманских слоев и желает с помощью их лидеров организовать военный контингент для защиты албанской территории. Но из-за религиозного фанатизма это стало бы препятствовать объединению с горными христианскими кланами. На этих конференциях слышатся и отдельные голоса в поддержку создания национальных

[1] HHStA. PA I. K. 473. Der Stand der nationalen Bewegung in Albanien am Schlusse des Jahres 1901 und das Verhältnis der k. und k. Regierung zu derselben. Zwiedineck. Jänner 1902.

школ с преподаванием на родном языке и большего уважения к албанскому населению со стороны местной администрации. Константинополь, однако, остается безучастным к этим требованиям.

В действительности число турецких школ в вилайетах Косово и Монастир увеличивается, но в них не замечается никаких признаков введения албанского языка. Запрещено распространение албанских учебников, ставятся препоны ввозу албанских газет из-за рубежа.

При таких обстоятельствах становится затруднительным расширение пространства, в рамках которого мы бы могли содействовать защите албанских национальных интересов.

Вопреки трудностям, чинимым турецкими властями, наши усилия в этом направлении не прекращались ни на миг, и мы даже можем похвалиться известным прогрессом в отношении подготовленной в 1896 г. программы.

Императорское и Королевское правительство с большим усердием содействует организации школ и католических образовательных центров в Албании, одновременно пытаясь наладить связи с мусульманским населением страны и засвидетельствовать перед ним свои добрые намерения.

Наше намерение открыть австро-венгерские консульства в некоторых центрально-албанских городах с преобладающим мусульманским населением не было одобрено Высокой Портой. Поэтому пришли к решению, что на летние месяцы консулы в Валоне и Дурресе переедут за несколько недель в Берат и Тирану. Тем самым они будут иметь возможность лично ознакомиться с жизнью самых отдаленных от берега городов. Как и можно было предположить, поначалу они встретили очень холодный и сдержанный прием со стороны как властей, так и населения. Но с течением времени их отношение изменилось, поскольку наши консулы продемонстрировали безупречное поведение, избегали всякого вмешательства во внутренние дела администрации и опровергли опасения, что они попытаются повлиять на население и настроить его против турецкого правления. Когда отношения наших консулов с местным руководством приняли удовлетворительное развитие, неофициальные круги также начали искать с ними связь таким

образом, чтобы не испортить доброе отношение к ним со стороны властей.

Императорский и королевский вице-консул в Монастире Крал совершил секретные путешествия по обширной области, за которую отвечал; познакомился со страной и ее людьми, сумел установить контакт с некоторыми очень уважаемыми албанскими беями, известными своим пламенным патриотизмом. Вся эта деятельность способствовала формированию у нас более полного представления об албанском вопросе.

Благодаря его информации и другим достоверным источникам, сейчас мы имеем более подробное представление об охвате и глубине, до которой пустила корни идея развития Албании по направлению к национальной независимости. С соответствующей поддержкой эта идея будет становиться всё более и более популярной.

В этом отношении, однако, существуют большие различия в разных частях Албании. Природные условия и историческое прошлое разных племен мешают культурному развитию населения.

Веками албанский народ был вынужден искать заступника перед иностранными завоевателями, желавшими захватить его территорию. Горы предложили ему себя в этой роли, и народ, живущий там, разделился на большие группы, которые до сих пор обитают изолированно на альпийских грядах от Черной Горы до Пинда.

Самые северные кланы осели на крутых склонах к северо-востоку от Скутарийского озера и труднодоступных склонах Шар-планины. У них не было иного выхода, кроме признания господства сербских королей. Позднее, когда страну заняли турки, население было вынуждено подчиниться султану. Благодаря недоступности гор и смелости своих воинов, албанцы сумели сохранить часть своей автономии даже под чужим владычеством. В горных селах с католическим населением в пашалыке Скутари, как и в большей части мусульманских земель вокруг Ипека, Дьякова и Призрена, султанская власть никогда не могла установить полное господство. У албанских католиков Мирдита и Горного Скутари, а также у мусульманских кланов, упомянутых ранее, верховенство принял старейшина

рода. Как у старых благородных родов и библейских общин древних времен, тут старейшина обладал единоличной и неограниченной властью.

Все албанские племена радовались, что султан стал их правителем, поскольку он заботился о них и защищал от иностранных нападений. Они были готовы ему служить, если тот призовет на войну. Но даже знать не хотели налогового гнета или обязательной военной службы. Они хватались за оружие всякий раз, когда власть пыталась наложить на них ограничения вразрез с традиционными патриархальными нормами и привилегиями. Ничто для них не стоит выше общих интересов клана, но отсутствует чувство национальной принадлежности, способное объединить различные кланы для общей защиты и общего культурного прогресса. Это наиболее явственно демонстрирует непрерывная вражда между благородными родами за контроль над областью. Чтобы сохранить превосходство в силе над противником, нередко роды вступали в союзы с местной властью, хотя противниками становились представители их же народа. Со своей стороны турецкое руководство любило разжигать эту вражду, не беспокоясь о вреде, который она причиняет всей стране, поскольку полагало, что разрозненность албанцев — действенное средство для подавления возможных проявлений бунта по примеру христиан на границе с Сербией. По той же причине турецкое правительство никогда всерьез не думало о разоружении кланов Северной Албании. Напротив, оно очень благосклонно смотрело на бунты и насилие таких местных главарей, как Хаджи Зека, Али Раза-бей, Байрам Дзурай и других, ставших хозяевами страны.

Условия для развития албанского национального чувства более благоприятны на территории, расположенной между реками Мати и Вьеса; на юге доходящей до горы Пинд и возвышения у Загории и Янины; на востоке — до долины Черного Дрина, Охридского озера и горы Грамос. Тут пейзаж сильно отличается от прочих. С крутых возвышенностей при Скрыте рельеф становится все легче к разветвлению центрального албанского массива. Шкумба, Земан и другие реки, текущие к морю с гор и с Охридской долины, упрощают коммуникации между побережьем и внутренними районами страны.

Главный торговый путь в этой части Албании начинается с Дурреса, минует Эльбасан и Охрид, доходит до Монастира, а оттуда — до Салоник, почти совпадая со старой римской дорогой, названной Виа Эгнация. Другой путь начинается в Валоне, идет через Берат и Корчу до Кастории в Македонии. По этим дорогам с незапамятных времен в Албанию прибывают товары и идеи из более передовых стран Западной Европы; но, с другой стороны, они же пролагали пути враждебным нашествиям сербских, болгарских и, наконец, турецких завоевателей. Таким образом, Центральная Албания вопреки тому, что ее воины приняли деятельное участие в славной защите страны под командованием Скандербега, была вынуждена беспрекословно подчиниться турецкому нашествию. Землевладельцы сумели сохранить свои земли как феод лишь при условии, что принимают религию турецких хозяев. Это условие казалось им терпимым, поскольку султану они были нужны, лишь когда требовалось мобилизовать армию, а в остальное время он оставлял управление страной в руках старых благородных родов. Но когда султан Махмуд изменил систему административного управления, а его наследники стали назначать пашей из Константинополя и других турецких провинций на места областных руководителей в Албанию, это пробудило дух сопротивления среди принявших ислам албанских беев. Они пытались противостоять ассимиляции, которую Константинополь намеревался осуществить в отношении их народа, прилагали усилия по сохранению родного языка и были готовы до последней капли крови защищать свои национальные интересы.

Можно утверждать, что центрально-албанские города: Берат, Круя, Тирана, Эльбасан и Корча — сегодня основные очаги национальных идей, устным и письменным распространением которых занимается целый ряд горячих патриотов.

В Эльбасане один из самых видных и богатых албанцев — Дервиш-бей. В Тиране живет много видных представителей рода Топтан, которые поставили себе задачей развитие албанского языка как основы нации. Роды Врионы из Берата и Влеры из Валоны также поддерживают эту позицию, но поскольку они не хотят ухудшать свои отношения с центральной влас-

тью, то выражают свое национальное сознание более скрытым способом.

Заслуживает упоминания открытие школ, мужской и женской, в Корче, средства на которую предоставили албанские христиане и мусульмане, также расположенные благосклонно.

В конце 1898 г. в школе для девочек училось 45 девушек, из которых 16 — мусульманки. Однако султан обязал их родителей забрать детей из этой школы, поэтому там сейчас учатся лишь христианки.

Запрет, наложенный турецким правительством на распространение албанских публикаций, и препятствия национальному образованию привели к тому, что некоторые из самых выдающихся местных беев обратились к нашим консулам в Монастире и Дурресе с просьбой помочь им в просветительской деятельности, доставляя албанские учебники, газеты и другие издания, выходящие в Бухаресте, Софии и Александрии. Хотя и эта просьба лишь частично удовлетворена из-за негативного отношения турецких властей, вероятно, у албанцев есть основание верить, что австро-венгерское правительство заинтересовано в их культурном развитии. Они верят, что если публично изъявить желание защищать свои национальные интересы, Австро-Венгрия встанет на их сторону.

Введение албанского языка в программу финансируемых нами школ Скутари и Тираны произвело очень хорошее впечатление. Этому дополнительно способствовали значительные субсидии, отпущенные на поддержку школы в Корче. Кроме того, наши консулы в Скутари, Монастире и Дурресе благодаря разумной помощи и подаянию сумели завязать дружеские отношения с самыми видными местными жителями.

Большую пользу интересам Австро-Венгрии в Албании приносят связи, которые мы наладили с издателем албанско-французского журнала, выходящего в Брюсселе.

В этом ежемесячном издании, финансируемым нами, сотрудничают и христиане, и мусульмане. Его задача — познакомить албанский народ с его историческим прошлым через образовательные статьи, которые подчеркивают необходимость общего культурного развития. Оно указывает на примеры других наций в подобном положении, отвергает разделение на

партии и конфессии и призывает к единению всех албанских кланов без оглядки на вероисповедание и местные предрассудки.

Вопреки запрету на распространение албанской печати в стране, журнал «Албания» год от года расширяет круг читателей. С начала 1899 г. наряду с ежемесячным изданием выходит с регулярностью раз в две недели приложение «Албании» («Албания е вогел»), которое специально публикует политические новости и краткие примечания к событиям, заслуживающим, чтобы о них узнали.

Директор журнала «Албания» имеет особые заслуги в сфере объединения книжного языка. Оба основных албанских племени: тоски, живущие в южной и большей части центральной области страны, и геги, занимающие Северную Албанию и часть Центральной, — разделены рекой Шкумбой, являющейся маркером языковой границы между двумя диалектами. Различия между ними столь велики, что одно племя не понимает другое или понимает с большим трудом, если не знакомо с его говором. При этом геги и тоски используют разные графические системы письма. Геги всё еще используют старую азбуку, составленную в Скутари епископом Богдано в конце XVII в. для печати религиозных книг, а тоски пользуются более новой азбукой, составленной в Константинополе. В 1879 г. в турецкой столице собралась группа албанцев с высоким уровнем национального сознания во главе с братьями Фрашери: Абдул-беем, Наим-беем и Сами-беем. Они создали азбуку, которая сегодня из Янины и Тираны распространилась на всю Албанию.

Фаик-бей, директор журнала «Албания», происходящий из тосков-мусульман, считает, что языковые различия — основное препятствие к более тесному союзу между населением севера и юга. Потому он задался целью подготовить путь к языковому объединению через введение новой азбуки, которая уменьшит существующие различия. Одновременно он стремится заполнить лексические лакуны через использование слов, сохранившихся фрагментарно в маленьких селах и в старых народных песнях, но забытых большинством. Подобную цель преследует и языковое общество, основанное

в 1899 г. в Скутари аббатом Мирдита монсеньором Примо Доки. Однако азбука, которую общество предлагает ввести, всё еще встречает упорное сопротивление среди некоторых албанских епископов. Это может объясняться мелким соперничеством, поскольку не всех епископов позвали сотрудничать с проектом. Простота графической системы языкового общества, как и соответствие всех букв азбукам большинства романских языков, — преимущества, которые, несомненно, с течением временем приведут к общему признанию и заставят сегодняшних противников новой азбуки изменить свое мнение. Журнал «Албания» согласовывает свое письмо с азбукой языкового общества в Скутари вплоть до мельчайших подробностей. Другой албанский журнал, выходящий в Египте, также принял азбуку Доки.

Это представляет собой значительный шаг на пути к достижению столь желанного языкового объединения. Однако станет ясно, чего это стоит в действительности, лишь когда тоски, в настоящее время использующие систему Фрашери из уважения к нему, также познакомятся с новым способом письма.

За последние годы и Фаик-бей, и языковое общество в Скутари приложили большие усилия к печати книг, отвечающих громадной нужде в учебных материалах для молодежи и подходящих для широких читательских кругов.

После первого издания «Истории Албании», изданной в Вене под редакцией австро-венгерского Министерства иностранных дел, и распространенной в стране через доверенных людей, языковое общество в Скутари подготовило к изданию следующие книги: 1) Карта Албании; 2) Сборник для чтения второго отделения; 3) Албанская грамматика; 4) Учебник начал арифметики; 5) Первая часть учебника богословия; 6) Христианская история.

Все эти проекты одобрены и профинансированы Министерством иностранных дел и распространены как пособия в школах Скутари, Сапы, Мирдита.

Издательство «Албании» опубликовало за тот же период «Горный календарь» за 1900 и 1901 гг. и путеводитель на албанском языке для взрослых. Иезуитская типография в Скутари издала краткий справочник в помощь животноводам под за-

главием «Значение животноводства для процветания сельского хозяйства».

В журнале «Албания» Фаик-бей радует своих читателей приложениями, содержащими краткие рассказы об истории страны.

Прекрасный прием среди населения этих изданий на албанском языке указывает на огромную потребность в образовании народа, осознавшего свою культурность отсталость по сравнению с другими балканскими нациями.

Турецкое правительство напрасно пытается остановить это развитие, оставляя без последствий многократные просьбы албанцев о создании национальных школ с преподаванием на родном языке. В ряде городов Центральной Албании уже созданы общества, нанявшие на свои средства учителей. Они преподают всем желающим чтение и письмо на албанском языке в помещениях, нанятых или предоставленных местными патриотами. Весьма удовлетворителен факт, что в этих начинаниях участвуют как христиане, так и мусульмане, и различие в вероисповедании не создает препятствий.

Тот факт, что религиозные различия в Центральной Албании не столь остры, сколь в северо-восточной части страны, объясняется в значительной степени влиянием и толерантным посредничеством ордена бекташских дервишей. Их лидер живет в Дервен-теке, монастыре около Круи, и пользуется огромным уважением в мусульманском мире. Поскольку он сам — албанец, то проявляет горячую симпатию к культурным устремлениям своих соплеменников.

Оценивая ситуацию в центрально-албанских землях, мы не можем пройти мимо событий, которые в прошлом веке связали население этих мест с албанцами юга.

Там Али-паша из Тепелена хотел управлять независимой от Турции страной и между 1780 и 1810 гг. поставил под свой контроль, когда военными победами, а когда и хитростью, всю территорию от Шкумбы до залива Амбрация. Он выбрал столицей Янину, а вокруг него собрались все люди, надеявшиеся получить славу и высокие посты. Под его покровительством процветали ремесло и торговля. Хотя он и не умел читать, но смог оценить роль хорошего образования. Поэтому помогал

организации в Янине греческих школ, где греческие учителя обучали албанских детей совместно с многочисленными маленькими греками. Чтобы защитить свои земли от Высокой Порты, Али собрал под знамена не только албанских беев, но и арматол (главарей местных банд). После своего поражения христианские народы Сули и Химары приняли участие в войне за освобождение Греции. Когда возникло молодое греческое государство, его границы распростерлись на севере до залива Арта, и равнина к югу от Янины осталась под греческой властью. Это заставило албанцев перебраться в горы пашалыка Янина. Так греческий язык охватил новые территории, а албанские беи с трудом смогли сохранить свою идентичность перед лицом преобладающего греческого населения. Если мы проанализируем нынешний этнический состав области Янина и санджака Берат, то насчитаем лишь 1 272 грека на 136 000 албанцев. В Аргирокастро 27 000 греков на 110 000 албанцев. В Превезе оба этноса находятся в относительном равновесии. В области Янина, однако, проживает лишь 47 500 албанцев, в то время как греков — 100 000. Жители Центральной Албании видят в этой диспропорции угрозу собственной гегемонии. Когда в 1878 г. Берлинский конгресс предложил Греции расшириться до Каламаты в Эпире и до Саламбрии в Фессалии, беи Южной Албании, среди лидеров которых есть и два представителя рода Вриони, попытались объединить все кланы тосков в одну лигу, чтобы предотвратить греческую аннексию албанских территорий. Позднее, когда в 1881 г. в результате изменения границ на конференции посланников в Константинополе Греция получила территории до Арты, Трикалы и Лариссы, албанцы центральной части страны посчитали своим долгом спасти живое национальное сознание через развитие книжного языка и заодно со своими братьями с севера попытались воспрепятствовать возможному новому урезанию национальной территории.

На встречах с турецким правительством всё чаще и громче звучали голоса, публично заявлявшие о желании признания национальных интересов албанского народа, о желании объединения разрозненных административных провинций в одну общую национальную территорию.

Если после минувшей греко-турецкой войны, в которой албанские кланы участвовали на стороне султана и отбивали греческие атаки, Высокая Порта склонилась к исполнению этих желаний, то сейчас она старается удержать в руках албанское национальное движение и тем самым значительно укрепить свою власть в стране. Подобная уступка не представляет собой угрозы турецкому правительству, поскольку преимущественная часть населения Албании — мусульмане, которые предпочли бы не терять тесной связи с Османской империей. Однако в Константинополе опасаются, что подобное национальное движение может оказаться благоприятным для иностранных планов. Поэтому там недооценивают значение нарастающего недовольства и лояльности народа, столь важных для защиты империи.

Лишенные возможности трудиться над развитием собственной родины из-за негативного отношения властей, одни из самых лучших сынов Албании покинули страну; отчасти — чтобы избежать пристального наблюдения за ними, отчасти — чтобы спокойно подготовить освобождение Албании от турецкой тирании.

В Константинополе, Бухаресте, Софии и Каире возникают организации, которые ведут пропаганду по признанию стремления Албании к институциональным гарантиям ее развития как нации. Албанцы, живущие за пределами страны, непрерывно напоминают о трудном положении, в котором находятся их собратья, и призывают оказать им помощь. Эти организации не имеют единой ориентации, поскольку частые внутренние споры и распри из-за власти неблагоприятно отражаются на деятельности их членов. Но вопреки всему они способствуют горячему интересу к судьбе родины у албанцев, живущих в изгнании. По их инициативе было учреждено множество албанских изданий, которые через Бухарест достигали Албании. Стоит вопрос в основном о «Шкиперии» и уже известной газете «Ил'и Шкиперизе» («Албанская звезда»), которые некоторое время выходили в Бухаресте. Но очевидно, что средства поддержки этих периодических изданий недостаточны. Через Фаик-бея, который поддерживает связи с этими организациями, и через наших дипломатических представи-

телей в Бухаресте, Константинополе, Софии и Каире мы в состоянии контролировать их деятельность, которая, однако, сейчас недостаточна.

Значительно более результативна, нежели деятельность албанских организаций, итало-албанская пропаганда. Ее программа также претендует на защиту национальных интересов албанцев, хотя реальная ее цель — усиливать итальянское влияние в стране. Эта политика показала свою истинную суть высокопарной агитацией, которая в последнее годы велась в Италии, за установление более тесных связей с Албанией. Вместо предыдущего Албанского национального общества, чьей главной целью было развитие албанского языка во многочисленных колониях в Калабрии и Сицилии, вопреки тому, что большинство тамошних жителей были итальянизированы; в 1900 г. образовалась Албанская национальная лига с отделениями во всех комитетах всей Южной Италии. Новой организации служат все перечисленные печатные органы — «Национе албанезе», «Албания», «Новая Албания», «Газета албанезе», публикуемая Отечественным комитетом в Неаполе. Указанные издания непрерывно обвиняют Австро-Венгрию в том, что она использует католический протекторат в Албании, подготавливая почву для предстоящей оккупации страны. На конгрессах Лиги в Неаполе и Риме также высказывались мнения в подобном духе, и были составлены меморандумы, требующие от итальянского правительства мер против иностранного влияния в Албании. Эти инициативы не остались без результата. Итальянское правительство предприняло ряд действий в ответ на требования конгрессов.

В Скутари уже существуют три итальянские школы — прогимназии для мальчиков и для девочек и начальная школа. Кроме того, в 1899 г. была основана итальянская торговая гимназия, но есть сведения, что готовится открытие школ в Дурресе и Валоне.

После реформы колледжа «Сан Адриано» в Сан Деметрио Короне (Италия) были отпущены средства на оборудование государственных школ, а Главная школьная инспекция вошла в подчинение Главной образовательной инспекции (орган итальянского Министерства иностранных дел).

В Королевском институте ориенталистики в Неаполе открыта кафедра албанского языка. Итальянское консульство в Янине поднято до ранга генерального консульства. В Дурресе и Валоне открыты итальянские вице-консульства.

В ответ на желание иметь более качественные водные и почтовые коммуникации между большими итальянскими и албанскими торговыми центрами введена в строй регулярная линия два раза в неделю, вместо предыдущей раз в две недели, по всему албанскому побережью, которая осуществляется Итальянским обществом мореплавания в Апулии.

Кроме того, наряду с линией от Бриндизи установлена местная пароходная связь между Сан-Джованни ди Медуа и Оботи (вместо перевозки товаров в Скутари). Создана и регулярная почтовая связь между Оботи и Скутари.

Во всех этих итальянских инициативах отчетливо читается желание правительства сместить Австро-Венгрию с ее приоритетного места в Албании, которое она заслужила субсидированием школ и религиозных образовательных институтов, а также поддержкой пароходной и почтовой связей.

Вопреки этому, нельзя утверждать, что итальянская агрессивная политика принимается населением Скутари и других прибрежных городов с особенным вниманием и большим одобрением. Албанцев не просто ввести в заблуждение этим способом действий. Все итало-албанские газеты и печатные издания выходят на итальянском языке. В итальянских школах не введено обучение на албанском. Это ясно показывает, каковы их истинные политические цели. В результате вся итальянская благотворительность сталкивается с недоверием, прежде всего, албанских мусульман в центральной части страны.

Однако это не должно нас успокаивать, и мы не должны позволять школам, финансируемым Императорским и Королевским правительством, отставать от итальянских, а Италии — опережать нас в экономическом отношении.

По этой причине внешнеполитическое ведомство многократно обращало внимание австро-венгерского Министерства торговли на тот факт, что наш товарообмен с Албанией по морскому пути между портами Триест и Фиуме и албанскими портовыми центрами должен быть расширен. Эта инициатива

реализована венгерской стороной через Венгерско-хорватскую пароходную компанию, открывшую линию между Фиуме и Оботи с регулярностью раз в две недели. Сейчас в Триесте идут переговоры между Императорским и Королевским морским флотом и пароходным обществом Рагузы, которое за финансирование линии Триест — Рагуза в состоянии ввести рейсы до Оботи каждые 10 дней.

Императорское и Королевское Министерство иностранных дел проявляет значительное внимание к развитию албанских школ под его протекцией. Это подтверждается улучшением образования во францисканских и иезуитских школах Албании; введением нормативных учебных планов по австрийскому образцу; строительством начальной школы в Скутари и нескольких прогимназий в других албанских провинциях и отправкой молодых албанцев в учительский (педагогический?) институт в Клагенфурте.

Кроме того, в сентябре этого года в Борго Эрицо, на окраине Зары, в местном педагогическом институте был открыт факультативный курс албанского языка. В том же институте открылась и практическая школа, плод соглашения между Императорским и Королевским внешнеполитическим ведомством и государственной казной Зары. Это даст возможность наследникам старых албанских родов Климента, покинувших страну в начале XVIII века из-за турецких гонений и получивших в Далмации приют, предоставленный когда-то существовавшей Венецианской республикой, дать своим детям образование на родном языке. Мы обдумываем введение привилегий для кандидатов на должности учителей, окончивших педагогический институт в Борго Эрицо и владеющих албанским языком. Так мы удовлетворим потребность в кадрах для преподавания родного языка в албанских школах.

Отец Барди, францисканец албанского происхождения, преподаватель своего родного языка в Борго Эрицо, обучает 40 человек в практической школе и 14 — в педагогическом колледже.

Мы надеемся, что спустя несколько лет албанский язык, на котором ныне говорят лишь представители старых албанских родов, превратится в общий язык всей колонии, и все люди бу-

дут уметь читать и писать на нем. Тем самым отношения между ними и родиной станут активнее, а это усилит торговлю между Албанией и нашими портами.

Спустя века турецкого владычества, за которые албанский народ сумел сохранить свои феодальные устои, и всякий род стремился защитить свою местную независимость, понятно, почему идея национального объединения распространяется столь медленно. Однако существуют признаки того, что всё более широкие круги признают объединение как единственное средство создания нации. В этом направлении албанский народ будет искать помощи у той силы, которая окажется готовой содействовать его культурному развитию и поддержать его усилия по национальному взрослению.

Именно эту задачу поставило себе Императорское и Королевское правительство, которое, как всегда, будет поддерживать тесные контакты с лидерами албанского национального движения и оказывать им содействие во всём, что направлено на интеллектуальное и материальное благосостояние албанского народа.

Приложение V

МЕМОРАНДУМ ОБ АЛБАНИИ (С КОНЦА 1901 ДО НАЧАЛА 1905 ГОДА)[1]

Национальное движение в Албании

Усиление национального сознания. Поскольку за последние годы социальные и экономические условия в Албании не улучшились, и не сто ит ожидать, что улучшатся, пока сохраняется турецкое владычество, национальное сознание укрепляется медленно, хотя и непрерывно.

В то же время отмечено усиление интереса к албанскому языку и упрочено убеждение, что признание его официальным языком письменного и устного общения в пределах Османской империи — необходимое предварительное условие желанного политического объединения албанских родов.

Развитие родного языка. Основные усилия патриотов направлены на развитие родного языка, хотя это и возможно лишь нелегально из-за драконовских мер, предпринятых турецким правительством. Вопреки бдительности полиции в деле предотвращения организации населения определенных областей и объединения их с людьми из более отдаленных местностей, во многих городах, например в Тиране, Эльбасане, Скутари [Шкодре], Дибре, Валоне [Влере] и других, созданы тайные общества, целью которых стало формирование представления о принадлежности к одному и тому же народу и осознания необходимости унификации национального языка. Деятельность этих обществ и их членов очень важна. Она состоит в обеспечении и нелегальном распространении книг, газет и других печатных изданий на албанском языке, в подде-

[1] HHStA. PA I. K. 473. Wien. April 1905. Mémoire über Albanien (Ende 1901 bis Anfag 1905).

ржке албанских писателей за границей, в поддержке товарищей, попавших в беду и т.д.

Благодаря неутомимым усилиям самоотверженных патриотов, *знание* родного языка заметно растет. Этот факт стоит подчеркнуть, поскольку, согласно последним турецким законам, даже владение книгой на албанском языке считается преступлением, а самой тяжелой провинностью — распространение албанских газет, ввезенных из-за границы. Потому издатели и распространители таких изданий должны обладать особенной храбростью и мужеством.

Заслуживает упоминания и тот факт, что любовь к родному языку, вопреки навязыванию турецким правительством официального языка извне, глубоко пустила корни среди как мусульман, так и христиан (католиков и православных). Большинство албанских писателей, главным образом, те, что творят за рубежом, — мусульмане.

Указанный факт в большей степени, чем любой другой, может нас привести к заключению, что религиозные различия начинают терять свою значимость перед лицом возможности осознания себя как части нации.

Требование открытия албанских школ. Все упомянутые усилия по сохранению, признанию и развитию языка привели ко всё более активному и спонтанному желанию строительства национальных школ, которые ныне в Албании запрещены. Национальное движение существует и развивается, но очевидно, что в будущем не сможет сохраниться и прогрессировать без наличия национальных школ. Поэтому всё население единодушно и категорично объединяется вокруг желания добиться «*Разрешения на открытие национальных публичных светских школ*». Лишь когда это справедливое желание будет удовлетворено, можно будет гарантировать существование нации и сохранение албанского народа.

Мотивы турецких властей для отказа. Отказ султана удовлетворить это всенародное требование албанцев мотивирован государственными и религиозными принципами, на которых зиждется его империя. Согласно им, никто из мусульман, независимо от его национальной принадлежности, не может полу-

чить образование не турецкое или не арабское. Цель заключается в том, чтобы всё население было образовано идентичным образом в духе общегосударственных религиозных ценностей. Это на практике создает непреодолимую стену между христианскими и мусульманскими элементами, отношение к которым различное. Султан опасается, что если уступить албанским мусульманам в области образования, то последует ослабление его связи с большой частью народа, который еще не забыл свои христианские корни. Падишах боится низвержения этой стены и хочет ее сохранить, чтобы предотвратить объединение албанских мусульман с албанскими христианами. Очевидно, его пугают последствия для структуры собственной власти, если национальные движения охватят мусульманское население империи, объединенное в основном религией и общим турецким языком.

Закрытие обеих албанских школ в Корче. До какой степени Константинополь поддерживает эту точку зрения, видно из того факта, что детям мусульманского происхождения запрещается посещать единственные школы, где в 90-е годы обучались и христиане, и мусульмане. Речь идет о мужской и женской школах в Корче.

Эти два учебных заведения, работа которых основывалась главным образом на совместном обучении, не смогли долго противостоять давлению. Вскоре они перестали существовать как единственные албанские институты. Мужская школа закрыта из-за фальшивого доноса на преподавателей, которые были арестованы по обвинению в том, что являются членами тайной албанской организации (1902). Женская школа закрылась, когда был запрещен албанский язык в обучении (1904).

Политические усилия. Патриотическая деятельность национальных лидеров во всех населенных пунктах Албании, даже небольших, хотя и лишена общего руководства в связи со своим направлением и специальным интересом к родному языку, вскоре связала моральными узами людей, которые в будущем станут для политики серьезным фактором.

Всё чаще наблюдаются активные усилия в любых вопросах, связанных с Албанией, хотя и существует мнение, что народ

сам должен пробудиться к созданию благоприятного климата для самостоятельного решения проблемы своего совместного будущего.

Эхо событий в Македонии. Вопреки нетерпимости к славянам, албанское население проявляет понимание по отношению к македонским болгарам и признает их поведение храбрым. События в Македонии являют собой заразительный пример для всех мыслящих членов албанского общества.

Почти все стремятся к одному и тому же. Албанцы чувствуют необходимость не отставать от других балканских народов, хотя даже эти устремления всё еще не могут одолеть разделения на кланы, препятствующего достижению народом своего объединения. Причина в том, что до сих пор албанской территориальной целостности ничто серьезно не угрожало. Корни местной отсталости, однако, не стоит искать в отсутствии национальной зрелости — они покоятся на чувстве собственной слабости и убеждении, что без помощи извне албанцы не имели бы достаточно сил для борьбы за национальную независимость со всеми врагами, которые их окружают.

Надежды, возлагаемые на Австро-Венгрию. Неоспоримо, что вопреки всем отрицающим это слухам, подавляющее большинство албанских патриотов надеется получить помощь в том, чтобы изложить перед Портой свои пожелания, главным образом от Австро-Венгрии. С учетом этого они рассчитывают на нашу широкую поддержку в рамках нашей государственной политики и позиции различных партий.

Из многих событий и мнений становится ясно, что большинство албанских католиков разделяет эту позицию вместе с православными и мусульманами, имеющими сходную политическую ориентацию. Однако из мусульманских масс необходимо исключить некоторые кланы северо-восточной Албании, которые, в силу географической и этнической оторванности от остальных, более склонны разделять религиозное влияние султанского панисламизма.

Процветание Боснии и Герцеговины под австро-венгерским управлением за короткое время вызвало большое восхищение. Хорошее отношение во всех аспектах к мусульманскому насе-

лению и внушенная идея, что у него есть неоспоримые общие интересы с христианами, являются главными могущественными факторами, использованными нашей пропагандой для создания чувства симпатии к нашей стране.

Это общее позитивное мнение объясняется тем, что, прежде всего, мусульманское население желает нашей активной помощи в исполнении национальных устремлений и достижения быстрого национального развития Албании. Их надежды даже иногда превосходят возможности, которые мы можем им предоставить. Слышатся голоса, главным образом среди албанских беев, что не надо бы жалеть средства на поддержку мусульман. В их словах будто слышится известный упрек, поскольку мы традиционно и щедро субсидируем католический клир, но до сих пор он сделал крайне мало для объединения страны.

Впечатления от пропагандистской деятельности Италии. Вопреки естественному тяготению албанского народа к Австро-Венгрии, мы не можем пройти мимо того факта, что лихорадочная итальянская пропаганда, горячие дебаты в парламенте, прибытия морской флотилии и итало-албанские конгрессы привлекают внимание албанцев и создают впечатление, что у итальянцев есть особенный интерес к Албании. За исключением некоторых кругов в Скутари и прибрежных городов, извлекающих материальную выгоду из поддержки школ и занятия определенных постов, можно сказать, что лишь ближайшие к Италии села к югу от Валоны имеют основание сохранять известные опасения по поводу ее политики. Там преобладает мнение, что если внешняя помощь в объединении и освобождении страны необходима, то, желательно, чтобы она была оказана Австро-Венгрией. Именно эта страна больше всего подходит для нужной цивилизаторской функции с учетом большего уважения национальных черт албанского народа. Ввиду значительной удаленности Австро-Венгрии и вероятного несогласия некоторых держав, а также и других возможных препятствий, сомнительно, сможем ли мы отозваться на просьбы одновременно из Северной и Южной Албании. Поэтому существует реальная опасность, хотя и временная, что Италия сможет оккупировать страну благодаря более близкому своему расположению.

Позиция относительно Греции. Грецию, также имеющую свои претензии на эти земли, безапелляционно отвергают беи тосков. Они приняли бы иностранное управление и новую зависимость страны, будь это великая держава, достойная такого наименования, а не страна, чьи граждане недавно сами были турецкими подданными.

Однако, одно бесспорно: вопреки всем заявленным симпатиям к нам, наше влияние в Албании должно суметь устоять перед сильной конкуренцией со стороны суетливой итальянской пропаганды.

Влияние Соглашения между Австро-Венгрией и Россией и реформы в Македонии. Наши усилия по реформе в Албании и русская поддержка Македонии, бесспорно, оказывают влияние в регионе. Но соглашение с Россией, традиционно самой ненавидимой политической силой в Албании, зачастую приводит к холодному и даже недоверчивому отношению к нам со стороны албанцев. Можно утверждать, что в Косовском вилайете симпатии к нам значительно уменьшились.

В Албании с нарастающим напряжением следят за фазами реформы и вмешательством Европы в дела Македонии, преимущественно с учетом собственной безопасности и албанских национальных устремлений.

Турецкие действия против косовских албанцев. Опасение, что действия великих держав нацелены на создание македонского государства, включающего албанские земли трех вилайетов, немного утихло после исключения из области действия реформы чисто албанских провинций. У албанцев, однако, осталось горькое чувство, что давлением, оказанным нами и Россией, были вызваны действия турок против вилайета Косово (1903). Все началось как наказание противников новых административных мер султана, но в дальнейшем повлекло ослабление албанского элемента в регионе, чем, естественно, намеревается воспользоваться Сербия. Турецкое правительство ловко использует свою власть против противников реформы, чтобы исключить все потенциальные опасности для своего национального единства.

Последствия этой акции, т.е. отправки под арест многих национальных лидеров или введения обязательной военной службы, что скорее из области теории, и организации турецких судебных институтов на части восставших территорий не отвечают огромным усилиям и тяжелым ранам, нанесенным турецкой государственной казне.

Требования реформы в Албании. Полностью ошибочно мнение, что албанцы — дикий и непреклонный народ, который испытывает ужас от любых реформ, способствующих цивилизованности.

Истина в том, что они, точнее, некоторые албанские круги, желают даже больше других балканских народов иметь достойное человеческое развитие с высоким уровнем самосознания и культуры, другими словами, хотят реформ для своей отсталой страны. Естественно, реформы должны учитывать национальную сущность, характер народа и нужды страны.

С осознанием того, что причина их огромной отсталости — в сотнях лет, прожитых под турецким владычеством, албанцы отвергают все меры правительства султана, глубоко убежденные, что единственная цель этих мер — уничтожение их как нации, разделение и ослабление как народа.

Не будем забывать, что насилием и варварством нельзя поднять культурный уровень народа, это можно осуществить лишь воспитанием и образованием. Этого невозможно достичь усилиями коррумпированных турецких институтов через введение нового налогового бремени и урезание земель, наследованных от дедов, а лишь через создание *национальных школ.*

Создание национальных школ в условиях отсутствия нации — абсолютно необходимое и обязательное условие огромной важности для любого серьезного действия для улучшения положения в Албании.

Итальянская пропаганда

Албанская история за последние годы характеризуется огромным разрастанием масштаба итальянской пропаганды. По-

этому необходимо внимательно проанализировать все отдельные события.

Цели итальянской пропаганды. Она ведется таким образом, что невозможно скрыть ее настоящие цели — *ослабить влияние Австро-Венгрии и заменить его итальянским.* Для Италии намного важнее распространить свой язык и институты, чем поддержать албанское национальное движение. Вся ее пропагандистская деятельность должна рассматриваться в этом свете.

Претензии, связанные с церковной политикой. Самый значительный итальянский прогресс отмечен во время министра Принети, который не стеснялся даже попыток дезавуировать полномочия Австро-Венгрии в Албании, проистекающие из давних международных соглашений. Речь идет о религиозном протекторате над католическими инситтутами, что привело к распространению враждебности даже среди духовенства.

Основные направления деятельности итальянцев в сфере церковной политики следующие:

— *Завоевать албанский клир* силой денег;

— *Основать итальянские религиозные ордена и конгрегации;*

— *Поставить духовные лица итальянского происхождения под исключительную протекцию итальянских институтов;*

– И, наконец, *перенести духовное образование албанских священников в Италию.*

Вознаграждение духовенства. Меры по *завоеванию албанского духовенства Италией* понятны с учетом авторитета, которым оно пользуется среди населения, выступая консультативным органом. Но по объяснимым причинам духовные лица менее расположены к Италии; из-за такого положения дел ее усилия не достигают результата так быстро, как ожидалось. Однако сельские священники бедны, даже часто нищенствуют и потому превращаются в главную мишень итальянских происков. Часто им предлагают помощь в 20–25 золотых наполеонов ежегодно и настойчиво добиваются, чтобы деньги были приняты.

Дон Гаспаро Якова. Среди многих незначительных духовных лиц есть и бывший иезуитский священник дон Гаспаро Якова,

человек, обладающий разнообразными талантами и перешедший на итальянскую сторону. Спустя многие годы научной деятельности в итальянской духовной семинарии, ныне он занимается издательской деятельностью в Италии. Публикует издания на албанском языке, среди которых с осени 1904 г. и одна газета («Л'Аральдо д'Албания», «*L'Araldo d'Albania*»).

Совершенная Италией покупка душ привела к высокому уровню коррупции среди духовенства, которую мы до сих не смогли побороть вопреки всем приложенным усилиям. Итальянское финансирование заставляет нас привести к аналогичному размеру наши субсидии и обеспечить регулярную финансовую поддержку большинства приходов.

Попытки учреждения итальянских орденов под итальянской протекцией. Через учреждение итальянских религиозных орденов и покровительство им со стороны итальянских консульств, а также опеку над абсолютно всеми католическими священниками итальянского происхождения, правительство Италии пытается создать разрыв в существующей структуре нашего религиозного протектората. Для достижения своей цели оно использует посредничество флорентийского «Общества итальянских миссий за рубежом» («Societ par le missioni Italiane all' Estero»), финансируемого Римом. Секретарь этого общества, комендаторе Скапарелли (Schiaparelli) во время своих частых путешествий в Скутари пытается склонить католические ордена принять руководство некоторыми благотворительными *институтами*, учрежденными в Италии, или позволить его стране руководить церковной политикой при единственном условии — ордена примут итальянский протекторат вместо австро-венгерского.

Поскольку их предложений не приняли, они осуществляли перенос некоторых итальянских орденов в Скутари. Конкретно речь идет о Салезианцах Дона Боско из Турина и *Дочерях милосердия* из Ивреи, взявших на себя заботу о сиротском доме и больнице. Когда министерство пропаганды сообщило (в мае 1903 г.), что не может быть изменений в протекторате над католическими *институтами* в Албании («nil innovetur»), итальянское правительство приостановило переезд орденов.

Комендаторе Скапарелли, однако, начал скупать обширные и дорогие земельные участки земли в Скутари, судя по всему, предназначенные для больших институтов. Это подсказывает, что своих планов они не бросили.

Переговоры с Италией по вопросам религиозного протектората. Вследствие итальянских планов возникла непосредственная опасность, что один из монастырей в Скутари, где итальянцы составляют преобладающее большинство, потребует итальянского протектората. Потому Императорское и Королевское правительство приняло решение ознакомить итальянское правительство со своей точкой зрения по вопросу о протекторате в Албании. В 1902 г. были проведены обстоятельные переговоры.

Итальянское правительство пожелало, чтобы ему разрешили оказывать протекцию не столько каждому клирику и каждому духовному *институту* итальянского происхождения, но всем иностранным духовным лицам и учреждениям, и даже обязали к этому. Мы попытались достичь соглашения на основе четырех следующих пунктов:

1. Покровительство религиозным общностям и *институтам,* а также членам церковных орденов — это исключительное полномочие страны-протектора;

2. Австро-Венгрия признает компетенцию Италии вмешиваться лишь в чисто личные вопросы итальянских клириков;

3. В случае посягательства на дом, свободу, имущество, физическую неприкосновенность или жизнь какого-либо итальянского духовного лица под австро-венгерской протекцией будет предпринято одновременное вмешательство обеих сторон;

4. Вручение официальных документов итальянским клирикам от учреждений, находящихся под австро-венгерским протекторатом, может совершаться исключительно австро-венгерскими представителями.

Итальянцы не высказали никакого удовлетворительного мнения кроме принятия четвертого пункта. С другой стороны, предложенное Италией ограничение наших полномочий вплоть до протектората лишь над определенными категориями клира и церковных учреждений, как и ограничение нашего

духовного влияния в Албании полностью неприемлемы. Потому переговоры были прерваны и не имели перспектив успешного завершения.

Итальянское правительство, очевидно, хочет избежать прямого нарушения нашего права на религиозный протекторат, установленного капитуляциями Турции и давно признанного всеми великими державами явным или молчаливым согласием. С тех пор наша церковная политика не подвергалась никаким нападкам.

Церковный семинар для албанских духовных лиц в «Сан-Адриано». Италия энергично осуществляет своей проект по *образованию белого духовенства для службы в Албании*, который к этому времени успешно осуществляется в Папском колледже в Скутари и в «Коллегиум урбанум» при Министерстве религиозной пропаганды в Риме. Сейчас предполагается, что это задача будет осуществляться в колледже «Сан-Адриано» который предстоит открыть в Сан-Деметрио Короне.

Усилия по культурному развитию и колонизации. Во всех остальных аспектах итальянское правительство последовательно продолжает начатую в 90-ее годы политику по включению Албании в свою сферу влияния. В этом отношении следует упомянуть на первом месте итальянскую образовательную систему.

Образовательная система. Существовавшие когда-то колониальные школы сейчас носят почти целиком итальянский характер, поскольку королевским указом были превращены в итальянские государственные школы.

Открыты новые мужские и женские *итальянские прогимназии* в Дурресе, Валоне и Янине, итальянские школы искусств и ремесел — в Янине и Скутари и албанский женский монастырь — в Скутари, который сейчас соперничает с аналогичным австро-венгерским монастырем.

Свои главные усилия в сфере образования Италия сосредоточила в Скутари, где население более прогрессивно и восприимчиво, надеясь, что села последуют примеру города.

Прежде языком преподавания в религиозных школах, спонсируемых Австро-Венгрией, был исключительно итальянский,

хотя метод преподавания в них не был самым правильным, когда началась итальянская пропаганда. Но их образовательные *учреждения* нашли хорошую почву среди населения, ценящего религиозное образование, пусть и не считающего его обязательным. Поэтому итальянские школы в Албании, организованные так же, как и в королевстве, выглядят очень цивилизованными и современными и, кроме того, в них беспокоятся о продолжении обучения некоторых учеников, отпуская им стипендии для образования в Италии.

Когда степень интереса к школам не отвечает предварительным ожиданиям, предпринимаются попытки достичь цели разнообразными средствами, такими как помощь бедным детям едой и одеждой.

Итальянцы ясно отдают себе отчет, что, вопреки всем усилиям, не смогут достичь того же влияния в образовательной системе, которое имеет Австро-Венгрия, если не привлекут на свою сторону албанский клир. Поэтому подталкивают турецкое правительство к запрету мусульманским детям посещать иностранные школы, если это не итальянские светские учреждения. Так они наносят ущерб австро-венгерским религиозным школам. Однако в этом деликатном вопросе они не предвидели неодобрения со стороны султана. Стало ясно, что, вопреки утверждениям, итальянцы стремятся не к повышению уровня национального самосознания албанцев, а к размещению учреждений колониального характера, которые в будущем позволят им занять лучшую позицию в Албании.

Создание колоний. Италия пытается осуществить свои мечты, создав за счет итальянских эмигрантов колонии в Албании там, где имеются плодородные земли для возделывания сельскохозяйственных культур. Первая такая попытка была предпринята в районе Скутари. Там итальянские крестьяне взяли в аренду обширные угодья.

Центры благотворительности. В Скутари открыта амбулатория, где один итальянский врач лечит людей и бесплатно раздает им лекарства. Это подготовительный шаг к созданию итальянской больницы в городе.

Итальянская благотворительность не отвергнута турецким правительством. Напротив, оно втайне смотрит на нее благосклонно как на способ нейтрализации нашего влияния. Власть как всегда надеется, что соперничество между Италией и Австро-Венгрией полезно для ее собственных интересов.

Научные миссии. Многочисленные итальянские путешественники и миссии нацелены на изучение Албании во всех возможных сферах и, не в последнюю очередь, с военной точки зрения. Самые важные из этих миссий заслуживают нашего упоминания.

Большой интерес вызвало путешествие маркиза Карлоти, в прежнем секретаря итальянского посольства в Константинополе, а сейчас — советника итальянского посольства в Вене, который (в 1902 г.) посетил Монастир, проехав через Эльбасан и Скутари до Черногории и попытался при помощи личного присутствия наладить контакты с местным населением.

Долгие путешествия *албаниста Франческо Чиниго* и нескольких его помощников, предположительно, имели этнографические и языковедческие цели. То же можно сказать и о путешествиях по вилайетам Скутари и Янина *Антонио Аргондизы, Альдо Масеры, Гектора Мелиса и графа Франческо Тромби.* Не последняя роль принадлежит и маркизу Гвичардини, который совершил путешествие по вилайетам Косово и Салоники.

Усилия в области торговой политики. *Миланское торговое общество.* Торговая палата Виченцы осенью 1902 г. отправила специальную торговую миссию, которая по результатам своей работы рекомендовала основать большое итальянское общество. Оно было создано всего годом позже под названием «*Итальянское общество ввоза и вывоза из Черногории и Албании*» («Società italiana d'esportazione e d'importazione col Montenegro e coll' Albania») с штаб-квартирой в Милане.

Склад образцов. Склады образцов итальянской продукции в Аргирокастро и Скутари нацелены на открытие и эксплуатацию рынков страны. Наряду с другими торговыми инициативами, ведущими к существенной активизации торговли с Италией, до того незначительной.

Облегчения для албанских торговцев. Количество торговцев, посещающих албанские рынки, увеличилось незначительно. Они отправляют бесплатные образцы, делают уступки в цене, регистрируют фирмы и предоставляют льготы албанским торговцам, посещающим Италию. Другими словами, делают всё возможное, чтобы увеличить итальянский экспорт в Албанию.

Почтовые центры. После открытия консульских представительств в Дурресе и Валоне были созданы итальянские государственные почтовые станции в Скутари, Дурресе и Янине (1902 г.)

Проведение консулами летних месяцев внутри страны. Следуя нашему примеру по отправке вице-консулов из Дурреса и Валоны на летние месяцы в Тирану и Берат для поддержки дружеских связей с местным населением, итальянский вице-консул в Дурресе также провел лето 1904 г. в Тиране с аналогичными намерениями.

Прибытия морских эскадр. Посещения итальянскими морскими эскадрами албанских портов, способствующие весьма полезным связям, повторяются уже который год. Они длятся несколько недель и вызывают большой интерес.

Морской транспорт. Италия очень усердно и успешно работает над созданием морских связей с албанским берегом. В этом отношении она опережает Австро-Венгрию. Еще в 1902 г. Италия располагала регулярной транспортной линией с албанскими портами, частотой несколько раз в неделю. Линию обслуживает пароходная компания «Пулия», которая располагает пароходами в Бриндизи, откуда есть удобный путь до Рима.

Компания «Пулия». Если мы сравним австро-венгерские и итальянские линии, то обнаружим, что компания «Пулия», щедро финансируемая Италией, превосходит все наши пароходные компании («Ллойд», «Рагузеа», «Венгеро-хорватскую»), которые отправляют суда к албанским берегам. У итальянцев связь быстрее и регулярнее нашей, зачастую более рентабельна и предлагает более низкую цену за товар.

Линия по реке Бояне. Италия обязана расцветом своего судоходства у побережья Северной Албании частым и регулярным связям. Они возможны благодаря тому, что линия от Медуа до Скутари уже почти не используется для перевоза товаров; действует только линия от реки Бояны через Оботи. Создана специальная организация, позволяющая транспортировать товары до Сан-Джованни ди Медуа, не теряя время в Оботи. Эта организация добилась даже открытия таможни в Скутари. Для этой цели «Пулия» предоставила небольшой пароход. Он может плыть в любое время, на него не влияют ни уровень воды, ни сила ветра, иногда препятствующие судоходству по реке Бояне.

Итальянские почтовые пути. Благодаря соглашению с Черногорией, почтовые отправления до Скутари Италия транспортирует через Антивари, а оттуда — по суше до Вирпазара и после — до Скутари, небольшим морским пароходом Черногории. Столь удобная и быстрая связь создана при условии, что примет все почтовые отправления в этой части Албании.

Проалбанская пропаганда в Италии. Когда мы говорим об итальянских действиях в отношении Албании, не сто ит преуменьшать роль активной устной и письменной пропагандой: в прессе, на конгрессах, совещаниях, конференциях и симпозиумах, цель которой — повысить интерес к Албании не только среди итало-албанского населения, но и среди широких кругов всего итальянского общества. Во многих случаях это лишь высокопарные речи и желание достичь незамедлительного эффекта, но вопреки этому нельзя отрицать, что все мероприятия к чему-то привели, чем мы похвастать в целом не можем: итальянское общественное мнение понимает, как важно установить более тесные связи с Албанией и незамедлительно и энергично поддержать ее устремления с учетом отдаленных перспектив.

Разгоряченные споры об Албании в итальянском парламенте обратили на ее справедливые требования взоры всей Европы. Они вызвали сильный резонанс и в самой Албании и создали впечатление, что Италия решила активней каких-либо других государств поддержать албанский народ.

Албанские конгрессы. Албанский конгресс в Неаполе, который проводится ежегодно и преследует пропагандистские цели, не добился особых успехов, вопреки тому, что в 1903 г. открылся поздравлениями, полученными от итальянского короля.

К настоящему времени эти форумы не принесли никакой конкретной пользы Албании, но при этом, как и прежде, подарили итальянскому правительству множество идей для будущей деятельности. В Палермо создана кафедра албанского языка; выделено большое количество стипендий для албанских студентов; часто предоставляется помощь арестованным албанским патриотам. Эти и многие другие инициативы стали следствием конгрессов.

Но другие пункты программы конгрессов всё еще не выполнены. Например, введение албанского языка как обязательной дисциплины в албанских общинных прогимназиях Италии.

В политическом плане эти конгрессы обычно защищают независимость Албании без оглядки на целостность Османской империи, но не приводят к настоящему согласию относительно личности вице-губернатора. Иногда объявляют о назначении албанского аристократа на этот пост, в другой раз предлагают, чтобы им стал принц из Савойской династии.

Громко провозглашенное объединение всех албанских комитетов за границей под руководством Центрального комитета в Италии оказалось лишь иллюзией. Все, кто знаком с положением дел в Албании, это осознавали с самого начала. Однако албанцы в Италии считают объединение возможным, если для этой цели сначала создать множество местных комитетов. Позднее слияние этих комитетов должно образовать «Лигу албанцев в Италии», важную политическую и финансовую структуру. Но сейчас проект достиг лишь частичных и незначительных результатов.

Албанский совет в Италии (Consiglio albanese d'Italia). Тогдашний генерал Ричиотти Гарибальди со своей славой и пламенными лозунгами возглавил акцию по воскрешению слабых порывов итало-албанцев к действию. При поддержке других известных личностей Итало-албанской партии он основал

(в 1904 г.) «Албанский совет в Италии», с целью объединить всех албанцев как в Албании, так и в Италии, с существующими албанскими объединениями за рубежом и всеми другими балканскими политическими организациями в одну общую коалицию против Австро-Венгрии. «Сегодня, несомненно, — писал он одному албанскому патриоту, — Австрия — больший наш неприятель, нежели Турция, к сделке с которой можно прийти».

У совета имеется свой собственный печатный орган, *«Газетта албанезе» («Gazzetta albanese»)*, издаваемый Манлио Беничи и отмеченный явной албанофильской ориентацией, но печатается он лишь на итальянском языке, и поэтому в Албании не имеет абсолютно никакого распространения.

Что касается программы Совета, она подразумевает развитие лишь в том, что относится к албанцам в Италии. Но по отношению к другим албанским объединениям, а именно — в Софии, Румынии, Египте, Лондоне и Париже, она имеет ограниченное значение, поскольку их патриотическая ориентация не позволяет сближение с комитетами в Италии, так как они преследуют преимущественно цели итальянцев.

Исмаил Кемаль-бей. По сути из трех известных личностей лишь один — албанского происхождения, мусульманин Исмаил Кемаль. Он из старого рода с прекрасной репутацией среди беев во Влере (Валоне) и один из самых богатых феодальных землевладельцев во всей Албании. Из его рода вышло множество влиятельных и уважаемых людей, занимавших высокие посты в турецком государстве. Среди них и нынешний великий визирь Ферид-паша, и государственный советник Сурая-бей.

Исмаил Кемаль-бей также работал в турецкой администрации и достиг поста генерал-губернатора. Он — человек большого ума, талантов и исключительных способностей и, несомненно, один из самых выдающихся албанцев в корпусе мусульманских чиновников. Поэтому его внезапный отъезд из Константинополя в 1900 г. вызвал большое смятение во дворце.

Вопреки тому, что Исмаил Кемаль-бей никогда открыто не выражал желания занять пост генерал-губернатора автономной Албании, внезапный его отъезд из столицы не оставил

места для сомнений, что в будущем он надеется на важную политическую роль в своей стране. С уверенностью можем говорить: у него большие планы на это, поскольку все соплеменники ему верят и считают его самым выдающимся выразителем их идей. Отправившись за границу, он с легкостью привлек бы на свою сторону все албанские объединения, но вскоре он вызвал всеобщее удивление, выступив в защиту одного греко-албанского братства, а позднее — встав на сторону Италии. Исмаил Кемаль попытался объяснить свое поведение необходимостью сближения албанцев с Грецией и Италией для противодействия планам Австро-Венгрии аннексировать его страну. Однако вскоре стало ясно, что резкая перемена в его ориентации объясняется деньгами, которые он получил из Афин, а, может быть, и из Италии, что позволило ему вести элегантную жизнь, но, с другой стороны, уменьшило его популярность среди соплеменников как внутри страны, так и за ее пределами. Исмаил Кемаль-бей бо льшую часть времени живет в Париже и Брюсселе и лишь изредка посещает Италию.

Хуан де Аладро Кастриота. Один богатый испанский аристократ-католик объявил себя наследником албанских князей и законным претендентом на трон независимой Албании. Его имя — Хуан де Аладро и Перес де Веласко, этот испанский дипломат, прослуживший много лет, по материнской линии потомок Вайсавы, сестры Скандербега.

Под именем Принца Йона Аладро Кастриота, в роли потомка великого национального героя и престолонаследника страны, он появился перед албанским народом в 1899 г. с воодушевленной прокламацией. В ней он заявил, что в будущем станет трудиться во главе албанского движения над освобождением Албании от турецкого ига и бороться за престол своих предков.

Годом позже он рассылал свои манифесты, часто очень высокопарные, пытаясь создать культ своей личности через прессу, и письма своего личного секретаря Вишку Бабаташи из Корчи; раздавал свои портреты, прокламации, афиши, а также щедрые подарки. Закономерно, что своей щедростью он сумел приобрести сторонников, хотя это не означает, будто он со-

здал серьезную партию или имеет значительное влияние в Албании.

В последние годы отмечается странное сближение между Аладро и албанофильскими кругами в Италии, которые, вероятно, полагают, что любая попытка ослабить влияние Австро-Венгрии заслуживает поддержки. Вероятно, таким способом они хотят держать под контролем и этого «претендента», воспользовавшись его связями и благотворительной деятельностью. Амбиции Аладро в Албании основаны преимущественно на его связи с Италией.

Итальянская пресса и, прежде всего, «Национе албанезе» Ансельмо Лореккио сопровождает свои публикации хвалебными статьями об Аладро, а Ричиотти Гарибальди поддерживает с ним близкую дружбу.

Аладро пытается сблизиться даже с Болгарскими комитетами в тени Сарафова, чтобы восстановить былое сотрудничество с ними, и уже израсходовал значительные средства на закупку оружия по их примеру.

Конспирация албанских и македонских революционеров и итальянских гарибальдистов тревожит турецкое правительство, которое по этой причине предприняло превентивные силовые меры в 1902 г., когда заговорили о вооруженном перевороте, подготовленном на Корфу под руководством Аладро в Валоне.

Из всего этого следует, что османские власти немилосердно преследуют сторонников «князя» в Албании, а его личности придают чрезмерную значимость, хотя другие европейские правительства к этому моменту не показали, что воспринимают его всерьез.

Принц Альберт Джика. К огромному удивлению и ужасу Аладро, осенью 1904 г. у него появился конкурент в лице «принца» Альберта Джики, православного румына, убежденного, что он имеет право руководить всеми либеральными силами в Албании по причине своего предполагаемого происхождения из старой фамилии албанских эмигрантов. Джика принадлежит к молдавской ветви этой фамилии, и множество знатных румын состоят с ним в родстве.

В одной из своих многочисленных статей Джика оспаривает претензии Аладро тем, что знает албанский язык и даже является наследником Скандербега. Он уверенно провозгласил себя главой албанцев после нескольких ничего не обещающих встреч с людьми из албанского министерства пропаганды. Попытался компенсировать отсутствие финансовых средств, заполучив на свою сторону Балканский комитет в Лондоне, от которого ждет помощи в осуществлении своих планов. Даже женился на богатой ирландке. Но в Албании не смог завоевать доверия из-за своего неясного прошлого.

Необходимо отметить, что Джика пытается заполучить поддержку Рима. Вопреки попыткам Италии воспользоваться любой ситуацией, там посчитали невозможным одновременное наличие обоих претендентов. Поэтому принц Альберт Джика буквально присвоил программу Ричиотти Гарибальди.

Из трех упомянутых личностей Джика заслуживает наименьшего внимания, и, предположительно, вскоре его роль будет исчерпана.

Вена, апрель 1905 года.

Приложение VI

ДЕЙСТВИЯ АВСТРО-ВЕНГРИИ[1]

Развитие албанского языка

В отличие от Италии, действия Императорского и Королевского правительства были преимущественно сосредоточены на помощи любым инициативам, направленным на развитие языка и албанских школ, без лишних разговоров и поиска легкого успеха. В этом отношении они действительно многого достигли. С ростом интереса к языку значительно увеличилось число албанских писателей и журналистов, что позволяло направить усилия на поддержку самых выдающихся из них.

Поддержка национальной прессы. Журнал «Албания»

В течение шести лет мы поддерживали связь с Фаиком-беем, издателем журнала «Албания». До 1904 г. в Брюсселе, а теперь в Лондоне этот журнал постоянно публикует статьи, которые, благодаря прекрасному стилю и выразительности, служат примером и вносят вклад в развитие албанского языка. Фаик-бей, как никто другой, владеет своим языком и различными его диалектами и может считаться одним из лучших албанских публицистов. К сожалению, его личное мнение не всегда совпадает с мнением его соотечественников, что привело к его разрыву со многими друзьями и вредит как распространению издания, так и возможности повлиять на общественное мнение в Албании.

Фаик-бей и его азбука

Несмотря на все усилия Фаика-бея, азбука, которую он отстаивает и использует для печати «Албании», и которая могла

[1] HHStA. PA I. K.473. Die österreichisch-ungarische Aktion. Wien. April 1905.

бы стать основой для объединения всех существующих азбук, не смогла завоевать признание среди албанцев. Азбука Фрашери, названная так по имени своих создателей, безусловно, продолжает доминировать.

Азбука Фрашери

Католическое население Северной Албании до недавнего времени использовало для письма систему, очень близкую той, которую использует Фаик-бей. Пропагандировало ее преимущественно языковое общество «*Башкими*» под руководством монсеньора Примо Доки, аббата Мирдита. Остальные, то есть большинство народа, как православных, так и мусульман, предпочитали азбуку братьев Наима и Сами Фрашери, использовавшуюся по всей стране от юга до севера; в Дурресе, Нижней Дибре и области южнее Призрена. На этих обширных территориях Албании издания могли быть приняты лишь в том случае, если они написаны азбукой, которая признана национальной. Поэтому политический расчет вынудил нас не выражать неодобрение по ее поводу и принимать все издания, в которых она используется.

Газета «Дрита», Шахин-бей

С 1902 г. самым значимым периодическим изданием, издаваемым на азбуке Фрашери и встречающим самый добрый прием, является албанская газета «Дрита», основанная в Софии Шахином-беем Колония и Кристо П. Люараси. За короткое время эта газета завоевала широкий круг читателей по всей Албании. Столь хороший прием объясняется использованием указанной азбуки; политическим содержанием — актуальными для Балкан вопросами, котороые поднимает газета, а также влиянием главного редактора, Шахина-бея. Ранее он был знаком соотечественникам как турецкий каймакам некоторых албанских и македонских каза. Это позволяет ему использовать свои многочисленные дружеские и семейные связи, чтобы объединить вокруг себя больше сторонников.

Благодаря всем этим обстоятельствам, газета «Дрита», как только начала выходить, получила возможность существенно влиять на общественное мнение в Албании подчеркнуто националистической программой, определив, активизировав

и начав осуществлять на практике стремление к объединению. В связи с этим особенно необходимо поддерживать контакт с газетой. Это стало возможным после 1903 г., когда мы стали перечислять регулярные субсидии ее редакторам.

Кристо П.Люараси

Второй редактор, Кристо П. Люараси, православный родом из Колонии (Монастир) в Южной Албании, наряду с публицистической деятельностью, в течение нескольких лет руководит албанской типографией в Софии. Он занял свое место в литературных кругах Албании. Кроме того, его заслугой стало создание албанского патриотического союза «Дешире» в Софии.

В этом смысле дружеские отношения с газетой «Дрита» для нас исключительно полезны, поскольку подразумевают возможность косвенно влиять на ее издательство, издателей и политическое руководство местного албанского комитета.

Газета «Тоска»

Газета «Тоска», выходила в Египте с 1901 г. под руководством Мило Дучи, убежденного сторонника албанского национального вопроса. Однако просуществовать она смогла только до 1903 г. из-за отсутствия подходящих сотрудников и нехватки финансовых средств. В силу незначительных результатов, мы поддерживали это издание достаточно скромно.

Газета «Беса»

Благодаря усилиям патриота Фокиона Тортули из Корчи, живущего в Египте, и одного из друзей Дучи, Тома Аврами, газета «Тоска» возродилась под названием «Беса». Эта новая газета выходит в Каире с 1904 г., и издатели неоднократно отправляли Императорскому и Королевскому правительству прошения о помощи. После долгого периода ожидания мы убедились в значительном успехе издания, и средства на помощь ему были выделены.

Журнал «Албания»

Журнал «Албания» Дервиша Хима ранее выходил в Женеве, а теперь — в Париже на албанском, французском и турецком языках. С этим изданием наша связь не столь тесна, но оказалась крайне полезной, поскольку редактор предоставляет нам

информацию обо всех планах действий «Албании». Поэтому уместно было бы засвидетельствовать ему нашу симпатию, оценить корректность его отношения и отблагодарить его за усилия известной суммой.

С учетом всего, сказанного выше, становится ясно, что в последние годы, затратив относительно скромные средства, мы смогли установить связи с основными представителями албанской прессы за границей. Итальянское правительство путем гораздо больших затрат напрасно пытается достичь подобного результата. В будущем необходимо сохранить эти связи, поскольку через них мы можем пробудить и направить общественное мнение Албании в нужном для нашей политики направлении.

В общих чертах польза от наших действий станет ощутима, лишь когда распространение печатных изданий в Албании будет свободным от запретов и ограничений.

Поддержка албанской литературы

Помимо публицистики, Императорское и Королевское правительство прилагает усилия для поддержки и других видов печатных произведений на албанском языке. В качестве примера можно привести финансирование следующих изданий: «История Албании» в двух томах и «История Турции» Нок Никая; карта Албании Транка Спиро (Фаика-бея) и одна хрестоматия с рассказами, диалогами, стихами и песнями Георга Кириаса.

Учебники для католических школ

В последние годы мы непрестанно работаем над расширением *списка учебных пособий по албанскому языку*. Однако, несмотря на это, к существующим заглавиям добавилось всего два новых: учебник по географии и третья часть сборника для чтения.

Споры католического клира по вопросу азбуки

Причина того, что издание учебных пособий не осуществляется теми темпами, которые устроили бы австро-венгерское правительство, кроется в спорах *относительно азбуки,* вновь разгорающихся в католических кругах. В связи с этим секретарь епископа Сапы, доктор Андреа Миедия, привлек на

свою сторону значительную часть духовных лиц. Он предлагает новую графическую систему, которая была одобрена на конгрессе ориенталистов в Гамбурге, и с которой конкурировала уже упомянутая азбука Доки. После дебатов, длившихся около года, большинство духовных лиц приняли предложение Миедия и обратились к Императорскому и Королевскому правительству с просьбой печатать новые книги на этой азбуке.

Азбука Миедия

Хотя осуществлять такие перемены в столь короткий срок нежелательно, перед Императорским и Королевским правительством встала необходимость поддержать единодушную просьбу епископов. При этом мы руководствовались соображением, что азбука Миедия представляет собой серьезный шаг к прогрессу, поскольку благодаря ей сближается произношение диалектов тосков и гегов. Кроме того, в этом варианте нет итальянского влияния, чего нельзя сказать об азбуке «Башкими» (Доки).

Доктор Андреа Миедия немедленно получил одобрение изменить азбуку в существующих учебных пособиях, и они были последовательно отпечатаны министерством в Императорском и Королевском издательстве с предложенными поправками. Во избежание недоразумений, необходимо подчеркнуть, что эта графическая система подходит лишь албанским католикам, точнее — тем районам, где есть религиозные школы, таким образом, речь идет о достаточно ограниченной территории. Остальные католики, а также православные и мусульмане вряд ли откажутся от азбуки Фрашери.

Инициативы по объединению азбук

Решение проблемы азбуки, столь важной для национального единства и для объединения албанских кланов, откладывается на будущее. Несмотря на это, под эгидой Императорского и Королевского правительства проведены важные подготовительные мероприятия и исследования, которые, без сомнения, в дальнейшем поспособствуют этому решению.

Распространение книг

Издание албанских художественных произведений существенно ускоряет процесс распространения литературы, спо-

собствует ее ввозу в Албанию и бесплатному распространению учебных пособий в школах, финансируемых Австро-Венгрией.

К сожалению, мы не можем в полной мере откликнуться на пожелания увеличить число печатных изданий (книг и периодических изданий) из-за полицейских запретов Турции. Распространение книг необходимо производить очень осторожно, избегая любого риска быть скомпрометированными. Однако по растущему числу заявок, которые мы получаем, можно сделать заключение, что в Албании ощущается острая необходимость образования, а это, в свою очередь, служит гарантией того, что усилия Императорского и Королевского правительства в этом направлении и наши жертвы не были напрасны.

Словарь Христофориди

В 1902 г. были сделаны первые шаги в подготовке к посмертному изданию рукописи «Словаря албанского языка» Константина Христофориди, патриота из Эльбасана. Считается, что словарь Христофориди наиболее полно отражает лексическую сокровищницу этого языка. Однако греческое правительство без каких-либо угрызений совести воспользовалось финансовыми сложностями наследников автора и, опередив нас через свои органы пропаганды, прибрало к рукам права собственности на рукопись. После двухлетней задержки и после многократных настойчивых обращений албанских патриотов, считавших рукопись утраченной, в 1904 г. словарь, наконец, появился на полках книжных лавок. В соответствии с тенденциями, которые привели к его изданию, как и можно было ожидать, словарь был напечатан греческими буквами. В предисловии, возможно лишь для того, чтобы обосновать для албанского народа необходимость беречь родной язык, намекалось, что в этом отношении лучше всего следовать примеру греков и греческого языка. Но этот намек оказался чересчур явным и навязчивым, чтобы остаться незамеченным. Это открыло албанцам истинный смысл подлого дара, который преподнесли им данайцы.

Кроме того, содержание сборника серьезно отстало от современного развития албанского языка и не отвечало высоким

ожиданиям албанских языковедов. Его публикация не вызвала ожидаемого отклика, так что греческому правительству не следовало ожидать в результате особой пользы с точки зрения эллинизации Албании

Общественное образование

Курсы албанского языка в Вене.Доктор Георг Пекмези

Важным шагом к сохранению и развитию албанского языка стало введение в 1903 г. *курса албанского языка* в Национальном институте восточных языков в Вене. Курсом руководил Георг Пекмези, родом из Старово (Центральная Албания), доктор филологии в Венском университете. Такое проявление заботы об албанском языке со стороны австро-венгерского правительства было встречено с одобрением и энтузиазмом всей албанской прессой. Это наводит нас на мысль, что в недалеком будущем станет возможным создание кафедры албанистики в том же университете, чего мы давно желаем. За два года доктор Пекмези достиг выдающихся результатов. Надеемся, что изучение языка усилит интерес к этой стране среди широких кругов австрийского общества.

Курсы албанского языка в Борго Эрицо

Широкий отклик получили факультативные занятия по албанскому языку, открытые в 1901 г. в албанской колонии Борго Эрицо, недалеко от Зары. Уже на следующий год число занятий увеличилось, а в 1903 г., помимо мужских групп, пришлось открыть и женские. Всего в них записаны 60 или 80 курсистов. Таким образом, в Высшем институте подготовки учителей проходят подготовку прекрасные, компетентные и способные кадры для наших школ в Албании.

Подготовка албанских педагогических кадров

Помимо такого способа подготовки кадров, который лучше всего подходит для Албании, есть и другой, гораздо более способствующий достижению наших целей. Талантливая албанская молодежь уезжала из своей родной среды и обучалась в интернатах высших институтов по подготовке педагогических кадров в Австрии и Венгрии. Для этого существуют специализированные курсы в Клагенфурте и при Католическом со-

юзе учителей в Веринге, которые располагают интернатами. Первые три дипломированных бакалавра уже начали работу в школах Призрена, Дурреса и Скутари. К настоящему времени в Вене и Клагенфурте учатся еще семь албанских молодых людей. Они показывают хорошие результаты и подают надежды на будущее.

Превращение католических школ в национальные

Благодаря подготовке корпуса албанских учителей возможно активное превращение католических прогимназий Северной Албании в национальные, путем замещения итальянского, который раньше преобладал как единственный язык преподавания, родным албанским. Албанские торговцы нуждались в освоении международных языков для осуществления сделок за границей. Поэтому в торговой гимназии, францисканской школе в Скутари и прогимназии в Дурресе введены курсы по изучению немецкого языка. Все они демонстрируют отличные результаты.

Итальянский язык изначально также имел большое значение для морской торговли в Восточной Адриатике и потому не полностью исключен из обучения. Однако уже поставлена преграда итальянизации, которая происходила в Северной Албании за наш счет совершенно неподобающим образом.

Реорганизация существующих школ

Развитие школ, где преподается родной язык, показывает, что народ может ценить хорошее национальное образование. С этой целью мы предприняли реорганизацию религиозных школ, поскольку они существенно отстали по сравнению с современными итальянскими колледжами и не отвечали высоким требованиям, которые в последнее время существуют в Скутари.

Единственные школы, которые мы сохранили, — Итальянский колледж и так называемая Торговая гимназия отцов иезуитов. С непреклонностью, типичной для клира, они отказывались от любых реформ. Они не принимают никаких нововведений и продолжают относить национальный язык к более низкому уровню. Преподавание итальянского языка они считают наиболее важной задачей. Колледж иезуитов вряд ли

сможет достичь уровня среднего технического училища и уже не отвечает требованиям современности с точки зрения педагогики. Вместо того, чтобы гармонично согласовать свою систему с существующими прогимназиями (лучшие из которых — у францисканцев благодаря их гибкости), иезуиты непреклонно отвергают их воспитанников, утверждая, что они недостаточно сильны в итальянском.

Будущее расширение народного образования

Чтобы соотвествовать желаниям амбициозных жителей Скутари и помешать осуществлению итальянских намерений, мы должны безотлагательно принять проект постройки средней общеобразовательной школы, которая заменит иезуитский колледж или сольется с ним. Там должно быть по крайней мере шесть классов, и работать этой школе следует по нашим учебным планам. Подобная реформа может привести к успеху, если согласовать ее с францисканской школой и привлечь высокообразованные преподавательские кадры. Наряду с албанским, в новой школе следует преподавать немецкий язык и, в меньшем объеме, итальянский. Это даст возможность воспитанникам легче продолжить свое образование и лучше реализовать себя в торговой карьере.

С учетом таких перспектив, которые обязательно будут достигнуты албанским национальным образованием, встает вопрос о высококвалифицированном преподавательском составе. Не на последнем по важности месте — проблема распространения учебных пособий по албанскому языку для технических училищ и гимназий.

Стипендии для обучения в Австро-Венгрии

Независимо от хода этой реформы, которая может продолжаться годами, было бы полезно уже сейчас выделить внеочередные стипендии лучшим воспитанникам наших школ в Албании для продолжения ими образования в Австро-Венгрии. Таким образом, мы предотвратим утечку мозгов в Италию и вознаградим общие материальные и моральные усилия, которые Австро-Венгрия и Албания совместно прилагают к развитию культурного уровня албанской молодежи.

Увеличение числа школ

Число наших образовательных центров в области Скутари увеличивается с открытием нескольких сельских школ и так называемой *«Малисорской резиденции»*. Это интернат, где будут жить и бесплатно обучаться дети начальников рудников. (Мы уже упоминали, какой отклик это получило в итальянской среде, когда в ответ был построен подобный центр, конкурирующий с нашим.)

Благотворительные организации

Больница Дочерей милосердия в Скутари, которую мы финансируем, развивается очень успешно. Она была расширена за счет новых пристроек, с новой амбулаторией и еще одним новоназначенным доктором. Его успешная деятельность содействует укреплению нашего авторитета среди населения.

Подготовка нового поколения католических священников

Помимо образования населения, еще один важный пункт нашей программы — образование нового поколения католических священников в Северной Албании — способного, лояльного и заинтересованного национальным вопросом.

В этом отношении мы, пржде всего, имеем в виду священников *ордена францисканцев*, которые осуществляют основную заботу о душах мирян в приходах и миссиях в Северной Албании, а также просвещают народ.

Вопрос о реформе подготовки францисканских священников в Скутари еще не решен. В течение многих лет их обучение теологии осуществлялось в австрийских монастырях, точнее во францисканской провинции Северный Тироль. Несмотря на то, что политическая польза от этого обучения еще не проявилась, мы наблюдаем значительный прогресс по сравнению с предыдущим положением, когда албанские студенты обучались преимущественно в итальянских монастырях и духовных семинариях, где усваивали чуждые нам идеи.

Что касается обучения нового поколения клира, которым занимаются *братья иезуиты*, мы всё еще не достигли приемлемого соглашения с Римом.

Ситуация с крещением в Эльбасане

Возникают большие ожидания в связи с движением крещения в Эльбасане и Шпате (Монастир), которое возникло по националистическим мотивам. В 1899–1900 гг. 55 албанских семейств во главе со своим старейшиной перешли из греческого православия в греческое униатство. Значительная часть остальных христианских семей греческо-православного вероисповедания (около 4500 человек) только ждала, когда будет построена католическая церковь, чтобы последовать примеру своих соседей и сменить веру. Мотивом такого поведения, вызвавшего всеобщее удивление, была надежда, что благодаря католическим священникам можно будет воспользоваться привилегиями, которые гарантирует наш религиозный протекторат. В первую очередь, речь шла о возможности использования албанского языка в церквях и школах, об усилении национального чувства и о больших возможностях эффективной личной протекции. К сожалению, ожидания униатов из Эльбасана оправданы лишь до определенной степени. Несмотря на многократные усилия, посольство Австро-Венгрии не смогло добиться султанского фермана для постройки новой церкви.

Не только в Эльбасане, важном центре албанской национальной идеи, но и во всей Центральной Албании исключительное значение придается движению крещения. Как христиане, так и мусульмане видят в нем начало подъема национальной католической церкви на севере и юге. Они надеются, что смогут благодаря этому и при одновременном развитии национальных школ препятствовать эллинизации православных албанцев в Эпире и в южных частях страны. Несмотря на жестокие гонения и наказания, все сменившие веру остались верны своим клятвам. Этот признак сильного характера показывает, насколько велика их вера в наше покровительство и нашу миссию в Албании. После шести лет ожидания в ближайшее время католическая община Эльбасана получит возможность славить Господа в своем собственном храме.

Поддержка нуждающихся патриотов

Императорское и Королевское правительство считает важным средством для укрепления нации оказание помощи нуж-

дающимся албанским патриотам и выдающимся личностям, от которых можно ожидать положительного влияния на результат нашей объединительной миссии.

К этой группе албанских патриотов относятся небезызвестный аббат Мирдита, монсеньор Примо Доки, и родовой старейшина Джон Марка, который наследует семейное право возглавлять Мирдит, если Пренк Биб Дода не оставит других наследников.

Нельзя отрицать, что в определенных случаях мы помогали денежными суммами некоторым православным и мусульманским деятелям, но эта помощь никоим образом не соизмерима с суммами, которые мы выделяем албанским католикам. Однако стоит обдумать увеличение выплат представителям двух этих вероисповеданий, чтобы нас не обвинили в пристрастности и личных предпочтениях.

Участие в защите преследуемых патриотов

Во многих случаях мы были вынуждены ходатайствовать перед Высокой Портой за албанских патриотов, подвергнутых турецкими властями гонениям за свое национальное самосознание. Чем добросовестнее мы будем продолжать в дальнейшем исполнять эту функцию, тем лучше укрепим впечатление, что не отдаем предпочтения исключительно католикам, а защищаем весь албанский народ искренне и эффективно, и в случае необходимости готовы использовать всю свою власть для его пользы.

Борьба против черногорской агитации

Особого внимания заслуживает серьезная черногорская агитация среди католических кланов вдоль северной границы, где князь Никола пытается завоевать доверие знатных людей деньгами и подарками, т.е. способом, который очень напоминает коррупцию. Несмотря на национальную вражду, он использовал бедность жителей гор, и сумел многих из них привлечь на свою сторону. Это вынуждает нас тоже начать материально помогать нашим сторонникам в их сопротивлении черногорским претензиям. Большая часть католиков в Мализоре, запуганных Черногорией из-за своей веры и национально-

го самосознания, поддаются ее попыткам склонить их на свою сторону, лишь потому, что это независимое христианское государство. Так сказывается их огромное недовольство ненадежностью и переменчивым отношением турецких властей. Поэтому необходимо укрепить их во мнении, что это мы — их опора и поможем развитию их национальных чувств и сознания. А это можно осуществить лишь путем создания албанских школ там, где они проживают.

Торговля и судоходство

В области торговли и судоходства, как мы уже упоминали, наша позиция в Албании натолкнулась на ожесточенное сопротивление со стороны Италии. Усилиями наших консульских представителей не удалось нейтрализовать итальянскую конкуренцию в торговле и их полное преимущество в судоходстве. Успехов в области торговли мы можем достичь, купив первые большие австрийские склады в Корче (Монастир), втором по величине городе Южной Албании. Это будет исключительно важно для экспорта наших товаров. Та же компания со своими собственными средствами открыла склад для образцов австрийских и венгерских товаров. Благодаря ее многочисленным связям внутри страны в последние годы наши торговые отношения с Южной Албанией значительно улучшились. Было бы очень полезно принять подобные меры и в других албанских торговых центрах. Таким образом, не пробуждая никаких подозрений, мы сможем пропагандировать ввоз австро-венгерских товаров с помощью местных торговцев.

Для восстановления престижа нашего судоходства вдоль албанского побережья, а конкретнее: на важном отрезке Дуррес-Медуа — устье р. Бояна, и чтобы навсегда прекратить конкуренцию с компанией «Пулия», трем нашим пароходствам («Ллойд», «Рагузеа», и «Венгро-Хорватия») необходимо согласовать свои маршруты и достичь соглашения. Учитывая значимость Скутари, следует наладить сообщение Медуа напрямую с Триестом, Фиуме и портами Далмации как минимум дважды в неделю. Таким образом, будут созданы благоприятные условия для транспорта и удобной пассажирской и товарной

связи с Востоком и Италией (Константинополь, Смирна, Салоники, Бари, Бриндизи и проч.). Нередко требуются более быстрые перевозки вдоль албанского побережья. С этой целью как «Лойд», так и «Унгаро-Хорватия» должны отменить промежуточные остановки в незначительных портах, сократив время пути. *Маршрут по реке Бояне*, которая в настоящее время почти заброшена, требует особого внимания. Можно считать аномалией тот факт, что Фиуме и Рагуза связаны напрямую, а связь между Триестом и Оботи осуществляется лишь раз в две недели. Установление еженедельного сообщения «Рагузеа» между Триестом и Оботи отвечает морским и политическим интересам Австро-Венгрии.

Чтобы успешно конкурировать с итальянским судоходством, любой ценой необходимо ввести в эксплуатацию небольшой речной пароход, подобный итальянской «Иоланде», который поможет загрузке больших кораблей, прибывающих в Медуа и Антивари, и перевозить товары по р. Бояне на таможню в Скутари. Это важно не только для нашей торговой политики, но и для нашего авторитета. Важно, чтобы флаг Австро-Венгрии видели на рынках Скутари, как уже видят итальянские флаги.

Если сравнивать австро-венгерские и итальянские действия в Албании и результаты, достигнутые обеими сторонами, становится предельно ясно, что итальянские усилия и наполовину не столь значимы для албанского народа, как наши. Они никоим образом не оправдывают шовинистические намерения, столь пламенно озвучиваемые итальянским правительством.

Нельзя поставить под сомнение тот факт, что внезапная энергия, с которой действует Италия и благодаря которой она достигает относительно быстрых успехов, свидетельствует о планах на экспансию, которые с течением времени могут привести к серьезному противостоянию с Австро-Венгрией.

Несомненно, у нас есть жизненный интерес в том, чтобы привлечь к себе Албанию: с одной стороны, чтобы использовать ее как заслон против движения Великой Сербии, в равной степени опасного как для них, так и для нас. С другой

стороны, чтобы помешать Италии укрепиться на восточном адриатическом побережье, мы не должны в будущем пренебрегать даже самыми незначительными факторами. Лишь так с течением времени мы сможем успешно предотвратить проникновение в Албанию влияний, вредоносных для нашей политики. Лучшее средство для этого — систематическая и более решительная помощь формированию албанской нации. Чтобы наша помощь была результативной, она должна охватывать все части страны и представителей всех трех вероисповеданий.

ВСПОМИНАЯ ТЕОДОРУ ТОЛЕВУ

В дополнение к публикуемой книге несколько личных впечатлений о ее авторе. Мы познакомились в октябре 2005 г. в Вене в историческом здании Австрийского государственного архива на Минорите-платц, основанного в 1749 г. правительницей земель Австрийского дома Марией Терезией, когда Теодора работала над своей диссертацией по истории албанской нации. Неожиданно в коридоре она обратилась ко мне с вопросом: «Вы говорите по-русски?» В последующие три недели мы общались почти каждый день — всегда на русском языке, потому что Теодора, если могла, старалась говорить с человеком на его родном языке. А владела она английским, французским, немецким, испанским, каталонским, португальским, итальянским, сербохорватским. Рассказывала, как в конце 1970-х — начале 1980-х годов, на излете советской эпохи, не очень хотела учить русский язык, который был обязательным предметом в болгарской школе (двойки по русскому воспринимались тогда как своеобразная форма политического протеста), а теперь жалеет об этом. Но знаний, полученных в школе, оказалось более чем достаточно: Теодора говорила по-русски совершенно свободно. До сих пор в ушах звучит ее фраза с характерной интонацией: «Мы все сделаем, не переживай. Никакова проблема!» Казалось, что все ей дается очень легко.

Это была красивая молодая женщина, очень жизнерадостная и жизнелюбивая, которая знала толк в еде, в путешествиях, в искусстве; очень дорожила своей семьей и друзьями; страстно влюблялась; увлеченно занималась наукой; отзывалась на чужую беду. Человек, так или иначе попадавший в орбиту ее внимания, сразу оказывался окруженным заботой, причем де-

лала она это совершенно бескорыстно и с необыкновенной щедростью.

Гостеприимство Теодоры мне в полной мере удалось ощутить в 2007 г., когда она пригласила меня к себе в Барселону. Наше общение на расстоянии было почти не связано с работой, хотя обе готовили диссертации и постоянно желали друг другу успешно дойти до финиша в этом нелегком деле. 16 апреля 2008 г. в университете Барселоны у Теодоры состоялась долгожданная защита, которая прошла успешно. Она была удовлетворена, что такой важный этап в научной жизни наконец пройден.

В последний раз мы виделись в начале мая 2010 г. в Вене, попрежнему в любимом архиве. У Теодоры уже была новая тема, никак не связанная с предыдущей: эмиграция аристократических семей из Испании в Австрию после Войны за испанское наследство (1701–1714). Как всегда, она работала с большим энтузиазмом, поскольку тема была совершенно не изучена и ей вновь удалось найти интересные, не введенные в научный оборот документы. Читать их было непросто, но и с немецкой скорописью начала XVIII в. ей удалось справиться.

В день рождения Теодоры 29 августа 2010 г. мы разговаривали в последний раз. Она веселилась где-то с друзьями, и мы условились созвониться через некоторое время. Но на поздравительные звонки и письма в наступавшем 2011 г., как и на все последующие, она уже не отвечала. Как и многим другим, мне стало известно о болезни Теодоры только после ее ухода 8 октября 2011 г.: вероятно, она хотела, чтобы близкие и дальние запомнили ее счастливой и полной сил.

Выход этой книги на русском языке, подготовленной к печати усилиями многих людей, — лучшая память, которая может остаться о Теодоре как об исследователе и человеке.

Мария Александровна Петрова,
к.и.н., с.н.с. Института Всеобщей истории РАН

Научное издание

Толева Теодора

АВСТРО-ВЕНГРИЯ
И СТАНОВЛЕНИЕ АЛБАНСКОЙ НАЦИИ

Редактор к.ф.н. *Д.А. Завельская*
Верстка *Л.Х. Матвеевой*

Подписано в печать 07.11.18 г.
Формат 60 90/16.
Усл. печ. л. 31,5. Тираж 500 экз.

Институт славяноведения РАН
119334 Москва, Ленинский проспект, д. 32-А
Тел.: +7 (495) 938-17-80; факс + 7 (495) 938-00-96.

ISBN 978-5-7576-0422-0